

— Нет, мама, не отдавай меня!

Темноволосая девочка лет десяти в стареньком платье, заштопанном на локтях, вцепилась в руку миловидной, но бледной и изможденной женщины.

Мать и дочь стояли у высоких кованых ворот. Девочка молчала всю дорогу, зная, какая судьба ожидает ее. Молчала, потому что понимала, что только ее согласие спасет от голодной смерти маму и братишку, и все-таки у входа в Институт решительность ей изменила.

Однако даже сейчас она не заплакала, только провела тыльной стороной ладони по покрасневшим глазам. Женщина и сама кусала губы, чтобы удержаться от слез. Она присела на корточки рядом с дочерью, взяла ее за плечи и заглянула в глаза.

— Я знаю, что тебе страшно, Вертрана. Неизвестность всегда пугает. Но я уверена, что там не так плохо, люди любят преувеличивать. У тебя появятся новые подруги, хорошая еда, одежда...

— Мама! — с отчаянием перебила Вертрана. — Зачем мне это все, если в конце концов я стану рабыней!

Губы молодой женщины дрогнули.

— Ты станешь магиссой! Прекрасной и могущественной...

— Игрушкой знатного лорда, его собственностью!

Мать побледнела и слегка встряхнула дочь.

— Где ты набралась этих ужасных выражений, Верта?

Девочка всхлипнула, но посмотрела в ответ без тени раскаяния.

— Все это знают!

Пару мгновений Вертрана дерзко глядела на мать, и та в конце концов опустила глаза.

— Прости меня, Верта.

Она обняла дочь, прошептала в маленькое ухо:

— Надеюсь, однажды ты поймешь меня... Будь сильной девочкой. Никогда не сдавайся, как бы ни было тяжело, а если упала, то поднимайся и снова иди вперед. Они попытаются сломить твою волю, выдрессировать, как ручного зверька, а однажды появится тот, кто захочет заполучить твоё тело и твою душу. Так вот, запомни: твоя душа принадлежит только тебе!

С этими словами женщина взяла ладонь дочери и приложила ее к створкам ворот. Раздался тонкий мелодичный звон, будто одновременно прозвучали десять хрустальных колокольчиков, железо засветилось изнутри, разгоняя вечерний сумрак.

Послышался шум отворяющейся двери. С крыльца светлого пятиэтажного здания спустилась женщина в чепце, темном платье и переднике и отправилась к воротам.

В глубине сада скрывались другие постройки, и очень часто городские ребятишки, прижав лица к решетке ограды, пытались разглядеть их, но видели только серые стены да тускло светящиеся в вечернее время окна. Да и сама Верта вместе с чернявым Митром, своим закадычным дружкой, частенько всматривалась в гущу деревьев и гадала вслух, какие же тайны скрывает Институт магисс.

— У-у, — шипел Митр, — а вот там, смотри, смотри... Жуткий такой сарай! Там черной магией лишают девиц их естества...

— Да что ты глупости говоришь, дурачок!

— Сама такая! Ты ведь знаешь, что магиссы не могут иметь детей, они только служат господину и все желания его выполняют.

Верта огрела хохочущего Мирта по уху, а про себя порадовалась, что ей никогда не придется переступить порог этого жуткого места. Никогда, никогда! И она вырастет, выйдет замуж за любимого, родит детей... Но тогда еще был жив папа, содержащий небольшую обувную лавку. У них

был дом. А мама не плакала по ночам за стенкой, надеясь, что дети не услышат.

Верта не знала, зачем именно сейчас всплыл в памяти тот разговор про жуткий сарай. Но смотрела, как приближается к ней худощавая фигура в чепце и переднике, и понимала, что еще секундочка — и вся ее жизнь разделится на до и после...

Женщина подошла к воротам и взгляделась в лица просителей. Сначала посмотрела на мать, потом на девочку. Верта надеялась увидеть хотя бы тень улыбки, но прислужница смотрела строго и сжимала тонкие губы.

— Это ваша дочь?

— Да, да...

Мать полезла в холщовую сумку, видимо, за документами, но женщина остановила ее, подняв ладонь.

— Не нужно. Достаточно ваших слов, у этих ворот любая ложь делается явной. Они откликнулись на зов, значит, у девочки есть магия, но хватит ли ее для обучения — покажет проверка. Ждите здесь. Мы вернем ее через час, если не подойдет.

Прислужница взялась за створку, и ворота легко приоткрылись ровно настолько, чтобы пропустить худенькую Вертрану.

Мать шагнула было за ней, но женщина бесцеремонно толкнула ее в грудь.

— Ждите!

— Ее зовут Вертрана! Вертрана Анелли.

— Вертрана. Хорошо. Но фамилии у нее больше нет. Выпускницы получают фамилию того дома, к которому в свое время будут принадлежать.

Верта крепилась из последних сил, чтобы не разреветься, как малявка. Еще в прошлом году она могла позволить себе капризы. Могла топтать ногой и требовать сладости или новое платье, и тогда папа, ее большой и добрый папа, смеясь, обнимал дочь, сажал на колени и обещал, что обязательно купит все, что пожелает его фея, как только продаст еще одну пару сапог или туфель.

Прислужница крепко ухватила девочку за запястье и повела за собой. Верта беспомощно оглядывалась, ужас совершенно парализовал ее, она едва могла переставлять ноги.

— Да шагай же ты, бестолковая!

Женщина дала новенькой подзатыльник, совсем легкий, чтобы привести в чувство, но Верта поняла, что тычки и оплеухи здесь привычное дело. Удивительно, но это придало ей сил. Если уж ей предстоит учиться тут семь лет, то лучше не давать повода относиться к ней как к девочке для битья.

Верта набрала в грудь воздуха и преодолела ступени.

Она ждала, что за порогом сразу очутится в загадочном и, наверное, жутком месте, но оказалась в небольшом холле, откуда расходились в обе стороны коридоры и вели вверх две лестницы из коричневого дерева.

— Жди здесь! — приказала женщина.

Она усадила Верту на банкетку у камина. Стояла осень, и озябшая Верта рада была бы погреть руки у огня, но камин не горел. Видно, его не топили очень давно — он был очищен от золы и закрыт решеткой. Поэтому девочка подула на заледеневшие пальцы и спрятала кисти рук в рукава.

На прошлой неделе они с мамой продали последние теплые накидки, чтобы купить дров. Из-за промозглого холода в подвальной комнатке, куда они перебрались после того, как отец умер, а обувную лавку отобрали за долги, маленький Тим стал нехорошо кашлять, а потом и вовсе слег.

Было ясно, что дров надолго не хватит, а продавать им больше было нечего. Три дня назад Верта подошла к маме и предложила отвести ее в Институт. Это ей казалось тогда единственным спасительным решением. И вот, поди-ка, уже у самых ворот смалодушничала. Вертрана вспомнила Тима, заходящегося в кашле, и устыдилась. Нет, надо приложить все усилия, чтобы пройти положенные испытания. Маме выплатят компенсацию, тогда она сможет купить участок земли с домиком. Земля прокормит...

— Здравствуй, Вертрана!

Громкий голос раздался так внезапно, что Верта вздрогнула и принялась озираться.

В дверях стояла высокая худая женщина в черном платье до пола, на плечах ее лежала белая меховая шаль, и казалось, будто вокруг шеи незнакомки свернулся пушистый зверь. Темные волосы с ниточками седины были собраны в строгую прическу.

— Здравствуйте! — пискнула Верта и потупилась.

Конечно, она узнала директрису. Городские ребятишки всегда до колик боялись эту страшную женщину и убегали от ворот, едва завидев.

— «Здравствуйте, госпожа Амафрея», — ледяным тоном поправила директриса.

Она оглядывала скукожившуюся Верту, брезгливо поджав губы.

— Сколько тебе лет? Мы не принимаем девочек младше одиннадцати. На вид тебе меньше.

— Мне одиннадцать!

Госпожа Амафрея выдержала паузу, во время которой Верта почти уверилась в том, что сейчас ее выставят за дверь, однако директриса молча подошла к лестнице и стала неторопливо подниматься на второй этаж.

Верта опешила было, но тут из коридора выбежала знакомая прислужница и, схватив девочку за воротник, да так, что тот затрещал, поставила на ноги и прошипела:

— Иди следом! Быстро!

*** 2 ***

Дубовые двери кабинета распахнулись перед госпожой Амафреей, а потом стали медленно закрываться, когда та переступила порог. Вертрана, поднажав, едва успела проскочить следом.

Директриса делала вид, что не замечает девочки, а та терялась в догадках. Может быть, прислужница ошиблась и здесь ей не место? Или уже началось испытание, смысла которого она не понимает?

Магия у Верты была слабенькая, ее едва хватало на то, чтобы сотворить красивых бабочек для того, чтобы развлечь Тима, да создать иллюзию огня в камине, который, конечно, никого не мог согреть. Ее магия была вроде фокусов, которые показывают заезжие балаганщики. Толку чуть, одно баловство. Папа, правда, всегда радовался дару дочки и называл ее своей маленькой феей.

Люди, обладающие магией, появлялись на свет довольно часто. Другое дело, что их способности обычно затухали к подростковому возрасту, как любые другие способности, если их не развивать. Детей предпочитали отдавать на обучение в лавки пекарей и кожевенников, сапожников и портных. Тут уж точно голодным не останешься, уже через год-другой профессия окупится. А для того, чтобы выучиться магическому искусству, требовалось не меньше семи лет. Поэтому в Академии магии обучались выходцы из обеспеченных аристократических семей, и только мужчины.

Однако существовало и учебное заведение для девочек — Высшие магические курсы, получившие в народе другое название, которое прижилось гораздо лучше, «Институт магисс».

Институт был местом закрытым и таинственным. Каких только слухов не ходило о том, что происходит за его стенами. Девочек сюда брали из любых сословий, вот только переступив порог учебного заведения, юные институтки навсегда оставляли свои семьи. Родителям выплачивали компенсацию, и девочка переходила под опеку института на долгие семь лет.

Но даже когда обучение заканчивалось, новоиспеченные магиссы не получали долгожданной свободы. Увы, отныне свобода для них была недостижимой и сладкой мечтой.

На последнем году обучения в Институте устраивали смотрины, где присутствовали влиятельные люди со всего королевства. Они приходили, чтобы выбрать себе помощницу и навсегда увести в свой дом. Выпускницы превращались в собственность лордов, становились их безмолвными игрушками, выполняющими любые прихоти своих господ.

— Подойди, Вертрана! — резкий голос выдернул девочку из печальных раздумий.

Она приблизилась к госпоже Амафрее. Та стояла у стола, загородив спиной какой-то предмет.

— Оглянись. Что ты видишь?

Верта огляделась, и, как бы ни было ей сейчас грустно, детское любопытство оказалось сильнее

горечи. Ее глаза широко распахнулись, а щеки порозовели.

В кабинете директрисы вдоль стен на полках, что заполняли пространство от пола до потолка, теснились разные диковинные предметы. Их было так много, что взгляд не успевал охватить все сразу. Крошечные домики, корабли и кареты, исполненные так детально, что казались реальными. Склянки и банки с заспиртованными в них невиданными существами. Чучела зверей и птиц. Друзы с драгоценными камнями. Магические шары с предсказаниями. Говорящие книги, сейчас запертые на замок. И еще масса невероятных вещей.

— Я вижу... — У Верты не нашлось подходящих слов. — Столько всего!

— Где-то на этих полках есть булавка с головкой из горного хрусталя. Принеси мне ее.

Булавка! Да где же ее найти? Это ведь все равно что отыскать иголку в стоге сена! Однако Верта спорить не стала и направилась к ближайшей полке. Сделала шаг-другой и вдруг остановилась.

Ей почудилось, что она услышала зов. Тоненький голосок звал ее к себе. Он раздавался с самой верхней полки у двери.

Верта потянулась было, но поняла, что роста не хватит. Под спокойным, даже холодным взглядом госпожи Амафреи она подтащила стул, взгромоздилась на него и зашарила рукой по полке у себя над головой.

— Ай!

Булавка больно уколола палец. Верта хотела облизнуть ранку, как делала это всегда, но директриса перехватила ее руку и поволокла девочку за собой к столу.

На месте прокола набухла капелька крови, и госпожа Амафрея бесцеремонно прижала пострадавший палец Верты к гладкому черному шару, который выточен был, кажется, из куска обсидиана.

— Ой! — снова не сдержалась Верта.

Шар вдруг загорелся, точно газовая лампа, ярким, ровным синеватым светом. Верта впервые увидела, как подобие улыбки тронуло губы директрисы, словно она была чем-то невероятно довольна.

— Аквамарин... — пробормотала она. — Редкость...

Потом посмотрела на девочку, и глаза ее снова сделались холодными.

— «Ой» и «ай» — слова, недопустимые в этом заведении. Теперь вы воспитанница Высших курсов и должны вести себя соответствующе... Впрочем, чего я хочу от дочки башмачника. Всему свое время...

Верта сначала разозлилась на «дочку башмачника», и только потом до нее дошел главный смысл сказанного: госпожа Амафрея назвала ее воспитанницей! Значит... ее приняли!

Сердце тоскливо сжалось.

Директриса позвонила в медный колокольчик, и скоро в кабинете появилась прислужница, на этот раз другая, только наряд остался неизменным — чепец, платье и передник.

— Приведите ко мне женщину, стоящую у ворот, — велела госпожа Амафрея.

Директриса позвонила во второй раз, теперь уже в стеклянный колокольчик, и в ответ на его звонкий голос на пороге возникла девушка в длинном синем платье без украшений. Плечи закрывала пелеринка, волосы были собраны в гладкую прическу. Верта заметила на шее девушки черную повязку с серебряными письменами и удивилась: она никогда не видела таких странных украшений.

Девушка присела в поклоне и замерла, опустив глаза в пол.

— Андра, сопроводи новенькую в розовую спальню. Я отдаю ее под попечительство госпожи Гран. Занятия младших классов как раз должны закончиться.

Госпожа Амафрея подтолкнула оробевшую Верту в сторону Андры.

— А можно мне напоследок увидеть маму? — встрепенулась девочка. — Я хочу попрощаться!

— Нет, — бесстрастно ответила ледяная госпожа директриса. — Теперь я тебе буду и матерью, и

отцом. Будь послушна, и тогда мне не придется тебя наказывать.

— Но...

Андра, которая незаметно подошла и встала за спиной Вертраны, дернула ее за руку.

— Идем, — прошипела она. — Быстро!

Верта поплелась за девушкой, изо всех сил сдерживая слезы. Сейчас мама подпишет договор, получит мешочек с тремя десятками королевских золотых монет и навсегда покинет Институт. А Верта никогда-никогда ее больше не увидит.

В коридоре, где взгляд госпожи Амафрей уже не мог их достать, Андра вдруг остановилась и погладила Верту по голове.

— Ну, не реви! Если бы ты продолжила канючить, то напросилась бы в карцер. А то и пару ударов розгами заполучила бы! Сухарь скоро на расправу.

— Сухарь?

Андра быстро огляделась, наклонилась к лицу Верты и улыбнулась. Улыбка у нее была хорошая, человеческая.

— Мы так директрису называем. Только, чур, никому!

Верта невольно улыбнулась в ответ. Может быть, все здесь действительно будет не так плохо!

— А ты кто?

— Я? Воспитанница последнего курса, весной будет выпускной. Ну идем же...

Андра повела девочку за собой по лестнице. Они миновали третий этаж, четвертый и поднялись на пятый. Здесь и находились спальни младших воспитанниц.

Розовая, стены которой были окрашены в этот цвет, пока пустовала. Верта не знала, что она надеялась увидеть, но все же была неприятно удивлена аскетизмом спальни. Здесь стояло десять кроватей, рядом с каждой находилась тумбочка. Стены пустые, а на голом дощатом полу ни дорожки, ни коврика.

— Будешь спать там.

Андра указала на незаправленную постель. На тонком тюфяке были сложены горкой серое одеяльце и плоская подушка.

Верта присела на край кровати.

— Можно я спрошу тебя?

— Да, конечно, — доброжелательно ответила Андра.

— Это украшение у тебя на шее... Я таких прежде не видела.

Андра побледнела и потеряла шею, будто бы темная лента душила ее. Однако ответила:

— Это не совсем украшение... Это знак того, что меня выбрали. Лента и символы на ней говорят о том, что скоро я буду принадлежать дому Ригель.

Верта сжалась. Она впервые столкнулась с доказательством того, что все, что она слышала об Институте, правда.

— Тебе страшно? — тихо проговорила она.

Андра улыбнулась, вот только на этот раз улыбка вышла натянутой, фальшивой.

— Род Ригель богат и знатен, а лорд Симус наследник дома. Я очень рада, что буду служить ему.

Андре не удалось провести свою маленькую знакомую. Верта сидела, опустив голову, моргала, пытаясь удержать слезы. Девушка осторожно приподняла ее лицо за подбородок.

— Выше нос! Иногда здесь бывает весело. А если ты полюбишь учиться и заведешь подруг, то каждое утро станешь просыпаться с радостью.

За разговором Вертрана не услышала шагов. Да и немудрено. В своей прежней школе Верта

привыкла к тому, что на переменах ученики с шумом и гамом носились по коридору, здесь же воспитанницы передвигались так тихо, что об их возвращении стало известно лишь тогда, когда дверь в спальню открылась и вошли восемь девочек в одинаковых розовых платьицах с белыми пелеринками. Их сопровождала пожилая женщина, видимо, та самая классная дама. Вертрана вскочила на ноги.

— Госпожа Гран, - Андра поклонилась, - Госпожа Амафрея передает под вашу опеку воспитанницу Вертрану.

Она тихонько подтолкнула Верту, давая понять, что надо поклониться. Та сделала книксен, как смогла. Госпожа Гран смотрела с нескрываемым презрением.

— Да-а, — протянула она. — Этот камешек еще долго придется шлифовать, прежде чем выйдет что-то путное. Располагайся, дитя. Я принесу одежду и постельное белье.

Стоило классной даме выйти за дверь, как Верту окружили девочки. Вертрана уже решила, что их здесь так вышколили, что они только и умеют, что ходить по струнке. Но, оставшись без надзора, воспитанницы повели себя как обычные девчонки. Некоторые улыбались, другие смотрели с любопытством.

— Как тебя зовут? Ты из какого сословия? Почему тебя отдали? — спрашивали они наперебой.

Рыжеволосая курносая пышечка тут же принялась приглаживать растрепанные темные локоны Верты, и сразу стало понятно, что рыжуля здесь самая заботливая и добрая. Да еще и болтушка.

— Значит, ты Верта? А меня зовут Мей. Ты не бойся, ничего не бойся. Ты привыкнешь. Вечером пойдем на прогулку в сад! А завтра, представляешь, будет практикум по магическим исцелениям. Я так люблю занятия у профессора Алеба!..

— Да помолчи ты! — прервала ее блондиночка, высокомерно задрав хорошенький носик. — Ты совсем ее заговорила!

Потом снисходительно улыбнулась растерявшейся Верте.

— А меня зовут Эйлин. Если хочешь, можешь со мной дружить.

Андра напоследок потрепала ее по голове.

— Видишь, все будет хорошо. Не грусти.

Так началась новая жизнь Вертраны.

Не успела она и глазом моргнуть, шесть лет пролетели, как один миг. Наступил последний, выпускной — самый сложный — год...

*** 3 ***

— Верта, соня! Вставай! Дождешься, что сейчас сама Богомолиха придет тебя будить!

Эйлин подергала сонную Верту за косу, пощекотала нос перышком, вытащенным из подушки, и, не дождавшись реакции, просто уселась на подругу сверху и принялась тормозить.

— Элли, кыш! — пробормотала Верта, ворочаясь, чтобы стряхнуть вредную Эйлин.

Но не тут-то было. Элли оседлала ее, точно лошадку, хорошо хоть пятками не била в бока.

— Я вчера допоздна писала работу по артефакторике, — взмолилась Верта. — Пока вы с Мей, бесстыжие, дрыхли без задних ног!

— А нечего было хихикать на занятии господина Вира. Или надо было хихикать потише! Вот как мы с Мей. Тогда бы ты не получила дополнительного задания. Сама виновата!

Верта, фыркнув, наконец сбросила с себя неугомонную Эйлин, но в этот самый миг в спальню стремительно вошла госпожа Гран, прозванная Богомолихой не столько за сухопарую фигуру, сколько за кровожадность. Когда Верта увидела ее в первый раз, вечно невозмутимое лицо наставницы ввело девочку в заблуждение. Она решила, что классная дама женщина спокойная и рассудительная. Но, получив на первой же неделе своего пребывания в Институте и сутки карцера, и три удара розгами, маленькая Верта впредь была осторожна.

Девочки так наловчились обманывать Богомолиху, что почти всегда избегали наказания. Теперь же, на последнем курсе воспитанниц редко подвергали порке: а то как внезапно заявятся лорды, а будущие магиссы все в синяках, и на смотрины таких выставлять совестно.

— Вертрана, золотце, почему мы до сих пор в постели? — обманчиво доброжелательным голосом поинтересовалась госпожа Гран. — Тебе нездоровится? Может быть, стоит отвести тебя в лазарет?

Вертрана изобразила одну из своих самых лучезарных улыбок.

— Вы так добры, госпожа Гран. Так заботитесь о нас. Родная мать не смогла бы лучше. У меня действительно немного кружилась голова, но милая Эйлин приободрила меня добрым словом, и теперь я полностью готова к занятиям.

— Я очень рада, милочка, — голос Богомолихи сочился медом. — Тогда, вероятно, уже через пять минут я увижу тебя, Эйлин и Мей у двери спальни, чтобы вы и другие девочки, которые вас уже заждались в коридоре, смогли отправиться в столовую на завтрак. Иначе, как это ни прискорбно, на занятия вам придется пойти голодными.

Едва за госпожой Гран закрылась дверь, как Верта подскочила на кровати, протерла глаза и побежала к кувшину умываться. Мей поспешила на помощь.

— Вот так всегда, — ворчала между тем Эйлин, заправляя постель подруги. — Верта чудит, мы прикрываем...

Она достала из шкафа платье, приготовила ленты, чтобы вплести их в волосы Вертраны, протерла кусочком ветоши туфельки.

— Не ворчи! — отозвалась Верта, которая так активно плескалась водой, что брызги летели во все стороны. — А кто неделю назад пробрался в столовую? А украденный хлеб мы с Мей прятали потом, извините за подробности, едва ли не у себя на груди.

Эйлин пожала плечами, мол, кто бы это мог быть? Тихая, спокойная Мей, которая попадала в неприятности только благодаря подругам, лишь вздохнула.

Совместными усилиями на Верту натянули платье, волосы собрали пучком на затылке — на косы уже не оставалось времени, — и все трое вылетели за дверь на последней секунде.

Госпожа Гран разочарованно поджала губы.

— За мной, — скомандовала она.

Девушки, как это было заведено, построились парами и двинулись следом за классной дамой.

Верта с ужасом вспомнила, как нелегко ей поначалу давалась плавная, грациозная походка. Для обучения надевали громоздкие деревянные башмаки, которые стучали по паркетному полу, точно два молота, стоило шагнуть неловко или чуть быстрее положенного. Маленькая Верта искусала губы в кровь, стараясь делать аккуратные, небольшие шажки.

Теперь восемнадцатилетняя Верта скользила в окружении подружек так же легко и изящно, как они.

Вниз по лестнице уже спускались другие группы воспитанниц. Тоненькие фигурки, белые пелеринки на плечах, плавная походка, высоко поднятые головы. Девочки были похожи, точно сестры. Их отличали только цвета платьев, по которым сразу можно было определить, с какого они курса.

В том году, когда в Институт пришла Вертрана, набирали розовую группу. Среди воспитанниц их называли «розовочками». Теперь они были выпускницами. Чуть ниже по лестнице спускались «голубки» — девочки на год младше. Позади топали в деревянных башмаках малышки-«чайники» в коричневых платьицах, набор этого года. Были еще зеленые «листки», желтые «одуванчики», серенькие, а оттого отчаянно завидующие более ярким воспитанницам «камешки» и наконец беленькие «снежинки».

— Овся-анка, — наморщив нос, протянула Эйлин, расположившись на своем месте за длинным столом.

— Если не хочешь, я съем! — с готовностью откликнулась Мей.

От ее былой пухлости не осталось и следа. Верте тяжело было вспоминать, каким образом Богомолиха превратила круглощекую девочку в тоненькую тростиночку, какой рыжуля стала теперь. Она просто не давала ей есть. Порции еды и так были крошечными. Видно, попечители считали, что будущие магиссы должны питаться солнечным светом да былинками, но юные растущие организмы требовали пищи по три раза в день. Напрасно мама Верты надеялась, что теперь дочь всегда будет сыта. Хотя, конечно, она не голодала, но и не наедалась досыта. Утром маленькая тарелка каши с тоненьким ломтиком ржаного хлеба, в обед тарелка жидкого супа на

первое, кусок отварного мяса или рыбы с простым овощным гарниром на второе, на ужин яйца, сыр и хлеб. Меню было однообразным и простым. «Излишества вредны юным девам!» — говорила иногда директриса. Сладости давали редко, только по праздникам.

Так вот, кроткую пышечку Мей оставили и вовсе без еды. Утром ей выдавали стакан несладкого чая, в обед суп, на ужин сваренное вкрутую яйцо. Она проглатывала еду за минуту, а потом беззвучно плакала, глотая соленые слезы.

У Вертраны и Эйлин тоже сосало под ложечкой от постоянного недоедания, но все же они нашли в себе силы сохранять по половине ломтика хлеба для своей несчастной подруги. Спустя месяц щеки Мей ввалились, и тогда бесстрастная Богомолиха разрешила ей питаться так же, как остальным. Однако Мей с тех пор никак не могла наестся.

— Сама справлюсь! — откликнулась Эйлин на предложение Мей. — Я просто больше люблю ячменную, она сытнее.

Как бы ни хотелось растянуть завтрак подольше, смаковать каждую ложечку, откусывать от хлеба небольшие кусочки и запивать маленькими глотками ароматного чая, время приема пищи было ограничено: не успела, значит, останешься голодной до обеда.

— Строимся, строимся! — то и дело раздавались голоса классных дам.

Выпускному классу давали дополнительно десять минут, поэтому «розочки» гордо, но в то же время сочувственно поглядывали на других воспитанниц, особенно на «чайнок». Некоторые малышки рыдали от голода, их, как раньше Мей, посадили на жесткую диету.

— Хорошо быть выпускницей, — прощепетала Лора.

Она аккуратно сложила салфетку и чуть откинулась назад, продолжая держать спину прямо. Хорошенькая Лора всегда вела себя так, будто уже сейчас находится на смотринах и на нее направлены десятки изучающих и пристальных взглядов. Все знали, что Лора мечтает стать магиссой дома Таурис — одного из могущественных, древних, знатных родов. Его наследник, Финер, собирался в этом году выбрать себе помощницу.

Верта не осуждала наивную Лору. Многие из воспитанниц Института к последнему году обучения смирились со своей судьбой. Если уж все равно придется сделаться чьей-то собственностью, так не лучше ли самой выбрать себе золотую клетку?

Иногда Верта думала, что и она смирилась. А иногда они с Эйлин и Мей позволяли себе невозможные, глупые мечты о том, что однажды их жизни чудесным образом изменятся. Их полюбят вопреки всем законам и догмам. Возьмут замуж. Позволят иметь детей...

Верта вздохнула, прогоняя мысли, от которых становилось муторно на душе.

*** 4 ***

Первым предметом сегодня стояла артефакторика, вел ее господин Вир. Когда Верта была младше, учитель казался ей совсем древним столетним стариком. К тому же он был сгорбленным и седым, иногда, устав стоять, он тяжело опускался на скрипучий стул. Взгляд голубоватых, почти прозрачных глаз, однако, оставался пронзительным и живым.

Господин Вир не был магом, как некоторые другие учителя, скорее историком, но иногда Вертрана думала, что кое-какими магическими способностями он точно обладает, как иначе объяснить, что он всегда уличал Верту, едва та пыталась немножко пошалить или отвлечься от занятия. Только ее, кстати. Не помог даже «купол тишины», который Верта научилась ставить, обнаружив в библиотечной книге старое заклинание.

Мало того, что купол не помог, так учитель еще и пожаловался Богомолихе на то, что воспитанница незаконно использует магию в Институте. Это было на третий год обучения, девочки только приступили к изучению артефакторики.

Тем же вечером классная дама вызвала Верту для беседы. Комната Богомолихи находилась рядом со спальней девочек, но госпожа Гран никогда не приглашала воспитанниц для того, чтобы поговорить по душам, узнать, что волнует ее подопечных. Наоборот, очень скоро девочки поняли: если Богомолиха пригласила к себе, то хорошего не жди!

— Детка, ты использовала магию на уроке? — доброжелательно спросила она у испуганной Вертраны. — Ты ведь помнишь правила. Магия применяется только на практических занятиях и только под присмотром учителя. Это ведь делается для вашей безопасности. А то недалеко и до беды.

Та, хоть и знала уже нрав воспитательницы, снова обманулась ласковым тоном.

— Извините, — прошептала она, опустив голову. — Я больше не буду. Честно. Это была шутка...

— Значит, признаешь?

Верта кивнула.

— Два удара розгами, голубка моя. Думаю, вполне достаточно для того, чтобы твоя хорошенькая, но глупая головка окончательно усвоила правила.

Вертрана вздрогнула, но промолчала. Она давно поняла: любые просьбы, уговоры могут только усугубить наказание.

Прислужница, вызванная звоном колокольчика, проводила Верту в специальную комнату. Комната была почти пуста, если не считать скамьи и ведра с водой, где отмокали розги.

Девочка поскорее стянула с плеч платье и легла, уткнувшись носом в гладкие доски. Порку провинившимся устраивала дежурная классная дама. Если везло, и дежурная оказывалась в хорошем настроении, воспитанницы получали едва ощутимые удары. Хуже всего было тогда, когда в комнату для наказаний наведывалась сама директриса.

В тот раз Вертрание не повезло. Сухарь не дрогнувшей рукой вlepила вместо двух ударов целых пять, а потом еще долго поучала перетрухнувшую, едва сдерживающую слезы воспитанницу.

— Вы, несомненно, знаете главные достоинства наших выпускниц? Смирение. Послушание. Прилежание. Вот три столпа, на которых покоится Институт...

Она еще долго что-то говорила, но у Верты так сильно кружилась голова, что она едва слышала нотации.

— Если желаете, чтобы в будущем вас принял к себе достойный и благородный дом, то должны заслужить это...

«Чтоб ты провалилась, старая карга! — думала Верта. — Больше всего я желаю сбежать отсюда и никогда не видеть ни тебя, ни Богомолиху, ни мерзкого учителя Вира...»

Она еле дотащилась до розовой спальни, не раздеваясь рухнула на кровать. Мей и Эйлин тут же присели рядом, выпрашивая, как все прошло.

— Пять ударов! — ахнула Мей, узнав, что Вертрана попалась госпоже Амафрее, и добавила шепотом: — Вот злодейка... Бедная ты...

— Ой, ладно! — фыркнула Эйлин, подтолкнув Верту локтем. — Тоже мне горе! Если будешь такой нежной-прилежной, то тебя лорды скушают и не подавятся. Надо только не попадаться, вот и все! А лордов мы потом сами приручим, да, девочки?

Вертрана даже приободрилась после этих слов. Они действительно стали осторожнее и почти не попадались больше на шалостях и проказах. А с господином Виром у Верты теперь была тихая война. Если чьих-то проделок он не замечал, то за темноволосой воспитанницей с нахальными глазами следил, как коршун.

Правда, на этот раз все прошло на удивление мирно. Доклад, который она писала ночью при свете крошечного шара-светлячка, остался без замечаний. Верта даже решила, что учителю нездоровится.

Вторым предметом в расписании стояло «Изготовление зелий, снадобий и отваров», но учитель, который вел занятия в прошлом году, уволился, а нового пока не нашли, поэтому во время урока девушки тихо сидели в классной комнате, повторяли пройденное.

— А что я слышала! — По дороге к классу их догнала Дейзи и добавила, сбавив тон: — У нас новый учитель на зельях! Говорят, симпатичный!

Эйлин хмыкнула, и Верта тоже отнеслась скептически. Симпатичный! Ну да, ну да! Впрочем, если ему еще нет ста лет, руки-ноги на месте и лицо не обезображено ужасными шрамами, то, пожалуй, можно считать его симпатичным.

Дело в том, что учителя проходили тщательный отбор. Хотя все они были мужчинами — ведь свободными магами в королевстве всегда были только мужчины, — госпожа Амафрея принимала в Институт либо дряхлых старцев, либо людей с отталкивающей внешностью. Все понимали почему: будь учителя чуть моложе и чуть симпатичнее, не обошлось бы без влюбленностей и трагедий.

— Ерунда! — Мей не поверила новостям. — Пусть даже симпатичный... Да будь он хоть первым красавцем, что с того? Нас-то наверняка выберет себе какой-нибудь мерзкий, жуткий старик...

То, что она достанется старику, было главным страхом Мей. Смотрины в Институте длились весь год. Лордов начинали приглашать, когда наступал второй месяц осени, Листопад. Совместные трапезы, прогулки, выходы в свет, балы. Представители благородных семейств приглядывались к будущим магиссам, решали, какую сумму готовы выплатить Институту.

Бывало и так, что кого-то из воспитанниц выбирали сразу и выкупали за несколько сотен золотых монет. Тогда девушка получала особенное украшение в виде повязки на шею с именем будущего покровителя. Как теперь понимала Вертрана, Андру тоже заприметили сразу. Лорд Симус из рода Ригель.

Почему-то маленькая Верта представляла наследника дома приятным юношей. Видно, ей просто понравилось имя. Но случилось так, что однажды беспокойной ветреной ночью в начале весны неразлучная тройца подруг решила совершить набег на столовую. Время от времени они пробирались через вентиляционную шахту на запертую кухню, где порой оставались обрезки хлеба.

Верта, Эйлин и Мей, наевшиеся и довольные, крались по лестнице к себе на этаж, когда услышали, что внизу что-то происходит. Раздавались тихие голоса, горели огни. Это сейчас-то, ночью, когда все воспитанницы должны лежать в своих постелях!

Любопытство оказалось сильнее страха, и три девочки осторожно спустились и залегли на площадке, спрятавшись за столбиками перил.

У выхода стояла Андра в теплой накидке, подбитой мехом, в хорошеньком капоре. У ног девушки стоял небольшой кожаный саквояж.

— Куда это она? — поразилась Эйлин. — Сбегает?

— Не, — покачала головой Мей. — Вон рядом с ней госпожа Синти, ее классная дама. А там, гляди, сама директриса!

Поодаль стояли и прислужницы, держа в руках светильники. Классная дама что-то говорила печальной, бледной Андры. Девочки прислушались, затаив дыхание.

— ...и помни, чему тебя учили. Прилежание, послушание, смирение. Тебе оказана великая честь, род Ригель принял тебя в свое лоно. Не подведи...

Речь госпожи Синти прервал мелодичный звон. Верта узнала его: именно такой звук издавали ворота, когда она положила на них руку.

— Приведите гостя! — велела госпожа Амафрея.

Одна из прислужниц присела в поклоне и вышла. Через несколько секунд дверь распахнулась, пропуская высокого грузного мужчину в черном пальто и шапке.

— К чему эта таинственность! — пробурчал он с неудовольствием. — Почему я должен забирать то, что по праву принадлежит мне, ночью, точно вор?

— Прошу вас, тише, дорогой господин Ригель, — прошептала директриса. — Вы разбудите девочек.

Верта даже не подозревала, что Сухарь может говорить таким нежным, таким приятным голосом.

— Дело в том, что мы всего лишь хотим уберечь других воспитанниц от порока зависти. Каждая из них мечтала бы оказаться на месте нашей ненаглядной Андры, поэтому мы передаем ее вам ночью. Ведь вы сами не хотели дожидаться выпускного вечера...

— Да, да, понимаю, — буркнул лорд Симус, сбавив тон.

Тонкая лесь госпожи Амафреи достигла цели. Он снял шляпу, стряхивая с нее дождевые капли, и тут девочки, спрятавшиеся на лестнице, увидели лысину с редкими волосами на затылке, обрюзгшее, какое-то помятое лицо, толстые губы и маленькие пороссячи глазки.

Наследник знатного рода выглядел как свинья, которой почему-то вздумалось нарядиться в пальто и притвориться человеком.

— Нравятся ли тебе подарки? — обратился лорд к Андры, которая стояла ни жива ни мертва.

И он по-хозяйски бесцеремонно пощупал ткань накидки, запустив толстые пальцы под мех на груди. Андра побледнела еще сильнее. Она изо всех сил боролась с собой, чтобы не отстраниться.

В закрытом Институте с воспитанниц не спускали глаз. Даже во время смотрин никто не имел права прикоснуться к выпускницам до тех пор, пока не была заключена сделка. А теперь незнакомый, по сути чужой мужчина получил юную девушку в свое полное распоряжение.

— Ну же, голубушка, не тушуйся, — проворковала госпожа Синти. — Ты ведь у нас всегда была послушной девочкой. Поцелуй ручку своему благодетелю.

Андра силилась сдержать слезы и часто моргала. Она присела в поклоне, пряча лицо.

Лорд Симус, усмехаясь, сунул ей свою пухлую руку.

— Поцеловала... — прошептала Мей. — Поцеловала эту пакость...

Эйлин толкнула подругу локтем в бок, чтобы та замолчала. Но всем троим было не по себе.

— Ну поехали, малышка, — пробурчал подобревший и разомлевший лорд Ригель. — Ночь заканчивается, а нам до утра столько всего нужно успеть.

У Верты не хватило душевных сил, чтобы кинуть последний взгляд на несчастную Андру.

«У меня будет не так... — уговаривала она себя. — У меня все будет совсем не так...»

*** 5 ***

Еще до того, как попасть в Институт, Верта ломала голову над тем, почему магиссы не сбегают от своих хозяев. Они могли бы скрыться, вести обычную жизнь, выйти замуж. Неужели прозябание в золотой клетке с нелюбимым человеком лучше свободы? Только потом девочка узнала, что магиссы связаны клятвой, снять которую не под силу никому.

В Институте шепотом пересказывали историю о том, как одна из выпускниц пыталась скрыться от могущественного лорда, своего хозяина. Говорят, тот бил ее и мучил, вот бедная девушка и не выдержала. Она даже разыскала брата, а тот укрыл ее в своем доме. Да только несчастная заболела в тот же вечер. С каждым часом ей становилось все хуже, пока брат сам на руках не принес ее к дому лорда, умоляя принять обратно.

— А что если мы сбежим прямо сейчас? — как-то спросила Вертрана у Эйлин.

Им было уже по пятнадцать лет, и Верта, поразмыслив, решила, что они могли бы устроиться в трактир подавальщицами, а то и служанками в богатый дом. Все лучше, чем ожидать уготованной им участи...

— Ты себя в зеркало видела? — вздохнула Элли. — Какая из тебя служанка? Да тебя вычислят в тот же день. Решат, что дочь аристократа подалась в бега...

Вертрана мимолетно взглянула на себя в зеркало: они как раз возвращались после занятий танцами. За пять лет, проведенные в Институте, она из сорванца превратилась в изящную, утонченную красавицу. Осанка, взгляд, поворот головы — все выдавало в ней благородство манер. Да уж, вышколили их знатно. Лучший товар...

— Ну и ладно! — горячо прошептала она. — Пусть вычислят. Какая им разница, кто станет прислуживать постояльцам или подавать суп?

Элли, обычно отважная, качнула головой. Верта и сама понимала, что это напрасные надежды: в Институте время от времени случались попытки побега, но всех беглянок возвращали назад меньше чем через сутки. А после «беседы» с госпожой Амафреей воспитанницы почти месяц приходили в себя в лазарете. Ходили потом притихшие и послушные...

В классе для зельеварений пахло травами и настойками. На партах, покрытых листами жести, над спиртовками грелись колбы, а рядом с учительским столом стоял высокий худощавый мужчина, одетый в черное.

Девочки рассаживались на места, привычно опустив глаза: им не дозволено было слишком откровенно пялиться на учителя. Но сейчас их разбирало жгучее любопытство — выходит, слухи не обманули и у них новый преподаватель.

Верта положила на край стола учебник, аккуратно открыла чернильницу и, не выдержав, бросила взгляд из-под ресниц.

Красавцем его определенно нельзя было назвать. Черты лица слишком резкие, нос будто у хищной птицы, а губы тонкие. Учитель разглядывал своих притихших учениц и отчего-то хмурился. И все же, удивительное дело, он не был ни стариком, ни уродом. «Значит, злодей! — решила Вертрана. — Другого бы Сухарь не выбрала!»

— Девушки, если вы посмотрите на меня, то не обратитесь в камень, за это я могу поручиться, — сказал он вдруг с усмешкой. — Надо же, а я-то не верил, когда мне говорили, что воспитанницы слишком застенчивы и никогда не поднимают глаз на преподавателя.

Верта переглянулась с Эйлин, с Мей, а после все трое поглядели на нового учителя.

— Можете называть меня мастер Ройм.

Мастер. Значит, учитель был магом. До этого дня всем магам, преподававшим в Институте, было на вид лет сто, а на самом деле еще больше. Как же все-таки директриса допустила до занятий мужчину, которому, скорее всего, едва перевалило за тридцать?

Загадка разрешилась сама собой.

— Я буду вести у вас занятия два-три месяца, пока госпожа Амафрея не найдет постоянного преподавателя.

«Вот оно что! — поняла Верта. — Он на замену!»

— А теперь давайте не будем терять времени и перейдем к занятию. Я посмотрел прошлогодний план и пришел к выводу, что он никуда не годится. Давайте займемся зельями, которые действительно могут понадобиться в жизни. Тема сегодняшнего занятия: «Сонные снадобья». Зажигайте горелки.

Верта, Эйлин и Мей сгрудились у стола и, делая вид, что возятся со спиртовкой, обменялись многозначительными взглядами. «Не урод!» — приподняла бровь Вертрана.

— Хорошенький такой, — прошептала вдруг Мей, и щеки ее покраснели.

Подруги даже оторопели от такого признания.

— Эй-эй! — одернула ее Элли. — Он. Наш. Учитель. А не лорд, пришедший на смотрины. Что-то еще добавить?

Мей кивнула. Ее пальцы, когда она пыталась высечь искорку, дрожали и не слушались. Верта сотворила на ладони крошечный огонек и зажгла фитиль.

Почти час девушки работали в полной тишине, прерываемой лишь размеренным голосом мастера Ройма.

— Две щепотки камеди... Наперсток толченых листьев валерианы... Лора, не торопитесь, здесь главное соблюдать пропорции. Теперь давайте вспомним, как мы концентрируемся и направляем энергию. Вдохнули глубоко... Сила намерения по шкале Фергюсона два-три балла.

Мей с силой намерения явно перестаралась. Зелье в пробирке закипело, перелилось через край и затушило огонек.

— Ничего, Мей, — подбодрил ее учитель. — Получится в следующий раз.

Ничего особенного он не сказал, но воспитанницы так привыкли к окрикам и замечаниям, что Мей сначала оторопела, а потом на ее бледной коже появились алые пятна.

Мастер Ройм ничего, конечно, не заметил, но Эйлин предостерегающе покачала головой. Если смущение Мей дойдет до Богомолихи, то нудных нотаций не избежать.

Когда урок наконец закончился и «розочки» вышли в коридор, Мей, раскрасневшаяся и растерянная, прислонилась к стене.

— Ой, девочки, меня ноги не держат... Сейчас упаду...

Верта и Элли подхватили ее с двух сторон под руки. Вертрана достала платочек, сотворила немного влаги, чтобы намочить его, протерла лоб Мей.

— Ты что? Что случилось?

— Ты не видишь? — Элли ответила вместо подруги. — У нашей Мей крыша поехала. Это, кажется, называется любовь с первого взгляда? Так вот, моя дорогая, и думать о нем забудь! Поняла? Лучше сразу, сейчас. Иначе потом тебе будет очень и очень плохо!

Они оттащили Мей к скамеечке и обмахивали до тех пор, пока рыжуля не пришла в себя. Раздался мелодичный хрустальный звон, сообщающий о том, что до начала следующего занятия осталось пять минут.

— Пойдем, Мей. Пойдем...

Следующее занятие — практикум по боевым заклинаниям — проходило в закрытом павильоне в саду, а туда надо было еще добраться. Поэтому Верта и Эйлин вновь подняли Мей на ноги и повели за собой.

В последние дни похолодало. Хотя до Листопада оставалась еще неделя, на улицу уже нельзя было выйти в одном платье. Девушки направились в раздевалку перед черным выходом. Лучшие накидки уже расхватали, пришлось довольствоваться тем, что осталось.

Верта, ворча, запахнула на груди накидку, в которую при желании можно было завернуть всех троих. Элли боролась со сломанной застежкой. Мей уже ожидала подруг, напялив на себя первое, что попало под руку. Эйлин, бормоча под нос что-то о наивных дурочках, деловито поправила на подруге накидку.

— Как же я не люблю эти боевые заклинания! — простонала Вертрана.

Она произносила эту фразу каждый раз перед практикумом, поэтому на нее уже никто не обращал внимания.

— Я ведь девушка, в конце концов, хоть и магисса! Почему я должна уметь сражаться?

— Чтобы защитить своего ненаглядного лордика в случае опасности, — фыркнула Эйлин. — Они ведь такие нежные, беззащитные!

Девушки рассмеялись и уже в приподнятом настроении отправились в павильон.

По дороге они столкнулись с Лорой, Дейзи и Аланой, которые, вместо того чтобы спешить на занятие, застыли посреди тропинки и что-то увлеченно обсуждали.

Заметив девушек, Дейзи помахала рукой, приглашая присоединиться.

— Что я знаю! — заговорщически прошептала она.

— Что же? — холодно поинтересовалась Эйлин, которая недолюбливала сплетницу Дейзи.

— На следующей неделе нам устроят первые смотрины!

Вертрану словно ледяной водой окатило! Она вдруг поняла, что совершенно к этому не готова. Одно дело знать, что теперь, когда она выпускница, это должно было случиться, и совсем другое — когда смотрины вот-вот станут реальностью. Их будут выбирать. Рассматривать, точно породистых лошадок. Устраивать испытания... Она едва не застонала от отчаяния. День был безнадежно испорчен.

— Ты знаешь, кто будет? — Элли не потеряла самообладания, хотя и она побледнела.

— Точно не знаю. Вдруг лорды из провинции? Не хотела бы я уехать в какое-нибудь запущенное загородное имение и потом выводить там мышей и тараканов... Но ходят слухи, что появится представитель знатного рода, приближенного ко двору... Знать бы заранее, кто это!

Верта ничего не желала знать. Она мечтала сбежать. Испариться. Уснуть на тысячу лет.

Эйлин смерила ее долгим взглядом.

— Беда с вами, девочки! Одна в обморок от восхищения едва не свалилась, другая готова в петлю лезть! Быстро взяли себя в руки! Если такая уж у нас судьба, что же теперь — вешаться?

*** 6 ***

Лицо мастера Широ, преподавателя боевых заклинаний, полностью закрывала темная ткань. Не оставалось даже прорезей для глаз. Впервые встретив учителя, Верта подумала, что он слеп, но очень скоро поняла, что ошиблась: видел он ничуть не хуже других, во всяком случае, тут же подмечал любую шалость.

В группе «розочек», когда воспитанницы еще были малышками, ходили самые разные слухи о загадочном преподавателе. Лора настаивала на том, что мастер Широ молод и, конечно, очень красив, потому Сухарь и запрещает ему показывать лицо. Но однажды Дженни и Алана во время прогулки в саду немного отстали от остальных девочек, а когда догнали своих, то выглядели перепуганными до смерти. Вечером, когда Богомолиха ушла в свою комнату, они рассказали о том, что заблудились, свернули не на ту тропинку и неожиданно вышли на небольшую лужайку.

Девочки увидели мастера Широ, стоящего к ним спиной. Он тренировался: одну за другой

отправлял огненные стрелы в обугленный и уже довольно потрепанный куст. Алана сказала, что у преподавателя были красивые каштановые вьющиеся волосы.

— А потом? — обрадовалась Лора, надеясь, что ее догадка насчет красоты и молодости подтвердится.

Дженни передернуло.

— А потом он обернулся. И оказалось... — Девочка понизила голос. — Оказалось, что у него нет лица. Оно будто оплавилось. Сгорело, как свечка. Ни носа, ни бровей, ни губ... Брррр...

Рано или поздно все воспитанницы узнавали, что мастер Широ был искалечен в битве у Звенящей реки. Многие маги тогда погибли, но все же королевство выстояло перед натиском кочевников. Вот только теперь преподаватель скрывал лицо, чтобы не смущать учениц.

Верта, Эйлин и Мей прибежали в павильон последними — задержались, обсуждая новость о первых смотрах. Их товарки уже разделились по парам и встали друг напротив друга.

— Только вас и ждем, — голос мастер Широ звучал глухо и недовольно. — Давайте на позиции.

Девушки, быстро скинув накидки, бросили их в общую кучу, а после трансформировали форменные платья в костюмы из темной гладкой ткани. Мей еще не совсем пришла в себя после потрясений этого дня, поэтому ее костюм получился розового цвета. Розочки захихикали. Впрочем, беззлобно, ведь за долгие шесть лет, проведенных бок о бок, воспитанницы стали ближе друг другу, чем родные сестры. Конечно, иногда они ссорились и ругались, но все-таки это была единственная семья, которую они знали.

— Тихо! — мастер Широ оборвал неуместный смех. — Сегодня отрабатываем заклятие «сеть», позволяющее обезвредить противника. Все помнят ступени? Давайте устроим поединок.

Каждое заклятие состояло из трех ступеней: слово, символ и сила намерения — основа любого магического воздействия. Верта до сих пор вспоминала, как на первом году обучения саднило горло от бесконечного повторения одних и тех же непонятных слов, как болели пальцы, которыми она чертила в воздухе замысловатые символы. А сила намерения по шкале Фергюсона едва достигала трех. Это было досадно. Силой намерения называли сам магический потенциал. Если он равен трем, то и маг, скажем прямо, никудышный. Вот и колдовала маленькая Верта на троечку. Учителя качали головами и делали какие-то пометки в журнале напротив ее имени.

— Бедная ты, бедная, — как-то пожалела ее Лора, которая уже в одиннадцать лет размышляла над тем, как бы лучше пристроиться в жизни. — Если сила не разовьется, отдадут тебя самому завалющему лорду в какой-нибудь медвежий угол. Будешь саранчу от посевов отгонять и на чердаке спать...

— Не слушай ее! — всплила Эйлин, — Ты пришла позже всех, поэтому у тебя пока троечка! Все будет хорошо, сила появится, вот увидишь! На шестерку, а то и на семерку.

— На десятку! — вдохновилась Верта.

— Ну ты ужхватила, — рассмеялась Элли. — Это только у могущественных магов на десятку.

К выпускному классу Вертрана дотянулась до семерки, а слово и символ в заклинаниях использовала машинально, так же легко, как пользовалась пером.

— Шохорос! — раздался хор голосов.

Кто-то опоздал на долю секунды и попал под заклинание соперницы. Мей, выступавшая в паре с Вертраной, кулем повалилась на землю, опутанная «сетью». Верта едва успела смягчить падение. Оглянувшись: на ногах кроме нее стояли Эйлин, Лора и Алана.

Во втором поединке выбыли Лора и Эйлин.

— Отлично, отлично. Молодцы, Вертрана и Алана.

Мастер Широ был скуп на похвалу, но поединки любил. Может быть, они напоминали ему дни молодости, когда он был хорош собой и полон сил. Верта в очередной раз пыталась представить то последнее противостояние, что так дорого обошлось магу. Видел ли он огненный шар, летящий в лицо? Почему не увернулся? Неужели не хватило сил?

— О чем задумалась, Вертрана? Вставай в позицию!

Верта поплелась к мастеру, рыхля носками туфельки слежавшиеся опилки. Надеялась, что учителя разозлит ее медлительность и он выберет соперницей Алану. Все равно выстоять против мастера

Широ у воспитанницы не было ни малейшей возможности.

— Поторопись, Вертрана. Что ты плетешься, как сонная муха?

— Я все равно проиграю, — еле слышно проворчала она.

За дерзость можно было лишиться ужина, но мастер Широ обычно не доносил на воспитанниц, а оставлял на дополнительные занятия, где они до головокружения отрабатывали сложные приемы.

— Конечно, проиграешь! — грубо ответил он. — Но не потому, что слаба. А потому, что не веришь в себя!

Верта, как и предполагала, воткнулась носом в опилки, но слова мастера Широ запомнила.

Вечером, готовясь ко сну, подруги принялись обсуждать новость, которую сообщила Дейзи.

— Как это будет? — спрашивала Мей.

Она помогала распустить косы Эйлин, но так волновалась, что только запутала пряди, пришлось Элли, шипя от боли, раздирать колтуны расческой.

— Как, как! — бурчала она. — Что ты как маленькая! Первая встреча всегда происходит в чайной комнате! Да не трясись ты, никто там тебя не съест и даже не покусает. Посидим чинно, мирно. Зато хоть пирожных поедим!

Сладкоежка Мей невольно улыбнулась, а вот Верту не обрадовали пирожные, хотя воспитанницы видели их только по праздникам.

— Как же я волнуюсь...

— Ой, и я, — созналась Дженни.

— И я... Просто жутко! — присоединилась Алана.

Верта лишь сейчас поняла, что в спальне царит необычная тишина: девушки думали о том, что это последний учебный год в Институте, что время пролетит быстро и совсем скоро каждая из них покинет розовую спальню, став личной помощницей лорда.

— Это ведь... навсегда... — сказала Мей и расплакалась.

Девушки окружили ее со всех сторон, гладили по рукам, нашептывали слова утешения, потом долго сидели на постели Мей, обнявшись. Молчали и вздыхали. Они давно обсудили все, что связано с их предназначением.

В первый год обучения они, наивные глупышки, говорили друг другу: «Мы будем лордам будто заботливые сестры, станем помогать им во всем». Верта никогда в это не верила, но повторяла следом за девочками: «Будто сестры...» И думала иногда: «Потому у магисс и нет детей, ведь откуда взяться ребенку, если лорд точно брат!»

А потом постепенно открылась правда. Лорды не вели себя со своими личными помощницами как братья, отнюдь нет... А для того, чтобы не появлялось детей, проводился специальный обряд «отречения». Никто толком не знал, в чем он заключается, а неизвестность и таинственность, связанная с обрядом, пугала. Незадолго перед выпускным вечером в Институт приезжали маги. Иногда трое, иногда четверо, ведь силы для обряда требовалось немало.

Магов селили во флигеле в глубине сада — маленькое, неказистое здание пустовало большую часть года. Только весной открывались ставни, а по ночам в окнах горел свет. Потемневший от времени дом от этого казался еще более зловещим...

Выпускниц вызывали во флигель по одной. Вернувшись, они никогда не рассказывали, что с ними делали.

*** 7 ***

В день первых смотрин занятия у выпускного класса отменили, но выспаться будущим магиссам не дали, подняли даже раньше обычного. С самого утра день заполнился суетливыми приготовлениями. Прислужницы, освобожденные от остальных дел, под строгим присмотром Богомолихи помогали «розочкам» готовиться к встрече.

Девушек отправили мыться, выдав вместо привычного серого мыла ароматное цветочное. Прислужницы, закатав рукава, терли нежную девичью кожу, ополаскивали длинные волосы травяным отваром, а после, закутав подопечных в подогретые полотенца, поили сладким чаем с

пряностями.

— А мне нравится такая жизнь, — млея Лора, пока девочка-прислужница, раскрасневшаяся от работы, натирала ей ступни маслом.

— Смотри, как бы тебе потом не пришлось своему лордику пяточки гладить, — остудила ее восторг Эйлин. — Только, боюсь, они не будут такими нежными, как у тебя. Заскорузлые, гадкие, мозолистые пятки.

— Фу-у, Элли! Ну почему тебе обязательно надо быть такой противной!

Однако мозолистые пятки будущего хозяина-лорда сейчас почему-то только позабавили выпускниц. Хохотала даже Мей.

Обед девушкам принесли прямо в спальню, чтобы им не нужно было одеваться и спускаться в столовую. Такого никогда прежде не случалось, и Верта вдруг почувствовала себя особенной, совсем взрослой. Подумать только, и года не пройдет, как она покинет стены, ставшие ей домом. Нельзя сказать, что она была счастлива в Институте, но было и много хороших моментов. И книги, и лучшие подруги, и растущая сила...

После трапезы прислужницы вернулись с нарядами, специально сшитыми для первых смотрин. В течение учебного года воспитанницы ходили в одних и тех же форменных платьях, сами штопали их или накладывали магические заплатки, но на платья для смотрин Институт не скупился: выпускницы должны предстать в лучшем свете.

— Быстро-быстро, девочки! — нервничала Богомолиха, поглядывая на часы. — Нас будут ждать в чайной в пять, а вам еще волосы укладывать.

Вертране впервые в жизни сделали взрослую прическу. Не косы вокруг головы или сдержанный пучок на макушке. Ее длинные темные волосы, струящиеся, точно шелк, распустили. Прислужница с раскаленными щипцами в руках приказала сидеть смирно и не шевелиться, не то «не ровен час обожжет барышню». Верта послушно замерла, глядя, как пряди ложатся на плечи мягкими волнами.

Волосы Эйлин, наоборот, собрали наверх, выпустив лишь один упругий локон. А к Мей, вот ужас, подступили с ножницами.

— Я не хочу! — пискнула она.

Мей прикрыла ладонями рыжие волосы, которые, несмотря на все усилия прислужниц, даже после натирания маслами вились мелким бесом. Госпожа Гран схватила ее тонкие руки и с силой опустила.

— Надо, милочка моя, — сказала она сурово. — Стрижка больше пойдет твоему лицу.

И Мей, привыкшая терпеть в детстве голод, стерпела и стрижку, только жалобно вскрикнула, когда на пол у ее ног упала, свернувшись колечком, тоненькая рыжая коса. Волосы, которые теперь едва достигали плеч, снова смазали, а после распрямили двумя тяжелыми раскаленными железными пластинами.

— Тебе правда очень идет! — прошептала Верта, когда Мей недоверчиво разглядывала в зеркале новую себя.

— Госпожа Гран, — елеиным голосом поинтересовалась Дейзи. — А вы уже знаете, кто придет к нам в гости?

Дейзи с самого детства умела подластиться к злобной Богомолихе. Та, не любившая никого на свете, проявляла некоторую нежность лишь к тоненькой большеглазой Дейзи.

— Откуда же мне знать, детка. Кто же мне скажет их имена. Знаю только, что их сегодня будет четверо. А вы должны вести себя паиньками и не опозорить Институт и госпожу Амафрею, которая вам как родная мать. Обещаете?

— Обещаем... — раздалась робкие голоса.

В детстве Вертрана представляла, как придет на первые смотрины и задаст жару этим лордам! Она им не скаковая лошадь, чтобы торги устраивать. Представляла, как выльет чашку чая кому-то из них на брюки, а другого, щелкнув пальцами, заставит подпрыгивать и кукарекать.

Но сейчас перепуганная и смущенная Верта ожидала, пока прислужница закончит укладывать ее локоны, смотрела на приготовленное для нее платье рубинового цвета и понимала, что на бунт у нее не хватит сил. К тому же она хорошо представляла, что будет после. Ее отдадут первому, кто

предложит приличную сумму, и выкинут из Института еще до начала весны...

Нет-нет, она станет действовать умнее. Сперва приглядится к гостям. Вдруг среди лордов попадется приличный человек? Ведь случаются же приличные люди и среди лордов...

А что потом? Вертрана не знала, могла только мечтать. Она попросит выкупить ее и отпустить. Пообещает помогать во всем, но вымолит свободу... Эйлин подняла бы ее на смех, потому Верта не решалась рассказать о своих надеждах даже самой близкой подруге.

Без четверти пять девять «розочек» построились у дверей: Вертрана, Эйлин, Мей, Дейзи, Лора, Дженни, Алана, Габи и Нелл. Верта окинула подруг взглядом. Смотрела и не узнавала. Вот эта блондинка с горделивой осанкой и высоко поднятым подбородком, такая взрослая и холодная — неужели это Эйлин? А эта хрупкая, тоненькая рыжеволосая девушка, с кожей белой, точно фарфор, — это Мей? Себя Вертрана с трудом могла представить, но, судя по удивленным взглядам, она тоже изменилась, хотя внутри, конечно, оставалась все той же девчонкой, которая совсем недавно лежала, уткнувшись носом в опилки, растрепанная и перепачканная.

Богомолиха пристально оглядела воспитанниц и удовлетворенно кивнула.

— За мной!

По дороге наставления продолжились.

— И не набрасывайтесь на сладости так, будто вас здесь не кормят. Не больше двух пирожных! Чай отпивайте маленькими глотками. Отвечайте, когда спросят. Улыбайтесь. Не смотрите пристально, но и не сидите, как истуканы...

Госпожа Гран напрасно сотрясала воздух: ее подопечные так волновались, что не слышали ни слова.

Когда выпускницы спускались по лестнице, Вертрана заметила, что наверху, у перил, стоят девочки младших классов и смотрят им вслед. Верта вспомнила, как и она сама так же стояла, провожая взглядом взрослых девушек. Таких нарядных, красивых... Таких бледных и растерянных... «Моя очередь наступит еще нескоро! — думала она тогда. — Не сегодня. Не завтра. Впереди еще много месяцев!»

Но теперь этот день наступил.

— Эй, нас не на казнь ведут! — шепнула Эйлин и незаметно ущипнула подругу за бок. — Кто знает, как сложится наша жизнь. Возможно, все будет не так уж страшно!

Вертана едва заметно кивнула и распрямила плечи. Она не позволит лордам насладиться ее беспомощностью!

Чайная комната находилась на первом этаже, в правом крыле. Кроме чайной здесь располагался Большой зал, где устраивали балы и приемы.

Богомолиха еще раз выстроила девушек перед входом в чайную. Поправила кружева и локоны, пощипала щеки Мей, чтобы не выглядели слишком уж бледными.

— Сегодня вам не потребуется показывать свое мастерство. Испытания магии впереди. Это только знакомство. Присутствовать будут не все лорды, как вы уже поняли, но вы должны произвести хорошее впечатление.

С этими словами госпожа Гран толкнула дверь, вошла и придержала ее. Ее лицо, обычно недовольное, осветила улыбка, предназначенная гостям.

— Мы рады приветствовать вас в нашем старейшем учебном заведении, господа. Разрешите представить наших прелестных выпускниц.

Богомолиха кивнула девочкам, застывшим с той стороны двери. «Розочки» не двинулись с места. Вертрана понимала, что должна идти, иначе им всем потом мало не покажется, но ноги просто отказывались повиноваться.

Физиономия госпожи Гран пошла пятнами, улыбка сделалась натянутой. Эйлин прерывисто вздохнула и шагнула вперед так отчаянно, будто ныряла в омут.

— Очаровательная Эйлин!

Вертрана, зажмурившись, переступила порог.

— Обворожительная Вертрана!

Богомолиха ни разу не повторилась: воспитанницы были чарующими, неотразимыми, пленительными. Вот только Лору она описала как «чудную», от волнения поставив ударение на второй слог. Верта мысленно усмехнулась: вряд ли Лоре это пришлось по душе.

Сердце бухало в груди, в висках стучало. Верта так нервничала, что едва соображала. Взгляд выхватывал то розовые стены, задрапированные тканью («Надо же, даже подобрали цвет под наш выпуск...»), то круглый стол в центре комнаты, сервированный на тринадцать человек. На серебряных блюдах лежали крошечные, с мизинец величиной, пирожные, в креманки было разложено варенье, горкой высились тонкие ломтики поджаренного хлеба, чашки исходили паром: чай уже разлили. У стены стояли прислужницы, тихие, точно тени.

Верта готова была смотреть куда угодно — на стены, на потолок, на вид за окном (правда, это было невозможно, окна оказались закрыты плотными шторами), на прислужниц, но только не гостей, которые при виде воспитанниц, поднялись со своих мест и слегка поклонились.

Лишь сев на предназначенное для нее место и развернув на коленях салфетку, Вертрана подняла взгляд.

Конечно, она видела многих мужчин. И прежде, когда была ребенком и жила свободной жизнью, и во время учебы в Институте, ведь учителями были мужчины, но никогда никто не смотрел на нее так...

Верте не с чем было сравнить. «Как кошка смотрит на птичку, которую хочет поймать!» — вдруг сообразила она, представив институтского полосатого кота Разбойника. Как он затаился, приготовившись к прыжку: глаза горят, хвост ходит ходуном. «Моя добыча!» — написано на усатой морде.

«Моя добыча!» — светилось в глазах незнакомых мужчин. Их взгляды скользили от одной девушки к другой, ненадолго задерживаясь. «Вот эта? Или та? Все так хороши, как выбрать?»

Сердце Вертраны будто сжали в кулак, сдавили так, что сделалось больно дышать. Она чувствовала себя абсолютно беспомощной. Вещью, которую выставили на торги...

*** 8 ***

За столом возникло неловкое молчание. Растерялась не только Вертрана: притихли все розочки.

— Я представлю наших гостей, — сказала госпожа Гран. — Прошу любить и жаловать. Благородный лорд Героним из рода Гернаус.

Верта посмотрела из-под опущенных ресниц. Все мужчины старше тридцати казались ей стариками, а благородный лорд Героним точно был стариком из стариков, который почему-то решил притвориться юнцом. Затянул себя в модный жакет, волосы завил колечками. Похоже, когда-то он действительно был хорош собой, но эти времена давно прошли. Мутные глазки скользили по лицам и плечам выпускниц, а Верте чудилось, что он трогает ее липкими руками.

— Благородный лорд Лучиан из рода Адимус.

И этот нисколько не симпатичнее. Тоже старый, только, в отличие от лорда Геронима, еще и лысый. Плешь лорда блестела от пота, и тот суетливо вытирал голову мятым платком.

— Благородный лорд Конор из рода Ростран.

Лорд Конор был молод, но Верта едва взглянула, и по коже побежал озноб. Лорд поймал ее взгляд и усмехнулся, показав белые зубы. Не кот, нет... Скорее опасный и лютый зверь. С таким грозит не золотая клетка, а волчье логово. Вертрана неоднократно слышала истории о том, что некоторые лорды возвращаются в Институт не раз и не два, выбирая новых магисс. Что случилось с прежними помощницами, никому не известно. Надо будет узнать, не из таких ли лордов благородный Конор.

— Благородный лорд Ханк из рода Одгер.

Пожалуй, юный лорд Ханк единственный из всех производил приятное впечатление. Выглядел он ровесником «розочек» и, кажется, смущался не меньше их, даже щеки покраснели, как часто случается у светловолосых людей. Наверное, совсем недавно получил разрешение старейшины рода на то, чтобы выбрать себе помощницу.

«Вот с кем можно договориться! — обрадовалась Вертрана. — Надо ему понравиться! Он еще не испорчен высшим обществом, он добрый, это видно по лицу, и мы сможем стать друзьями!»

Лорд Ханк, заметив ее интерес, робко улыбнулся. Совсем мальчишка! Вот уж кого не стоит бояться. Верта улыбнулась в ответ.

— Подайте мне сахар, пожалуйста, — прошептала она.

Лорд Ханк растерянно ухватился за сахарницу, та выскользнула из его пальцев и опрокинулась. Все сразу засуетились. Девушки-прислужницы бросились убирать со стола. «Розочки» сочувственно ахали. Даже лорды благосклонно поглядывали на юношу, мол, молодость-молодость. Но тут Верта случайно посмотрела на лорда Конора, и сердце снова кольнуло страхом. Он сидел, откинувшись на стуле, и с иронией наблюдал за суматохой. Вертрана поймала его насмешливый взгляд, и лорд снова ухмыльнулся.

«Нет, не смотри на меня!» — пронеслось в голове.

Верте хотелось стать невидимкой! Ну зачем, зачем она уже два раза обратила на себя внимание этого странного лорда. Нет, больше ни за что на него не посмотрит.

Маленькое происшествие оживило встречу. Гости завели светскую беседу на нейтральные темы, а воспитанницы, вышколенные на занятиях по этикету, с легкостью ее поддержали.

Вертрана оказывала робкие знаки внимания лорду Ханку, надеясь, что не слишком навязчива. А юный лорд рассеянно улыбался всем подряд и, кажется, совсем не замечал интереса Верты.

Зато лорд Героним точно положил глаз на Мей. Все подкладывал ей на тарелку пирожные и заглядывал в лицо. Вертрана посочувствовала бедняжке. Мей боялась показаться неучливой и получить потом взбучку от Богомолихи, и в то же время, глядя, как она отворачивается и закусывает губу, Верта догадалась, что лорд Героним вызывает у рыжули отвращение. Но он ни о чем не подозревал, продолжая рассказывать о том, сколько комнат в его родовом имении, сколько земель и деревень ему принадлежит.

— Хвастливый петух, — прошептала Эйлин, быстро наклонившись к уху подруги.

Между тем лорд вытащил из кармана ленту — бархотку, которую девушки сразу узнали. Именно такие ленты с именем будущего хозяина носили выпускницы. Мей застыла, будто статуэтка. Подруги, не сговариваясь, прислушались к разговору.

— Времени у меня не так много, чтобы ходить на все эти балы и смотрины, я человек занятой. Моя помощница погибла в прошлом году, не рассчитала сил... Но я сейчас не об этом. Вот думаю, может быть, решить все поскорее?

Мей отпрянула. Похоже, ее самый страшный кошмар — быть отданной старику — скоро станет реальностью. Вот только к бунту нежная Мей не была готова. Если лорд Героним соберется надеть на нее ошейник, она лишь склонит голову.

— Дайте-ка мне взглянуть! — воскликнула Эйлин, влезая в разговор, словно невоспитанная уличная девчонка.

Не успел Героним и глазом моргнуть, как Элли выхватила из его рук украшенную золотым шитьем ленточку.

— О-о! Дорого-богато!

Эйлин, безукоризненно воспитанная, умная Эйлин, вела себя будто попрошайка с базара. Зачем-то понюхала бархотку, провела ею по щеке.

— Мягонькая! Да и вы, господин, уж такой красавчик!

В чайной повисла тишина. Вертране хотелось спрятаться под стол. Краем глаза она заметила побагровевшую Богомолиху и вцепилась дрожащими пальцами в край столешницы. «Какая я трусиха, — покаянно думала она. — Но Элли-то, Элли... Вот кто настоящая подруга!»

Лорд Героним вдруг расплылся в улыбке, польщенный вниманием.

— Да и ты ничего, милая.

А потом, о чудо, спрятал бархотку в карман.

Щеки Мей порозовели, будто к ней стала возвращаться жизнь. А вот Эйлин теперь накажут.

Маленькие часы на стене показывали, что с начала встречи прошло пятьдесят минут. Первое знакомство обычно длилось не дольше часа, и Вертрана принялась считать минуты. Она не думала, что смотрины дадутся ей так тяжело.

Не беда, что приходилось следить за осанкой и наклоном головы и за тем, чтобы с лица не пропадала доброжелательная улыбка. Хуже всего было ощущать себя яркой вещицей, пусть даже такой редкой и прекрасной, как игрушки на полках в кабинете директрисы.

А еще Вертрану пугал лорд Конор. За все время он не сказал Верте ни слова, но девушку пробирал озноб от одного только взгляда.

«Ничего, ничего, встреча почти закончилась, — уговаривала она себя. — Да и почему я так боюсь? Он всего два раза посмотрел на меня, так он и на других девушек смотрит. На то они и смотрины...»

— Мне кажется или я чем-то вас испугал? — раздался резкий ироничный голос. — Да-да, вас, Вертрана.

Краска бросилась в лицо Вертраны.

«Он запомнил мое имя? Зачем?»

— Вертрана, милочка, посмотри на нашего гостя, или он решит, что ты дурно воспитана.

«После выходки Эйлин он уже ничему не удивится», — хмуро подумала Верта и упрямо продолжила разглядывать свои колени.

— Дорогой лорд Конор, девушка застенчива. Не волнуйтесь, к следующей встрече она исправится. Да и вы перестанете быть незнакомцем, станете ей добрым другом. Да, Вертрана?

— Да, — произнесла Верта одними губами.

— И еще хочу напомнить, господин Ростран, наши воспитанницы принадлежат простому сословию, к тому же они будущие помощницы. Обращайтесь к ним на «ты», прошу вас. Не стоит их баловать.

— И в мыслях не было баловать. Просто маленькая гордячка так высоко задирала нос, что я решил, будто она вообразила себя леди.

Богомолиха принужденно рассмеялась, а следом за ней гости. Громче всех хохотал юный Ханк.

— Это было ужасно, ужасно!

Мей, обхватив колени, сидела на кровати в одной ночной рубашке.

— Ничего ужасного! — отрезала Эйлин. — Этот лорд Героним обычный хвостун и любит пускать пыль в глаза. Никто никого не выбирает при первой встрече. Он просто хотел произвести на тебя впечатление.

— И это удалось, — фыркнула Лора. — Мей до сих пор трясется.

— Но ты, Элли, зачем же тогда... — Мей удивленно посмотрела на подругу. — Зачем рисковала ради меня? Тебя теперь наверняка накажут.

— Накажут? Пф-ф-ф! Я ничем не оскорбила лорда, наоборот, стремилась понравиться. А конкуренция разрешена. Подумают, что я решила отбить богатенького лорда у глупенькой подруги!

«А ведь правда! — восхитилась Вертрана. — Какая Элли ловкая!»

— Кстати, я бы на твоём месте, Меюшечка, не стала вертеть носом, — продолжила Лора. — Лорд Героним из знатного рода, и тебе хотя бы не придется уезжать в захолустье. Да и неизвестно, какие еще претенденты в этом году. Может быть, из остальных песок сыплется, тогда эти покажутся нам красавчиками.

Девушки, которые вернулись с первых смотрин притихшими и сначала почти не разговаривали друг с другом, ближе к вечеру все-таки немного взбодрились и теперь готовы были обсудить гостей. Розочки устроились на кроватях Мей и Эйлин, стоящих друг напротив друга, и стали вспоминать все сказанные фразы и все брошенные взгляды.

— А лорд Ханк такой хорошенький! — прошептала Дженни. — Пусть он выберет меня.

— Нет, меня! Меня! — слышались голоса.

«Он выберет меня!» — решительно подумала Верта.

— А вот лорд Конор очень жуткий... — произнесла Алана вслух то, что вертелось на языках у всех. — И вроде бы ему понравилась Вертрана...

— Глупости! — крикнула Верта. — Какую ерунду ты говоришь! Он на меня и не смотрел!

— Смотрел... — пробормотала Нелл. — Он все время на тебя смотрел.

— Да ерунда!

Вертрана обернулась за поддержкой к Мей, но та отвела глаза, а следом за ней и остальные розочки. Эйлин, как всегда, оказалась самой храброй.

— Смотрел. Так и что же? Ведь это только начало года. Ты еще десять раз ему разонравишься.

— Да чем он так плох? — удивилась Габи. — Вполне симпатичный даже...

— Он каждый год берет себе новую помощницу, — понизив голос, произнесла Дейзи.

За окном стемнело, магические светильники в спальне едва горели. В детстве розочки любили вот так же сгрудившись сидеть на кровати, укрывшись одним одеялом, и рассказывали страшные истории. И сейчас после слов Дейзи у всех по коже пробежал неприятный холодок.

— Ест он их, что ли? — Габи хотела пошутить, но голос у нее дрогнул.

— Никому не известно, — Дейзи вовсе не шутила. — Ясно только, что двух помощниц нельзя иметь даже лордам. Значит, прежние... умерли...

Шары-светильники вдруг ярко вспыхнули, подчиняясь воле девяти испуганных девушек. Один, не выдержав силы намерения, треснул и зашипел, рассыпая искры.

— Девочки, девочки... Ну почему же мы не сбежим? — прошептала Нелл, самая тихая и робкая воспитанница, если не считать Мей. — Ну не могут ведь они... вот так... с нами...

— Могут, — отрезала Эйлин. — Могут и делают.

— А сбежать никому не удавалось пока, — подхватила Лора. — Не знаю, в чем секрет и почему беглянок всегда так быстро находят. Так что, девочки, выше носы. Они выбирают нас, а мы будем выбирать их.

*** 9 ***

После первых смотрин воспитанниц всегда оставляли в покое на несколько дней: давали прийти в себя и привыкнуть к мысли, что их беззаботная девичья жизнь закончилась.

— Трудиться и еще раз трудиться! — воодушевленно вещала за завтраком директриса, которая специально по этому случаю с утра пораньше вышла из своей спальни.

Она встала у стола розочек, но говорила так громко, что слова слышали все воспитанницы, собравшиеся в столовой.

— Времени остается мало, каждая из вас должна показать все, на что способна, заработать высший балл. Лучшим ученицам я сама дам рекомендацию, даже, может быть, прислушаюсь к их пожеланиям.

И Сухарь неожиданно улыбнулась.

— Признавайтесь, мои милые, кто-то из гостей уже успел покорить сердечко?

Улыбка директрисы выглядела насквозь фальшивой. Никогда она не заботилась о чувствах подопечных и сейчас бы не стала. Так зачем ей это?

— Мне очень понравился лорд Ханк, — пролепетала бесхитростная Нелл.

— Ах ты моя крошка, — госпожа Амафрея потрепала розочку по щеке. — Да, он достойный молодой человек. Так вот тебе будет отличный стимул хорошенько учиться и стараться обогнать подруг!

Взгляд директрисы остановился на Верте.

— А тебе, Вертрана, понравился кто-то?

«Да плевать ты хотела на мои симпатии, — разозлилась Верта. — Тут явно что-то нечисто!»

— Госпожа Гран порадовала меня, сказав, что ты поладила с молодым лордом Ространом.

— Это неправда! — вспыхнула Верта. — Мы и двумя словами не перекинулись...

— Ну-ну, остынь, — в голосе госпожи Амафреи зазвенел лед. — У тебя обязательно появится возможность познакомиться с ним поближе. А теперь заканчивайте завтрак и за уроки!

Пятый день недели целиком был отведен под занятия целительской магией, которые вел профессор Алеб. Когда Вертрана пришла в Институт, он уже был так стар, что и спустя шесть лет совершенно не изменился: все так же седые пряди выбивались из-под черной шапочки, а на узком подбородке росли два-три длинных волоска. Профессор горбился, когда читал лекцию, почти не вынимал рук из глубоких карманов черной мантии. Но когда проводил практикум, его пожелтевшие пальцы становились ловкими и проворными, а заклинания он прочитывал скороговоркой и ни разу не ошибся.

— От скорости в целительской магии зависит очень многое. Здесь она даже нужнее, чем в боевой, — каждый раз напоминал он. — Если станете медлить, ваш пациент истечет кровью или умрет от яда.

— Невелика потеря, — хмыкнула Алана.

Профессор услышал.

— Глупая девочка, — сказал он. — А ты знаешь, что случается с магиссами, чей хозяин погибает по их вине или недосмотру? Они лишаются доверия знатных родов. Их магию запечатывают...

— И выгоняют?

— Да хорошо бы выгоняли. Девушка с руками всегда найдет способ заработать. Нет, они...

Профессор Алеб вдруг осекся, глядя на склоненные головки.

— Нет, мои невинные овечки, все намного хуже. Но я не стану пугать вас. Пусть эта сторона жизни никогда вас не коснется.

До седьмого курса девушки всегда практиковали заклинания на растениях и животных: магия действовала одинаково на всех живых существ.

Розочки еще малышками полюбили занятия профессора Алеба. Он был добрый и знал множество интересных историй. А практикумы были совсем не страшные: девочки вдыхали жизнь в засохшие цветы, помогали прорасти зернам, заживляли листья и прогоняли болезни. Осенью и весной воспитанницы тренировались в саду, а зимой в крытой галерее.

На второй год обучения занятия перенесли в приземистое здание, увитое плющом, стоящее наособицу. Ватага девчонок радостно ворвалась в новый класс и вдруг притихла под тяжелым взглядом профессора.

Помещение сияло белизной и чистотой, вдоль стен стояли металлические столы, начищенные до блеска.

— Снимайте пелеринки и облачайтесь в специальную одежду! — повелел преподаватель.

Только тогда воспитанницы заметили на вешалке у входа синие халаты и торопливо натянули их поверх розовых платьиц. На ноги повязали матерчатые бахилы.

— Мы не лекари, но чистоту следует соблюдать и магам-целителям! Подойдите.

Оробевшие розочки приблизились к столу профессора. Мей вскрикнула и разревелась. Следом за ней и Нелл с Лорой. Вертрана прикусила губу: она давно дала себе слово не рыдать по пустякам. А ведьмыш с распоротым брюшком на серебряном подносе — это просто магический трюк, так ведь? Просто иллюзия? Ведь они дети, разве можно им смотреть на такое...

— Она пока жива, — ровным голосом продолжал профессор. — И останется жива, если мы ей поможем.

С тех пор воспитанницы спасали маленькие жизни. Со всего города к незаметной калитке в ограде приносили питомцев — собак, кошек, птиц. Случалось, что профессор не отказывал и владельцам домашнего скота: для тренировки все сгодится.

Вертрана до сих пор со смехом вспоминала, как пегая коза, что лежала во дворе прозекторской, выпучив глаза, после заклинания бодро вскочила и бросилась на свою спасительницу. Розочки с писком разбежались от ошалевшей козы, а профессор хихикал дребезжащим старческим смехом.

На людях они никогда не тренировались. Пока.

На занятии, что состоялось в начале Листопада, Эйлин задала вопрос, который тревожил всех девушек.

— Кошечки, собачки — это все, конечно, хорошо, профессор. Но сможем ли мы стать настоящими целительницами, если никогда... никогда не потренируемся...

— Ну же, Эйлин, ведь вы самая смелая моя ученица. Договаривайте.

— На людях, — выдохнула она. — Мы будем спасать людей?

— Несомненно, — склонил голову старик. — Уже есть договоренность с больницей для малоимущих, и на следующей неделе мы отправимся в город. Вы шесть лет не покидали институтских стен, но не волнуйтесь, вас буду сопровождать я, госпожа Амафрея, ваша классная дама и те из лордов, кто захочет поприсутствовать на практикуме.

— Лорды? Лорды тоже? — шепотом переспрашивали друг друга розочки. — Это испытание?

— Это испытание, — улыбнулся профессор Алеб. — Но вам нечего бояться, вы все отличные целительницы и справитесь с самыми сложными случаями!

В один из ветреных дождливых дней середины Листопада главные ворота Института открылись перед выпускницами. Пока не для того, чтобы выпустить их в большую жизнь: розочки отправлялись в городскую больницу на практикум. Но для них это было значительное событие, почти приключение.

Вертрание не терпелось полюбоваться на знакомые с детства улочки и, может быть, краем глаза посмотреть на дворик, где она выросла. Она не надеялась увидеть маму или брата, ведь они, получив деньги, могли уехать куда угодно, поэтому Вертрание запретила себе вспоминать о них. Но даже домику, выкрашенному желтой краской, двухэтажному старому домику, где на первом этаже раньше располагалась обувная мастерская, а на втором жила дружная семья Анелли, Верта обрадовалась бы, как доброму другу.

Розочки ежились от холода под тонкими накидками, порывы ветра то и дело срывали капюшоны. Девушки совсем продрогли, дожидаясь, пока подадут кареты. Институт не держал своих лошадей, это было ни к чему, ведь воспитанницы почти нигде не выезжали. Для особых случаев, таких, как сейчас, экипажи нанимали.

— Быстро, быстро, садитесь! — скомандовала госпожа Амафрея, увидев, что из-за поворота показались кареты. — Вертрание, Эйлин, Мей едут со мной. Алана, Мариса, Дженни с госпожой Гран...

Директриса продолжила распределять воспитанниц, но Верта уже не слушала, только вздохнула. Вот же не повезло им очутиться в одной карете с Сухарем!

Госпожа Амафрея плотно задернула шторы на окнах, отчего в карете сделалось темно и душно, а потом откинулась на спинку скамейки и закрыла глаза.

Подруги какое-то время молчаливо переглядывались, но решив, что Сухарь задремала, сгрудились на одной скамейке и, потихоньку отодвинув занавеску, стали любоваться в узкую щелочку на проплывавшие мимо дома, улочки и переулочки.

Верта, которая в детстве в компании сверстников-сорванцов облазила город вдоль и поперек, бывала и в разрушенных катакомбах, и в заброшенных садах, теперь едва узнавала его. Родной город вдруг показался ей грязным и жалким. Но она понимала, что город не изменился, изменилась она сама, и Верте вдруг стало грустно.

Прохожие, заметив кареты, останавливались и смотрели вслед. Один раз до слуха девушек донеслись голоса двух мальчишек-подростков.

— Хоть бы глазком взглянуть! — сокрушался один. — Какие они все красотки!

— Красотки-то красотки, — пробурчал другой. — Да не про твою честь. Их для господ растили.

— А они-то небось и рады. Продажные стервы...

Карета свернула за угол, фраза оборвалась. Девушки отшатнулись от окна и, не глядя друг на друга, расселись по местам. Вот, значит, как многие о них думают! Неужели не понимают, что у них просто нет выбора?

Больница для малоимущих располагалась в одном из беднейших кварталов города. Когда Вертрание, Эйлин и Мей выбрались из экипажа, жмурясь от света, на крыльце их уже ожидали все остальные.

Профессор Алеб, не теряя времени, рассказывал воспитанницам о том, что в больнице лечат

бесплатно, что известные маги — целители и лекари — стараются выкроить время в своем плотном графике, чтобы оказать посильную помощь, и выпускницы Института по старинной традиции тоже стажировались здесь.

— Это так почетно — помогать беднякам, — прошептала Нелл.

— Просто знатные господа нас и на пушечный выстрел к себе не подпустят, пока нам не выдадут диплом, — пробормотала Эйлин, так что услышали ее только Мей и Вертрана.

— А лорды приедут? — встрепенулась Лора, вспомнив обещание учителя.

— Да, детка, — благосклонно улыбнулась госпожа Амафрея. — Правда, посещение больницы не самое любимое испытание у наших утонченных гостей. Думаю, самые смелые уже собрались в кабинете главного лекаря.

Самыми смелыми оказались юный лорд Ханк, при виде которого на лицах воспитанниц заиграли улыбки, незнакомый пока лорд Артур из рода Оглаут — пухленький невысокий мужчина — и...

— Снова он! — простонала Верта, увидев, что последним из двери кабинета вышел ненавистный лорд Конор.

Она нырнула за спины подруг, благо невысокой Вертране легко было спрятаться за более рослыми воспитанницами.

— Да он и не глядит на тебя, — прошептала Эйлин.

Лорд Конор действительно не смотрел на Вертрану. Он вообще будто не замечал розочек, шел, погруженный в свои мысли. А вот Верта украдкой поглядывала на мужчину.

«Да что же я все пялюсь на него? — недоумевала она. — Ведь так я невольно привлеку его внимание, а мне это совсем не нужно!»

В конце концов Вертрана объяснила свое нездоровое любопытство тем, что лорд Конор сегодня выглядел странно. Он словно не спал всю ночь, а под утро прикорнул на скамейке в парке: сюртук мятый, на лице проступила щетина, волосы будто пятерней причесывал. Вот только взгляд, когда лорд Конор посмотрел на профессора, мгновенно сделался острым. А в ответ на какой-то вопрос лорда Ханка он отшутился в своей обычной иронично-резкой манере.

*** 10 ***

Хотя розочки волновались из-за присутствия гостей, еще больше они переживали из-за самого практикума. Все же люди, настоящие живые люди, это такая ответственность. Вдруг не справятся, сделают только хуже?

Но оказалось, что нервничают они напрасно. Наверное, чтобы не расстраивать высоких гостей, а может быть, из-за того, что это был первый практикум в больнице, пациентов для выпускниц подобрали совсем не сложных. И даже разместили их в отдельной чистенькой палате.

Девять больных лежали на кроватях, застеленных белоснежными простынями, и, судя по напряженным лицам, никак не могли взять в толк, что происходит. Беззубый мужичонка все ощупывал свою бороду и удивленно качал головой.

— Что случилось, голубчик? — ласково спросил его главный лекарь. — Что беспокоит?

— Бешпокоит меня, гошподин, што борода такая мяхкая...

— Ну-ну, борода — это не самый важный орган, — улыбнулся лекарь. — Почему же, как ты думаешь, она сделалась мягкой?

— Да што тут думать. Вымыли меня, ироды! В чан с кипятком жатолкали. Я им кричу: «У меня брюхо болит, а вшей нет!» Все равно жатолкали!

Лорды прыснули от смеха, даже лорд Конор усмехнулся. Розочки старательно кусали губы, чтобы не хихикать, ведь это так вульгарно.

— Хорошо, голубчик, вылечим мы твое брюхо. Кого же посоветуете, профессор? — обратился он к профессору Алебу. — Какая из ваших учениц справится?

— Не сомневаюсь, что любая, — вскинул подбородок преподаватель. — Алана, рискнете? Не переживайте, я отслеживаю каждое ваше заклинание и не дам навредить пациенту.

Побледневшая Алана тем не менее расправила плечи и приблизилась к мужичку, остальные же,

наоборот, отошли на несколько шагов, чтобы не мешать. Больной исподлобья взглянул на будущую магиссу.

— Што-то ты, милая, совсем девочка. А не укукошишь старого Бурсу?

Алана ничего не ответила: она просто не услышала вопроса, сосредоточившись на лечении. Сначала, как учили, попыталась «нащупать болезнь», ее тоненькие пальцы перебирали воздух, будто плели невидимое кружево. На лбу выступили капельки пота. Старый Бурса всхрипнул: целительница погрузила его в глубокий сон.

Все, кто обладал магическим зрением, видели сейчас, как рвется, подчиняясь заклинаниям, темная материя, окружившая больного плотным коконом. Она истончалась и разлеталась паутинками.

— Готово, — прошептала воспитанница.

— Готово? — недоверчиво приподнял бровь главный лекарь. — Избавила беднягу от язвы желудка одним махом?

— Подтверждаю, — вышел вперед профессор.

— А как иначе, — подала голос госпожа Амафрея. — Выпускницы института не зря пользуются таким спросом!

Конечно, эти слова были обращены к лордам. Хотя они и так остались под впечатлением. Лорд Ханк и лорд Артур вполголоса обсуждали что-то, бросая на Алану заинтересованные взгляды. Только по бесстрастному лицу лорда Конора невозможно было догадаться, о чем он думает.

— Теперь я! — опомнилась Вертрана, а то так, глядишь, лорд Ханк уплывет к Алане.

— И я.

— Нет, я!

— Разрешите и мне попробовать!

— Тихо, тихо, девочки! — урезонила их Богомолиха. — Как вы себя ведете! Все покажут свои силы, для каждой подготовлен пациент.

Вертрানে досталась девчужка с больным ухом. Вылечить малявку оказалось нетрудно, сложнее всего было подобраться. Увидев приближающуюся к ней магиссу, девочка разревелась басом.

— Да что ты, маленькая! Не бойся, все хорошо. Тебя как зовут? Меня Вертрана. Дай-ка я посмотрю твою ушко...

Но заговорить зубы малявке не удалось, она вдруг соскочила с постели и бросилась наутек. Далеко не убежала, забралась под кровать Бурсы, но и Вертрана не растерялась, бухнулась на четвереньки и заползла следом. Когда появилась снова с девочкой на руках, та была уже полностью здорова: Верта лишь кончиками пальцев прикоснулась к мочке уха — и воспаление прошло.

Хохотали все. И лорды, и розочки, и профессор, даже Богомолиха и директриса. Только лорд Конор не смеялся и смотрел на запыхавшуюся Вертрану со скучающим презрением.

Не прошло и часа, как все пациенты выздоровели. Конечно, и случаи были несложные, но профессор Алеб выглядел довольным, гордился ученицами.

— Да вы нам так всех больных вылечите! — пошутил начальник больницы.

— Да разве бедноту вылечишь, — скривилась госпожа Амафрея. — Они ведь плодятся, как тараканы, и мрут от всякой заразы...

— А теперь прошу всех в мой кабинет на чай! — поспешил заполнить неловкую паузу главный лекарь.

Чай пили стоя, обступив небольшой круглый стол. Розочки раздумянились и без конца улыбались. А Вертрана вдруг подумала, что ей очень по душе такая жизнь. Вот бы каждый день делать что-то нужное, правильное, а потом торопливо, без всяких церемоний пить обжигающий чай с обычным хлебом и чувствовать, что живешь не напрасно...

— Что же, уважаемые гости, как видите, вы можете не волноваться за свое здоровье, когда рядом такие помощницы, — кокетничала Богомолиха.

— Кстати, может быть, кто-то из вас и сам готов отдаться в ручки нашим прекрасным магиссам? —

подхватил профессор.

Лорд Конор поставил чашку на стол и как будто собирался что-то сказать, но лорд Ханк его опередил.

— Да, готов!

Решительно взял в руку нож, оставленный на столе, и резанул по ладони.

— Ах! Вы такой смелый! Такой отважный!

Розочки окружили юного лорда, точно тот был героем, вернувшимся с поля боя. Лора выхватила кружевной платочек и поскорее обернула раненую руку. Вертрана не отставала от товарок. Так же, как и все, не отводила взгляда от лорда. «Разрешите мне вылечить вас!» — умоляли ее глаза.

Лорд Ханк наслаждался вниманием. Медлил, выбирая целительницу. В конце концов благосклонно кивнул Дейзи.

— Попробуй ты, голубушка.

А та и рада! Ладонь гостя вспыхнула голубоватым сиянием — Дейзи расстаралась не на шутку, применила к небольшому порезу заклинание, годившееся для смертельных ран. Столько силы выплеснула, что побелела и едва удержалась на ногах, а лорд даже не понял, что его вылечили ударной дозой магии.

«Так тебе и надо!» — рассердилась Вертрана, расстроенная из-за того, что лорд Ханк выбрал не ее, но тут же устыдилась.

Лорд Ханк поднял руку, показывая тонкий белый шрам. Лорд Артур заплодировал.

— Это, несомненно, очень интересно, — медленно произнес лорд Конор. — Я уверен, дорогой господин Одгер, что вашей помощнице придется ежедневно спасать вас от порезов. Вы ведь уже начали бриться? Тогда тем более... Однако я хочу предложить задачку посложнее.

Он обвел взглядом притихших выпускниц и остановил его на лице Вертраны.

— Ты поможешь мне.

Лорд Конор не спрашивал, он приказывал. Ничего не оставалось, как кивнуть.

Он вынул из кармана флакончик размером с фалангу пальца, в котором переливалась ярко-красная жидкость.

— Яд рассара. Убивает в течение десяти секунд.

Все присутствующие в кабинете ахнули и невольно отшатнулись.

— Зачем так рисковать, дорогой лорд! — воскликнула госпожа Амафрея.

— Профессор, страхуйте! — крикнул главный лекарь.

Не обращая внимания на возгласы, лорд Конор откупорил флакон и вылил его содержимое в рот.

*** 11 ***

— Десять... — хрипло произнес он.

И тут же у него перехватило дыхание, губы посинели. Лорд Конор оперся ладонями о стол, стараясь удержаться на ногах. Он не шутил, он на самом деле отравился.

«Ненормальный! Да что же ты творишь!» — мысленно заорала Вертрана.

Профессор кинулся к лорду, но тот из последних сил отстранил его. Темные глаза напоминали провалы на мгновенно осунувшемся лице. Он, не отрываясь, смотрел на Верту.

— Девять... — прошептала она.

И звук собственного голоса привел ее в чувство. Она кинулась к лорду, рванула воротник, освобождая горло, помогая сделать вдох. Яд рассара вызывал паралич мышц, и, если не вспомнить нужное заклинание, то этот глоток воздуха может стать для господина Ространа последним.

— Восемь! — крикнула Эйлин.

А после и остальные розочки подхватили обратный отсчет.

— Семь!

«Думай, Верта, думай!»

— Ложитесь!

Упрямый лорд Конор только сузил глаза и остался стоять, всем весом навалившись на столешницу.

— Вы сейчас мой пациент! Обязаны слушаться!

Верта махнула рукой и использовала заклятие сети, совсем недавно изученное на занятии боевой магией. Как вовремя пригодилось!

— Шесть!

Неужели прошла только секунда? Еще половина времени в запасе — целая вечность!

Вертрана положила обе ладони на грудь лорда Конора, зажмурилась. Она ощутила, как под ее пальцами бьется сильное сердце, но ритм его уже сбивался, угасал.

«Яды... Яды... Думай, вспоминай!»

«Проще всего запомнить и применять универсальное заклинание от любого яда», — словно наяву, раздался в голове размеренный голос профессора. Верта увидела себя, тринадцатилетнюю, на вытопанном до земли дворике. У ее ног мелко подрагивала пегая козочка: бедняга объелась дурной травы и уже готовилась покинуть этот бранный мир. Хозяйка, плача, долго уговаривала профессора позаботиться о неразумной скотине.

— Да на что она мне, — отпирался тот. — К тому же такая дура! Мы вылечим, а она потом снова нажрется!

— Деточек ваших поучите, — всхлипывала та. — Как отравления-то лечить. Всегда сгодится!

— Всегда сгодится, — задумчиво согласился профессор.

Козу общими усилиями перетащили от калитки и оставили у крыльца.

Это был единственный случай, когда учитель рассказал о действии универсального заклинания. Слишком много сил оно забирало, а девочки были еще слишком юными. Уже потом они учили заклятия от мышьяка, от цианида, от цикуты, от укусов змей. Вертрана была уверена, что забыла нужные слова и символы...

— Пять!

Она приблизила свое лицо к лицу лорда, сделавшемуся мучнистым. А ведь он сейчас полностью в ее власти. Опоздай она хотя бы немного... И никто не посмеет обвинить: господин Ростран сам оказался слишком беспечен, у нее целая комната свидетелей.

— Четыре!

— Не выбирайте меня, — прошептала она. — Я спасу вашу жизнь, но только оставьте меня в покое.

— Три!

Лорд Конор выгнулся дугой: судороги скрутили мышцы.

Вертрана начала один за другим быстро чертить в воздухе знаки. Они таяли, оставляя после себя золотистый отсвет. Ее пальцы, а потом и ладони засияли.

— Аснехт... — шептала она. — Креус...

Волна света полилась из ее рук в грудь легкомысленного лорда, а сама Вертрана ощущала, как из нее вытекает сила. Чувство было такое, что она целый день, а потом еще и всю ночь таскала тяжелые камни.

— Два!.. — крик раздался где-то далеко-далеко, будто бы за стеклянной перегородкой.

Лорд Конор сделал судорожный вдох.

— Один...

Вертрана ухнула в темноту.

Потом ее долго отпаивали чаем, куда сам начальник больницы плеснул капельку бальзама. Верту укутали в одеяло, на блюдечко положили несколько кубиков сахара. А ведь утром им разрешили взять только по одному кусочку, за ужином же и вовсе подавали несладкий чай. Теперь же сама директриса проследила за тем, чтобы Верта съела все до крошки.

Притихшие девушки сочувственно смотрели на Верту. Но где же лорд Конол? Вертрана обвела комнату обеспокоенным взглядом и увидела его, как ни в чем не бывало стоящего у стола с бокалом вина в руке. Все верно, вино нейтрализует остатки яда.

Лорд не смотрел на свою спасительницу, занятый беседой с профессором Алебом. Казалось, что случившееся несколько его не взволновало. Он либо сумасшедший, либо любитель острых ощущений... Такие люди совершают отчаянные поступки: устраивают бессмысленные дуэли, карабкаются на скалы, переплывают бурные реки... готовы на все, чтобы только пощекотать нервы.

— Очнулась, девочка! — голос профессора прозвучал так ласково, что Вертрана едва не расплакалась от жалости к себе. — Умница. За сегодняшний практикум я ставлю тебе высший балл.

— Да, неплохо, — сухо согласился лорд Конол.

Помнит ли он о ее просьбе? Если есть в нем хотя бы капелька благородства...

— Вертрана еще на шаг приблизилась к тому, чтобы стать магиссой дома Ростран.

Он ухмыльнулся, глядя ей в глаза.

*** 12 ***

Вертрана, Эйлин и Мей медленно шли по саду. Опавшие листья сегодня утром покрылись тонкой корочкой инея и хрустели под башмачками. Деревья стояли почти голые, прозрачные. Листопад подходил к концу, через три дня наступит Снежник, а там и зима не за горами — время балов.

Подруги отпросились у Богомолихи прогуляться после занятий, но на самом деле хотели обсудить наедине друг с другом все, что накопилось.

— Твой-то не пришел на последнюю встречу. Он скучает на этих чаепитиях, может теперь и не явиться до следующего испытания!

Мей думала подбодрить Вертрану, но сделала только хуже.

— Он не мой! — вспыхнула та. — Разве ты видишь на моей шее бархотку с его именем? С таким же успехом я могу назвать лорда Геронима — твоим!

Мей покраснела и прикусила губу.

— Тихо, тихо, девочки! — Эйлин не позволила ссоре разгореться. — Мей не очень удачно выразилась. Она лишь хотела сказать, что ты можешь не переживать до того, как начнутся испытания, на чаепитие лорд Конол больше не придет.

Подруги какое-то время молчали, но потом осторожно продолжили разговор. К этому дню выпускницам представили всех лордов, и теперь девушки пытались выбрать, кто им наиболее симпатичен, чтобы в будущем постараться обратить на себя их внимание. Они решили, что не станут мешать друг другу, но как же трудно оказалось договориться!

— Лорда Конола, лорда Геронима и лорда Лучиана сразу вычеркиваем, — сказала Эйлин.

— Маньяк и старикашки, — подтвердила Вертрана.

— Если подумать, то из молоденьких только лорд Ханк, — вздохнула Мей. — Но он всем нравится...

— Остальные, конечно, не так молоды, но и до дряхлости им далеко, — продолжила перебирать Элли. — Лорд Артур...

— Пузан, — подсказала Верта.

— Лорд Бетхор... Мы его, правда, видели только один раз, но...

Все трое вспомнили, какими сальными глазками поглядывал на розочек лорд Бетхор, как потирал вспотевшие ладони.

— Буэ! — выразила общее мнение Вертрана.

— Девочки, но кто-то из них должен стать нашим хозяином, — развела руками Эйлин. — Ладно. Лорд Ирвин вроде неплох.

— Вроде нет, — согласилась Мей.

Правда, о лорде они помнили только то, что у него темная борода клинышком и длинные пальцы, унизанные перстнями.

— Лорд Велир из знатного и богатого рода, живет в столице, — перечислила Эйлин все, что знала об очередном претенденте. — И все говорят, что у него мягкий характер. Не красавец, конечно, но...

— Жаль, что лорд Конор такой пугающий, — встряла Мей. — А так ведь, если посмотреть на лицо и фигуру, — красавчик...

— Вот и забирай его себе! — снова вспыхнула Вертрана, у которой любое упоминание о ненавистном лорде вызывало нервную дрожь.

Рыжуля опустила голову.

— Если бы я могла, то забрала бы себе мастера Ройма.

Занятия по зельеварению по-прежнему давались Мей тяжело. Едва преподаватель приближался к ней с совершенно невинными целями — указать на ошибку или оценить выполненное задание, — бедная розочка бледнела, замирала на месте и едва не теряла сознание.

— Забудь! — строго приказала Эйлин. — Сколько можно! Пожелай мастер Ройм вступить в торги за помощницу, тогда, возможно... Но он учитель! И помни, ты ничем не должна выдавать своих чувств, а то Сухарь прознает и больше ты своего ненаглядного мастера не увидишь.

— Да-да, — безропотно согласилась послушная Мей и наклонила голову, пряча слезы.

— Лорды! — напомнила Элли, из-за чего, собственно, они бродят сейчас по саду и уже отморозили себе уши и носы. — Будем выбирать из того, что есть. Допустим, я совсем не против лорда Велира.

Вертрана и Мей переглянулись и недоверчиво посмотрели на свою красавицу-подругу.

— Серьезно? Но ведь он... такой...

— Какой? Да, не мужчина мечты. Но он знатен, добр, и я чувствую, что мой характер гораздо сильнее. Я никогда не питала иллюзий по поводу того, что смогу полюбить хозяина, это попросту глупо. Но с ним рядом мне не угрожает опасность, я проживу долгую и безбедную жизнь.

В словах Эйлин звучала горькая истина. Вертрана всегда знала, что подруга куда разумнее их, наивных и романтических дурочек. Она принимала выбор Элли, но как же грустно было от мысли, что таким, как они, можно забыть об искренней любви.

— Хорошо. А я тогда попытаюсь добиться расположения лорда Ханка, — сказала Верта.

— А я... Мне все равно... — прошептала Мей.

— Может быть, лорд Серж? Или лорд Марий? — напомнила Эйлин о двух последних претендентах.

Но их розочки видели один раз мельком и не могли сказать чего-то определенного. Мужчины как мужчины, ничего выдающегося.

— Не беда, еще есть время подумать, — улыбнулась Элли.

Она заботливо поправила капюшон Мей, отряхнула рукава накидки от снежной пыли, а потом обняла. Мей едва доставала высокой подруге до плеча, она прижалась к Элли, как маленькая, уткнулась лицом в меховую опушку плаща. Вертрана тоже подошла, обняла со спины.

— Подруги навсегда, — сказала она тихо.

— Навсегда... Навсегда... — эхом откликнулись розочки.

Занятия в Институте продолжались своим чередом. Выпускницам не делали поблажек, наоборот, учителя будто бы сговорились между собой наспиговать бедные юные умы знаниями под завязку, так что розочки каждый вечер падали от усталости и порой даже забывали о смотрах и

испытаниях.

Их уже представили всем лордам, и постепенно смятение и растерянность первых встреч прошли. Розочки привыкли к тому, что к ним приглядываются, их оценивают и выбирают. Если в прошлом году девушки иногда позволяли себе помечтать о несбыточном — о любви и семье, теперь же разговоры как отрезало. Выпускницы вдруг как-то сразу повзрослели, а если кто-то еще хранил в глубине сердца надежды, то предпочитал в этом не признаваться.

— Дейзи, эй! Отдай!

Вертрана попыталась выхватить из рук Дейзи клочок бумаги, над которым билась уже больше часа, испещрив обрывок крошечными символами. Эта была ее шпаргалка по рунологии, которую Верта терпеть не могла. Ну не запоминала она руны, хоть тресни! Они все напоминали ей раздавленных жуков — и, что самое ужасное, совершенно одинаковых жуков.

Вот жук согнул лапку — это руна «Та», солнце. А здесь жук распрямил лапку и вырастил ус — это уже «Кос», смерть.

Дейзи, подразнив Верту, все же протянула ей скомканную бумажку.

— Да не порти ты глаза! Все равно это бестолковая наука, в жизни не пригодится! Забытая письменность. Или ты собираешься разбирать древние заклятия, нанесенные на черепа... М-м-м... Черепки?

— На глиняные пластины, которые до сих пор находят в захоронениях. И да, иногда они не расшифрованы! — парировала Верта, обмакивая кончик пера в миниатюрную чернильницу, собираясь продолжить начатое, но вдруг задумалась. — Ты права... Вряд ли хотя бы одна попадет ко мне в руки...

— Да, девочки, боюсь, нам придется потратить жизнь на бытовые заклинания. Выводить пятна с ковров, превращать лен в шелк и насыпать безвредные сонные чары на орущих хозяйских детей, — вздохнула Алана.

— А еще будем лечить несварение желудка и похмелье! — буркнула Дженни.

— И охранять от полчищ врагов, у-у-у! — Нелл сделала страшные глаза и оскалила зубы. — Знаете, когда мне было лет пять, я думала, что мужчины должны защищать женщин, а не наоборот!

— Забудь! — хмыкнула Габи. — Мы ведь еще и телохранительницы!

Она поежилась, представив, видно, надвигающиеся на нее полчища врагов.

— Если честно, надеюсь, что до этого дело не дойдет. Все, на что я способна, — отпугнуть бродячего пса... Ладно, в крайнем случае заранее зачарую с десятков амулетов и обещу ими своего лорда.

— Кстати, я знаю, каким будет следующее испытание! — сказала Дейзи.

Она хитро оглядела притихших розочек и многозначительно замолчала, надеясь услышать уговоры. Конечно, дождалась.

— Ну, Дейзи! Говори! Говори поскорее! Где, когда? Что за испытание? Да почему же ты молчала?

Очаровательная сплетница кокетливо пожала плечиком.

— Да вы заговорили об охране, вот и вспомнила. Послезавтра на занятии у мастера Широ проверят наши боевые навыки! Мастер Широ будет изображать злодея, а мы станем спасать лордов. Вот!

— Ох... — Мей прижала ладони к горящим щекам. — Я не справлюсь, не справлюсь...

Впрочем, она повторяла эти слова перед любым экзаменом, поэтому никто не бросился утешать подругу, только Эйлин потрепала рыжую по плечу и кивнула: «Справишься, куда ты денешься!»

Вертрана поставила на листе последнюю закорючку, а потом, смяв, подбросила в воздух и обратила в огненный шарик. Бумага, еще не долетев до пола, осыпалась горсткой пепла. Вертрана всегда так готовила шпаргалки: процесс ее успокаивал, а дописав до конца, она понимала, что все выучила.

*** 13 ***

В день испытания девушек собрали в холле первого этажа. Горел камин. Здесь огонь разводили нечасто, в основном топили печи в подвале, откуда тепло поднималось в комнаты воспитанниц и классы. В холл принесли кресла для лордов и лавочки для выпускниц. Прислужницы разносили на подносах чай и булочки, но Вертрана, взяв чашку, не могла сделать и глотка: у очага, вытянув

длинные ноги, сидел лорд Конор. На Верту он не посмотрел ни разу, но это ничего не значило, он и в прошлый раз казался безразличным.

Богомолиха расхаживала между кресел, приветливо улыбаясь и расспрашивая гостей, удобно ли им, и обещала, что испытание вот-вот начнется. Время от времени она сцепляла у груди костлявые худые руки, и тогда становилось понятно, что госпожа Гран волнуется: мастер Широ задерживался.

Преподаватель боевых заклятий явился с опозданием, но зато не один. Увидев человека, стоящего рядом с мастером, девушки переглянулись и стали перешептываться: «Это он? Тот самый?»

В прошлом году перед обрядом отречения в Институт в числе прочих приглашенных магов пожаловал и мастер Лот — непревзойденный создатель иллюзий. Говорят, его сила намерения по шкале Фергюссона равнялась десяти. На выпускном вечере он устроил для воспитанниц настоящее чудо: зал погрузился в темноту, а в следующее мгновение все, кто присутствовал на празднике, оказались в прекрасном саду, где благоухали цветы, пели птицы, на деревьях росли сладкие плоды — вкусные, Вертрана сама пробовала, а над головой сияло солнце, хотя время приближалось к полуночи. Мастер Лот поддерживал иллюзию почти час и очень впечатлил девушек. Зачем же он прибыл сегодня?

Загадка скоро разрешилась.

— В этом году испытание боевых навыков будет необычным, — сообщил преподаватель. — Сложным, но интересным. Уважаемый мастер Лот создаст для каждого из наших гостей особенную иллюзию. Я стану сопровождать лорда и выбранную им девушку к павильону. Перешагнув порог, они окажутся... где угодно!

— Как восхитительно! — воскликнул лорд Ханк. — Вот это аттракцион! Разрешите мне первому испытать удачу!

Но не всем гостям сюрприз пришелся по душе. У лорда Геронима вытянулось лицо, а лорд Артур принялся испуганно озираться.

— А это точно безопасно?

— Для вас это абсолютно безопасно, — склонил голову мастер Широ. — Пострадать могут только наши воспитанницы. Но что же, значит, надо было усерднее заниматься... Впрочем, я уверен в каждой из них.

Он поклонился лорду Ханку.

— Вы готовы? Выбирайте помощницу, которая станет вас сопровождать.

Розочки восторженно зашевелились. Каждая из них была бы рада пойти с юным лордом, но Богомолиха строго-настрого приказала вести себя смирно и тихо. «Хотя бы один неуместный выкрик, и виновная будет наказана! — шипела она, собирая подопечных. — Хватит и того, что на первой встрече Эйлин вела себя как торговка с базара. Смирение, послушание и прилежание. Не забывайте об этом!»

«Меня, выбери меня!» — мысленно просила Вертрана.

Если она пройдет испытание с лордом Ханком, то лорд Конор уже не сможет указать на нее.

Лорд Ханк поймал ее отчаянный взгляд и улыбнулся благосклонно. Сердце Верты радостно подпрыгнуло, но тут из кресла у камина раздался скучающий голос:

— Если не против, Ханк, брюнеточку я оставлю для себя.

— Да, конечно, — тут же уступил он.

Как сквозь пелену Вертрана услышала, что было названо другое имя — молодой лорд пригласил Дейзи.

«Ненавистный лорд Конор! Да что тебе от меня надо!»

Испытание началось. Мастер Широ по очереди уводил за собой лордов и их избранниц. Некоторые возвращались быстро, другие отсутствовали больше получаса. Вертрана всматривалась в лица подруг и пыталась понять, что ее ждет в павильоне. Но воспитанниц сразу отправляли в дортуар, Верте не удалось перекинуться ни с одной из них и словом. Лора вернулась довольная, Эйлин сохраняла обычное спокойствие. Мей прятала покрасневшие глаза, ее шатало от усталости, а лорд Героним заботливо поддерживал ее под локоть.

Постепенно холл пустел. Вертрана вся извелась, ожидая, когда наступит ее очередь, но лорд Конор словно забыл про нее, сидел, глядя в огонь.

«Он специально мучает меня?» — думала Верта.

Вернулись лорд Артур с Нелл. Она, едва переступив порог, закрыла лицо руками и бросилась бежать.

— Нелл! Нелли! — крикнула вдогонку Богомолиха.

Но розочка не ответила. Каблучки застучали по ступенькам и затихли на втором этаже.

— Так неудачно получилось, — пожал плечами лорд Артур. — Невероятно живые иллюзии. Я лишь хотел посмотреть, на что способны ваши девочки, если опасность угрожает им, а не мне. Кто бы мог подумать, что та банда головорезов решит позабавиться... Само собой, ей не причинен ущерб, она лишь испугалась.

— Дорогой лорд, вы вовсе не обязаны оправдываться! — проворковала госпожа Гран. — Конечно, мастер Широ не допустил бы последствий!

Лорд Конор не отводил взгляда от огня, будто не слышал ничего, что происходило вокруг. Пришлось Богомолихе самой обратиться к гостю.

— Господин Ростран, вы готовы?

Тот вздернул голову, огляделся, точно не сразу понял, где находится. Заметил Вертрану, сжавшуюся на краю лавки, свел брови к переносице:

— Что-то ты трясешься как осиновый лист. Хороша помощница. Как же ты собираешься защищать меня любимого? Или надеешься своим кислым видом вызвать несварение желудка у наемных убийц?

— У наемных убийц? — пролепетала Вертрана.

— У наемных убийц, стаи волков, огнедышащих драконов... — Лорд Конор развел руками, показывая, что список опасностей, грозящих ему, неисчерпаем. — Да какая разница!

Отмахнулся от молчащей Вертраны, как от комара. Бодро вскочил на ноги.

— Идем!

Павильон, к которому Вертрана привыкла за годы занятий, снаружи выглядел как обычно, только изнутри окна закрывала темная ткань. Мастер Лот чуть поклонился лорду Конору.

— Могу я уточнить ваши предпочтения?

Мужчины долго беседовали вполголоса, до Вертаны, что тряслась от волнения и пронизывающего ветра, не долетало и словечка.

— Вертрана, соберись, — сказал мастер Широ.

Голос из-под повязки звучал глухо, но Верте неожиданно почувствовалась в нем теплота. Или ей так хотелось дружеского участия, что она обманывала себя.

Вот мастер Лот кивнул преподавателю: «Можно начинать», отворил дверь и скрылся в павильоне.

— Вы войдете вместе с господином Ространом и окажетесь в иллюзии. Первые секунды самые сложные, Вертрана. Не теряйся. И помни о том, что я не стану подыгрывать даже самой талантливой моей ученице.

«Самой талантливой?»

Щеки Верты заалели от неожиданной похвалы. Даже если мастер Широ говорил эти слова всем розочкам, все равно приятно.

— Вперед!

Лорд Конор ждал Вертрану на крылечке. Вид у него был скучающий.

— Возьми меня под руку.

— Но... Помощницы не должны ходить под руку с хозяином...

— Помощницы должны делать все, что захочет хозяин.

Лорд ухмыльнулся, показав белые ровные зубы. Вертрана осторожно, точно боялась обжечься, положила ладонь на локоть, обтянутый коричневым бархатом. Господин Ростран толкнул дверь и шагнул через порог.

Павильон был знаком Вертрране до последней песчинки, до последней щербинки на деревянных стенах. Как-то раз она сама нацарапала на лавке, отполированной сотнями прикосновений воспитанниц, свое имя. Латунные крючки, где розочки в непогоду развешивали свои плащи и накидки, она могла бы пересчитать по памяти...

Но сейчас павильон исчез, а Вертрана оказалась в пещере, тускло освещенной факелами. Затхлый воздух щекотал ноздри, над головой, невидимые в темноте, попискивали летучие мыши. Капелька мышиного помета упала вниз и попала на носок туфельки. Верта содрогнулась от омерзения.

— Боишься мышек? — вкрадчиво поинтересовался лорд.

— Не боюсь! — вспыхнула Вертррана.

— Хм...

В ту же секунду десятки летучих мышей сорвались с насиженных мест, устремившись к Верте и господину Ространу. Темные тени заметались в отсветах огня, шум крыльев заполнил пещеру. Крошечные лапки с острыми коготками цеплялись за волосы Вертрраны. Она, охнув, присела, закрыла голову. И увидела, что лорд Конор стоит, сложив руки на груди, и смотрит насмешливо.

— Боишься, — кивнул он.

Вертррана разозлилась не на шутку! Не боится она этих маленьких тварей, просто мерзко! Мастер Широ как-то тренировал их на костистых драконоподах, привезенных с болот специально для воспитанниц Института. Верта и тогда не испугалась, хотя один из драконоподов прокусил лодыжку Лоры. Как же та верещала!

Вертррана сжала губы и распрямилась, раскинула руки.

— Аттарио!

Заклинание мгновенного сна, действующее на всех живых существ, кроме людей. Волчью стаю она бы вырубилась на несколько секунд, а вот мелкие создания вроде мышей погружались в спячку почти на час.

Крошечные тельца комочками устилали пол пещеры. Вертррана победоносно взглянула на лорда, но тот уже смотрел в сторону.

— Идем, — бросил он.

Из небольшой пещеры тянулся тоннель, факелы едва тлели в кольцах. Вертррана невольно замедлила шаг: она почти ничего не видела, но ощущала впереди опасность, а потом и вовсе отступила. И тут же уперлась в грудь лорда Конора.

— Надеюсь, ты не собираешься прятаться за моей широкой спиной?

Ехидный голос раздался у самого уха, шею обожгло горячим дыханием. Жесткая ладонь слегка сжала плечо, а в следующее мгновение лорд подтолкнул ее вперед, навстречу неведомому злу, затаившемуся в темноте.

«Это просто испытание, — сказала себе Вертррана. — Я не погибну! Не сейчас!»

И тут же воображение нарисовало другую девушку, такую же юную магиссу, которой лорд Конор прикрылся в минуту настоящей опасности. Она увидела, будто наяву, как оседает на землю изломанное хрупкое тело. «Слабачка! — подумал, наверное, господин Ростран. — В следующий раз выберу кого-нибудь посильнее!»

На секунду мелькнула мысль сдаться. Но испытание боевой магии — не шутки, она на самом деле может покалечиться.

«Будь ты проклят!» — выругалась Верта и пошла первой.

По узкому тоннелю пронесся порыв ветра, потушив факелы. Теперь Верта не могла разглядеть и кончики собственных пальцев — она подняла руки в защитном жесте. Не зря мастер Широ муштровал их каждую тренировку: «Первая позиция — руки перед собой, пальцы чуть расслаблены. Вы будто бы держите в руках яблоко. Мей, что вы держите? Яблоко? О нет, больше похоже на

перепелиное яйцо! Первая позиция, девушки! Любое боевое заклинание произносится из нее!»

— Люмино!

Яркий свет ударил по глазам, заставляя жмуриться, выбил слезы. Зря! Слишком ярко! Через щелки век Вертрана успела разглядеть темные тени, крадущиеся вдоль стен. Оскаленные пасти, вздыбленные загравки.

Верте прежде не доводилось видеть таких жутких созданий. Возможно, их и не существует в природе, но для иллюзии все сгодится.

Снова темнота. И лишь цокот когтей по камням давал понять, что чудовища не привиделись.

— Инсектио!

Верта не видела, но знала, что сейчас с ее ладоней сорвались прозрачные лезвия и устремились по тоннелю, пронзая все, что встречали на пути. Заклинание отлично подходило для закрытого пространства. Кем бы ни были эти твари, им не жить.

— Люмино!

Вертрана вскрикнула от неожиданности. Да, темные туши бесформенными грудками валялись на полу пещеры, но из устья тоннеля навстречу Верте шли новые — они были крупнее прежних, и их было в два раза больше.

«Да что же такое? Почему?»

— Торрио!

Ком воздуха, тяжелый, как валун, прокатился по тоннелю. «Он ведь раздавил их? Все кончено?» У Вертраны от напряжения тряслись руки, но опускать их нельзя, ни в коем случае нельзя!

— Люмино!.. Ай!..

Десятки огромных жутких тварей серой волной неслись навстречу Вертране.

— Но почему, почему... — вслух прошептала она. — Так нечестно!

И прикусила губу. Всем плевать на честность, а особенно лорду Конору.

— Люмино! Архез! Люмино! Боррей!

Вертрана в отчаянии использовала весь свой арсенал любимых боевых заклятий. Существа валились изломанные, вывернутые наизнанку. Она снова победила, но едва не падала от усталости. Ноги подкашивались. Заклинание света еще не погасло, когда Верта увидела, как из сумрака соткалась новая тварь, за ней следующая...

Нет, этому не будет конца. Она проиграла. Сейчас чудовища доберутся до нее и... В прошлом году на испытании одна из воспитанниц лишилась кисти руки. Ее потом отдали в провинцию, в захудалый род...

— Рыдать собралась, бестолочь? — голос лорда Конора, как всегда, звучал иронично.

— Отстань...те! — не выдержала Вертрана. — И отвернитесь на всякий случай, если боитесь крови!

— О как! А с какой частью тела ты собралась расстаться? Ручкой? Ножкой?

Цокот когтей приближался. Вертрана из последних сил распрямилась и вытянула дрожащие руки. Что бы она ни говорила, сдаваться она не собиралась. На вопрос лорда не ответила, а он, помолчав, добавил:

— Чему вас только учат! Твари — иллюзии!

— Я знаю!

«Да за кого он меня принимает?»

— Иллюзии внутри иллюзии. Они подчиняются магу, и пока ты его не уничтожишь... — Лорд Конор был явно раздосадован. — Не думал, что придется так откровенно подсказывать.

— Какому магу? Магистру Широ?..

И тут же обо всем догадалась.

— Инсектио!

Вертрана тратила последние силы, но заклинание поможет выиграть время. Верта побежала вперед по коридору, лорд Конор следом.

«Они подчиняются магу... Иллюзии внутри иллюзии...»

«Хуже всего вам придется, если случится противостоять магу». Магистр Широ расхаживал по павильону, а розочки, сложив руки, сидели на скамьях и осторожно переглядывались, когда преподаватель поворачивался спиной, мол, чего это ему приспичило читать лекцию?»

«Настоящему магу, окончившему Академию, а не магиссе, такой, как вы, когда силы примерно равны. Нет, маг щадить вас не станет...»

Магистр Широ неосознанно поправил ткань, закрывающую лицо, заправил за воротник.

«Поэтому я расскажу вам обо всех специализациях, которым обучают в Академии. Во-первых, это маги-поводыри. Они сродни магистрам-иллюзионистам, но специализируются на опасных тварях. Уничтожить тварей невозможно, пока жив маг...»

Вертрана бежала изо всех сил. У нее мало времени, так мало! Еще пара секунд — и неведомый маг создаст новых чудовищ. Мимолетно восхитилась талантом мастера Лота, который создал не только пещеру, но и мага-поводыря, творящего иллюзии. Теперь главное — найти его.

Подошвы туфельек заскользили по гладкому полу: Вертрана на полном ходу выскочила в круглый зал и едва удержалась на ногах. У противоположной стены стоял человек, завернутый в темную накидку, которая скрывала лицо. Он казался сгустком мрака. Впрочем, он ведь и сам был лишь иллюзией.

— Возмездие... — прошелестела тень, поднимая руку.

Но указательный палец был направлен за спину Вертраны.

«Возмездие? Что за странное заклинание?» — удивилась Верта, невольно оборачиваясь на лорда Конора.

Ироничный, язвительный и обычно бесстрастный лорд Ростран был бледен, будто увидел собственную гибель.

— Морто! — закричала Верта.

Заклинание мгновенной смерти было верным, вот только сила намерения подкачала. Едва ли на троечку, явно недостаточно для того, чтобы сразить мага в настоящем бою. Верта исчерпала почти все силы, уничтожая тварей.

«Все пропало... — мелькнуло в голове. — Если бы на семерочку хотя бы... Но у мага может быть и девятка...»

Однако магистр Широ, следивший за испытанием, почему-то решил засчитать попытку. Фигура мага развеялась облаком темного дыма, а под сводами пещеры загремел голос преподавателя:

— Испытание пройдено. Возвращайтесь.

*** 14 ***

— Ненавижу его! — процедила Вертрана. — Просто ненавижу!

Она упала на кровать не раздеваясь, накрыла лицо подушкой, прижала ее поплотнее и завопила. Ее до сих пор потряхивало от ужаса, не верилось, что испытание закончилось благополучно. Проклятый лорд Конор, одни неприятности от него!

Мей погладила подругу по голове, а Эйлин, которая была вовсе не так деликатна, отобрала у Вертраны подушку.

— Так, посмотри на меня! А кто говорил, что испытания будут легкими? Лорд Конор, конечно, перегибает палку, но... Кто знает, может быть, ему действительно грозит опасность?

Элли осеклась, понимая, что сболтнула лишнее.

— Ну спасибо! Подбодрила! — буркнула Верта, с тяжелым вздохом садясь на постели. — Знаете, я думаю, что у него на самом деле есть какая-то тайна...

И она рассказала подругам о последних минутах испытания, о колдуне без лица, о пальце, указывающем на лорда Конора, и о «возмездии».

— Как странно... — протянула Мей.

— Это еще не все! Он не думал, что я увижу, велел идти вперед, а сам задержался. Я пошла медленно и услышала, как он ругается с мастером Лотом...

— С мастером Лотом? — удивилась Эйлин.

— Да. Господин Ростран был весь на взводе. Он крикнул: «Что тебе известно о нем?» Хорошо, что магистр Лот остался спокоен. Он ответил: «Вы увидели что-то свое в этом образе, я только создал мага-поводыря, как вы попросили...»

— А потом?

И Мей, и Эйлин подались вперед, впитывая каждое слово. Лорд Конор явно что-то скрывал, и эта тайна будоражила воображение.

— Фыркнул, развернулся и ушел. Даже не проводил меня, но это-то меня как раз совсем не расстроило. У меня от этого человека мороз по коже!

Вертрана поежилась, будто ей и правда стало холодно. Она успокаивала себя тем, что учебный год только начался и лорд Конор переключит свое внимание на другую выпускницу. Сегодня она с трудом прошла испытание. Зачем ему еще одна слабая магисса?

— Девочки, как думаете, они действительно мертвы? — хрипло спросила она. — Прежние помощницы лорда Конора?

Эйлин покачала головой: «Не знаю...». Мей прильнула к подруге, утешая.

— А ты что же думаешь, он их контрабандой отправил в соседнее королевство, где они живут долго и счастливо? — рассмеялась Лора, подслушав разговор. — Держи карман шире!

Когда Лора злилась, то сразу вспоминала словечки из детства, проведенного в лавке торговца скобяным товаром. А в последнее время Лора часто бывала не в духе: слухи о том, что в этом году на отборе будет присутствовать лорд Финер — наследник знатного рода, — оказались лишь слухами. Лора, которая вот уже два года строила планы по его оболъщению, надеялась до последнего, но молодой и симпатичный, если верить сплетням, господин Таурис в Институте так и не появился.

— Нельзя быть такой злоюкой, Лора! — крикнула Мей.

Эйлин сохраняла королевское спокойствие.

— Не обращай внимания, Вертрана. Собака лает — ветер носит. А ты в следующий раз спроси у лорда Конора напрямую.

— Что? Про помощниц? — опешила Верта.

— Да! Иначе так и не узнаешь правды.

Занятия продолжались своим чередом. Теперь раз в неделю розочки ездили в больницу для малоимущих. С них и там ни на секунду не спускали глаз. Хотя, как показал случай, воспитанницы не смогли бы сбежать, даже если бы захотели.

Вертрана с первого курса обдумывала планы побега. Сначала наивные — устроиться в балаган к бродячим артистам или отправиться за границу. Ух и заживут они на воле!

Потом Верта подросла, и даже работа горничной стала казаться ей пределом мечтаний. Почему нет? Честная работа, и потом она сможет выйти замуж за хорошего парня-ремесленника.

Эйлин скептически выслушивала подругу и качала головой. Может быть, она уже тогда знала больше Вертраны.

Нелл всегда казалась тихой девушкой, послушной и робкой. Поэтому, когда к больнице подъехали кареты, чтобы отвезти розочек обратно в Институт, ее пропажу посчитали случайностью. Мало ли, задержалась у постели пациента. Или потратила слишком много сил и теперь приходит в себя в крошечной комнате отдыха с чашкой горячего сладкого чая.

— Приведите ее поскорее! — махнула рукой Богомолиха.

Девушки бросились исполнять приказание. Не хватало еще рассердить классную даму: из-за неторопливой Нелл все могут остаться без ужина.

— Нелл! Нелли! — кричали они на все лады, бегая по коридорам больницы. — Нелли! Отзовись!

Хотя к поискам пропавшей присоединился весь персонал больницы и сам начальник, розочка как в воду канула.

— Сбежала...

Непонятно, кто первым произнес это слово, но его тут же подхватили другие испуганные голоса.

Скромная Нелл. Нерешительная Нелл. Сбежала! Никто и подумать не мог. После последнего испытания она, правда, сделалась молчалива, почти не улыбалась, но чтобы сбежать!

— Поймают? Не поймают? — шептались подруги, пока ехали в карете, и безумная надежда трепетала в сердце. — Пусть бы не поймали! Пусть!..

Не успели розочки вернуться в Институт, как их немедленно вызвала к себе госпожа Амафрея. Девушкам даже не дали переодеться, сразу повели в кабинет директрисы.

Вертрана не бывала здесь с тех пор, как прошла вступительное испытание. Ничего не изменилось: на полках все так же стояли причудливые игрушки, а на столе черный магический шар.

«Аквамарин...» — всплыло в памяти непонятное слово и довольное лицо Сухаря. Вертрана до сих пор не понимала, что это означает.

Воспитанницы сбились в стайку, не решаясь поднять глаза.

— Я даже не спрашиваю, знал ли кто-то о побеге! — угрожающе выплонула директриса. — Это неважно, потому что будут наказаны все! Но я позвала вас не для этого. Посмотрите, что случится с каждой, кто решится на такой глупый и безответственный поступок. Эта неразумная девчонка, эта Нелл, ранила меня в самое сердце! Разве я плохо о вас забочусь?

— Нет, госпожа Амафрея, — раздался нестройный хор голосов. — Вы нам как родная мать...

Сухарь смахнула с щеки воображаемую слезу.

— И как мать я должна направлять заблудших детей!

Директриса положила ладонь на черный шар, и тот засветился мягким белым светом. В воздухе над ним возникла картинка. Розочки ахнули: перед ними появилась Нелл. Совсем как настоящая, только фигурка ее была крохотной и полупрозрачной. Госпожа Амафрея приблизила изображение.

Нелл, оглядываясь, торопливо шла по улице. Прятала руки в рукава тонкой накидки и ежилась от холода. На ее щеках виднелись следы слез.

У Вертраны перехватило дыхание, так стало жаль бедняжку.

— Думаю, самые сообразительные из вас давно догадались, — продолжала госпожа Амафрея ледяным голосом. — Деньги получали ваши родные, но на самом деле договор подписывали вы. И только мне решать, куда и когда вы уйдете!

Верта вздрогнула, вспоминая. Капелька крови на кончике пальца, ее ладонь, прижатая к холодной поверхности камня... Так вот оно что! Поэтому побег еще никому не удался!

— Возвращайся! — приказала госпожа Амафрея.

В ее голосе зазвенело железо. Нелл, конечно, не могла слышать голос, тем не менее она остановилась как вкопанная и прижала руку к груди. Она будто боролась сама с собой. Вот сделала еще один маленький шаг вперед, еще полшажка.

«Иди, иди, миленькая!» — мысленно подбадривала ее Вертрана.

Но Нелл вдруг вскрикнула, словно ей сделалось больно, развернулась и со всех ног побежала в сторону Института.

В кабинете повисла гробовая тишина. Взгляд директрисы давил, заставляя головы воспитанниц опускаться все ниже.

— Идите, — наконец произнесла она. — Три дня без ужина.

В полном молчании розочки поднялись к себе в спальню. Дейзи пыталась было пошутить, что это они еще легко отделались, но на нее зашикали. Каждая думала о несчастной Нелл и о том, что с ней будет дальше.

Прильнув к окну, девушки всматривались в густеющие сумерки, силясь разглядеть бредущую в сторону ворот хрупкую фигурку. Так и не увидели, как она возвращается, но потом разговорили Тину, прислужницу, посулив ей принести пирожное после следующего чаепития.

Болтушка Тина и рада была посплетничать. «Да, Нелл вернулась. Сама пришла. Иногда приходится выходить навстречу и тащить волоком, но не в этот раз. Бледнющая и трясется! Госпожа Амафрея ждала ее в кабинете. Потом... Вы ведь и сами знаете, милые. Теперь она в лазарете, а что дальше будет — не знаю...»

Зато Вертрана знала. Нелл отдадут первому лорду, готовому заплатить за бракованный товар. Смутьянки и беглянки считались бракованными. Вряд ли розочки когда-нибудь снова увидят робкую Нелли.

Мей рыдала, укрывшись одеялом. Эйлин вытянулась на спине, глядя в потолок. Никто не разговаривал в этот вечер.

*** 15 ***

— Раз, два, три... Раз, два, три... Девочки, слушаем музыку! Держим такт!

Щуплая преподавательница танцев и сама напоминала девочку, хотя была уже немолода. Она легко скользила по паркету между танцующих пар, успевая то поправить локоть, то хлопнуть по спине, чтобы девушки выпрямились.

— Живее! Что вы ползаете как сонные мухи? Скоро ваш первый бал! Разве вы не хотите понравиться будущим хозяевам?

Занятие длилось второй час. У Вертраны онемели руки и шея, было жарко и хотелось пить. Но через четыре дня намечался бал, и поэтому розочек гоняли до седьмого пота.

— Хорошо! — Госпожа Пати хлопнула в ладони. — Передышка. Пять минут! Можете выпить воды.

Верта жадно приникла губами к стакану. Розочки вздохали, пытаясь размять затекшую спину, промакивали вспотевшие лбы платочками.

Иллюзии, как только девушки опустили руки, встали без движения, вперив глаза в пол.

Когда Верте было одиннадцать и она впервые пришла на занятие танцами, то сначала приняла темноволосых мальчиков, затянутых в одинаковые темно-синие ливреи, за живых людей. Даже обрадовалась: будет с кем поболтать во время урока. Но мальчики оказались иллюзиями. Удивительно реалистичными, но все-таки миражами. Их изготовил по специальному заказу сам мастер Лот. После занятия партнеры превращались в кристаллы кварца, которые госпожа Пати заботливо укладывала в обитую бархатом коробочку.

Казалось, прошла всего минута, когда преподавательница приказала снова встать в пары.

— Я сейчас умру, — простонала Мей. — Я больше не могу...

— Все ты можешь, милочка, — слух у госпожи Пати был острым, как у лисы. — Своему будущему господину тоже будешь говорить: «Я больше не могу?» Не советовала бы! Некоторые лорды бывают суровы.

Преподавательница взглянула на растерянное лицо Мей и смягчилась.

— Ну-ну, еще полчаса, и я вас отпущу. А если будете стараться, то открою секрет, расскажу о традиции, принятой на первом балу.

Розочки переглянулись и решили, что любая информация о первом бале не станет лишней. Они действительно старались, никто и не пикнул. Госпожа Пати осталась довольна и милостиво улыбнулась.

— Не такая уж это тайна, кто-нибудь из горничных или служанок все равно бы проговорился...

— Пожалуйста, миленькая госпожа Пати, не томите! — не выдержала Дейзи, молитвенно прижав руки к груди.

Дейзи отчего-то всегда прощались любые выходки, и она этим беззастенчиво пользовалась.

— Дейзи, Дейзи! — Преподавательница для вида погрозила белокурой розочке. — Ну хорошо! Вы можете сами выбрать кавалеров для первого танца, если осмелитесь попросить об этом вашу классную даму. Это называется «Право надежды». Запомните?

— Право надежды... — протянула Вертрана. — Как красиво...

Она уже знала, кого пригласит. Конечно, лорда Ханка. Ей бы только один танец, и господин Одгер обязательно поймет, что Верта — та, кто ему нужна!

Но, как и следовало ожидать, из-за лорда Ханка розочки перессорились. Юного и симпатичного паренька хотела пригласить каждая.

— Давайте тянуть жребий! — предложила Лора. — Это будет честно.

Решили, что первый танец с господином Одгером достанется тому, кто вытащит короткую соломинку. Во время вечерней прогулки Богомолиха никак не могла взять в толк, почему ее воспитанницы присели у обочины дороги и что-то ищут в снегу.

Вечером Лора разложила на постели восемь бурых сухих стебельков — один короткий и семь длинных. Эйлин завязала глаза, она собрала соломинки, так что из кулака торчали только кончики.

— Готово!

Вертрана дернула первой и фыркнула от разочарования: длинная. С пристрастием она наблюдала за подругами: кому же улыбнется удача? Когда Дженни вынула предпоследнюю соломинку, стало понятно, что везение сегодня на стороне Эйлин: короткую никто не вытащил, а значит, она осталась в ее руке.

— Счастливица... — вздохнула Дейзи.

— Передаю свое право Верте, — улыбнулась Эйлин.

— Правда? Спасибо огромное!

Вертрана бросилась обнимать подругу, а та незаметно подмигнула ей и разжала ладонь, показывая длинный стебелек. Хитрая Эйлин подменила соломинку.

— Я знаю, что для тебя это важно. Смотри, не упusti шанс!

Бальный зал готовили к приему гостей несколько дней. Сняли чехлы с мебели и зеркал, покрыли мастикой паркетный пол, обновили позолоту. Бронзовую люстру, покрывшуюся за лето зеленой патиной, натерли до блеска. Прислужницы, взобравшись на стремянки, вставляли в выемки новые свечи, такие белые и гладкие, что казались сахарными.

Розочки подглядывали за приготовлениями в щелку неплотно закрытых дверей.

— А почему свечи, а не магические сферы? — недоумевала Мей.

— Традиция, — шепнула Вертрана. — Наш Институт всегда соблюдает традиции...

— Вот вы где! Снова! — резкий голос Богомолихи заставил девушек отпрянуть от двери. — Да сколько можно вас гонять! Не терпится на бал? Всему свое время! А теперь на примерку. Быстро!

Для бала выпускницам сшили новые платья. Приглашенные портнихи заново сняли мерки, а потом долго обсуждали с классной дамой и госпожой Амафреей фасоны и цвета. Надо отдать должное мастерицам, наряды сидели на фигурах девушек идеально.

— Тебе очень идет карминовый! — подбодрила Эйлин Вертрану.

Верта посмотрела на себя в зеркало, и ей сделалось страшно. Когда она успела стать такой взрослой? Лиф платья выгодно очерчивал полную грудь, открывая соблазнительную ложбинку. Неужели и лорды это увидят? Какой кошмар! Без пелеринки Вертрана чувствовала себя голой.

Мей рядом с ней казалась совсем девочкой. Ей на лиф нашили кружева, чтобы сделать пышным то, в чем подвела природа.

Эйлин выглядела королевой. Впрочем, она в любом наряде смотрелась величественно.

— Я не хочу на бал... — прошептала Верта. — Все будут на меня пялиться... Выбирать... И лорд

Конор! Не хочу!

Она спрятала лицо в ладонях.

— Нам нечего стыдиться! — жестко сказала Элли, взяв подругу за запястья. — Ты не дашь им себя сломать! И ты, Мей!

Она шутя ткнула Вертрану в лопатку, заставляя распрямить спину.

— К тому же, Верта, тебя никто не отдаст лорду до тех пор, пока тебе не исполнится восемнадцать. Даже если кто-то заплатит, ему придется ждать еще два месяца. Два месяца спокойствия. Разве это мало?

— А мне уже исполнилось восемнадцать, — грустно сказала Мей.

— Ой, девочки, какие же вы нытики! Выше головы! Раз уж нам все равно придется идти на бал, давайте повеселимся как следует!

*** 16 ***

Пока прислужницы собирали Верту на бал, она бесконечно прокручивала в голове все, что скажет лорду Ханку. У нее всего один танец, чтобы произвести впечатление.

«Надо его рассмешить, — думала она. — И, конечно, быть милой, веселой и не забывать улыбаться! Слушать все, что он говорит, с большим вниманием...»

— Вертрана, голубушка, не хмурь лоб! — окликнула ее Богомолиха. — Морщинки появятся.

— Госпожа Гран, нам сказали, что на первом балу можно самим выбрать себе партнера? — решила Верта. — Право надежды...

Последние слова она произнесла шепотом.

— Кто это вам сказал? — притворно рассердилась классная дама, которая, конечно, ожидала вопроса. — Ну ладно, ладно, пойдем вам навстречу. Видите, как добра госпожа Амафрея!

— Очень добра, очень! И вы тоже!

Розочки бросились целовать ручку своей наставнице.

— Ну-ну, мои дорогие! — Та расплылась в самодовольной улыбке. — Не отвлекайтесь. Не заставляйте наших гостей ждать.

Бальный зал в Институте был небольшим. Много места и не требовалось: здесь редко собиралось больше двадцати человек.

Люстра сияла огнями, которые отражались в зеркалах и начищенном паркете. У стены стояли столы с легкими закусками и напитками. В эркере настраивал инструменты приглашенный оркестр.

Гости ожидали выпускниц на мягких креслах, а госпожа Амафрея занимала их беседой. В руках директрисы была раскрытая папка, где она делала пометки.

Вертрана прислушалась, но не услышала из разговора ни слова.

— Наверное, нас обсуждают, — предположила она. — Спрашивает о предпочтениях...

— Наверное... — выдохнула Мей. — Вот бы заглянуть в эти записи.

Начальница института увидела вошедших девушек, немедленно закрыла папку и изобразила радушную улыбку.

— Наши прекрасные розы! Гордость Института! Поприветствуйте гостей!

Воспитанницы присели в реверансе. Лорды встали со своих мест, правда, кланяться не стали. Вертрана только на мгновение подняла голову, чтобы заметить, где стоит господин Одгер, и тут же снова опустила глаза, чтобы случайно не встретиться взглядом с лордом Конором. А он тоже явился не запыхавшись. Стоял со скучающим видом, будто делал всем присутствующим одолжение.

Госпожа Амафрея произнесла короткую речь, в которой снова напомнила о том, как гордится Институт своими выпускницами, ведь каждая из них бриллиант чистой воды. Лорды морщились. «Цену набивает», — читалось на их лицах.

— Сегодня, в честь первого бала, воспитанницы хотят воспользоваться своим «правом надежды».

Каждая из них сама выберет себе кавалера.

Лорды переглянулись с недоумением, но и с любопытством. Некоторые приосанились, поправляя сюртуки. Вертрانه сделалось смешно. Вот так — почувствуйте себя на нашем месте. Поймите, каково это, когда выбирают!

Хотя гостям позор, конечно, не грозил. Розочки заранее распределили лордов между собой, бросая жребий.

— Да будет бал! — громогласно объявила директриса, и, подчиняясь взмаху ее руки, грянула музыка.

Выпускницы устремились к лордам. Делали книксен, глядя в пол. Ни одна не получила отказ. Да и с чего бы? Вот и лорд Конор закружил в танце Алану. Выражение лица у него не изменилось — разве что не зевал.

Вертрана устремилась к лорду Ханку. Длинное платье мешало, путалось под ногами, а Верта так волновалась, что один раз запнулась и едва не упала. Встала напротив юного лорда, неловко присела. Щеки пылали. Ничего, самое страшное позади, теперь только протянуть руку, а он возьмет ее и...

— Прости, милая, я не стану с тобой танцевать.

Ведро ледяной воды и то произвело бы меньший эффект, чем эти неожиданные слова.

— П-почему? — от удивления Вертрана начала заикаться.

— Боюсь, ты мне не подходишь.

Вертрану бросало то в жар, то в холод. «Позор, какой позор!» — стучало в висках.

— Присядь!

Лорд Ханк заботливо придержал ее за локоть, помогая опуститься в кресло.

— Не надо так переживать. — Голос, несмотря на слова участия, звучал безразлично.

Первый танец Вертрана провела в кресле, вцепившись в подлокотники и стараясь выровнять дыхание. Она ловила на себе взгляды розочек — недоумевающие, удивленные, злорадные... Эйлин, которая кружилась в паре с лордом Геронимом, приподняла бровь: «Что случилось?» Верта в ответ только покачала головой. Если бы она знала!

Бал продолжался. Хорошо, что госпожа Пати нещадно гоняла их в последние дни: все танцевальные движения Верта повторяла автоматически, отключив голову. Она и не понимала, с кем танцует. Машинально отвечала на одинаковые вопросы: «Да, учиться мне нравится. Любимый предмет целительская магия. А вот тяжелее всего дается артефакторика и рунология. Да, госпожа Амафрея о нас хорошо заботится. Спасибо, вы очень добры...»

Через час объявили небольшой перерыв, гостей и воспитанниц пригласили к столу. Вертрана осушила бокал с соком и немного опомнилась. Огляделась. Рядом с ней стояла Элли и задумчиво разглядывала подругу.

— Итак? — спросила она.

— Ой, я ничего не знаю. Не знаю... Он отказался со мной танцевать. Сказал, что я ему не подхожу...

— Ой, а мне лорд Героним сказал, что меня ждет хорошая новость... — прошептала Мей. — Что это значит, девочки? Я боюсь!

— Так, не будем волноваться раньше времени! — бросила Эйлин.

Она по-хозяйски сунула в руки одной и другой по тарталетке с грибным паштетом и заставила съесть.

— Не хватало еще, чтобы в обморок грохнулись... от счастья!

Вертрана едва проглотила последний кусочек, как снова заиграл вальс. Она хотела было отойти и встать за колонну — авось никто ее не заметит до следующего танца, но только развернулась, как уперлась носом в грудь, обтянутую темно-синим атласом. С этим кавалером она сегодня еще не танцевала... Подняла взгляд выше и невольно отпрянула.

— Лорд Конор?

— Всего лишь я, — усмехнулся тот. — И, прошу заметить, огорчен, что на первый танец ты пригласила не меня. Но от моего приглашения ты отказаться не можешь.

Вертрана с наслаждением представила, как гордо развернется и уйдет, бросив напоследок: «Откажусь, даже если станешь умолять на коленях!» Родись Верта аристократкой, ей было бы позволено многое. Но, увы, даже в прекрасном платье и с отличными манерами она оставалась в глазах света бесправной простолюдинкой.

— Конечно, — процедила она.

— «Мой лорд»! — добавил господин Ростран, кивком давая понять, что Верта должна повторить.

— Конечно, мой лорд, — выплюнула Верта.

И тут же оказалась в крепких объятиях. Мужская ладонь сжимала ее руку не больно, но твердо, и вторая ладонь на талии чувствовала себя уверенно. Когда лорд Конор притянул к себе Вертрану, она почти уткнулась носом ему в плечо. Ощутила аромат сандала и кардамона и запах пота здорового молодого тела. В душе взметнулась буря незнакомых, пугающих чувств. Вертрана зажмурилась, стараясь не дышать. Мир кружился вокруг нее в такт музыке.

«Спроси у лорда Конора о помощниках...» — услышала она в голове спокойный голос Эйлин. Надо решаться! Лучшего времени не найти.

— Лорд Конор...

— М-м? — удивился он, будто бы с ним внезапно захотел пообщаться стул. — Хочешь поговорить?

— Да!

— А я нет.

Вертрана на секунду опешила, но второй отказ за вечер вместо того, чтобы окончательно вывести из душевного равновесия, вдруг ее разозлил.

— Я хочу спросить! Правда ли, что ваши прежние помощники умерли? — выпалила она на едином дыхании.

— Погибли, — бесстрастно поправил господин Ростран. — Да, правда.

— Сколько их было?

— Две.

В голосе лорда Конора не ощущалось ни печали, ни вины, у Вертраны же сдавило грудь.

— А теперь вам, конечно, нужна новая? — Верта очень старалась, чтобы голос ее прозвучал беззаботно и капельку язвительно.

— И как же ты догадалась? — Лорду Конору тоже ехидства было не занимать. — Удивительно! Не ожидал от тебя такой сообразительности после того, как волколаки едва не освежевали тебя заживо.

Щеки Вертраны запылали от гнева и стыда. Она и так не могла себе простить, что опростоволосилась на испытании, так теперь этот напыщенный индюк будет ей при каждом удобном случае напоминать о промашке.

— Что поделать... Не все так отважны и храбры, как благородные лорды! Они-то никогда не испугаются призраков и иллюзорных колдунов. Не то что мы, слабые девушки.

Верта прикусила язык, но было уже поздно. Если лорд Конор доложит Сухарю о дерзкой воспитаннице, Вертрану ждет суровое наказание. Ужином дело не обойдется...

Господин Ростран встал как вкопанный. Верта с ужасом ожидала, что сейчас захрустят ее пальцы, сдавливаемые сильной рукой.

— Ты вообразила себя кем-то, кто смеет общаться со мной на равных, жалкое создание? — В голосе лорда Конора звенел лед.

Он ушел, оставив ее одну в центре зала.

— Ненавижу... — прошептала Вертрана вслед.

Вертрана спряталась на лавочке у стены, перевела дух. Ну что за вечер такой! Она возлагала на него столько надежд, но все пошло наперекосяк. А что ее ждет после окончания бала, и представить страшно. Лорд Конор наверняка пожаловался Сухарю на бесстыжую ученицу...

Будто в ответ на ее мысли директриса, которая все время провела в кресле, застыв с прямой спиной, и молча наблюдала за парами, поднялась со своего места и хлопнула в ладони. Музыка немедленно стихла.

«Начинается...» — подумала Вертрана и зажмурилась.

— Дорогие гости, девочки, прошу вас подойти ближе. Я хочу завершить вечер восхитительной новостью!

Верта открыла один глаз: неужели обойдется? Госпожа Амафрея лучилась улыбкой. В таком приподнятом настроении директриса бывала тогда, когда дело обещало выгоду.

«Новость! — вспомнила Верта. — Мей говорила что-то о хорошей новости!»

Вскочив на ноги, она побежала разыскивать подругу.

Мей стояла, опершись на руку Эйлин, в лице ни кровинки. Верта встала рядом, сжала прохладные пальцы. Рыжуля вздрогнула и подняла на нее испуганный взгляд.

— Это я... Ну что ты? Не бойся... Что ты себе надумала?

— Попрошу тишины!

Госпожа Амафрея, не переставая улыбаться, кинула в сторону девушек холодный взгляд. Потом повернулась к лорду Герониму и кивнула, приглашая подойти.

— Мы с гордостью сообщаем, что лорд Героним из рода Гернаус счел воспитание и магические способности одной из выпускниц достаточными, чтобы сделать выбор заранее. Наша драгоценная розочка продолжит обучение до конца года, но с этого дня будет носить знак принадлежности к почтенному роду Гернаус.

Лорд Героним, который в желтоватом сиянии свечей выглядел сегодня еще старше, чем обычно, слегка поклонился и, приподняв рукав, размотал с запястья знакомую золотистую ленту. Вертрানে она показалась похожей на яркую ядовитую змейку.

Воспитанницы затаили дыхание и замерли. Они избегали смотреть на лорда, как прежде во время экзаменов прятали глаза от учителя, — будто это укрывало их пологом невидимости.

Вертрана почувствовала, как дрожит ладонь Мей, и накрыла ее второй рукой.

Госпожа Амафрея не торопилась с оглашением. Обвела подопечных медленным взглядом.

— Вы все должны стараться еще лучше. Только достойных выберут раньше срока!

«Нет уж, спасибо! Как-нибудь обойдусь без этой чести!» — мысленно фыркнула Вертрана.

— Берите пример со своей подруги. Поприветствуйте первую избранную. Мей!

Мей приглушенно ахнула, ноги у нее подогнулись. Если бы не подруги, хрупкая розочка распласталась бы на паркетном полу. Эйлин незаметно ущипнула ее за предплечье, приводя в себя.

— Держись, Мей. Ну же! Ничего! Мы все знали, что этот день наступит!

— Наша прекрасная Мей готова лишиться чувств от радости, — нежно проворковала директриса. — Помогите ей, девочки. А где же аплодисменты?

Зал взорвался громом рукоплесканий. Раскрасневшиеся розочки, на этот раз избежавшие печальной участи, старались от души. Лорды, для которых это было всего лишь развлечением, не отставали. Лорд Конор не принимал участия во всеобщем веселье. Он сидел, откинувшись в кресле, и кривил губы в презрительной усмешке.

«Я не твоя! — думала Вертрана, и сердце ликующе стучало, хоть и было стыдно перед несчастной подругой. — Я не твоя!»

Эйлин и Вертрана медленно повели Мей вперед.

— Наклони голову, детка, — ласково приказала госпожа Амафрея. — Ниже... Вот так, так...

Мей склонила голову, короткие рыжие пряди упали на лицо, и только Верта и Элли увидели, что из ее глаз текут крупные слезы.

Лорд Героним взял ленту за два конца.

— Сия дева принадлежит мне, — провозгласил он ритуальную фразу.

Обвил тонкую шею Мей лентой и завязал крепким узлом.

*** 17 ***

Когда воспитанницы вернулись в спальню, Мей уже не плакала. Она с отрешенным видом снова и снова трогала ленту не шее, и это отчего-то пугало сильнее слез.

Эйлин и Вертрана переглянулись и решили, что надо дать подруге выговориться. Нельзя сейчас оставлять ее одну.

Они сдвинули кровати, как делали это иногда в детстве, чтобы наговориться перед сном и согреться холодными зимними ночами. Богомолиха, заметив поутру на одной подушке черноволосую, светленькую и рыжую головки, ругалась и в наказание заставляла девочек неделю застилать постели за всеми воспитанницами. Подруги надеялись, что сегодня классная дама слишком устала на балу и не придет с проверкой.

Мей положили в середину, накрыли тремя одеялами, чтобы она поскорее согрелась: рыжуля дрожала, как от озноба.

— Ну вот, Мей, это ведь и к лучшему! — преувеличенно жизнерадостно сказала Эйлин. — Ты теперь знаешь, в какой род отправишься, у тебя будет время привыкнуть! Это лучше, чем узнать имя будущего хозяина на выпускном вечере!

— Да! — подхватила Вертрана, хотя ее тоже потряхивало от переживаний. — А то, что он стар, так это даже и к лучшему. Значит, не будет так часто... Так часто...

Элли коротко взглянула на Верту поверх головы Мей, и ей показалось, что горячий взгляд подруги прожег ее насквозь.

«Ой, что я такое говорю!..»

— Все хорошо. Вы правы. Я почему-то ждала, что именно так все и будет. С самого начала знала...

Голос Мей оказался неожиданно спокоен. Вот только отчего Вертране чудилось в ее тоне смирение приговоренного к казни?

— Ничего, если я расскажу, о чем мечтала? Как раньше, когда мы были маленькими и любили вот так же лежать и представлять будущую жизнь? В последний раз...

Вертрана погладила подругу по волосам. Вслух ничего не смогла сказать, побоялась, что разревется.

— Да, конечно... — хрипло ответила Эйлин. — С радостью послушаем.

— Мастер Ройм...

— О, Мей!

— Не перебивай! Пожалуйста... Кроме того, что он такой красивый, он еще и умный. И добрый. Он понимал меня, как никто...

Элли покачала головой.

— Мей... Меюша... Ты придумала его себе. Ты совсем не знаешь мастера Ройма, вы встречались только на занятиях.

— Нет, не только, — прошептала Мей, так, чтобы никто из розочек больше не услышал.

Теперь уже и Вертрана недоверчиво воззрилась на подругу.

— Что?

— Нет, ничего такого! Не думайте! В первый раз я пришла к нему четыре недели назад, просто чтобы он объяснил мне домашнее задание. Честное слово, сначала я пошла в библиотеку, но просидела над книгой полчаса и не поняла ни строчки...

Хотя воспитанницы Института и привыкли делить одну спальню, проводить время друг с другом с утра до ночи, вместе ходить и в столовую, и на занятия, порой даже им требовалось уединение. Тихая и задумчивая Мей нуждалась в одиночестве острее других. Иногда она уходила прогуляться по крытой галерее в маленьком зимнем саду. Иногда отправлялась в библиотеку. Иногда сидела на подоконнике третьего этажа, где окно выходило на главные ворота и дорогу, по которой проезжали кареты.

Подруги знали, что через несколько часов Мей вернется и снова станет ласковой и веселой рыжулей. Но ни Вертране, ни Эйлин и в голову не могло прийти, что в последнее время Мей ходит к учителю зельеварения.

— Клянусь, мы просто говорили! — воскликнула Мей шепотом, но все равно достаточно громко, чтобы на нее обернулась Лора.

Эйлин прижала палец к губам и покачала головой: «Тихо!»

— Мы просто говорили... — повторила Мей. — Сначала об учебе. Потом обо всем... Я подумала, ведь маги, закончившие Академию, обычно тоже аристократы. Что если мастер Ройм...

— Не обязательно аристократы! — невежливо перебила Вертрана, но она слишком волновалась за подругу, чтобы промолчать. — Многие одаренные студенты получают стипендию. Или бывает, что аристократ происходит из обедневшего рода, а заслужив магическую степень, становится единственным кормильцем семьи. Стал бы мастер Ройм работать учителем, будь у него деньги?

Мей моргнула, совершенно раздавленная. Тонкие пальцы снова неосознанно провели по ленте, словно стараясь ее сорвать.

— Она все знает! — оборвала Эйлин Вертрану. — Мей ведь сразу предупредила, что будет говорить о мечте.

— Да... О мечте... Знаете, девочки, за все годы, проведенные в Институте, это было самое счастливое время. А за счастье всегда приходится платить...

— Нет, но мастер Ройм-то каков! — Верта все никак не могла успокоиться. — Чем он только думал! Вскружил девчонке голову!

— Он ничего не делал! Ни разу не прикоснулся ко мне! Мы читали книги, иногда варили зелья. Говорили... Это было так весело...

Голос Мей становился все глуше, и она все-таки разревелась. А Верта и Эйлин впервые за вечер вздохнули спокойно: выплачется, и станет легче.

Они обняли ее с двух сторон, как в детстве, соприкоснулись головами. Так и уснули.

Вертрана проснулась в кромешной темноте, не понимая, сколько прошло времени. Рядом, повернувшись на бок, безмятежно спала Эйлин. На месте Мей лежало смятое одеяло, а самой рыжули не было.

«Прогуляется и придет! — успокаивала себя Вертрана. — Куда она денется! За ворота выйти не сможет...»

Но сердце все равно было не на месте. Верта то хотела бежать на поиски подруги, то, испугавшись, что накличет на ее голову беду, уговаривала себя оставаться на месте. Она ворочалась с боку на бок, прислушивалась к шагам в коридоре и не могла сомкнуть глаз.

Прошло, наверное, не меньше трех часов, когда дверь в спальню приотворилась и в комнату проскользнула Мей. Она так и ушла в ночной рубашке и босиком, только накинула на плечи пелеринку. Бедная тряслась от холода.

Вертрана уже хотела отругать подругу, уложить поскорее в постель и укутать одеялом, но что-то ее удержало.

Мей вела себя странно. В сером предутреннем свете стало заметно, что ее щеки горят лихорадочным румянцем. Она села на край кровати, и из ее ладони на колени выкатился флакончик с желтоватой жидкостью. Мей закрыла лицо руками. Потом запустила пальцы в волосы и с силой дернула их.

От неловкого движения стеклянный флакончик упал на пол и со звоном раскололся.

— О нет... — простонала Мей. — Нет...

Бросившись на колени, стала собирать осколки. Тут уже Вертрана не выдержала, перестала

притворяться, что спит, и опустилась на пол рядом с подругой.

Мей, закусив губу, складывала стеклышки в ладонь.

— О нет, нет... — продолжала шептать она.

Увидела Верту и вздрогнула всем телом.

— Мей, где ты была?

Мей сделала вид, что не слышит.

— Мей, что это?

— Ах, отстань! Отстаньте от меня все!

Она достала из тумбочки лист бумаги с домашней работой по рунологии, над которой вчера корпела весь вечер, завернула в него осколки, скомкала и выкинула в корзину. Потом, не глядя на Вертрану, забралась в постель, накрылась одеялом и затихла.

*** 18 ***

Весь следующий день воспитанницы провели на практике в больнице. Мей немного повеселела. Она избавила маленького пациента от горячки, а потом, пользуясь тем, что ее не видит никто кроме розочек, принялась развлекать мальчика, складывая из листа бумаги то лодочку, то лягушку, то цветок.

— Магия, да? Магия? — восторженно спрашивал паренек. — Ух!

— Магия, — улыбалась Мей. — Сейчас и тебя научу колдовать.

Вертрана вздохнула с облегчением: что бы ни случилось вчера ночью, подруга справится.

В Институт возвратились довольные, болтали о разных пустяках. Мей будто совсем забыла о ленте, что теперь украшала шею. Даже ужин съела с аппетитом.

После того как тарелки опустели и прислужницы убрали со столов, к воспитанницам неожиданно вышла госпожа Амафрея. Благоклонно улыбнулась Мей.

— Выглядишь посвежевшей. Умница.

Обвела взглядом выпускниц.

— Девочки, у меня для вас две новости. Во-первых, хочу сказать, что вы хорошо справляетесь с испытаниями. Но впереди ждет еще одно, пожалуй, самое важное.

Девушки переглянулись. «Рунология? — пробежал по рядам шепот. — Зельеварение? Изготовление артефактов?»

Директриса с улыбкой покачала головой.

— Для вас это будет нечто новое. Узнаете в свой черед. И, как обещала, вторая новость, не столь хорошая. К сожалению, наш преподаватель зельеварения с сегодняшнего дня больше не работает в Институте. Утром он неожиданно уволился... Мей? Мей! Принесите кто-нибудь стакан воды!

Мей покачнулась и, лишившись чувств, едва не упала на мраморный пол. Эйлин подхватила ее в последний момент, пристроила ее голову у себя на плече. Вертрана бросилась обмахивать подругу. Появилась прислужница с чашкой воды, и госпожа Амафрея плеснула бедняжке в лицо, приводя в сознание.

— Мей, Мей! — пожурела она розочку. — Пожалей свое сердечко...

Тут уже не только Мей побледнела. Вертрана и Эйлин обменялись испуганными взглядами. Неужели Сухарь каким-то образом прознала про платоническую любовь Мей к мастеру Ройму?

— Ты всегда была чувствительной девочкой. Переживаешь из-за всякой ерунды, — продолжила директриса. — Поверь, ты с легкостью пройдешь испытание. К тому же, хочу тебя обрадовать, это твое последнее испытание. Ведь ты уже избрана.

Верта едва сдержала вздох облегчения: нет, тайна Мей остается тайной. Сама-то Вертрана понимала, почему подруга упала в обморок: расстроилась из-за того, что больше не увидит преподавателя зельеварения. Но это и к лучшему! В разлуке проще забыть.

Мей снова загрустила. Вертрана и Эйлин договорились между собой, что не станут ее дергать, просто будут рядом, если понадобится. Словами тут не поможешь, придется рыжуге самой справиться со своими чувствами. Зато обе из кожи вон лезли, поддерживая хорошее настроение подружки. То вспоминали забавные случаи из детства, то пытались вытащить Мей на ночную вылазку на кухню, то пародировали учителей. У Эйлин отлично получалось изображать господина Вира и профессора Алеба — розочки надорвали животы от смеха. Улыбалась и Мей.

— Девочки, я ведь понимаю, вы это ради меня... — сказала она. — Спасибо.

Вертрана рассказала Эйлин о странном исчезновении Мей и о разбившемся флаконе. Элли несколько дней ходила вокруг да около скользкой темы, но потом спросила напрямую:

— Мей, ты ведь не пыталась ничего с собой сделать? А если так... Обещай, что больше не станешь!

На щеках рыжуги выступили яркие пятна.

— Нет, нет... Это не то, что вы подумали!

— Хорошо! Но смотри!

Эйлин погрозила пальцем.

— Мы следим за тобой!

Занятия продолжались. Преподаватели вели себя так, будто у девушек впереди целая вечность для лекций и практикумов. А между тем с начала учебного года пробежало четыре месяца, одну из розочек уже выбрали, а остальные не успеют и глазом моргнуть, как наступит выпускной вечер.

— А это что за предмет такой?

Дейзи вертела в руках лист с новым расписанием — Богомолиха перед завтраком принесла его и оставила в комнате.

— Эссенциология, — запинаясь, прочитала она. — Ничего себе!

— Эссенция? — протянула Лора. — Хм... Опять что-то с зельями связано!

— А еще эссенция — это сущность, — заявила Алана. — Будем изучать сущность? Чего?

— Нашу! — озарило Эйлин. — Мы будем изучать нашу сущность! Вспомните, когда мы поступали в Институт и прикоснулись к шару, директриса произносила названия камней. У меня аметист.

— У меня тоже! — удивилась Дейзи.

— Как и у половины из нас. Очень распространенный камень.

— У меня хризолит, — тихо сказала Мей. — У Нелл тоже был хризолит.

Выяснилось, что у Аланы и Лоры — бирюза.

— А у меня аквамарин, — сообщила Вертрана. — Знать бы еще, что это означает!

Занятия эссенциологии вела сама госпожа Амафрея. В одной из учебных аудиторий столы сдвинули к стене, стулья поставили полукругом. Директриса, затянутая в неизменное черное платье, сухая и прямая, как палка, села в центре лицом к розочкам. Девушки замерли, сложив руки на коленях.

— Что же, мои дорогие, вот вы и доросли до раскрытия своей сути. Силы, которая присуща только вам. Мы называем ее «эссенция», — пафосно начала госпожа Амафрея. — В магической науке принято обозначать такие эссенции названиями камней.

— Что она сказала? — прошептала Лора на ухо Вертрране, стараясь говорить совсем неслышно. — Ничего не понятно...

— У каждой из нас есть какая-то сила, о которой мы пока не знаем. А для простоты ее называют так же, как полудрагоценный камень.

— Молодец, Вертрана, — кисло поблагодарила директриса, которая, конечно, услышала весь диалог. — Очень доходчиво. Действительно, так и есть. Есть эссенции распространенные, такие как аметист. Среди вас больше всего именно аметистов. Есть достаточно редкие, как хризолит. А есть редчайшие, самые сложные в приручении. Их носителям придется потрудиться, чтобы обуздать свою эссенцию. Это я о тебе, Вертрана.

— Обо мне? Я думала, что аквамарин не такой уж дорогой камень...

— Дело не в цене камня, — рассмеялась госпожа Амафрея. — За все годы, что я работаю, в Институте аквамаринов было всего три, и ты — одна из них.

— Так какая же у меня сила? — проговорила изумленная Вертрана.

*** 19 ***

Сухарь приподняла кончики губ в холодной улыбке.

— Какая ты эгоистка, милочка. Только о себе да о себе. А ведь у нас в классе больше аметистов — Эйлин, Дейзи, Габи и Дженни. Никого не забыла? Вот про них и поговорим.

Вертрану распирало от любопытства, но она хорошо знала госпожу Амафрею: та будет тянуть до последнего просто из вредности. Поэтому Верта безразлично пожала плечами.

— Да, аметисты — это тоже интересно.

Эйлин, обычно спокойная, закручивала на палец завязку пелеринки, и Вертране сделалось совестно: подруга сейчас узнает о себе нечто важное, а значит, это важно и для Верты.

— Итак, аметисты. Обладают ментальной магией. Вершина дара — способность читать мысли и узнавать скрытые тайны, спрятанные в подсознании. Мужчины-маги с ментальной магией высоко ценятся на государственной службе. Женщины-маги... Что же, в каждой семье есть секреты, которыми хочется обладать.

— Я смогу читать мысли? — недоверчиво переспросила Эйлин. — Но я никогда ничего подобного за собой не замечала!

— Твой дар еще не развит. Чтобы не навредить юной душе, курс эссенциологии вводится на последнем году обучения. Научишься ли ты читать мысли или просто сумеешь догадываться о тайных желаниях своего господина — зависит только от тебя. Старайся!

Госпожа Амафрея обвела притихших девушек строгим взглядом.

— Я буду вашей наставницей. Занятия индивидуальные. И надеюсь, вы готовы трудиться изо всех сил. Лени не потерплю.

Вертрана попыталась представить ту отчаянную, которая посмеет явиться на занятие к Сухарю с невыполненным заданием. Если такая найдется, Верта готова до конца года делиться с ней сахаром, положенным воспитанницам на завтрак.

— Госпожа Амафрея, а что насчет бирюзы? — взволнованный голос Лоры вернул Вертрану в класс.

— А ты, моя драгоценная, сможешь управлять животными. Любыми — от насекомых до волков.

Лора приосанилась.

— Но пока, боюсь, тебе и с муравьем управиться не под силу, — осадила ее директриса. — Будем работать!

Вертрана очень старалась не выказать интереса, но сидела будто на иголках, разве что не подпрыгивала от нетерпения. У девочек могут развиваться такие невероятные эссенции! А она? Как же она? Вдруг у нее окажется никому не нужная ерунда вроде способности дышать под водой или видеть сквозь стены?

— Мей, моя дорогая, ты так задумчива сегодня. Ты не хочешь узнать, на что способны хризолиты?

— Хочу, — вежливо ответила рыжуля, но было ясно, что ее хорошенькую головку занимают сейчас совсем иные мысли.

— Хризолиты умеют заглядывать в будущее! Слабые видят неясные короткие видения, но сильные хризолиты могут рассмотреть картину будущего вплоть до мельчайших деталей.

Впервые с начала занятия в глазах Мей зажегся огонек.

— Я смогу увидеть будущее? И свое тоже?

— Конечно. Хотя сначала я бы не рассчитывала на многое.

Сухарь перечислила все эссенции, которые были у выпускниц, осталась только Вертрана. Она ерзала и грызла губу, что, конечно, не ускользнуло от взгляда госпожи Амафреи. Видно, поэтому

она решила еще немного потомить воспитанницу.

— Существуют и другие эссенции, о которых я обязательно расскажу. Агат, яшма, кварц, цитрин...

Перечисление, казалось, длилось бесконечно. Вертрана вперила немигающим взглядом в лицо мучительницы, мечтая, чтобы та воспламенилась и рассыпалась горсткой пепла.

— ...и аквамарин.

Тихое «наконец-то!» сорвалось не только с губ Верты.

— Аквамарины... умеют возвращаться во времени.

— Ах! — воскликнули все.

У Верты от таких новостей закружилась голова, она укусила себя за костяшку указательного пальца. «Вот это да!»

— Уже вообразили, что Вертрана переместится в прошлое и сбежит? — широко улыбнулась Сухарь.

— Нет, это не так работает. Вертрана действительно сможет оказаться в прошлом, но в своем же теле, пока ее тело в настоящем будет находиться в бессознательном состоянии.

— Я не совсем понимаю, как это работает, — слабым голосом проговорила Вертрана.

— Все просто! Сила переносит в прошлое твою душу. Перемещаешься на два года — оказываешься в теле пятнадцатилетней девушки. На десять — и ты в теле семилетки. Переместиться можно на минуту или две, самое большее — на сутки. Дольше никто не может оставаться в прошлом, иначе тело, которое находится в настоящем, погибнет. Там еще много сложностей, я расскажу о них во время занятий. А на сегодня все!

Госпожа Амафрея поднялась с места, давая понять, что лекция закончилась.

— Госпожа Гран раздаст каждой индивидуальный план занятий.

Из-за нового курса смотрины на время остановили. Оказалось, что на следующем испытании розочки должны продемонстрировать лордам свою главную силу, а пока у них мало что получалось.

Отменили рунологию и артефакторику, оставив только боевую и целительскую магию. После индивидуальных занятий у госпожи Амафреи розочки возвращались в спальню с длинным списком упражнений и строгим наказом отработать их до завтрашнего утра. Несчастные воспитанницы валились с ног от усталости, порой не спали до середины ночи.

— Верта, не егози, пожалуйста! — нервничала Эйлин. — Сиди смирно! Иначе я никогда не справлюсь со своим заданием и не смогу помочь тебе! Представляй любой предмет.

Вертрана, которую ждала своя домашняя работа, вздыхала, но послушно закрывала глаза. Мей они не трогали. Рыжуля сидела, положив руки на колени и «ловила волны» — пыталась увидеть будущее. Правда, вымотавшись за день, так уставала, что частенько засыпала в процессе. Вот и на этот раз начала медленно клониться на подушку, а потом свернулась калачиком и сладко засопела.

— Пусть отдыхает! — остановила Эйлин Вертрану, которая потянулась, чтобы растолкать рыжулю.

— Может быть, во сне увидит будущее... Или просто что-то хорошее... А ты не отвлекайся!

Вертрана старательно представляла красный сапожок. Из гладкой блестящей кожи, с серебряной пряжкой. Точно такой был у нее в детстве. Папа расстарался для любимой дочки, а Верта потом ходила в чудесных сапожках в любую погоду. Она бы и спать в них ложилась, да мама ругалась.

— Вижу... Вижу... Какое-то синее пятно! — Эйлин приоткрыла глаз. — Да?

— Нет! — устало огрызнулась Верта. — Сегодня явно не твой день. Давай уже меняться.

Она, зевая, растянулась на постели.

— Только не спи! — пробурчала Эйлин, раздосадованная неудачей. — Выспишься, а потом будешь сказки рассказывать, что побывала в прошлом.

Была у Вертраны такая мыслишка, но, пойманная Эйлин с поличным, она сделала честные глаза.

— Ну что ты! Вот смотри какое задание. Мне надо четко, детально представить любой момент из

недавнего прошлого — запахи, звуки, все-все. А ты сможешь мне вспомнить!

— М-м-м... Бал?

— Не-ет!

Верта содрогнулась. Только не бал! Ужасные воспоминания!

— Вчерашняя прогулка по саду?

— Да, давай.

— Холодно. Еще не рассвело, лишь на востоке небо окрасилось в алый цвет. Ты сошла с тропинки и по щиколотку провалилась в снег... Колючая веточка зацепилась за капюшон и стащила его с головы...

Плавный голос Эйлин тек, словно вода в реке. Вертрана чувствовала, как тяжелеют веки. Но против воли представляла вовсе не утреннюю прогулку по саду, а спальню. Она видела все ясно и четко. Спящую Эйлин... Рукав ночной рубашки задрался, обнажая белую кожу. На шее у Эллы маленькая родинка... Место Мей пусто. Одежда брошена, будто она уходила впопыхах.

В эту секунду открывается дверь, и рыжуха крадется к своей постели, зябко ступает по полу босыми ногами. Она прижимает к груди правую руку. Вертрана знает, что у Мей в руке флакон, который она скоро выронит и разобьет.

Это сон? Воспоминание? Если воспоминание, то почему такое яркое? Вертрана даже не помнила всех деталей. Она остается в постели и продолжает наблюдать за Мей.

Та садится на краешек кровати. Растерянная, раскрасневшаяся. Закрывает пылающее лицо ладонями, на колени выкатывается пузырек. Вертрана легко может дотянуться и подхватить его, но продолжает наблюдать.

Это просто сон. Она все-таки уснула. Вот Эйлин разозлится!

Мей дергает себя за пряди. Флакончик падает и со стеклянным звоном разбивается.

— Ой, нет! Нет, нет...

Верта медленно, будто преодолевая вязкую субстанцию, садится, а потом опускается рядом с подругой на колени. Смотрит, как та собирает осколки. Сейчас она скажет: «Мей, где ты была?»

— Мей... — хрипло произносит Вертрана, губы не слушаются, едва повинуются ей. — Мей, ты пыталась отравиться?

Мей вздрагивает от неожиданности. Удивленно моргает. И Вертрана вдруг понимает, что вопрос неправильный. Но комната начинает терять очертания, удаляться. У нее совсем мало времени.

— Ты была у него, Мей? У мастера Ройма?

— Да... — шепчет Мей.

*** 20 ***

Подруги спрятались в самом дальнем уголке крытой галереи, в зимнем саду. Нашли скамейку, надежно спрятанную от глаз кустами таволги. За узкими окнами, забранными решетками, разгулялась метель — ветер бросал в стекла пригоршни снега, и казалось, будто какая-то неприкаянная душа стремится попасть туда, где тепло и светло.

Мей сидела, съжившись, обхватив себя руками. Эйлин застыла подобно каменной скульптуре, Вертрана как маятник ходила туда-сюда по узкой дорожке.

— Да, мы были вместе, — сообщила Мей для начала, а потом умолкла, собираясь с мыслями.

Вертрана едва по губам себя не била, чтобы удержать гневную тираду по отношению к мастеру Ройму. Нет, нельзя, тогда Мей снова закроется и слова из нее будет не вытянуть. Поэтому Верта нервно вышагивала перед скамейкой и грызла губу.

— У меня из-за тебя голова кружится, — прошептала Мей.

— Из-за меня?! Больше не из-за чего?!

Верта поймала озабоченный взгляд Эйлин. Выдохнула. Села рядом с подругой и взяла ее за руку.

— Меюша. Этот... человек... Против воли, да?

Мей выдернула руку и разозлилась, кажется, впервые за всю жизнь.

— Нет! Как ты могла подумать! Он лучший!

Но вспомнила, видно, что мастер Ройм покинул Институт следующим утром, и плечи ее поникли.

— Я не осуждаю его. Он не мог оставаться нашим преподавателем после всего... Но я ни о чем не жалею!

«Глупая, что будет, если Сухарь обо всем узнает! Мастеру Ройму ничего не грозит, а вот тебе...»

— Как это произошло, Мей? — спокойно спросила Эйлин, и Вертрана позавидовала выдержке подруги. — Нам нужно знать все, чтобы в случае чего придумать, как тебя прикрыть.

Рыжуля посмотрела на Элли, посмотрела на Верту, кивнула.

— Вы уснули, а у меня никак не получалось. Мысли одолели... Я думала о своем будущем без него, о том, что пройдет совсем немного времени, и я его больше никогда не увижу. Жизнь с нелюбимым до самой смерти... Это слишком долгий срок... Я просто хотела попрощаться.

— Ты отправилась в крыло преподавателей? Как? Оно ведь закрытое!

Мей мимолетно улыбнулась.

— Магичить в Институте без разрешения запрещено, но... Там стояло совсем простенькое запирающее заклинание. На пятерочку, а у меня все-таки семерка!

— Лучше бы оно тебе не поддалось, — проворчала Вертрана.

— Девочки, если бы вы знали, как приятно нарушать правила. Я чувствовала себя такой свободной, сильной. У меня будто выросли крылья. Я ничего-ничего не боялась!

— Бесстрашная наша... — никак не могла успокоиться Верта.

— Комнату мастера Ройма нашла, создав путеводную нить. Она очень легко мне далась. И неудивительно, ведь я так сблизилась с ним за последний месяц...

— Сблизилась она!

— Вертрана, — тихо сказала Эйлин. — Заткнись.

Мей с благодарностью посмотрела на подругу, а Верта снова подскочила на ноги и стала наворачивать круги вокруг скамейки, кусая себя изнутри за щеку, чтобы не сорваться и не наговорить колкостей.

— Он удивился, открыв дверь. Разволновался...

Мей замолчала, глядя вдаль. Наверное, сейчас она снова видела мастера Ройма, стоящего на пороге.

— Такой забавный. Взъерошенный. Я ведь из постели его выдернула. Он только брюки успел натянуть. На занятиях он всегда такой серьезный, а тут растерялся, как мальчишка. Потом увидел, что я босая и трясусь от холода. «Немедленно горячий чай! Согреешься, и я тебя провожу!» — сказал он.

Мей усмехнулась, будто вспомнив забавное.

— А в комнате у него беспорядок! Книги повсюду, реактивы, скляночки всякие... Я хотела сесть в кресло, а там кипа наших контрольных работ, только тронь — и разлетятся во все стороны. Он мне чай на спиртовке грел, представляете?

— Так куда ты села? — мрачно поинтересовалась Вертрана.

— Свободной оказалась только кровать... Она еще хранила его тепло... Я только на краешек присела. Мастер Ройм... Тео... Он укутал меня в одеяло, дал в руки чашку. Смешная чашка с щербинкой на ручке...

— Он ведь увидел ленту на твоей шее! Не мог не увидеть!

— Увидел, — грустно согласилась Мей. — У него сделалось такое лицо... А я в этот момент была почти счастлива, потому что поняла, что я ему не безразлична. Он ничего не спрашивал о том, кто

меня выбрал и когда, и так все понятно. Мы о другом говорили. О разном. Как всегда... Я выпила чай, согрелась, мне было хорошо и весело. И казалось, что это и есть моя настоящая жизнь, что утро никогда не наступит. Занятия, испытания, лорд Героним...

Мей передернуло.

— Всё было далеко-далеко... Тео сидел рядом, но ни разу не дотронулся. Засунул руки под мышки, будто таким образом старался себя удержать.

— Похоже, это ему не удалось!

— Верта, ну почему ты сегодня такая колючая? Ты ведь не такая! Ты добрая!

Пристыженная Вертрана обняла подругу сзади за плечи, чмокнула в макушку.

— Потому что я ужасно за тебя волнуюсь, дурочка!

— Наверное, я на самом деле дурочка... Совсем потеряла рассудок. Но я так его люблю! Так люблю!

— Мей вздохнула. — Он хотел поправить одеяло, случайно коснулся моей руки, и нас словно молния прошла... Я ведь первая его поцеловала. А потом... Как-то все само собой получилось.

Вертрана тряхнула головой, изгоняя непрошенное видение и проклиная свое яркое воображение. И все же успела увидеть и разметавшиеся по подушке рыжие локоны, которые, сколько их ни выпрямляй, снова завивались колечками. И закушенную губу, и зажмуренные в сладкой муке глаза. И молочно-белую ножку, оголенную до самого бедра. И плавные движения древнейшего в мире таинства... Сначала плавные, как течение в полноводной реке, а потом все ускоряющиеся, стремительные, словно бурный горный поток.

— Больно? — прошептала она.

— Нет... Это... Странно. Ни на что не похоже. Чудесно...

Девушки какое-то время молчали, глядя в разные стороны. Вертрана, набегавшись до изнеможения, прижалась боком к Мей, положила голову ей на плечо.

— А что во флакончике было? — опомнилась она.

— Это... — Мей замялась. — От последствий...

— От нежелательной беременности, — объяснила Эйлин Вертране.

— И ты его разбила! — всплеснула руками Верта.

— Ничего, девочки. Вообще Фин сказал мне, чтобы я не беспокоилась. У него не может быть детей: он переболел чем-то, когда был маленький. Но я все равно волновалась, поэтому он приготовил снадобье, хорошо, что под рукой оказались все нужные составляющие. Потом сказал, что найдет для меня какую-нибудь обувь и проводит, а я...

— Сбежала? — догадалась Вертрана. — Поняла, что натворила, и испугалась.

— Да...

— И он тоже... сбежал... — В голосе Эйлин прорезалась злость. — Мерзавец.

— Но что он мог сделать?

Глаза Мей мгновенно наполнились слезами, и подруги, устыдившись, бросились ее утешать. Вертране было так жаль рыжую, что она едва не рыдала вместе с ней. Что же за жизнь такая гадская!

— Ну ничего, — бормотала она, бездумно поправляя пелеринку Мей, сбившуюся набок. — Никто не узнает! Было и прошло! Зато с любимым.

Тогда они еще не знали, что терзания Мей на этом не закончились.

Время за подготовкой к следующему испытанию летело стрелой. Вертране казалось иногда, что здесь не обошлось без магии. Как иначе объяснить тот факт, что утром она открывала глаза, а когда закрывала их, понимала, что уже миновало три дня. Но Эйлин — любительница делать пометки в календариках и вести учет всего, что только возможно, — уверяла, что ни один день из их жизни не выпал.

— Просто у нас нет ни одной свободной минутки.

Она объясняла и в тот же момент вписывала в клеточку рядом с числом цифру пять.

— Сегодня я пять раз выполнила ментальные упражнения, — растолковала она Вертрание в ответ на недоумевающий взгляд.

— Зачем ты вообще это пишешь?

— Это придает ясность моей жизни, расставляет все по полочкам. Вот, смотри — мы уже семнадцать дней готовимся к следующему испытанию и...

Она осеклась на полуслове, напряженно думая о чем-то.

— Надо найти Мей!

— Зачем?

— Срочно!

Мей обнаружилась в библиотеке на своем любимом месте: три стеллажа образовывали уютный закуток, где стояло потертое кресло, а рядом с ним низенький столик. Рыжуля забралась в кресло с ногами, укрыла их подолом платья: озябла. На коленях лежала книга, раскрытая на середине, но Мей не читала, это было понятно по ее рассеянному взгляду.

— О, девочки! — обрадовалась она.

Эйлин без лишних предисловий огорошила подругу вопросом.

— Мей, как ты себя чувствуешь?

— Да что-то не очень хорошо в последнее время. Эти тренировки меня доконают...

Вертрание, еще ни о чем не догадываясь, переводила взгляд с Элли на Мей.

— Мей, ты ведь мне доверяешь как целительнице? — продолжила Эйлин.

— Да... Но я и сама могу себя полечить. Усталость, правда, быстро возвращается.

— Позволь, я только посмотрю магическим зрением, — настаивала Эйлин.

Мей развела руками.

— Ну ладно.

Вертрание и Эйлин увидели это одновременно. Вертрание схватилась за сердце. Элли за голову.

— Мей, только не говори, что ты ничего не знаешь, — осипшим голосом произнесла Верта.

— О чем? Девочки? Вы меня пугаете!

— Мы сами испуганы... Мей... Ты ждешь ребенка.

*** 21 ***

Вертрание вот уже пятый раз за вечер безуспешно пыталась нырнуть в прошлое и подхватить проклятый флакончик, так неловко разбитый Мей. Подруги сидели рядом, затаив дыхание и боясь лишний раз пошевелиться, но Верта, сколько ни старалась, пробиться в нужный момент прошлого не могла.

Она, уже понимая, как это происходит, изо всех сил концентрировалась на деталях вечера, перевернувшего жизнь Мей, и уже почти оказывалась там, где надо, но каждый раз совсем немного промахивалась. Возвращалась то позже, то раньше. Однажды заскочила слишком далеко и снова ощутила руку лорда Конора на своей талии.

Дернулась, садясь на постели, хватая ртом воздух, как рыба.

— Не могу. Не получается...

Мей опустила голову.

— Ничего! Я немного отдохну и попробую снова!

У Вертрание сердце болело за подругу. Это ведь надо же, какая несправедливость! Если мастер Ройм не обманывал насчет того, что не может иметь детей, то судьба очень некстати предоставила ему

этот единственный шанс. Никто не позволит магиссе родить ребенка от учителя...

Одна и та же мысль пришла одновременно в головы Вертраны и Эйлин, они понимающе переглянулись, но вслух произнесла Элли.

— Мей... Заклятие Морта... Если применить с минимальной силой намерения, на троечку... Ему хватит...

— Конечно, ему хватит, такому крошечному человечку, — горько произнесла Мей. — Кто сделает? Ты, Элли? Или ты, Верта?

Подруги снова переглянулись, и Эйлин кивнула.

— Я.

Мей прижала руки к животу, стараясь укрыть, защитить кого-то совсем еще маленького и слабого.

— Его ребенок... — сказала она тихо. — Такое чудо. Я просто не могу от него избавиться таким варварским способом. Вот если бы Вертрана сумела попасть в прошлое, я бы даже не знала, что была беременна.

— Я попробую снова! — воскликнула Верта. — Попытаюсь осторожно выведать у Сухаря, почему не выходит.

— А пока он еще побудет со мной, — задумчиво сказала Мей.

На следующем занятии с директрисой Вертрана сначала рассказала о первом успешном путешествии в прошлое. О подробностях, конечно, умолчала. Рассказ получился совсем коротким и лишь отчасти правдивым.

— Я вернулась в тогда... Можно так говорить, «в тогда»? — Верта старательно строила из себя недалекую, но усердную ученицу. — Нет? Ладно. Вернулась туда, где мы с девочками болтали, лежа в постели. Вспоминали бал. Поздравляли Мей с избранием! Очень хотелось снова все это пережить.

Сухарь пристально взгляделась в лицо Вертраны.

— И что же Мей? Счастлива?

«Главное, не переиграть!»

Верта смущенно улыбнулась.

— Волнуется, конечно, и лорд Героним, конечно, не юноша... Но вроде бы она говорила, что он добрый. По-моему, уже начала привыкать!

— Хорошо... Хорошо, Вертрана. Поздравляю тебя с первым успешным применением своей эссенции. Ты ничего не меняла в прошлом?

Верта сосредоточилась, ступив на зыбкую почву.

— Нет. Просто не подумала, что можно...

— И вряд ли получится! — огорошила госпожа Амафрея свою ученицу и рассмеялась над ее растерянным лицом. — Я говорила о множестве сложностей, с которыми сталкивается аквамарин. Прошлое всегда отчаянно сопротивляется любым вмешательствам, и лишь чрезвычайно сильный и натренированный маг сможет изменить ход времени. Это все равно, что повернуть реку вспять. Чем крупнее событие, тем труднее это сделать. Просто присутствовать, ничего не меняя, легко, но даже самый незначительный случай по дороге из прошлого в настоящее обрастает связями и последствиями, и сдвинуть его — это как двигать гору.

— О-о... — только и смогла произнести Вертрана.

— Да, и еще! Аквамарин не может вернуться в один и тот же момент дважды. Вечер после бала для тебя отныне закрытая зона. Поэтому всегда надо заранее просчитывать свои действия. А что у тебя с лицом, Вертрана? Ты выглядишь расстроенной!

— Голова заболела... — выдавила Верта.

— Ничего, потерпи. Надо заниматься, следующее испытание не за горами. Хотя, учитывая твои успехи, ты пройдешь его с легкостью.

— Что мне надо будет сделать?

Госпожа Амафрея холодно улыбнулась.

— Пусть пока останется сюрпризом!

— Попробуем иначе! — решительно произнесла Вертрана, вернувшись от госпожи Амафреи.

Она рассказала подругам о непредвиденных сложностях, но в голове у нее уже созрел новый план.

— Я вернусь в день накануне бала и предупрежу Мей, чтобы она ни в коем случае не ходила к мастеру Ройму! Согласна, Мей?

— Если я к нему не пойду, то воспоминание об этом вечере исчезнет навсегда, верно?

Рыжуля, вместо того чтобы радоваться, выглядела грустной. Она снова положила ладонь на живот. В последние дни она повторяла этот жест так часто, что даже Сухарь обратила внимание, забеспокоилась, не страдает ли выпускница несварением желудка — может быть, стоит пригласить профессора Алеба? Мей застыла изваянием, хорошо, что Элли пришла на помощь и, смущенно улыбаясь, прошептала на ухо классной даме, что у Мей обычное женское недомогание.

— Исчезнет, — сурово сказала Эйлин. — Вместе с последствиями.

— А если я буду крепко держать флакончик?.. Ладно, ладно... Я согласна.

Вертрана вытянулась на кровати, прикрыла ладонью глаза. Благодаря тренировкам реальность почти сразу отделилась.

— Верта столько времени тратит на упражнения, будто мечтает поскорее оказаться в объятиях лорда Конора, — ехидно фыркнула Лора.

Ее голос раздавался как сквозь туман. Элли ответила что-то резкое, но Верта уже не разобрала слов.

Она очутилась на занятии по артефакторике. Господин Вир чертил на доске сложную схему создания защитного амулета, Мей, сидящая рядом с Вертой, аккуратно перерисовывала ее в свиток.

— Мей! Меюша!

Рыжуля дернула плечом: «Не мешай, видишь, занята». Но у Вертраны не было времени ждать: пока ей не удавалось продержаться в прошлом дольше двух минут.

— Мей! Слушай, это очень важно!

От усердия шепот получился настолько зловещим, что даже Эйлин, которая сидела перед ними, наострила уши. Оборачиваться не стала, чтобы не привлекать внимания преподавателя. Но главное, что и Мей отложила перо.

— После бала тебе очень захочется пойти к мастеру Ройму. Не делай этого! Ни в коем случае! Это очень важно! Обещаешь?

— Ты с ума сошла, Верта? Мне бы и в голову не пришло такое! — возмутилась Мей, алея от смущения.

— Пришло бы! Поверь! Так обещаешь?

— Обещаю! Отстань только! Думаю, тебе просто приснилась какая-то ерунда!

Вертрана вынырнула в настоящем и сладко потянулась. Сработало! Открыла глаза и торжествующе посмотрела на подруг, но тут же нахмурилась: обе выглядели смущенными.

— Мей! Ты что, пошла? Я ведь тебе ясно сказала: не ходи!

— Верта, прости! Это так странно все! Знаешь, у меня в голове теперь два воспоминания. В одном из них на уроке артефакторики ничего особенного произошло, а на другом ты уговаривала меня не ходить... Не ходить к Тео. И последняя версия более яркая.

— Ты не отвлекайся! Почему ты меня не послушала?

Мей сделалась совсем несчастной, шмыгнула носом.

— Я помнила твои слова, но ведь я была уверена, что ничего не случится! Только попрощаться хотела...

— А я собиралась ее караулить... И сама не поняла, как уснула! Будто провалилась в темноту... — покаялась Элли.

— Да какие же вы обе! — рассердилась Верта. — Бестолковые! Попробую снова.

Но сколько бы раз Вертрана ни пробовала, какие бы слова ни находила, а в одно из возвращений в сердцах проговорила даже о беременности, от чего Мей из прошлого едва не лишилась чувств и уверила, что «такого она точно не допустит!», в настоящем ничего не менялось.

Мей всегда отыскивала повод уйти ночью, даже зная, чем это грозит. «Я буду держать себя в руках! Я только увижу его в последний раз, и сразу назад!» — думала она. Уходила на несколько минут позже, но все равно уходила.

«Прошлое всегда отчаянно сопротивляется любым вмешательствам...» — сказала госпожа Амафрея, и теперь Вертрана на собственном опыте убедилась, что это правда.

— Попробую еще раз! — прошептала она. — Кое-что придумала.

Она вымоталась до предела, устала так, что руки тряслись: путешествия во времени отнимали массу сил.

...Шипели огоньки спиртовок, тихонько позвякивали пробирки. Мей осторожно взяла пинцетом несколько серых гранул и добавила в чашечку аптекарских весов. Вертрана вернулась в свое тело в тот самый миг, когда она, прежняя, взбалтывала в колбе грязно-коричневую взвесь, которая после всех манипуляций должна была превратиться в эликсир для улучшения памяти. Вздрогнув, едва не выронила сосуд, но Элли тут же подхватила его.

— Эй! Не спи!

— Я не сплю, не сплю... — пробормотала Вертрана, хотя на самом деле глаза слипались от переутомления.

— Все хорошо, Верта? — забеспокоилась Мей.

— У меня-то как раз отлично! — недовольно пробурчала та, но мысль развивать не стала: все равно бесполезно.

Мастер Ройм прохаживался между рядов, наблюдая за процессом. Остановился рядом с их столом, улыбнулся.

— Молодцы девочки, все идет как надо.

Он смотрел только на Мей. И улыбался только Мей. Как Вертрана раньше не замечала? Немедленно захотелось сказать грубость, и Верта даже открыла рот, чтобы произнести: «Хорошо быть преподавателем! Точно знаешь, как надо!» Двусмысленность фразы вряд ли бы кто-то оценил, но сама Вертрана испытала бы мрачное удовлетворение. Однако она осеклась, заметив в глазах мастера Ройма неподдельную нежность. Коварные соблазнительницы так не смотрят...

Раздался хрустальный звон, извещающий об окончании урока.

— Девочки, идите, я догоню.

Мей нерешительно тормозила, прижав к груди стопку книг. Шла и оглядывалась.

— Мей! Иди, ну же! Элли, уведи ее! Я потом объясню.

Хорошо, что Эйлин никогда не надо было просить дважды. Она подхватила рыжюлю под руку и утащила за собой.

Мастер Ройм наблюдал за происходящим с легким недоумением. Между бровей пролегла складка. Качнулся с пяток на носки, спрятал ладони под мышки. Как и в ту ночь — Мей рассказывала... Это придало Верте решительности.

— Мастер Ройм... Мои слова покажутся вам странными, просто запомните их. В ночь после бала Мей придет к вам в комнату — не открывайте дверь!

Он нахмурился сильнее.

— Что за ерунда! Воспитанница — в крыло преподавателей? Невозможно! Если такое случится, я

немедленно верну ее в спальню! Вертрана, откуда эти фантазии?

— Просто не открывайте!

Она даже не успела договорить. Прошлое безжалостно выкинуло ее, полностью обессиленную, в реальность. Вертрана с трудом смогла приподняться, чтобы посмотреть на подруг.

— Ну? — прошептала она.

Мей сидела, закрыв лицо руками. Элли покачала головой.

— Мы знаем, что ты пыталась предупредить мастера Ройма... Мей пришла и плакала под дверью... Он открыл...

— А-а-а-а! — завопила Верта.

Розочки переполошились.

— Верта, что случилось? — подскочила Дейзи.

— Тебе плохо? — испугалась Алана.

Вокруг кровати собрались все воспитанницы. Только на лице Лоры вместо сочувствия явно читалось злорадство. Лора завидовала способности перемещаться во времени, ей казалось, что с такой редкой эссенцией Вертрана заполучит любого лорда, какого пожелает. Если бы так!

— Все хорошо. Честно! Я задремала, и мне приснился кошмар.

— Кошмар... — повторила Мей, отнимая ладони от заплаканных глаз. — Этого не изменить. Это конец...

— Не будем сдаваться! — бодро произнесла Эйлин.

Настолько бодро, что сделалось понятно: даже она на грани отчаяния.

*** 22 ***

Пролетела еще неделя. Вертрана каждый вечер возвращалась в прошлое, пытаясь предотвратить неизбежное, но было уже совершенно ясно: то, что случилось, изменить нельзя. Прошлое только казалось податливым, а на самом деле напоминало тетиву лука, которая послушно тянется за рукой, но стоит отпустить, тут же встает на свое место. Даже представить невозможно, какой силой должен обладать маг, чтобы повернуть вспять хотя бы маленький ручеек событий.

Между тем приближалось следующее испытание. Дату еще не назначили, но прислужницы уже готовили Большой зал, превращая его в экзаменационную аудиторию. Зеркала закрыли панелями, расставили скамейки и кресла, украсили лентами небольшой подиум, куда должны будут одна за другой подниматься воспитанницы.

Розочки зубрили и тренировались, не смыкая глаз до середины ночи. Богомолиха, заглядывая вечером в спальню подопечных, благосклонно кивала: «Занимайтесь, занимайтесь, мои дорогие!»

В один из дней на пороге дортуара появилась госпожа Амафрея, молча встала в дверном проеме, рассматривая воспитанниц. Мей сгорбилась под этим холодным взглядом. Рыжуле чудилось, что директриса видит ее насквозь и сейчас во всеуслышанье объявит о «позоре». Эйлин и Верта, не сговариваясь, закрыли собой подругу. К счастью, Сухаря занимали другие мысли.

— Готовы к следующему испытанию, мои прекрасные розы?

Голос директрисы звучал приторно и насквозь фальшиво. Впрочем, ответ ее и не интересовал: день был назначен.

— Завтра отдыхаете, а послезавтра — к барьеру! — она расплылась в улыбке. — Ну-ну, не пугайтесь, это не дуэль. Каждая покажет свое мастерство. Вы усердно готовились, и, уверена, мне не придется за вас краснеть!

Никто не улыбнулся в ответ. Уставшие, вымотанные до предела девушки мечтали лишь о том, чтобы этот день поскорее миновал.

— А теперь спать!

Госпожа Амафрея хлопнула в ладони, погасив все магические светильники в комнате, не подумав о том, что розочкам придется переодеваться в полной темноте. Впрочем, некоторые из них так

устали, что попадали на постели прямо в одежде.

Но подругам было не до сна. Они заранее договорились о том, что день перед испытанием станет решающим: с проблемой Мей надо что-то делать, иначе будет поздно.

Вертрана и Эйлин сели по обе стороны от рыжули, взяли ее за руки.

— Меюша, я знаю, что тебе страшно... — прошептала Элли. — Но затягивать нельзя... Верта сделала все возможное. Теперь моя очередь.

Мей никогда не умела бунтовать. Робкая и послушная девочка не создавала проблем ни классной даме, ни преподавателям. Вертрана не сомневалась, что и сейчас она подчинится суровой необходимости. Конечно, будет горько плакать... У Верты уже заранее сердце за нее болело.

Мей осторожно забрала руки и сцепила их в замок.

— Нет.

— Что? Мей...

— Нет. Ни за что! Это мой ребенок, и он будет жить, пока жива я.

— Мей! Еще немного — и станет заметно! Я даже представить не могу, какая разразится гроза! Они избавятся от ребенка, накажут тебя и поскорее выпихнут из Института, пока лорд Героним не узнал и не передумал. И страдать за вас двоих будешь только ты. Мастер Ройм не вернется, Мей! Не вернется!

Рыжуля, обычно мягкая и нежная, упрямо сжала губы. Верта впервые видела ее такой отважной.

— Пусть разразится гроза. Мне уже все равно! Девочки, подумайте только, что они делают с нами! Мы вещи, игрушки! Даже наши тела нам не принадлежат... Может быть, они победят снова. Да что там, я уверена, что проиграю... Но по крайней мере буду знать, что боролась до последнего. И вдруг... Вдруг он все-таки вернется! Как я объясню, что не сохранила нашего ребенка?

— О, Мей... — тихо произнесла Эйлин. — Мей... Я и не думала, что ты такая смелая. Мы будем защищать тебя, пока будет возможно.

— Будем защищать, — эхом повторила Вертрана. — Еще есть время. Может быть, что-нибудь придумаем!

Испытание проходило в четыре этапа, по числу эссенций, представленных в выпускном классе. Первыми выступали аметисты, за ними бирюза, потом хризолит — Мей, и замыкающей шла Вертрана — аквамарин.

— Я с ума сойду от волнения, пока дождусь своей очереди! — нервничала Верта.

— Ничего, ты смотри на других — и отвлечешься! — посоветовала Элли.

Для этого испытания розочкам сшили неброские, строгие наряды, для каждого камня своего цвета. Эйлин с неудовольствием расправила подол фиолетового платья: оттенок ей не нравился. Зато Лоре удивительно шел бирюзовый, и она с торжеством поглядывала на товарок. С цветом повезло и Мей, изумрудно-зеленый подходил ее рыжим волосам и светло-карым глазам.

— Жаль, что Нелл здесь нет, — вспомнила она о несчастной розочке. — Вдвоем было бы не так страшно.

— А правда, кто-нибудь слышал про Нелл? — встрепенулась Дженни.

Но воспитанницы молча качали головами. В Институте она или ее уже отдали лорду, никому не было известно.

К концу сборов прибежала взъерошенная Богомолиха.

— Габи, что за нелепая прическа? Распрямите ей эти буйные кудри, у вас две минуты! Мей, дорогуша, ты что это, вздумала толстеть? Придется снова подобрать для тебя рацион, а пока, Тина, затяни ей талию потуже.

Подруги встревоженно переглянулись: вот и первые звоночки.

Классная дама на всех парах унеслась в экзаменационный зал, проверять, все ли готово к приходу гостей, а Вертрана решительно отстранила прислужницу.

— Тина, давай я сама. Мей у нас очень нежная, еще, не ровен час, в обморок упадет.

Наклонилась к уху рыжули.

— Меюша, я потихоньку. Не волнуйся.

— Я думала, у меня в запасе точно есть пара месяцев, — сокрушенно прошептала Мей.

— Обычно да... Ты просто немного поправилась, не переживай.

Вместе с Элли они затянули завязки на платье, сделав талию Мей почти такой же узкой, как прежде.

Госпожа Гран, вернувшись через несколько минут, на этот раз удовлетворилась осмотром.

— Красавицы! Красавицы! — всплеснула она руками. — Такие душечки! А я ведь вас вот такусенькими помню! За мной!

Кресла, расставленные полукругом у небольшого подиума, были заняты лордами. Важные господа осматривались, переговаривались, держа в руках бокалы с вином. Прислужницы разносили закуски. Гости пребывали в отличном настроении, предвкушая представление.

Розочек подвели к скамейкам и рассадили отдельно. Вертрана и грустная Мей оказались в одиночестве, каждая на своей скамейке. «Держись!» — подмигнула ей Верта, а у самой сердце испуганно прыгало в груди.

На подиум поднялась госпожа Амафрея, слегка поклонилась под шум рукоплесканий.

— Каждая наша воспитанница — редкий драгоценный камень, и сегодня они продемонстрируют нам свою силу. Первыми станут выступать аметисты. Эйлин, сокровище, выйди и покажи пример!

Тонкая фигурка и горделивая осанка Элли мгновенно приковали к себе взгляды мужчин. Ей было страшно, но она ничем не выдавала своих чувств. Наоборот, можно было подумать, что блондиночка бесстрастна и сосредоточена.

— Сила, которой владеет Эйлин, — ментальная магия! Кто из уважаемых гостей хочет дать задание нашей розе?

Со своего места поднялся плешивый лорд Лучиан, его приветствовали бодрими выкриками.

«Как дети! — подумала Верта. — И это цвет общества...»

Она старалась не оглядываться, чтобы случайно не встретиться глазами с лордом Конором. В том, что он сегодня явился на испытание, Вертрана не сомневалась ни секунды.

— Дорогуша! — Лорд Лучиан откашлялся. — Я давеча сильно устал после охоты...

— Нажрался, как свинья! — выкрикнул лорд Бетхор, гости грохнули от смеха.

Элли стояла, подобно статуэтке, высоко подняв подбородок. Грязь не липла к ней.

— Устал! — повторил лорд Лучиан. — И куда-то в беспамятстве сунул свои любимые перчатки. Не могла бы ты покопаться в моей памяти и помочь их найти? Проникнуть, так сказать, в сокровищницу мысли!

— Скорее в хлев! — не успокоился грузный лорд Бетхор, под новый взрыв хохота.

Вертрана, не выдержав, повернулась, чтобы посмотреть на этих людей. Хохотал молоденький лорд Ханк, вытирал слезы смеха лорд Героним, сотрясался в конвульсиях лорд Бетхор. Лорд Конор сидел, сжав губы, с его лица не сходило выражение холодного презрения. Поймав взгляд Верты, он сузил глаза и чуть наклонил голову.

— Конечно, лорд Лучиан, я помогу вам, — спокойно ответила Элли, будто не слыша смеха. — Постарайтесь не двигаться и, по возможности, освободите разум.

— Это он сделает без труда! — пискнул лорд Ханк.

Но лорд Лучиан, терпевший насмешки лорда Бетхора, на господина Одгера вызверился.

— А ты бы помолчал, щенок!

— Тихо-тихо, уважаемые господа. Не при дамах... — попыталась сгладить конфликт директриса.

— Я не вижу здесь дам! — буркнул лорд Лучиан, но тут же смутился. — Помимо вас, дорогая госпожа Амафрея.

Эйлин терпеливо ждала.

— Давай! — махнул рукой лорд. — Показывай свои фокусы.

Элли закрыла глаза, прикоснулась пальцами к вискам. Вертрана сжала кулаки, волнуясь за подругу: «Ты справишься! Все получится! Ты столько тренировалась!» Краем глаза заметила, что и Мей шепчет слова ободрения.

— Ваши перчатки... — медленно произнесла Эйлин. — Боюсь, я не обрадую вас. Вы бросили их в горящий камин. Если разворошите золу, то найдете оплавившиеся серебряные пуговицы — все, что от них осталось.

— Да? — изумился лорд Лучиан. — Что-то такое действительно припоминаю...

Под бурные овации Элли проществовала к месту: лорды радовались представлению.

Следом за аметистами — Эйлин, Дженни, Габи и Дейзи — место на подиуме заняли Алана и Лора, бирюза. Их выступление получилось еще более зрелищным. Специально для девушек в Институт доставили гигантский муравейник, и воспитанницы заставляли муравьев то маршировать, то выстраиваться в замысловатые фигуры.

Потом наступило время волноваться за Мей. Рыжуля, несмотря на уговоры подруг, в последние дни почти забросила упражнения. Вертрана подозревала, что Мей боялась ненароком заглянуть в собственное будущее.

Фигурка в изумрудном платье медленно поднялась на возвышение.

— Это моя девочка! — горделиво воскликнул лорд Героним. — Я сам ее буду проверять!

— Проверишь еще! — хохотнул неугомонный лорд Бетхор.

Гости одобрительно загудели. Мей побледнела.

— Вопрос у меня будет простой. Скажи, исполнится ли через год мое самое заветное желание?

Мей кивнула и закрыла глаза. Вертрана сжала кулаки так, что ногти врезались в кожу. Только бы не провалила испытание, иначе Сухарь вызовет ее для беседы. А разговоров с директрисой лучше избегать, особенно сейчас.

— Я вижу, что вы счастливы, — тихо ответила Мей.

Вертрана, которая знала подругу, как саму себя, ясно видела, что рыжуля врет. Но та, фантазерка, всегда сочиняла так вдохновенно, что отличить правду от лжи могли только Верта и Эйлин.

— В один из дней вы проснетесь, посмотрите в зеркало и мысленно воскликнете: «Сбылось то, чего я так долго желал!»

— О... — протянул лорд Героним. — В зеркало... Да!

Он вскочил с места, шагнул на подиум и припал к руке Мей. Та застыла, закусив губу.

— А ты мне pomoжешь, голубушка моя. Ты мне pomoжешь!

— И в нашей коллекции остался только один драгоценный камень — очаровательная Вертрана, — произнесла госпожа Амафрея, ненавязчиво смещая с подиума восхищенного лорда и взмахом руки отправляя Мей на скамейку. — Вертрана, поднимайся к нам. Кто-то из лордов хочет дать задание нашему аквамарину?

— Да, — немедленно отозвался лорд Конор.

«Кто бы сомневался!» — мрачно подумала Вертрана.

*** 23 ***

Лорд Конор поднялся и подошел к возвышению. Они с Вертраной впервые оказались одного роста, и Верта только сейчас разглядела, что глаза ненавистного лорда не карие, вопреки ожиданию, а серо-зеленые. Она откровенно таранилась на него, на грани дерзости, но на лице господина Ространа не мелькнуло и тени смущения. Хищный зверь разглядывал свою добычу, но добыча не

собиралась сдаваться.

Игра в гляделки закончилась тем, что лорд Конор хмыкнул и вдруг, резко наклонившись, поймал Верту за руку и подтянул к себе.

— Что... вы себе позволяете! — задохнулась она, обращившись за поддержкой к госпоже Амафрее.

На отборе лорды могли касаться будущей магиссы разве что в танце, пока не надевали ей на шею знак своего рода. Лорд Конор нарушил правила, но Сухарь улыбалась, точно происходящее было веселой забавой.

— Ах, дорогой лорд, не пугайте так нашу розочку! — шутливо погрозила она. — Бедная девочка не понимает, что это часть испытания.

На Верту посмотрела строго: «Не груби!» и обратилась гостям:

— У нашей восхитительной Вертраны редкий дар — способность заглядывать в прошлое.

«Заглядывать... — печально подумала Верта. — Какое точное слово. Если бы еще научиться его менять!»

— Уважаемый лорд Конор прошепчет Вертране на ухо фразу. Эта же фраза записана на листе бумаги, спрятанном в конверт, на который наложена печать рода Ростран. Содержимого конверта не знаю даже я. В первую очередь я...

Сухарь продемонстрировала конверт из белой бумаги с оттиснутым на нем изображением рыси. Значит, лорд Конор подготовился к испытанию заранее, а госпожа Амафрея, конечно, все знала. А если так, выходит, Вертране не мерещился его интерес и предыдущие испытания не случайны. Значит... По коже побежал холодок. Значит, он собирается выбрать ее!

Нужно провалить испытание! Это единственный шанс...

Лорд Конор усмехнулся и приблизил губы к уху Верты.

— Я не отступлю, — сказал он.

«Он догадался, — расстроилась Вертрана. — Бесполезно... Ладно, еще не последний день. Восемнадцать мне исполнится меньше чем через месяц, но время еще есть».

— Готово, — произнес лорд Конор громче, для всех.

«Что? “Я не отступлю” и есть та самая фраза?» Верта даже не сразу сообразила, что испытание началось.

— Теперь Вертрана вернется на несколько дней назад, найдет меня и произнесет те слова, которые услышала от лорда Конора. С того момента я тоже буду их знать и назову вам. Потом мы вскрыем конверт. Думаю, что честное слово лорда Конора также послужит доказательством того, что испытание пройдено. Ты готова, дорогая?

Вертрана пожала плечами.

— Готова.

Волнение ушло. Она знала, что справится. За прошедшие дни Верта столько раз ныряла в прошлое, что, наверное, сумела бы проделать это даже стоя и с открытыми глазами.

Ей, однако, все-таки предложили присесть — на подиум торжественно внесли кресло. Усаживаясь на мягкое сиденье и ловя на себе многочисленные заинтересованные взгляды, Вертрана ощутила себя то ли особой королевских кровей, то ли преступницей на заседании суда. Она и рада была сбежать, пусть ненадолго, туда, где нет лордов и отвратительного господина Ространа.

— Верта! Вертрана, ты куда? Ты с ума сошла? — испуганно прошептала Эйлин, когда подруга поднялась из-за стола прямо во время урока рунологии и отправилась к выходу. — Сух... Хм... Госпожа Амафрея накажет, если узнает!

— Не накажет! — буркнула Верта.

У нее слишком мало времени, чтобы ждать окончания занятия. Пусть директриса сама объясняется

с мастером Фрином, который сейчас провожал нахальную воспитанницу изумленным взглядом.

Верта вышла за дверь и бросилась бежать — сначала по коридору, потом по лестничным пролетам — вниз, вверх, снова вниз. Институт несколько раз перестраивали, расширяя, оттого новенькие девочки путались в переходах и лестницах. Но Вертрана могла бы идти с завязанными глазами и не заблудилась.

Настоящее настойчиво тянуло ее к себе: Верта так и не научилась задерживаться в прошлом дольше двух минут. «А если Сухаря нет на месте? Если заперто?» Но дверь в кабинет директрисы распахнулась, и Вертрана едва не растянулась на пороге.

— Что происходит?

Госпожа Амафрея грозно привстала из-за стола.

— Я... не... отступлю... — набирая воздух в грудь после каждого слова, выдавила Верта.

Сухарь не поймет — ну и ладно. Догадается в свой черед. Но та неожиданно приподняла кончики губ в улыбке:

— Ты проходишь испытание. Можешь возвращаться, я поняла.

Вертрана открыла глаза. Госпожа Амафрея уже распечатала конверт, но лист бумаги еще не достала.

— Могу вас уверить, уважаемые лорды, я лично видела Вертрану в своем кабинете — с тех пор прошло больше месяца — и услышала от нее слова, которые теперь произношу вслух: «Я не отступлю!» Еще две минуты назад я не знала об этом...

Ропот то ли недоверия, то ли восторга пробежал по ряду кресел.

— И вот доказательство!

Директриса вынула сложенный вчетверо лист, развернула его и продемонстрировала гостям запись, сделанную красивым, четким почерком. Конечно, она слово в слово повторяла фразу.

«Больше месяца!» — удивилась Вертрана.

Впервые она забралась в прошлое так далеко. Неужели наступит день, когда она сможет заглянуть на год или несколько лет назад? Конечно, не сейчас. Еще тренироваться и тренироваться.

— Благодарю за внимание!

Госпожа Амафрея поклонилась, давая понять, что испытание закончено. Гости допивали вино, потягиваясь, вставали с мест. Богомолиха подняла девушек, собираясь вести их в спальню. Какое счастье — скоро можно будет расслабиться, переодеться в удобную одежду и, после стольких дней непрерывных тренировок, просто отдохнуть, растянувшись на постели.

Вертрана уже строила планы, как подговорит Эйлин пробраться на кухню. Добрые кухарки очень часто оставляли для воспитанниц чайники с горячей водой и ломтики хлеба. Если тайком притащить чайник в спальню и заварить травки, припасенные на занятиях по зельеварению, и выпить ароматного отвара вприкуску с подсушенными кусочками белого хлеба — отличный получится ужин. Мей обязательно нужно попить горячего, на бедной лица нет, переволновалась и устала.

А потом они устроятся под одеялом и подумают, что делать дальше. У Вертраны появилось несколько идей. Можно отправить мастеру Ройму письмо с одной из прислужниц. Правда, у воспитанниц Института нет денег — ни монетки, да и адреса преподавателя никто из них не знал. Но ведь не в пустыне живут: стоит как следует поразмыслить, и решение найдется.

Эйлин махнула, подзывая замешкавшуюся Верту, остальные розочки уже построились. Большой зал опустел, прислужницы приступили к уборке: снимали ленты, уносили скамейки. Одна за другой гасли магические сферы.

— Да быстрее же, несносная девчонка! — проворчала классная дама.

На узком лице выступила испарина, высокая прическа завалилась набок. Богомолиха мечтала поскорее оказаться в своей комнате и раздраженно поглядывала на воспитанниц.

— Уводите девочек, госпожа Гран, — неожиданно раздался спокойный голос госпожи Амафреи. — Вертрана задержится.

Верта совсем не обрадовалась тому, что директриса вернулась. Что ей нужно? Веселого не жди! Или очередное нудное наставление, или, что хуже, наказание за дерзость.

«Вертрана, ты грубила! Вертрана, ты не строила глазки этому мерзавцу!» — мысленно передразнила Верта чопорные манеры Сухаря.

— Следуй за мной, Вертрана.

Верта вздохнула, но подчинилась.

Госпожа Амафрея повела ее знакомой дорогой в кабинет. Ну все, разговор затянется надолго. Прощай, взвар на вкусных травках... когда Верта возвратится в спальню, девочки будут уже спать.

«Неужели я в чем-то провинилась? — гадала Вертрана. — Но в чем?»

— Ты показала себя достойно, — сказала директриса. — И всегда была одной из лучших учениц.

Отчего-то сказанное не утешило, напротив, Вертрине сделалось тревожно. Она молча поклонилась, благодаря за похвалу.

В кабинете госпожи Амафреи ярко горел свет. На шум открывающейся двери со стула поднялась высокая фигура. Вертрана разглядела посетителя и неподвижно встала на пороге. Лорд Конор. Что он здесь делает? Хотелось развернуться и убежать, спрятаться под одеялом.

— Заходи, дорогуша! Не стой в дверях! — недовольно приказала госпожа Амафрея. — Это невежливо.

— Я снаружи подожду.

Сухарь дернула челюстью, но сдержалась, проглотила дерзость. Даже изобразила кривую улыбку.

— Подожди в кабинете.

Вертрана сделала несколько шагов: ничего другого не оставалось. Впрочем, лорд Конор уже не смотрел на нее, он разговаривал с госпожой Амафреей.

— Мои условия вас устраивают?

Начальница Института погрозила пальцем.

— Вы заставляете меня нарушать правила, дорогой господин Ростран. Беспрецедентный случай...

— И беспрецедентная плата!

Лорд Конор вынул из кармана алый бархатный мешочек и аккуратно положил на директорский стол. Кажется, там были не деньги, но явно что-то ценное.

Уставшая Вертрана не понимала, зачем ее сюда пригласили. Решали бы свои дела без свидетелей. Она украдкой зевнула.

— Итак. Я буду забирать ее время от времени из Института, а потом возвращать обратно. Она должна пройти программу курса до конца...

— Так и подождали бы до конца года, — лукаво улыбнулась госпожа Амафрея, — Или невтерпеж?

Лорд Конор промолчал.

Вертрана переминалась с ноги на ногу. Хотелось пить, а еще больше — распустить шнуровку платья, скинуть туфли, набрать полную грудь воздуха и растереть ноющие ступни. Госпожа Амафрея не сразу ее дозвалась.

— Вертрана! Вертрана! В каких облаках ты витаешь? Подойди!

Вертрана думала, что господин Ростран, обговорив сделку, покинет кабинет, но он неожиданно крепко взял Верту за руку.

— Что? Что вы делаете?

Она попыталась вырваться, но не тут-то было. Пальцы лорда Конора не причиняли боли, но держали цепко, как стальные тиски. Госпожа Амафрея без лишних слов протянула господину Ространу

булавку, а тот уже был готов и знал, что нужно делать.

Быстро уколол сначала свой палец, следом палец Вертраны.

— Ой! Что происходит?

Маленькая капля крови расплылась на светлом паркетном полу алым пятнышком. Только тогда Вертрана поняла. Как только не догадалась с самого начала! Она дико испугалась. Дернулась изо всех сил. Пальцы левой руки автоматически сложились в позицию для боевого заклинания и... Ничего не случилось!

Госпожа Амафрея сокрушенно, как добрая тетушка, покачала головой и обвела комнату широким жестом.

— Заклятие невода вылавливает запрещенную магию. Тихо, детка. Тихо. Ничего страшного не происходит.

Вертрана билась в руках лорда Конора. Вся перепачкалась своей кровью и его. Но он держал твердо. Приподнял ее над полом и донес до стола, где стояла черная сфера. Припечатал ее ладонь своей к гладкой прохладной поверхности, прижал. Верта трепыхалась, чувствуя себя птицей в силках.

— Не наказывайте ее слишком строго, господин Ростран. Девочка переволновалась. Она не была готова, что сегодня вечером ее жизнь изменится кардинально.

Вертрана изловчилась и укусила лорда Конора за плечо. Он зашипел сквозь зубы.

— Вы не можете! Мне еще не исполнилось восемнадцати! — отчаянно закричала Верта.

— Да? А по бумагам как раз исполнилось. Вчера! Неужели закралась ошибка? — Госпожа Амафрея сокрушенно поцокала. — Ну ничего. Месяцем больше, месяцем меньше.

— Клятва! — прорычал господин Ростран.

— Не волнуйтесь, дорогой лорд. Вы ведь помните, смешения крови на «Небесном Алтаре» вполне достаточно, она уже принадлежит вам. Можете добавить пожелание своей магиссе. В вольной форме.

— Как раз об этом я веду речь! Вертрана должна поклясться мне здесь и сейчас — все, что она узнает в моем доме, будет навсегда заперто в ее сердце. Ни произнесенным словом, ни написанным она не выдаст тайны.

Он легонько встряхнул ее, заставляя говорить.

— Клянусь...

Вертрана, застонав, поникла в его руках.

— Вертрана, возможно, поддержкой для тебя в этот непростой день станет то, что господин Ростран милостиво разрешает тебе закончить обучение. Еще ни одной воспитаннице мы не предоставляли таких условий. Когда их уводят, то уводят навсегда. Но ты еще вернешься в родные стены, наша милая девочка.

Вертрана, уступившая грубой силе, но не сломленная, глядела прямо перед собой, презрительно кривя губы. Не хотела видеть ни физиономию Сухаря, ни ненавистную рожу лорда Конора.

— Ленту наденете? — только и спросила она.

— Ты будешь носить ее в Институте. Сейчас нет нужды, — спокойно ответил господин Ростран. — Пора идти, Вертрана.

— Но я... Не собралась, не попрощалась!.. Я не могу!

— Много вещей собирать? Форменное платье и пелеринку? Глупости. Купим все, что нужно.

— Ах да! Позвольте напомнить вам, дорогой лорд Конор, о том, что обряд «отречения» над Вертраной еще не проведен. Соблюдайте осторожность.

— Я знаю, — коротко бросил лорд.

У Верты свело скулы от ужаса и омерзения.

Неужели это правда с ней происходит? На самом деле? Не во сне? Ей захотелось ускользнуть в

прошлое, но что толку — две минуты ничего не решат.

— Идем, — настойчиво повторил господин Ростран. — Уже поздно. Я, например, устал и хочу спать. Если понадобится, я отнесу тебя на плече. Но стоит ли пугать юных воспитанниц Института, которые наверняка выбегут на крики?

Мерзавец!

Лорд Конор предложил руку, Вертрана дернула плечом и прошла мимо.

— Удачи, милая! — произнесла вслед госпожа Амафрея. — Рада, что разум возобладал над чувствами.

У Верты дрожали ноги, когда она спускалась по лестнице. У самого выхода как будто кто-то подтолкнул ее, заставив поднять глаза.

На лестничной площадке третьего этажа стояли Эйлин и Мей. Мей плакала. Элли обнимала ее одной рукой и смотрела, смотрела на Вертрану. Губы безмолвно произнесли: «Мы вместе...»

Мы вместе. Вертрана закрыла лицо руками, чтобы не видеть, и выскочила на улицу, глотая морозный воздух.

А Мей! Бедная Мей... Кто же теперь ей поможет! А кто поможет ей — Вертрание?

Еще никогда она не чувствовала себя такой одинокой.

*** 24 ***

С вечернего темного неба сыпал мелкий колючий снег. В платье с открытыми плечами Вертрана мгновенно озябла, но холод был пустяком по сравнению с остальными бедами. Во всяком случае, жаловаться Верта не собиралась, упрямо сжала губы.

Лорд Конор, подойдя со спины, накинул ей на плечи собственный сюртук.

— Ты слишком дорого мне обошлась, чтобы заморозить тебя в первый же вечер.

Он обошел Вертрану и устремился к воротам. Руку больше не предлагал. Вертрана секунду поразмышляла, не скинуть ли сюртук на землю, потом решила, что сегодня еще появится достаточно поводов для вражды и надо беречь силы.

У ворот господина Ространа ожидал экипаж. На дверце герб со знакомым уже изображением рыси. Возничий на козлах в богатой ливрее и дохе поверх нее оглядел новую игрушку своего господина с некоторым превосходством. Неодобрительно покачал головой. Верта точно наяву услышала голос: «Что-то больно костиста да бледна. Из носа вон течет, и ветром качает».

Лорд Конор без лишних разговоров помог Вертрание подняться в карету, и она, изо всех сил стараясь не выдать испуга, села посередине скамейки, обитой бархатом. Ее хозяин расположился напротив, откинулся на спинку и беззастенчиво принялся рассматривать приобретение.

— Не рассмотрелись еще? — огрызнулась Вертрание.

От отчаяния и страха она всегда начинала грубить. Тут же опомнилась: госпожа Амафрея накажет. И мгновением позже ее озарило: директрисы здесь нет! И Богомолихи тоже! И наказывать никто не станет! Если только...

Верта покосилась на лорда Конора.

— Если ты будешь создавать мне проблемы — выпорю! — коротко пообещал тот. — Мне только не хватало возни с нахальной девчонкой.

Вертрание сама поняла, что повела себя неосмотрительно, и оставшуюся дорогу решила молчать.

Ехать оказалось недалеко. Институт располагался в благополучной части города, как и большинство богатых домов. Экипаж притормозил, послышался шум открывающихся ворот, карета проехала по подъездной аллее и мягко остановилась.

Господин Ростран протянул Верте ладонь. Она этот жест проигнорировала, а потом долго пыталась поставить ногу на обледеневшую ступеньку так, чтобы не покатиться кубарем, окончательно роняя себя в глазах придирчивого возничего.

Занятая этим важным делом, на имение она даже не взглянула, и лишь почувствовав под ногами твердую почву, подняла глаза и вздохнула.

Что же, она с самого начала знала, что лорд Конон богат. По сравнению с этим огромным зданием, сложенным из темно-серого камня, даже Институт казался игрушечным домиком. От дома веяло строгостью и застывшим временем, а еще холодом и бездушием.

Лорд Конон не стал ее дожидаться, ушел в дом, оставив парадную дверь приоткрытой.

— Вот так и другие стояли, смотрели, — буркнул над ее головой кучер. — А потом их хоронить выносили, и нескольких месяцев не прошло. Слабенькие вы создания. Не выдерживаете, знать, господских ласк.

Вертрана проглотила ком, застрявший в горле, обернулась к слуге и изобразила приветливую улыбку.

— Да я сама вашего господина приласкаю! Так приласкаю! Ух!

Удовлетворившись перекосившимся от изумления лицом возникшего, Вертрана медленно пошла вперед — лишь бы не растянуться на скользкой тропинке!

Шла и разглядывала свой будущий дом. Темнели окна и лишь на верхнем этаже — этаже прислуги — мерцали рыжие отблески свечей, да сияло ровным ясным светом широкое окно на втором этаже, закрытое белым тюлем. Свет ложился на утопанный снег желтым кругом. От этой комнаты единственной веяло теплом и покоем. Чья эта комната? Может быть, престарелой матери лорда?

Оконная рама казалась светлее остальных. Вертрана пригляделась и поняла: раму заменили. А мгновением позже догадалась почему: на серых камнях рядом с окном сохранились следы копати. Их тщательно старались очистить, но так до конца и не сумели. Когда-то здесь случился пожар. Такое легко могло произойти из-за опрокинувшейся свечи.

Удивительно, что хозяин дома, богатый человек, не пользуется магическими сферами. Да, стоят они недешево, но зато безопасны... Впрочем, теперь у него для этих целей есть Вертрана. Почему бы ему завтра не усадить ее за изготовление светильников? Вертрана тут же погрузилась в расчеты. Сколько надо заказать стеклянных банок — придется пока использовать их, и какое лучше выбрать заклятие — «Ясный день» или «Мягкий вечер»?

— Здравствуй, здравствуй! — раздался радушный женский голос, выдернув Вертану из ее хозяйственных мыслей. — Так вот, значит, какая у нас новенькая магисса!

Голос принадлежал женщине средних лет в чепце и темном платье служанки. Она приветливо улыбнулась и кивнула.

— Я Шейла, ваша горничная. Пойдемте, я покажу вам комнату. Вещи...

Шейла скользнула по худенькой фигуре, кутающейся в сюртук, растерянным взглядом.

— Так, ясно. Вещей нет. Не волнуйтесь, он купит все, что нужно, а пока я дам свою ночную рубашку.

Горничная пошла вперед, время от времени оглядываясь и проверяя, не отстала ли Вертрана. Верта зацепилась взглядом за ее чепец и старалась не пялиться по сторонам. Дом давил на нее своей громадой и великолепием. Она позже рассмотрит его как следует, когда наберется сил.

— А чья комната на втором этаже? — вспомнила Вертрана про приветливое окно. — Чья-то спальня?

Спина Шейлы напряглась, однако голос звучал бодро.

— Там всегда свет горит. Хозяин испытывает к этой комнате какие-то сентиментальные чувства, но слуги ничего не знают. Мы все здесь не так давно работаем. Говорят, лет шесть назад он всех прежних распустил и набрал новых. Я в доме только три года.

«Сентиментальные чувства?» Заяви сейчас Шейла, что у лорда Конона есть хвост и копытца, Верта и то удивилась бы меньше.

— А какой он человек, ваш хозяин?

Горничная, не оборачиваясь, пожала плечами.

— Да какой... Хозяин — одним словом. Бесед с нами он не беседует, только приказы раздает. А вы разве не узнали его поближе за время знакомства? — осторожно спросила она.

«Если бы...» — мысленно вздохнула Вертрана.

Они поднимались по лестнице, и Верта гадала, где ее поселят. На этаже слуг? Каждый лорд сам

решал, где разместить свою помощницу, единых правил не существовало. Она могла оказаться и в подвале, и на чердаке.

— Сюда!

Шейла свернула в коридор второго этажа и толкнула дверь. Вертрана опасно заглянула. Спальня показалась ей огромной! Слишком тихой и пустой. Когда-то Вертрана мечтала о своей комнате, а теперь с трудом представляла, как сможет уснуть без шепотков, скрипа кроватей и сонного сопения розочек. Как там Мей? Наверняка наплакалась и спит, а Элли сидит рядом и держит ее за руку, как в детстве. Эйлин никогда не плачет, но ей тоже бывает грустно.

В центре комнаты стояла кровать под балдахином, потрескивали поленца в маленьком камине.

— Я нагрела воды, сейчас принесу. И рубашку, как обещала.

Шейла развернулась, чтобы уйти, но Верта схватила ее за руку.

— Подожди! А хозяин? Где его спальня?

— Его?

Горничная отвела глаза.

— Здесь же, чуть дальше по коридору. Следующая дверь... Да не переживайте так. Он устал и не придет сегодня. Мне так кажется...

— Те... девушки... Они жили в этой комнате?

— Нет, нет. Не волнуйтесь. В доме пустует много комнат. Они умерли не здесь...

— Они умерли в доме? — Вертрана уловила главную мысль. — Почему?

Шейла мягко освободила руку.

— Мне об этом неведомо, мисти.

Мисти. Так называли действующих магисс, окончивших Институт и поступивших в услужение лорду. Вертране было необычно и странно слышать это обращение по отношению к себе. В мыслях она по-прежнему была воспитанницей.

«Я вернусь, — успокоила она себя. — Я просто зачем-то нужна ему сейчас...»

И тут же задрожала всем телом. Сюртук, который все еще был накинут на плечи, сбросила на пол и едва ли не прошлась ногами.

Нет, он не придет! Он ведь не для этого выкупил ее у Института раньше срока. Здесь что-то другое... А если придет! Если только посмеет!..

Шейла принесла воду и рубашку. Вертрана переоделась, кое-как умылась и нырнула под одеяло. Ее потряхивало от нервного перенапряжения. Уснуть точно не сможет, так и будет ворочаться до утра, одолеваемая мыслями, что ей принесет завтрашний день.

Но усталость брала свое, постепенно Верта задремала.

Поэтому, когда дверь приоткрылась и в спальню вошел лорд Конор, сонная Вертрана приняла его за кошмарное видение и, не раздумывая, запустила в мерзавца сгустком энергии.

Обычного человека после применения боевого заклинания размазало бы по стене тонким слоем. Но лорд Конор за долю секунды начертил в воздухе отражающий знак, от чего заклятие рассыпалось, никому не причинив вреда.

— Не предполагал, что в итоге в гроб меня вгонит та, которая должна защищать, — съязвил он.

— Вы что — маг? — выдохнула ошеломленная Вертрана.

*** 25 ***

— Должен был им стать... — непонятно ответил лорд Конор.

Поймал ее недоуменный взгляд и добавил:

— Легче показать.

И принялся расстегивать рубашку.

Вертрана натянула одеяло до самой шеи, вцепилась в него обеими руками. Вот так это и случится? Сейчас? Мей говорила, это не больно... Но, наверное, только с тем, кого любишь... Нет, так нельзя. Если этот мерзавец подойдет ближе хоть на шаг, Вертрана просто шарахнет его молнией. И будь что будет!

Господин Ростран успел расстегнуть три верхних пуговицы, когда заметил в ее взгляде отчаяние. Остановился. Покачал головой.

— Девушки любят сильно преувеличивать значение этого примитивного акта. Считаешь, я только о том и думаю, как с тобой переспать?

Вертрана не ответила, продолжая настороженно следить за ним глазами. Лорд Конор, усмехнувшись, расправился с оставшимися пуговицами.

— Лишать невинности рыдающую девственницу - сомнительное удовольствие. Я бы, пожалуй, даже доплатил, чтобы отказаться от этой чести.

Верта заморгала, не зная, оскорбиться ей или обрадоваться. Лорд Конор между тем расстегнул манжеты и снял рубашку. Подошел ближе, так, чтобы отсветы огня в камине падали на его тело. Вертрана никогда не видела обнаженного мужского торса и с трудом представляла, каким он должен быть, но рельефные мышцы смотрелись, пожалуй, даже красиво. Верта прикусила губу, разглядывая подтянутый живот и вспоминая, невесть за чем, о том, как сильно билось сердце в груди господина Ространа в тот день, когда она спасала его от яда россара.

— Не туда смотришь, — ухмыльнулся лорд Конор и указал пальцем на плечо.

Под правой ключицей располагалась странная татуировка. Приглядевшись, Вертрана поняла, что это нерушимая печать, сломать которую не под силу даже магическому совету. Черный круг, перечеркнутый молнией. Этот знак и раньше встречался Верте в книгах о магах-отступниках, каким-то образом нарушивших правила Гильдии. Таких карали сурово и навсегда.

— Вам запечатали магию... — догадалась она. — Укокошили кого-то из своих же?

Лорд Конор сокрушенно покачал головой.

— М-да... Можно вывезти девушку из деревни, но нельзя вывести деревню из девушки...

Вертрана вспыхнула. Водился за ней такой грешок — в стрессовой ситуации привитые манеры слетали с нее, как шелуха. Она превращалась в девчужку-сорвиголову, беззаботную дочь башмачника.

— Так верните меня назад! — оскорбилась Вертрана. — Пока не испортили...

— О боги, кого я привел в дом!

Лорд Конор с изумлением разглядывал свое приобретение, как разглядывают дикого зверька. Потер лоб.

— Впрочем, я с самого начала понимал, что просто не будет...

Он сел на постель, едва не отдавив Вертрание ноги, которые она немедленно поджала и для верности обняла колени.

— Начнем с начала. Магию мне действительно запечатали, еще когда я учился на последнем курсе Академии, диплома я так и не получил.

— Но я ведь видела, как вы отразили мое заклинание!

— Кое-какая магия сохранилась, но на троечку, годная только на балаганные фокусы. Прежде у меня была десятка, я был первым на факультете боевой магии...

— Думаю, лишили вас за дело! — высказала дерзкое предположение Вертрана.

Лорд Конор усмехнулся.

— Да. Но я ни о чем не жалею.

Он замолчал. Верта молчала тоже и, избегая смотреть на обнаженное мужское тело, пялилась в огонь.

— Значит, так, Вертрана, — решительно произнес господин Ростран. — Не стану ходить вокруг да около, скажу прямо: меня пытаются убить.

Верта распахнула глаза и набрала в грудь воздуха, собираясь засыпать лорда вопросами: «Кто? За что? Почему?»

Лорд Конор поднял ладонь, останавливая поток слов.

— Но это не настолько важно, как дело, для которого ты мне нужна. Я и так слишком долго ждал, надо завершить все до того, как настойчивый недоброжелатель исполнит задуманное.

— Долго ждали? — переспросила Вертрана.

И тут ее осенило. Лорд Конор пришел в Институт именно за ней, он с самого начала знал, какая способность откроется у Вертраны, а значит...

— Вам нужен был аквамарин! Вы хотите изменить что-то в прошлом! Верно? А те девушки... — Вертрана вспомнила о своих несчастных предшественницах и покрылась мурашками с ног до головы. — Они тоже были аквамаринами!

— Да. Они тоже были аквамаринами.

— И они погибли! Вы... Вы погубили их!

Вертрану пробрала дрожь. Ни камин, ни одеяло, в которое она закуталась по самые уши, не спасали от озноба. Лицо лорда Конора затвердело.

— Мы вернемся к этому в конце разговора.

— Я не хочу с вами разговаривать! Я... Я вас ненавижу!

Выпала и закрыла ладонью рот. «Вот ты, Вертрана, и договорилась до порки...»

У лорда Конора дернулся уголок рта, пальцы скомкали простынь в горсти.

— Ненавидишь? Что ты знаешь о ненависти, девчонка... Впрочем, мне все равно. Можешь ненавидеть.

Вертрана с ужасом смотрела на его отрешенное лицо, ожидая, что господин Ростран сейчас опомнится, озверев и кинется на непокорную магиссу с кулаками.

— Мне действительно плевать! — резко повторил он. — У меня в душе все давно выгорело. Выгорело... Пусто! Осталось одно дело. И я не отступлю.

«Я не отступлю. Те самые слова...»

Будучи на практике в больнице, Вертрана не единожды встречала тяжело больных людей, которые держались за жизнь одним только усилием воли, потому что у них оставалось важное незаконченное дело. У лорда Конора был сейчас точно такой взгляд, как у них.

— Какое... дело? — тихо спросила она.

*** 26 ***

— Изменить одно событие в прошлом...

— Это невозможно! — воскликнула Вертрана, хотя и догадывалась, что речь пойдет о чем-то подобном. — Я пробовала много-много раз!..

— Это возможно, если оборвать нить события у самого истока... Главное, вычислить нужный момент, это как раз сложнее всего. Но прежде, чем я объясню, задам один вопрос. Согласна ли ты, мисти Вертрана, заключить со мной сделку? Ты вернешься в прошлое и изменишь одно событие. Совсем незначительное, которое, однако, натворит много бед в будущем. Подробнее расскажу, если ты согласишься. После этого ты получишь свободу. Я куплю тебе дом, новое имя. Ты ни в чем не будешь нуждаться.

Вертрана застыла, не веря своим ушам. Разве не об этом она мечтала долгие годы? Свобода, новое имя, никаких обязательств... Очень заманчиво, если бы не одно «но»!

— Твои прежние помощницы, насколько я понимаю, согласились? — хрипло спросила она. — Что же, ты их не обманул — они обрели долгожданную свободу! Или они не соглашались, но ты их заставил?

— Против воли ничего не выйдет! И да — они согласились. Дело настолько легкое, что я просто не понимаю, как что-то могло пойти не так... В первый раз, когда погибла Синтия, я подумал о нелепой случайности, каком-то глупом несчастном случае. Во второй раз, когда Джулия умерла на моих руках...

Голос лорда Конора сорвался, он сжал скулы, негодуя на свою слабость.

— Когда умерла Джулия, я понял, что и здесь замешан, вероятно, мой таинственный враг.

— За что он мстит вам? — прошептала Вертрана.

— Ума не приложу. Теряюсь в догадках... Впрочем, моя жизнь давно пошла под откос, и неведомый враг с некоторых пор кажется мне рукой судьбы. Закономерный итог моей никчемной жизни...

Мужчина, сидящий рядом с ней в алых всполохах огня, сейчас не выглядел опасным. Его язвительность и грубость скрывали дыру в душе. Если все внутри выгорело, то единственная защита — ирония и злость. Да, похоже, он давно разучился сочувствовать и любить, но себя он любил еще меньше остальных.

— Если я соглашусь — я тоже умру...

— Нет, Вертрана. Если ты согласишься и что-то пойдет не так — умру я.

Верта вскинула голову, стараясь разглядеть выражение лица лорда. Он ответил ей прямым взглядом и, кажется, говорил серьезно.

— Что же...

Вертрана огляделась, пытаясь убедить себя, что все происходящее не сон. Какой сегодня невероятный день. Еще утром она была одной из розочек-выпускниц. Вечером рухнула в пучину отчаяния, оказавшись во власти чудовища. Ночью вдруг обрела надежду... Если лорд Конор не обманет и Вертрана получит свободу, она обязательно отправится на поиски мастера Ройма. Найдет его во что бы то ни стало. Ради Мей...

— Как мне знать, что вы сдержите обещание?

— Магия «Небесного алтаря», на котором смешалась наша кровь, работает в обе стороны, вот только лорды обычно не проносят клятв. Ты поклялась хранить тайну, а я пока ничего тебе не обещал...

Лорд Конор встал перед Вертраной.

— Клянусь, что исполню условия сделки. Мисти Вертрана получит свободу, дом и новое имя, как только поможет мне.

— Хорошо. Я согласна, — вздохнула Верта.

— Хорошо... — эхом повторил лорд Конор.

Возможно, ей показалось, но на его лице промелькнуло облегчение.

— Теперь рассказывайте.

— Ты видела комнату на втором этаже, где горит свет? Не отпирайся, видела... Это комната моей дочери. Она умерла в младенчестве. Погибла при пожаре.

Вертрана забыла, как дышать. Три коротких фразы вывернули душу наизнанку. Лорд Конор, холодный и бесстрастный, был отцом? Как такое возможно?

— А ваша... жена? — осторожно спросила Верта.

— Умерла при родах. Нет, ее спасти нельзя. Но Эмбер я вытащу!

— Но как? Я пыталась изменить событие, отстоящее по времени совсем недалеко, и то у меня ничего не получилось!

— А какое событие ты пыталась изменить? — сузил глаза лорд Конор. — Что-то важное, если ты так старалась?

Вертрана поняла, что сболтнула лишнее, и попыталась замять разговор.

— Нет, ерунда. Не справилась с заданием у господина Вира, а он такую отработку назначил, легче в прошлое слетать!..

«Ой, что я несу!»

Объяснение звучало нелепо. Лорд Конор иронично изогнул бровь, но допытываться не стал.

— Так, значит, прошлое все-таки можно изменить?

— Чем ты меня слушала, мисти? И нескольких минут не прошло, как я сказал о том, что можно оборвать нить события у самого истока, там, где она тоньше всего. Не перебивай. Просто слушай.

Вертрана положила подбородок на колени и кивнула, как прилежная ученица.

— Это случилось восемь лет назад. Моей дочери Эмбер исполнилось семь месяцев. Она родилась с сильным магическим даром, и неудивительно, ведь ее отцом был я. Ты знаешь, что девочек нашего круга не учат магии, ее дар был абсолютно бесполезен и заглох бы годам к двенадцати, как это обычно бывает. Надо было поить малышку отваром прохладника, он отлично гасит магию, но я... Мне льстила мысль, что хотя сам я магии лишился, моя дочь родилась с таким потенциалом.

Лорд Конор старался, чтобы голос звучал ровно, но от Вертраны не укрылось, как сильно он до сих пор корит себя за это нелепое тщеславие.

— В один из дней в детской вспыхнул пожар. За несколько мгновений пламя охватило комнату, испепелив все, что находилось внутри. Я ничего не успел сделать...

Господин Ростран сжал челюсти, подождал секунду и заговорил снова.

— Комиссия магов постановила, что причиной стал магический огонь. Моя девочка не справилась с даром. В пламени погибли она сама и ее няня. Обгоревшее тело женщины нашли, но Эмбер...

Лорд Конор поднялся и встал у камина, повернувшись к Вертране спиной.

— Мне даже нечего было похоронить, — глухо сказал он.

У Вертраны сжалось сердце. Вот уж никак она не предполагала, что этой ночью будет испытывать к ненавистному лорду Конору нечто вроде сочувствия.

— Мне жаль, — искренне сказала Верта.

— Плевать мне на твою жалость! — ответил он грубо. — Мне не жалость твоя нужна, а помощь!

— Но... как?

— Если беременная женщина выпьет настойку прохладника на раннем сроке, то навсегда заглушит в будущем ребенке магию. Достаточно одной дозы. Это безвредно. Но редко кто применяет этот способ, ведь пол младенца до родов неизвестен, а мужчины-маги ценятся в любой аристократической семье.

Вертрана вся обратилась в слух, догадавшись, что сейчас будет сказано главное.

— Нить события можно оборвать летним утром девять лет назад. Жена несколько дней чувствовала себя неважно, и, дождавшись прохладного дня, я повел ее прогуляться по тенистым улочкам. Мы еще не знали, что она ждет ребенка. Постепенно солнце стало припекать, и Арлиса захотела пить. «В том сквере ребятишки всегда торгуют сладкой водой!» — вспомнила она. Мы дошли до сквера, и действительно, оказалось, что городские дети устроили здесь что-то вроде маленького базарчика, пытаясь немного заработать. Торговали сладкой водой, ягодами и толченым льдом. Я купил Лисе стакан воды с эстрагоном. Это такая трава...

— Я знаю! — возмутилась Вертрана.

Верта прекрасно помнила, о каком сквере идет речь. Она и сама вместе с Тимом иногда продавала там яблоки, собранные в заброшенных садах. Но пока ей было совершенно непонятно, куда клонит лорд Конор.

— Отлично. Это упростит задачу. Ты вернешься на девять лет назад... Ты будешь уже достаточно взрослой, чтобы отправиться одной в сквер?

— Конечно! — фыркнула Вертрана. — Я с шести лет гуляла сама по себе.

— Ты приготовишь сладкую воду из эстрагона, а в один стакан добавишь настойки прохладника. У него нет ни вкуса, ни запаха. Когда мы с Арлисой придем в сквер, именно этот стакан ты протянешь ей. Поняла? Моя дочь еще не успеет обрасти связями в этом мире. Даже мы еще не будем о ней знать. Нить события оборвется, моя дочь родится без магии и не погибнет в огне!

Лорд Конон говорил так убежденно. Он искренне верил, что победит злой рок. Но Вертрانه показалось, что он одержим идеей, а значит, едва ли может мыслить ясно.

— Синтия и Джулия получили такое же задание?

— Конечно! Им не угрожала опасность.

— Однако они умерли... Как же вы собираетесь защитить меня? Это первое. А второе — в прошлом я пока не могу задержаться дольше чем на две минуты, и еще я никогда не заглядывала так далеко. Девять лет! Такое вообще возможно?

— Поэтому я и забрал тебя сейчас. Будем тренироваться!

*** 27 ***

Утром Вертрану никто не разбудил, она проснулась с ясным ощущением того, что проспала. Девочки ушли на занятия и оставили ее одну, и даже Богомолиха не обрызгала холодной водой. Что происходит?

Верта рывком села на постели, огляделась и только тогда вспомнила события минувшей ночи. Неужели это правда? Она заключила сделку с лордом Кононом. У нее появилась надежда на свободу!

Вертрана спустила ноги с кровати, прижала ладони к пылающему лицу. Казалось, что лорд Ростран говорил искренне, но кто знает, сдержит ли он слово. Однако шанс упускать нельзя.

В дверь постучали.

— Да, войдите!

В комнату бочком протиснулась Шейла, которая несла в руках поднос, уставленный тарелками. Пышные булочки, масло и варенье, засахаренные орешки и рассыпчатая каша. Посреди этого великолепия исходил паром пузатый фарфоровый чайничек.

— Проснулись, мисти? Господин приказал принести завтрак в комнату.

«Это и к лучшему!» — обрадовалась Вертрана.

Голубое платье, в котором она проходила испытание, помялось, подол испачкался. А в ночной рубашке спускаться в столовую было бы и вовсе неприлично.

Шейла водрузила поднос на маленький столик у камина, расставила блюда, налила в чашечку горячий чай.

— Вам, верно, нездоровится?

Горничная покосилась на смятую постель, надеясь разглядеть доказательства «нездоровья» юной магиссы, чтобы потом, Верта в этом не сомневалась, разнести сплетню по остальным слугам. Они тут невесть что думают о своем хозяине! И хотя Вертрана сама готова была не единожды шарахнуть заносчивого лорда молнией или на крайний случай огреть его тазиком для умывания, но таких грязных предположений он все-таки, как оказалось, не заслужил.

Верта вздернула подбородок и ничего не ответила.

— Оставляю вас, — поклонилась горничная. — Если что-то понадобится — зовите.

Шейла указала на витой шнурок, спускающийся из отверстия в стене.

Едва за служанкой закрылась дверь, Верта плюхнулась в кресло, намазала варенье на поджаренный ломтик хлеба, засунула его целиком в рот и зажмурилась от удовольствия. В маленькой сахарнице лежал не один, не два кубика сахара, а не меньше десятка. Их что же, все можно съесть? И никто не ударит по руке, никто не посмотрит с осуждением?

Чай оказался крепким и ароматным, булочки свежими, еще теплыми. Пожалуй, жизнь магиссы не так уж плоха.

«И наверняка бедняжки Синтия и Джулия думали так же, — раздался ехидный голос в голове. — Хорошо пожили! Правда, недолго!»

У Вертраны кусок застрял в горле, она даже закашлялась. Нет, рано расслабляться. Она еще не знает, насколько можно доверять лорду Конону. Да и приятным человеком его не назвать. Вертрана каждый раз едва сдерживается, чтобы не наговорить грубостей. Хотя и жаль его... Немножко,

совсем чуть-чуть.

В дверь снова нетерпеливо забарабанили, а потом, не дожидаясь разрешения, распахнули. На пороге появился уже знакомый возничий и как был — в дохе, в грязных сапогах — вперся в комнату. В руках он сжимал ворох свертков и коробок. Все это богатство он сгрузил посреди спальни, вперился недовольным взглядом в Вертрану, сидевшую в кресле. Та от неожиданности едва не расплескала чай.

— От господина, — буркнул он. — Велено посмотреть и примерить. Что не годится — выставить за дверь.

Он двинулся к выходу, огромный, как медведь, лохматая шуба только добавляла сходства. Не оборачиваясь, проворчал:

— Через час велено спуститься в библиотеку.

«Велено, велено!» — передразнила Вертрана гадкого конюха.

Впрочем, ее задело не его слова — ведь он только передавал приказ хозяина. Это лорд Конор напоминал Вертране, что она целиком и полностью зависит от его воли.

«Надену что-то совсем простое, — решила она, разглядывая свертки. — Не перед кем наряжаться!»

Ее надежды не оправдались: все платья были сшиты точно по ее меркам из дорогой материи и по последней моде. А рубашки, перчатки, даже панталончики оказались высшего качества и самой тонкой работы.

Смущенная Верта присела на краешек кровати с панталончиками в руках. Стыдоба-то какая... Конечно, сам лорд Конор не видит в этом ничего предосудительного. Мисти Вертрана его собственность — как породистая лошадка, как редкий цветок. Следует обращаться с ней деликатно, чтобы не испортить раньше времени.

«У меня будет новое имя, — сказала себе Вертрана. — Новая жизнь. Я и девочек вытащу!»

Она твердо решила стерпеть любое унижение ради будущей свободы. Потянула за шнурок — где-то в недрах дома звякнул колокольчик.

— Помоги мне одеться, — попросила она Шейлу. — И... помоги выбрать. У меня глаза разбежались.

Горничная с готовностью кинулась разбирать оставшиеся свертки.

— Вот это, коралловое, выгодно оттенит вашу кожу. А бежевое отложим, оно вас бледнит... Вот Синтии было бы к лицу!

Шейла осеклась и сделала вид, что заинтересовалась покроем очередного платья.

Через час Вертрана была полностью собрана. Она попросила горничную уложить волосы в высокую прическу: ей казалось, это сделает ее лицо более взрослым и строгим. Платье подобрала с рукавами ниже локтя, на шею повязала тонкий шарфик.

— Красавица! — всплеснула руками служанка. — И такая молоденькая! А ведь прожует и не подавится!..

Она запнулась на полуслове.

— Я провожу вас в библиотеку...

Лорд Конор ожидал Вертрану за столом, на котором были разложены книги. При звуке шагов скинул голову.

— Подойди, — сказал он строго. — А ты свободна, Шейла.

Верта вновь почувствовала, как страхом сдавило грудь. Ночью лорд Конор не казался таким далеким, таким отстраненным, как сейчас. Господин Ростран снова погрузился в изучение фолианта и не сразу обратил внимание на то, что Вертрана приближается крошечными шажками, обходя хозяина дома по дуге.

А она шла и пыталась разобрать руны, которыми был испещрен лист, и только потом увидела, что лорд Конор оставил чтение и наблюдает за ней с кривой ухмылкой.

— Боишься, — сказал он с мрачным удовлетворением. — Значит, будешь послушна.

— Нет! — вспыхнула Вертрана.

— Не будешь послушна? Или не боишься? Ладно, можешь не отвечать. Да подойди ты уже, наконец!

Верта приблизилась. Ее манили книги. Зачем лорд Конор принес их? Она одна из лучших учениц Института, и вряд ли есть что-то в магической науке, чего она не знает. Или...?

Лорд Конор закрыл тома один за другим и сложил их стопкой. Наверху оказалась книга величиной с ладонь, переплетенная в черную кожу. Ни названия, ни имени автора — только голубой камень в серебряной оплетке на обложке.

— Аквамарин... — прошептала Вертрана.

— Да, — подтвердил господин Ростран, протягивая ей книгу. — Такие книги есть для каждого камня. Лучшие умы на протяжении сотен лет собирали сведения об эссенциях и их использовании. Эта книга для тебя.

Вертрана открыла книгу и заметила на форзаце печать библиотеки Академии магии.

— В библиотеке Института я такой книги не видела, — задумчиво сказала Верта. — И госпожа Амафрея ничего о них не говорила. Она сама нас учила и давала задания...

— Как ты думаешь — почему?

Вертрана повторила то, что слышала из уст директрисы:

— Эта магия опасна, может искалечить душу, если приступить к ее изучению раньше времени.

— Эта магия опасна, — подтвердил лорд Конор и, помолчав, закончил: — Но не для вас.

— Что?

— Вас учат ровно настолько, насколько это может оказаться полезно вашим будущим хозяевам. Для развлечения. Мы в Академии проходили полный курс. Но женская и мужская магия, вопреки домыслам, не имеет серьезных отличий. Я научу тебя тому, чего ты знать не должна. Иного выбора нет.

Лорд Конор говорил очень спокойно, а Вертрана просто оцепенела от таких новостей. Ей всю жизнь внушали, что магиссам не выстоять в схватке с настоящим магом, что женская магия слабее мужской. Учили каким-то нелепым фокусам, годным лишь для забавы... А оказывается!

— Ты удивлена.

— Да! Это... Это нечестно!

— Честность! — усмехнулся господин Ростран. — Какая ты еще девчонка... Как тебе варенье, кстати?

Абрикосовое было любимым вареньем Вертраны. Если оно появлялось на столе во время чаепития, Верта, рискуя нарваться на замечание Богомолихи, уплетала его за обе щеки, бессовестным образом придвинув вазочку поближе. Делилась только с Мей, а Эйлин не любила сладкого.

— Отвратительное! — ответила она.

Он улыбнулся краешком рта, но сразу сделался серьезен.

— Сегодня я занят до вечера. Твоя задача — изучить книгу, прежде чем мы приступим к тренировкам.

Кивнул, давая понять, что разговор окончен, и направился к выходу из библиотеки.

— Подождите! — крикнула Вертрана в его удаляющуюся спину.

— После обеда можешь выйти прогуляться в сад, — сообщил он, не оборачиваясь. — Изучить — не значит прочитать от корки до корки.

— Да стойте же вы!

Лорд Конор обернулся с видом крайнего неудовольствия. «Чего хочет от меня эта несносная девчонка?» — читалось на его лице.

— Для аметиста и хризолита тоже есть учебники?

— Кажется, я сказал: «Такие книги есть для каждого камня». Какое из этих шести слов тебе непонятно?

Вертрана набрала в грудь побольше воздуха и затолкала поглубже дерзкие слова, что крутились на кончике языка.

— А эта книга... Она ваша?

— Нет, — взгляд лорда Конора потяжелел. — Она принадлежала моему лучшему другу. Он погиб много лет назад в битве у Звенящей реки.

— Там... погибло много... достойных магов... — выдавила Вертрана.

«Только не показывай ему жалости!» — опомнилась она, вспоминая, как господин Ростран отреагировал на ее сочувствие в прошлый раз. Но, видно, на лице слишком явно проступило раскаяние, потому что лорд Конон, прежде чем удалиться, ожег ее презрительным взглядом.

«Вы страшный человек, господин Ростран, — думала Вертрана, глядя вслед. — Смерть ходит рядом с вами... Жена, маленькая дочь, лучший друг... В чем вы так провинились перед судьбой?»

*** 28 ***

Оставшись одна, Вертрана с любопытством оглядела книжку, которую держала в руке. Только бы она была написана не рунической азбукой, иначе до вечера не только не изучишь, даже через первую страницу не продерешься. Но не откроешь — не узнаешь!

Верта с опаской перевернула первую страницу и вздохнула с облегчением, увидев, что оглавление отпечатано обычным шрифтом. Собралась было расположиться в кресле, но начала читать и так увлеклась, что примостилась прямо на столе, нетерпеливо бегая глазами по строчкам. Она держала в руках настоящий клад информации. Все, что она изучила до сих пор, помещалось в небольшой первый раздел, а вот дальше!..

— Как переместиться в прошлое на несколько лет! — Названия особенно восхитивших Вертрану параграфов она прочитывала вслух. — Как удержаться в теле на сутки! Как... Что? Как переместиться в чужое тело и удержаться в нем до десяти минут — методики и упражнения! Ма-мочки!

Где-то в недрах дома часы пробили полдень, вскоре после этого в библиотеку заглянула Шейла. Вертрана не слышала ее шагов и вздрогнула, когда горничная дотронулась до руки.

— Мисти Вертрана, обед накрыт в малой столовой.

— А что, есть и большая? — удивилась Верта. — Какой огромный дом!

— Да, немаленький... Иногда мы не видим господина Ространа сутками, хотя знаем, что он где-то в доме.

— Он не любит общества, — хмыкнула Вертрана.

Верта хотела отказаться от обеда, так увлеклась книгой, но потом подумала, что лорд Конон ничего не говорил о том, что ее нельзя выносить из библиотеки, и решила продолжить чтение за трапезой.

Зал был громадный, с позолоченными колоннами. Вдоль стен застыли слуги в ливреях. Они стояли не шелохнувшись, и Вертрана поначалу приняла их за статуи. За длинным столом было накрыто место на одну персону.

— Это точно *малая* столовая? — в ужасе прошептала Верта, присаживаясь на краешек заботливо отодвинутого стула.

Она огляделась и прижала книгу к груди, как щит. Пространство давило на нее.

— Совершенно точно, мисти Вертрана, — поклонилась Шейла и подала ей свернутую салфетку.

Оставалось только надеяться, что когда-нибудь она привыкнет к высокому потолку, окнам, украшенным витражами, гобеленам и инкрустированному мозаикой полу. За столом Верта чувствовала себя одинокой горошиной в длинном стручке.

Суп, однако, оказался горячим и наваристым, бифштекс мягким, овощи свежими, а травяной напиток бодрил. А вот до сдобы руки не дошли: Верта только одним глазком решила посмотреть раздел «Как переместиться в чужое тело» и пропала.

Не помня себя, она добрела до библиотеки, наткнувшись на стены и слуг, — шла, не отрывая взгляда

от страниц. Когда гулкие удары часов известили о том, что наступил вечер, — Верта автоматически насчитала шесть ударов — она перелистнула последнюю страницу. Вертрана прочитала книгу от корки до корки.

Голова пылала. Верта достала платок, сотворила немного холодной воды, соорудила компресс на лоб и, закрыв глаза, легла на софу. Знания переполняли ее. Теперь она понимала, почему ничего не получилось с мастером Роймом. Она пыталась изменить события там, где нить была слишком прочной, ее невозможно было оборвать. Надо было вернуться даже не в первый день, а в тот миг, когда будущему преподавателю зельеварения пришла в голову мысль устроиться в Институт, и каким-то образом помешать ему. А установить тот самый поворотный момент невероятно сложно.

Наверное, лорд Конор не один год потратил на то, чтобы верно все рассчитать. Один-единственный день. Один-единственный шанс...

— Мисти Вертрана, ужин подан!

— Шейла, я не пойду, — простонала Верта из-под платка.

— Мисти... Господин настаивает. Велел вас привести.

Вертрана с тяжким вздохом села, помассировала виски. От головной боли она смогла себя вылечить без труда, а вот от усталости заклятия почти не помогали. Ей не хотелось сейчас видеть лорда Конора, ловить на себе его холодные, оценивающие взгляды, но договор есть договор. Если судьба Мей зависит от ее послушания, то она сейчас наберет в грудь побольше воздуха, сядет за стол и запихнет в себя ужин.

Малая столовая в вечернее время смотрелась еще более величественно. Им с господином Ространом поставили тарелки на противоположных концах бесконечного стола. Рядом с лордом Конором, подобострастно согнувшись, стоял лакей, удерживая в руках блюдо с рыбными стейками. Хозяин дома положил себе на тарелку один и чуть двинул пальцами, давая понять, что ему достаточно. Выбрал из нескольких вилок ту, что была с тремя зубчиками, в другую руку взял нож, которым принялся аккуратно отделять филе от костей. На Вертрану не смотрел, она же сверлила его взглядом.

Утонченный аристократишка, значит? Нос задираем?

Вертрана хорошо знала правила этикета и не запуталась бы ни в вилках, ни в ножах. Но глупая обида за собственное происхождение вдруг взяла верх над здравым смыслом. Она энергично махнула рукой, подзывая лакея. Закатала рукава, повязала вокруг шеи салфетку и, вооружившись ножом для масла, принялась терзать несчастный стейк, скрежеща лезвием по фарфору.

Лорд Конор морщился, но головы не поднимал.

«Ага, неприятно, что с тобой за одним столом девица низкого сословия? А вот так! Хоть бы ты подавился! Я тебя потом откачаю, конечно, куда деваться!»

Раздосадованная его безразличием, Вертрана потянулась к графину — к нему сразу же кинулся слуга, желая опередить, но не тут-то было, Верта вцепилась в графин так, будто от этого зависела ее жизнь — налила себе воды, жадными глотками выпила ее и со звоном опустила бокал на стол.

— Вертрана, — устало произнес лорд Конор, отложив наконец столовые приборы. — К чему этот балаган? У тебя ко мне классовая неприязнь? Мне ждать бунта? Давай не сегодня, если позволишь. На вечер я запланировал другие дела.

Вертрана с лязганьем положила нож и вилку на тарелку, задрала подбородок.

— Вы презираете меня. И людей моего круга. Считаете нас людьми низшего сорта.

Она до сих пор помнила слова лорда Конора о «жалком создании» и прощать его не собиралась. Он угадал ход ее мыслей и хмыкнул.

— Да, ты мне не ровня. Или ожидала услышать что-то другое, девочка с улицы? Хорошие манеры, которые тебе якобы привили, как платье с чужого плеча — там жмут, тут болтаются. А стоит дунуть — испарятся без следа. Закончив дело, я буду рад навсегда избавиться от твоего общества. А теперь, если ты больше не голодна, я приглашу тебя в свой кабинет.

Вертрана едва успела проглотить маленький кусочек рыбы, но гордость не позволила ей снова взяться за вилку и нож.

— Я предпочитаю продолжить разговор в библиотеке! — сообщила она.

— Конечно, — улыбнулся лорд Конор, но так широко и радостно, что Верта сразу заподозрила

подвох, и ее опасения тут же оправдались. — Конечно, мисти. Если желаешь лежать обнаженная на софе на глазах у слуг.

Вертрана только рот открыла и заморгала, а потом приглушенно прошептала: «Нет...»

— Да, — строго произнес лорд Конор. — Кабинет? Библиотека?

— Я буду кричать!

— Давай! Слугам тоже иногда нужно развлекаться!

— Я ударю вас заклинанием!

— Прекрасно! Потренируюсь заодно, слабая магия нуждается в тренировке.

— Вы меня не заставите!

— Легко! Ты моя... помощница.

— Собственность, вы хотите сказать! — зло выкрикнула Вертрана.

Оба уже стояли на ногах и переругивались через весь длинный стол. Эхо отражалось от высокого потолка. Слуги делали вид, что их в этой жизни не интересует ничего, кроме носков своих туфель.

— Хочу! — рявкнул лорд Конор. — И говорю. Ты моя собственность. А ну марш за мной в кабинет, или взвалю на плечо и отнесу!

— Будь ты проклят!..

Она прикусила губу, мгновенно вспомнив об умершей в родах Арлисе, о погибшей в огне Эмбер и о лучшем друге, который не вернулся после битвы.

У лорда Конора закаменело лицо.

— Уже... — ответил он. — Уже проклят...

Он развернулся и покинул столовую. Вертрана оглянулась и увидела Шейлу, которая стояла за ее спиной с выпученными от изумления глазами.

— Во вы даете! — прошептала она. — Синтия и Джулия никогда бы себе не позволили... Ух!

— Где его кабинет? — вздохнула Верта, утомленная перепалкой. — Проводи.

Вертрана ворвалась без стука — пусть этот заносчивый аристократишка знает, как вламываться к ней в спальню по ночам!

И мгновенно пожалела о том, что пришла: лорд Конор сидел за столом, а перед ним на белой салфетке лежало опасное лезвие, набор кисточек и пустая пока миска, в которой обычно взбивают пену для бритья. Едва ли лорд Конор хочет побриться. Скорее всего собирается применить магию крови, а набор кисточек нужен для того, чтобы рисовать руны.

— Я очень не люблю, когда меня ранят... — прошептала Верта.

— Поэтому будем ранить меня, — усмехнулся лорд.

*** 29 ***

Лорд Конор как раз расстегивал запонку. Потом отвернул манжет и взял бритву.

Вертрана едва не схватила его за руку: очень уж страшно это выглядело, с трудом сдержалась. На тонком аристократическом запястье белели шрамы: господин Ростран не раз прибегал к самой сильной и опасной магии. Вот и сейчас, не моргнув глазом, провел лезвием по коже. В железную мисочку полились тягучие капли. Вертрану замутило, но она дождалась, когда лорд Конор, следивший за наполнением миски, удовлетворенно кивнул, и тогда только обхватила рану ладонью, прошептала исцеляющее заклинание. Сквозь пальцы потекло тепло, но он досадливо стяхнул ее руку.

— Зачем?! Не трать силы!

— Зачем? Я все-таки ваша помощница, — Верта выделила голосом последнее слово. — И должна спасать от ран.

— Это не рана, царапина, — буркнул он.

Так и не поблагодарив, обтер запястье — от пореза не осталось и следа.

— Вытрись, ты испачкалась, — он кинул ей ветошку. — И переодевайся, хватит тянуть время.

Переодеваться? Вертрана обернулась и увидела кушетку, накрытую пледом. В изголовье лежала атласная подушечка, на подушке — шелковая алая сорочка.

— К концу практикума она будет перепачкана кровью, а мне надоело пугать слуг, — объяснил лорд Конор странный выбор цвета. — Моей кровью! Моей! Не твоей! Переодевайся и ложись.

— Я боюсь...

Ей действительно стало не по себе, но она тут же пожалела о сказанном. Какое дело лорду Конору до ее страха? Только рыкнет и пригрозит.

Он уже стоял наготове с кисточками в одной руке и мисочкой в другой. Внимательно посмотрел на нее и сдержанно произнес:

— Ладно. Чего же ты боишься? Это не больно и не опасно. Я всего лишь передам тебе через специальное заклинание свою, пусть невеликую, магию. Этого хватит, чтобы перенести тебя в прошлое на несколько лет назад. Самой тебе не справиться.

— Ваша магия добавится к моей?

— Да, мисти. Я нарисую руны на твоих руках, ногах и животе.

Вертрана сглотнула, но перебивать не стала.

— Ты сосредоточишься на каком-то моменте из детства...

— Если все получится, я увижу папу, маму и Тима?

— Увидишь. Конечно, первое путешествие не продлится дольше двух-трех минут.

«Три минуты... Рядом с теми, кого я люблю! Это ведь целая вечность!»

— Отвернитесь! — скомандовала Верта.

Кое-как, извернувшись, ослабила шнуровку на спине и выскользнула из платья, мгновенно покрылась мурашками и поторопилась натянуть сорочку. Легла на кушетку, мечтая завернуться в плед.

— Готово! — пискнула она.

Лорд Конор подтащил банкетку, оседлал ее верхом и склонился над трепещущей Вертраной. Обмакнул кончик кисточки и взял Верту за запястье.

— Сначала руки, — сказал он.

Он нанес первый мазок, и по коже Вертраны побежал пощипывающий холодок.

— Бр-р-р!

— Да, немного холодно. Потом я укурю тебя, а сейчас расслабься.

Лорд Конор рисовал очень тщательно, выводя руны кисточками разной толщины, добиваясь идеального начертания. Вертрана ощущала себя холстом. Художнику все равно, что чувствует холст, только бы картина удалась. Верту бил озноб, она переживала, что загубит тщательную работу: ведь тогда придется начинать все сначала. Как бы отвлечься?

— Синтия и Джулия... Они погибли, отправившись на задание?

— Да, — был короткий ответ.

— Как это произошло?

— А ты настырная!

Лорд Конор начертил символ на большом пальце ее левой ноги и, полюбовавшись работой, перешел к правой.

— Я должна знать!

— Конечно. Я бы рассказал тебе в свое время.

Он помолчал.

— Хорошо. Когда душа перемещается в прошлое, тело находится в бессознательном состоянии, будто спит. Я отправил Синтию, а сам сидел рядом и ждал ее возвращения. Ждал... перемен. Это все, что я мог сделать, моя работа была окончена. Я переживал за результат, но не за помощницу...

— Собственность! — коварно напомнила Вертрана. — Она тоже была вашей собственностью!

Лорд Конор закатил глаза: «Угломоните уже кто-нибудь эту бунтарку!»

— В какой-то момент я уснул, а когда проснулся...

Кисть дернулась в руках господина Ространа, и он, отстранившись, сделал глубокий вдох, прежде чем вернуться к начертанию рун.

— Она была мертва, — закончила за него Верта.

— Да... Что-то случилось в прошлом... Однако во второй раз я был начеку. Я понял, что происходит что-то неладное, но ничего не успел сделать.

Сейчас, когда Вертрана смотрела прямо на лицо лорда Конора, находившееся так близко, она ясно увидела, как маска безразличия на секунду спала. Ему было плохо. «Так тебе и надо! — мстительно подумала она. — Губитель невинных девушек».

— Их убил ваш неведомый недоброжелатель?

— Больше некому.

— И как давно он за вами охотится?

— Поднимай рубашку, — свернул с темы господин Ростран. — Мне нужен твой живот.

Вертрана, зажмурившись, подняла подол. Теперь ее колотило не только от холода. Лорд Конор сначала укутал ей ноги пледом, а потом одним быстрым движением, не давая Верте опомниться, потянул вниз панталончики, обнажая косточки. Она ахнула, вцепившись в ткань.

— Тихо. Я не посягаю на твою невинность. Мне просто нужна площадь побольше. Вас там в Институте совсем не кормят?

Вертрана, не ожидавшая такого вероломного поступка, хотела наговорить резкостей — обычно она за словом в карман не лезла, — но почему-то растерялась. Живот ее ходил ходуном от сдерживаемой дрожи. И холодно, и нервно! Что же за день такой!

Лорд Конор аккуратно поставил мисочку на пол, зажал кисти между колен и осторожно положил ладонь Верте на живот. Ладонь оказалась теплой и согревала лучше грелки.

— Тихо, — повторил он, и в его голосе впервые проявилось что-то вроде мягкости. — Тихо, тихо... Тебе нечего бояться...

— Наверное, так лорды разговаривают с больными собаками? — выдавила Верта, трясаясь, как в лихорадке. — У...у... Убери руку!

— Не «убери», а «уберите»!

— Да все равно!

Лорд Конор в сердцах дернул ногой, случайно толкнув миску. Та, загрохотав, покатила по полу. Верта едва не подскочила на кушетке.

— Лежать! — гаркнул господин Ростран. — Иначе час работы насмарку.

К счастью, в миске осталось достаточно крови для нанесения последних рун. Хозяин и его магисса молчали, обливая друг друга презрением.

— Как давно он за вами охотится? — повторила вопрос упрямая Вертрана, когда злость немного отступила. — Я должна знать, как ваша помощница. Как я стану вас защищать, если...

— Не нуждаюсь в твоей защите, — отрезал лорд Конор. — Я как-то сам справлялся все эти годы.

— Годы? — удивилась Верта. — Это продолжается годами? Ну, тогда ваш враг либо полный профан, либо...

— Либо играет со мной, как кошка с мышью. Стремится сделать мою жизнь невыносимой, заставляет жить в постоянном напряжении... Однако, надо сказать, он очень изобретателен в попытках. Две недели назад смирные лошади, которые ходят в упряжке много лет, вдруг понесли. Если бы не Барт — лежать бы нам обоим на дне реки. За месяц до этого я проснулся в собственной спальне от укусов ос-убийц. Каким-то образом рой оказался в моей комнате. А еще раньше — медленно действующий яд. До сих пор не знаю, как ему удалось. Ведь не мог тот торговец цветами... Хотя, вероятно, враг давно изучил мои привычки и знает, что каждый месяц я покупаю розы в один и тот же день...

— Можно подробнее? Вы поранились шипами? Для кого цветы?

— Не твоё дело!

«Для жены! — поняла Вертрана и ощутила укол стыда. — Для его умершей жены...»

Ее вдруг озарила догадка.

— Этот яд! Когда вы пришли на испытание целительской магии, он уже был в вашей крови!

Верта вспомнила, как плохо выглядел тогда лорд Кононор.

— А спектакль с ядом россара...

— Яд россара был настоящий!

— Конечно! Но это заставило меня применить универсальное заклинание, которое действует на любые яды. Ловко!

По лицу лорда Кононора пробежала тень горькой улыбки.

— М-да... Ловкач — это про меня...

Он отложил кисти, поднялся и размял руки.

— Так, Вертрана, я закончил. Теперь закрывай глаза и постарайся мысленно вернуться в любой день своего детства — чем дальше, тем лучше.

На этот раз Верта не стала спорить. Она послушно зажмурилась, перебирая в памяти дорогие сердцу воспоминания. Красные сапожки... Руки отца, подбрасывающие ее в воздух. Ватага друзей-сорванцов, в компании которых Верта носилась по улочкам города. Солнечный свет, пробивающийся сквозь узорчатый полог листьев, Верта сидит на ветке яблони, сжимая в руках ароматный плод, — медлит, прежде чем откусить: яблоко такое красивое!.. Мысли ее начинают уплывать, возникает знакомое ощущение того, что реальный мир отдаляется и тает.

— Соклар... — услышала она над головой и руны, начертанные на теле, вспыхнули огнем. — Кирстен. Удрарк.

Сила наполнила тело, как ветер наполняет парус, захватила бурным потоком и унесла прочь.

— Вертрана, малышка, допивай свое молоко и ложись в постель. Иначе завтра утром сапожные гномы не принесут тебе башмачков.

Голос такой знакомый, с легкой хрипотцой от постоянного кашля. Сколько же лет она его не слышала?

— Папа! Папочка! — воскликнула она. — Как же я скучала!

Сильные руки подхватили ее, восьмилетнюю пушинку, и подняли высоко - высоко.

— Когда ты успела соскучиться, моя маленькая фея? Мы не виделись всего пять минут!

*** 30 ***

Вертрана обняла отца за теплую шею, вдохнула забытый запах. Как же хорошо было в кольце его рук. Казалось, он может защитить ее от любой несправедливости и боли.

«Папа, папа, зачем же ты так рано покинул меня...»

— И я! Я тоже хочу на ручки! — раздался требовательный голос.

В кухню ворвался шестилетний Тим и запрыгал вокруг отца.

— И его на ручки! — согласилась Верта.

И вот уже оба устроились у отца на руках. Вертрана и забыла, каким огромным был ее отец, каким сильным... До тех пор как болезнь легких медленно, но верно не свела его в могилу. А что если?

Верту озарила сумасшедшая надежда. Она, не теряя времени, прижала ладони к груди отца и прошептала исцеляющую формулу, и... Ничего не произошло. У восьмилетней Вертраны почти совсем не было магии, до заветной семерки еще долгих семь лет бесконечных упражнений, слез и бессонных ночей.

— Папочка... — прошептала она, уткнувшись носом в его плечо.

— Ты не заболела, малышка? — забеспокоился тот.

— Нет, нет...

Вертрана обвела взглядом небольшую кухоньку в их старом доме, запечатлевая в памяти каждую деталь. Букет из желтых кленовых листьев в глиняной вазочке на столе — Тим собрал их в подарок маме. У солонки в виде щенка, стоящего на задних лапах, отбито ухо. В дровяной печи вспыхивают, догорая, угольки. Чайник уже вскипел, из носика вается белый пар... Бьются о стекло алые грозди рябины, резные листья колыхаются, пропуская янтарные отсветы заходящего солнца.

Прошлое теряло очертания, а реальный мир требовал вернуться. Вертрана пришла в себя на узкой кушетке, укутанная в плед. Над ней нависал лорд Конор, его лицо казалось обеспокоенным. Но, увидев, что Верта очнулась, он хмыкнул и уселся на банкетку.

— С возвращением.

Верта отвернулась на другой бок и, неожиданно для себя самой, расплакалась. «Да что с тобой такое! — ругала она себя. — Не показывай ему слабости!» Но стоило вспомнить папины руки, его ласковый голос, как слезы лились сами собой. А господин Ростран сейчас небось кривит губы в презрительной усмешке: «Я же говорил, что она жалкое создание!»

Вертрана почувствовала, как на плечо осторожно легла ладонь.

— Ты еще увидишь его, — сказал лорд Конор. — Это огромное счастье, хотя бы на миг увидеть тех, кто больше не вернется. Мне это не дано.

— Да... — прошептала Вертана. — Огромное счастье...

Хрупкое перемирие, если можно было так назвать насупленное молчание Вертраны и безразличие лорда Конора, собирающего кисточки, закончилось через три минуты.

— Завтра продолжим.

— Угу...

— А сейчас возвращайся в свою комнату и ложись спать.

— Я хотела бы посидеть в библиотеке, я еще толком не посмотрела книги...

Вертрана любила читать и уже предвкушала, как проведет час-другой в уютном кресле с книгой на коленях. А если попросить Шейлу приготовить чая, да с булочками. М-м-м!..

— Ты должна отдохнуть! — грубо оборвал ее мечты лорд Конор. — Завтра долгий и тяжелый день.

— Это приказ хозяина? — вспыхнула Вертрана, по обыкновению задрав подбородок, неосознанно подражая Эйлин — вот у кого получалось во всех ситуациях сохранять достоинство.

Господин Ростран сузил глаза, глядя сверху вниз на строптивное приобретение.

— Ты сама не понимаешь, сколько энергии потратила...

— Значит, все-таки приказ?

Тонкая кисть, которую лорд Конор не успел убрать, хрустнула в его пальцах.

— Приказ! — прошипел он.

— Тогда ничего не остается, как только подчиниться.

Вертрана сделала книксен, да так низко присела, что еле поднялась.

— Хозяин!

Господин Ростран, сжав зубы, накинул на плечи Вертраны халат поверх испачканной сорочки.

— Твоя горничная согрела воды и...

Верта закрыла за собой дверь, оборвав фразу на полуслове.

Шейла с ужасом покосилась на потеки крови, когда пришла забирать тазик для умывания и полотенце. С сочувствием посмотрела на Вертрану и бросилась разбирать постель.

— Ложитесь, ложитесь, голубушка. Бледненькая какая... Опять он за свое! Изверг!

— Он... — начала было Вертрана, но осеклась и мстительно улыбнулась про себя: а пусть думают, что хотят, изверг и есть! — Да, да. Мне надо прилечь.

Утром Вертрана обнаружила на своем столике стопку книг и записку: «Завтрак начнется в десять утра, с тобой или без тебя». Совсем недавно часы пробили восемь, значит, у нее два часа свободного времени. Верта сделала гнездышко из одеяла, поставила подушки горкой и, блаженно откинувшись на них, погрузилась в чтение.

...Потянулись дни, похожие один на другой. Вертрана тренировалась, и каждый раз у нее получалось задержаться в прошлом на более долгий срок. Три минуты, десять, полчаса. Через неделю упражнений Верта провела в детстве почти час. Готовила с мамой пирог, а потом спустилась в мастерскую папы и, затаив дыхание, наблюдала за тем, как он вырезает из кожи заготовки будущих ботинок и сапог.

Вечерами у Вертраны появлялось свободное время, но и тут скучать не приходилось. Слуги потянулись к мисти со своими маленькими бедами и просьбами. За неделю, которую Вертрана провела в доме лорда Конора, она заговорила больной зуб, вылечила изжогу, нашла потерянную сережку, избавила подпол от крыс, чем заслужила бесконечную благодарность повара и сырокопченую колбасу от него же. Колбасу пришлось отдать лорду Конору, заметившему, что из-под подушки высовывается кончик веревки.

Он молча протянул руку и так же молча унес остро пахнущую добычу Вертраны, она же готова была провалиться сквозь землю от стыда. Верта сама не понимала, что на нее нашло — прятать еду, в то время как в доме господина Ространа она не голодала ни дня! Сработала многолетняя привычка: если розочкам удавалось каким-то чудом раздобыть припасов, то их прятали в постели — в единственном месте, куда Богомолиха не совала свой длинный нос.

А главное, Верта в очередной раз подтвердила, что она «жалкое создание», не ровня чистокровному аристократишке. Совершенно убитая, она опустила в кресло у камина, спрятав лицо в ладони.

Если бы только лорд Конор знал, как грустно ложиться в холодную кровать с пустым желудком, он бы не кривил свой тонкий аристократический нос!

Вертрана по несколько раз за день вспоминала любимых подруг, но сейчас тоска по ним навалилась с новой силой. Как там Эйлин? Как Меюша? Вот бы кому не помешало питаться как следует! Как она себя чувствует? Только бы Богомолиха не раскусила Мей до того, как Вертрана придумает способ ей помочь! Надо найти мастера Ройма и каким-то образом послать ему весточку. Не хотелось думать, что он негодяй, воспользовавшийся наивностью влюбленной девочки...

В комнату, постучав, вплыла Шейла, она несла на вытянутых руках поднос. Изумленной Вертране сначала почудилось, что на подносе лежат розы, но, приглядевшись, она поняла, что лепестки цветов — это тонкие ломтики колбасы, красиво свернутые в бутоны.

— Что это? — холодно спросила она.

— Господин просил передать: «На здоровье!»

— Я не буду!

— Но...

— Унеси!

Трижды повторять не пришлось. Шейла, весьма довольная таким поворотом дела, покинула спальню, не забыв прихватить с собой поднос.

Вертрана и сама не понимала, почему так злится. Лорд Конор оказался не таким отъявленным мерзавцем, каким она его представляла. Но лучше бы он оказался негодяем, которого можно ненавидеть с чистой совестью, чем эти унижительные господские подачки.

— Ты тихая сегодня, — заметил лорд Конор за завтраком.

Вертрана намазывала маслом тонкий ломтик хлеба и в ответ только пожала плечами: а вас, мол, что-то не устраивает?

Она решила, что с этого дня станет держать себя в руках. Какой прок злиться на того, кто считает ее человеком второго сорта? У них будут исключительно деловые отношения. Вертрана исполнит свою часть договора, а господин Ростран свою.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — сказала Верта, не поднимая глаз.

— Принесите мисти бокал красного вина, — велел хозяин дома.

Пока лакей выполнял приказание, лорд Конор, отложив приборы, обдумывал что-то.

— Сегодня тренировок не будет, — сообщил он. — Прогуляемся в сквер.

Слуга поставил перед мисти бокал, наполненный рубиновой жидкостью. Верта с осторожностью подняла его к носу и вдохнула аромат: прежде она не пила алкоголь. Сделала маленький глоток. А неплохо! Вино оказалось терпким и сладким, с нотками пряных трав. Вертрана догадалась, что лорд Конор велел подать ей «Черного лекаря» — вина, восстанавливающего силы. Заботится о своей зверюшке! Выгуливать вон собирается.

— Зачем в сквер? Я пройду по саду.

— Я покажу тебе место, где ты должна будешь стоять...

Лорд Конор не стал договаривать, но Вертрана и так прекрасно поняла: должна стоять, ожидая господина Ространа и его жену, чтобы напоить ее настойкой прохладника.

— Хорошо.

— Вертрана, мне не нравится твоя покладистость... — проворчал лорд. — У тебя что-то болит? Признавайся!

Вертрана обвела взглядом бесстрастных слуг. Лакеи казались такими же безразличными, как каменные колонны и вытертые гобелены, но на самом деле у них были глаза, уши и они любили посплетничать, когда никто не слышит.

— О, ну что вы... — слабеньким голосом пролепетала Вертрана. — Все, что вы делаете со мной, доставляет мне только радость!

Она вытерла кончиком салфетки невидимую слезу. На лице лорда Конора появилось ошарашенное выражение, а через мгновение он расхохотался.

— Так уже лучше! — ответил он.

В небольшом сквере было пустынно и тихо. Снег на покосившихся лавочках, на ветвях деревьев, на дорожках: полночи мела метель. Но скоро прибегут неунывающие ребятишки, устроят снежную битву или примутся возводить крепость, лепить снеговиков.

Вертрана шагала след в след за лордом Конором, идущим впереди и прокладывающим путь к скамейке, что вросла в сугроб по самую спинку. Шла и вспоминала себя беззаботным ребенком, у которого только и проблем — не потерять рукавицы в снежном сражении да не отморозить пальцы. Они с Тимом возвращались под вечер, покрасневшие, продрогшие, и, едва не обжигаясь, грели руки над углями, а мама в это время готовила горячий взвар.

Оказывается, она хорошо помнила сквер, все его тропинки. И деревья не успели сильно вырасти с тех пор, как она бывала здесь в последний раз.

Они добрались до скамейки. Лорд Конор смахнул снег, предлагая Вертрране присесть. Она плотнее запахнулась в новую накидку, отороченную мехом, и покачала головой.

— Здесь? — спросила она.

Лорд Конор указал на раскидистое дерево у развилки дороги. Вертрана помнила это дерево с роскошной кроной, утопающим в зелени. Сейчас голые ветки напоминали обглоданные кости, они раскачивались под порывами ветра и стонали, будто живые.

— Мы с Арлисой остановились под тем деревом, спрятались в его тени. Ты должна будешь ждать

нас там.

— А если место окажется занято?

— Уверен, такая изобретательная девушка, как ты, найдет способ вытеснить конкурентов, — ухмыльнулся лорд Конор.

— Подойдем ближе? — спросила Вертрана, игнорируя усмешку.

Она хотела заранее выбрать место, спланировать все как следует. Может быть, лорд Конор вспомнит точнее, где они остановились? И чем их привлек торговец?

— Чем?.. — господин Ростран нахмурился. — Ах да... Маленькая пигалица, что торговала напитками, давила на жалость. Почувствовала, что у Арлисы доброе сердце, и завела песню о голодных малютках-сестричках.

— Как можно быть таким бессердечным! — воскликнула Вертрана, но осеклась и, досадуя на собственную несдержанность, поспешила вперед.

Сколько раз она обещала себе держать язык за зубами! Они с господином Ространом принадлежат к разным мирам. Он никогда ее не поймет!

— Ваша ненаглядная Арлиса слезами обольется над моей несчастной судьбой! — злобно пообещала Верта, услышав, что лорд Конор подошел и встал за ее спиной.

— Не смей, — глухо произнес он. — Не смей говорить о ней в таком тоне.

Лорд Конор не повысил голоса, но впервые с момента появления в его доме Вертрана поняла, что перешла некую черту. По спине пробежал холодок...

Она замолчала и начала неспешно обходить ствол, задрав голову и делая вид, что темные голые ветки — невероятно интересное зрелище.

— Мы стояли рядом с этим корнем, — хрипло сообщил господин Ростран. — Теперь я вспомнил.

Вертрана приблизилась, чтобы рассмотреть толстый узловатый корень, выпирающий из мерзлой земли. Что же, отличный ориентир.

— Наверное, теперь можно...

«Возвращаться», — хотела закончить она, но не успела.

В следующий миг случилось непредвиденное. То, что произошло, Верта осознала на долю секунды позже, а сначала услышала хруст, почувствовала толчок в спину и упала на четвереньки. Раздался звук падения и приглушенный стон.

«Вы толкнули меня!» — собралась было возмутиться Вертрана, вскакивая на ноги и отряхиваясь от снежной пыли.

Обернулась и застыла.

Лорд Конор лежал на снегу, раскинув руки. В первое мгновение Вертрана, у которой от шока, вероятно, помутился разум, подумала, что это очень красиво: белый-белый снег, темное пальто и черные волосы, бледная кожа и ярко-алая кровь, что толчками выливалась из груди господина Ространа, пробитой суком дерева.

Хорошо, что растерянность не продлилась долго, сработали навыки целительницы. Не зря розочки каждую неделю практиковались в больнице: Вертрана насмотрелась на самые разные раны. Лечила и молодчиков, получивших ножом в живот в пьяной драке, и несчастных, попавших под копыта лошади, и неосторожных ребятишек.

Поддав крик, она бросилась на колени, размотала шарф и прижала к ране.

— Не бойтесь. Дышите. Сейчас я выдерну сук, и кровь сначала пойдет сильнее...

Лорд Конор будто не слышал ее, он силился приподнять голову и смотрел куда-то за спину Верты. Она невольно оглянулась. Ей показалось, что среди темных стволов деревьев мелькнула фигура в капюшоне, надвинутом на лицо. Или это просто качнулись ветки, соткав силуэт из теней...

— Ты видела это? — прошептал лорд Конор. — Видела его?

У Вертраны мороз побежал по коже. Неужели случившееся — дело рук того самого недруга? Она

тряхнула головой. А как иначе объяснить то, что отломившая ветка пробила грудь, а не плечо, если не была направлена чье-то злой волей.

— Это неважно! Лежите спокойно! — Шарф уже полностью пропитался кровью, дальше тянуть было нельзя. — Я должна залечить рану, но сначала вытащу эту проклятую деревяшку. Не шевелитесь!

Лорд Конор кивнул, закрыл глаза и набрал полные пригоршни снега, цепляясь за землю. Вертрана ухватилась за сук и, дернув изо всех сил, услышала скрип дерева о ребра. Ранение стало бы смертельным, не окажись ее рядом: сук пробил легкое, лорд Конор захлебнулся бы собственной кровью. Он закашлялся, из уголка рта потянулась тонкая красная струйка. Губы его синели.

— Держись! — Вертрана от волнения забыла о почтительном обращении: лорд Конор был сейчас ее пациентом, ее страдающим пациентом. — Дыши, миленький.

Она всегда так говорила всем этим здоровенным парням, которые казались такими грозными и непобедимыми, когда лезли в драку, а потом плакали, как маленькие, и умоляли спасти их жизнь. Лорд Конор, правда, молчал, стиснув зубы.

Вертрана накрыла рану, надавила изо всех сил, чувствуя, как сквозь пальцы толчками вытекает кровь. Ее ладони охватило голубое сияние.

— Ниезлард! — выкрикнула она, выплескивая ударную дозу магии, применяя самое сильное заклинание, вылечивающее от ран.

Вертрана опустошила свой магический резерв досуха, забрала даже немного сверх того и поняла, что теряет сознание. Как глупо — вылечить от смертельной раны, а потом замерзнуть вместе с лордом Конором на холодной земле. У него просто не хватит сил подняться. Барт ждет в экипаже у входа в сквер, но ему и в голову не придет разыскивать хозяина.

Верта ткнулась щекой в мягкий, точно пух, прохладный снег. Вот и ничего... Вот и хорошо... Так умирать совсем не страшно...

Очнувшись от того, что в спину уткнулось что-то острое. Земля под ней дернулась и поехала. Что происходит? Верта открыла глаза, и оказалось, что она смотрит снизу вверх на лорда Конора, на его бледное, даже зеленоватое лицо. Окровавленная рубашка свисала лохмотьями на груди, а пальто он использовал вместо волокуши, уложив на него Вертранию. Он дернул еще раз, закашлялся и сплюнул кровью.

— Вы с ума сошли! — прошептала Верта, перекатываясь с пальто на землю. — Вы что! Надо было позвать Барта! Вы ведь на ногах едва держитесь!

— Оставить тебя там, а вернувшись, обнаружить хладный трупик?

— Он хотел убить вас, а не меня! Если там вообще кто-то был...

— Кто-то уже убил двух моих помощниц! Третьего раза не будет!

Лорд Конор снова закашлялся, пошатнулся. Вертранию с трудом поднялась на ноги — голова кружилась.

— Обопритесь на меня.

— Я в состоянии дойти сам!

— Несносный упрямец!

— Взбалмошная девчонка!

Они некоторое время буравили друг друга взглядами. Потом Вертранию, вздохнув, подперла его плечом, а лорд Конор позволил ей это сделать.

*** 32 ***

Вечером лорд Конор вызвал Вертранию в свою спальню.

— Что-то нездоровится ему! — сообщила Шейла. — Лежит белый-белый!

Она с подозрением покосилась на мисти: не ее ли рук дело? Верта уже перестала обращать внимание на домыслы слуг — пусть думают что хотят.

— Я передавала список трав, их принесли?

Вернувшись из сквера, Вертрана первым делом составила список для целебной настойки: рана затянулась, но лорд Конор потерял слишком много крови. Как только мальчишка-посыльный купит все необходимое, Верта спустится в кухню и приготовит для господина Ространа горькое, но полезное питье.

— Я отправила поваренка, — отмахнулась горничная. — Но вы идите скорее, он ждет.

Лорд Конор полулежал в постели, опираясь на мягкую спинку. Впервые Вертрана увидела его не в строгом костюме, а в халате.

— Дайте посмотрю! — Верта потянулась к груди лорда, но он отстранил ее руки.

— Ни к чему, — сказал он строго. — Я позвал тебя не за этим. Завтра ты вернешься в Институт...

— Что? Почему?

К радости — наконец-то она увидит Эйлин и Мей! — неожиданно примешалась обида.

— Отсылаете меня, значит? — холодно сказала она. — Тренировки на время придется отменить, пока ваше здоровье не поправится, а значит, я бесполезна.

Лорд Конор поморщился.

— Вертрана, я сейчас действительно не в лучшей форме... Случись что...

Он привстал, напуская на себя суровый вид.

— Это приказ, в конце концов! Почему ты мне все время перечишь! В Институте ты будешь в безопасности, под присмотром! Я думал, ты будешь рада увидеть подруг.

— Я рада! — воскликнула Вертрана.

Но куда больше она обрадовалась бы, покончив с делом и получив свободу. Тогда она смогла бы помочь Мей. А теперь все затягивалось на неопределенный срок.

— Что же... — она присела в поклоне. — Если позволите, я пойду. Хочу успеть приготовить настойку.

— Настойку?

— Для восстановления сил. Будете принимать по чайной ложке три раза в день.

Лорд Конор промолчал, но в глазах появилось странное выражение.

— Завтра утром Барт отвезет тебя.

— Да.

— И еще... Возьми на каминной полке.

Вертрана подошла к камину, увидела то, что ей было предложено взять, и сжала губы. Гадливо, двумя пальцами подцепила черную ленточку с серебристыми буквами.

— Можешь носить на запястье, — сказал лорд Конор и смотрел при этом почему-то в сторону.

Вертрана подумала о Мей, вспомнила, как она плакала, когда лорд Героним завязывал у нее на шее эту удавку.

— Нет уж, — процедила Верта сквозь зубы. — Закон один для всех.

Она подошла к господину Ространу и протянула ему знак рода.

— Только завяжите сами, — сказала, как плюнула. — Хозяин.

Вертрана сердилась, но обещанную настойку все же приготовила: чем быстрее лорд Конор поправится, тем скорее они завершат дело.

— Передайте ему утром, — попросила она кухарку. — Я должна ненадолго уехать.

Вещи собирать не стала: какой смысл везти в Институт платья, если придется носить форму. Верта выбрала самую неброскую из обновок, забрала и теплую накидку. Наскоро перекусив, Вертрана отправила Шейлу за Бартом с просьбой готовить экипаж и спустилась в холл.

Она испытывала странные чувства. Меньше десяти дней назад Вертрана переступала порог дома с колотящимся сердцем, а сейчас грустила, уезжая. Конечно, по заносчивому лорду она скучать не станет, но Верта впервые почувствовала себя самостоятельной женщиной, магиссой, мисти, а не маленькой розочкой, которая должна слушаться преподавателей и замирать перед директрисой, как кролик перед удавом. Будет немного не хватать книг, и вкусных завтраков, и... Пожалуй, несносного и высокомерного типа тоже будет самую капельку не хватать. Хотя... Она дотронулась до шелковой ленты на шее и заскрипела зубами от злости. Нет уж, кто-то бы, возможно, купился на хозяйские подачки, на колбасные розы — фу, глупость, — на абрикосовое варенье и мнимую заботу о дорогой зверюшке, но Вертрана не такая!

Надо выйти на улицу, подышать. Верта взялась за ручку двери.

— Стой! — раздался повелительный голос.

Лорд Конор появился на площадке второго этажа. Бледность никуда не делась, и он вынужден был держаться рукой за перила, спускаясь.

Вертрана вздохнула: видно, не все указания дал! Но осталась на месте, а то ведь выйдет следом на улицу, на мороз, еще от простуды его потом лечи.

— Повернись, — скомандовал он.

Вертрана нахмурилась, но послушалась, а лорд Конор приподнял ее волосы, освобождая шею, и принялся развязывать узел ленты.

— Я подумал, что в этом нет никакого смысла, — сообщил он холодно. — Все и так знают, что ты принадлежишь роду Ростран.

— Принадлежу вам, — сухо поправила она. — Называйте вещи своими именами.

— Вертрана, ты невыносима! Да, я выкупил тебя у Института, но почему ты забываешь о том, что мы заключили соглашение? Пройдет немного времени, и ты будешь свободна.

Верта обернулась и оказалась нос к носу с хозяином дома. Так близки они были только в танце. Она приподнялась на цыпочки, чтобы заглянуть ему в глаза.

— Освободите меня сейчас, — сказала она тихо. — Я обещаю, что выполню свою часть договора. Мне очень нужна свобода. Сейчас.

— Зачем? — серьезно спросил он, не повышая голоса. — Почему сейчас?

Если бы только Вертрана могла рассказать о Мей и о мастере Ройме! Но она не доверяла лорду Конору, как не доверяла бы никому из аристократов.

— Я не могу рассказать!

— Тогда вернемся к этому разговору позже. Повернись, чтобы я смог снять ленту.

— Нет, — она отстранилась. — Хочу оставить ее ради Мей...

Дверь распахнулась, ледяной ветер хлынул в холл, закружил в воздухе снежную крупку. В проем вломился Барт в своей необъятной шубе, с покрасневшими от холода носом и руками.

— Да где ты там? Сколько ждать можно! Я уж обморозился весь!

Он увидел помрачневшего хозяина дома и сник, как нашкодивший мальчишка, хотя был выше лорда Конора на полголовы.

— Ты? — ледяным тоном переспросил господин Ростран. — Как следует обращаться к магиссе моего рода?

— Простите, мисти Вертрана, — сконфузился Барт. — Замерз я что-то. И голову надуло...

Он поскорее покинул дом, чтобы не попасть под горячую руку.

— Через две недели я буду тебя ждать, — сказал лорд Конор, наклонив голову.

Совсем немного, почти незаметно. И все-таки он поклонился ей.

Вертрана вернулась как раз к началу занятий. Постояла у ворот, разглядывая здание Института, которое показалось ей маленьким и обшарпанным. Вздохнув, положила руку на решетку и услышала хрустальный мелодичный перезвон. Долго ждать не пришлось — с крылечка сбежала прислужница, всплеснула руками. Верта узнала приветливую Тину.

— Вертрана! Вернулась! А девочки все глаза выплакали!

— Я ненадолго, — улыбнулась Верта, а сердце заныло от тоски по подругам: скорее бы их увидеть, обнять.

Но у входа уже поджидала директриса. Сузив глаза, оглядела воспитанницу с ног до головы. Заметила шелковую ленту на ее шее и только тогда удовлетворенно кивнула. Неужели боялась, что лорд Конор вернул некачественный товар?

— Наша ненаглядная девочка, — елейным голосом проговорила Сухарь и, притянув Вертрану к впалой груди, погладила по спине. — Хозяин доволен службой?

— Весьма, — процедила Вертрана.

— Видишь, как он заботится об образовании своей помощницы. Цени это!

— Я ценю! Можно мне пройти в класс?

— Да, конечно, только не забудь переодеться, чтобы не смущать девочек. Сейчас у вас артефакторика.

Вертрана торопливо сделала книксен и поспешила в розовую спальню. Вошла, и сердце защемило. Казалось, она покинула ее не неделю, а вечность назад.

Кровати Мей и Эйлин были аккуратно заправлены, Верта провела рукой по покрывалам, будто погладила. Совсем скоро увидимся!

В шкафу она нашла свое старенькое, залатанное на локтях, форменное платье. Поскорее облачилась в него и обнаружила, что пуговицы сзади на талии сходятся туговато. Так, надо поосторожнее с булочками! Накинула пелеринку и снова из мисти Вертраны превратилась в розочку. Только черная лента на шее напоминала о том, что ей не привиделись дни, проведенные в доме лорда Конора.

Занятие по артефакторике проходило в аудитории на первом этаже. Господин Вир вещал что-то скучным скрипучим голосом. Вертрана вдруг поняла, что совсем не боится вредного старикана. Она распахнула дверь и встала на пороге.

— Вертрана! — пискнула Мей.

— Верта! — одновременно с ней воскликнула Эйлин, а следом за ней подхватили остальные.

Розочки кинулись Вертрране на шею. Никогда еще воспитанница, отданная лорду, не возвращалась в Институт: девушки не верили своим глазам. Они обнимали ее и гладили. Мей расплакалась. Эйлин, как когда-то в детстве, отогнала всех от подруги: вы ее задушите!

Господин Вир с трудом сумел добиться порядка — он стучал указкой по столу и злобно шипел, что прикажет выпороть девчонку, посмевшую сорвать занятие. Вертрана только ухмыльнулась: пусть попробует подпортить магиссу рода Ростран, будет иметь дело с лордом Конором.

*** 33 ***

Когда занятия закончились и розочки вернулись в спальню, они сразу вывалили на Вертрану ворох новостей. Принялись рассказывать, перебивая друг друга, она только и успевала, что вертеть головой.

— Нелли, бедняжку, отдали в какой-то обедневший род, в захолустье. Говорят, что лорд, выкупивший ее, древний старик, он даже сам не смог за ней приехать, прислал карету. Видела бы ты ту карету! В такой и дрова стыдно возить! Мы открыли окно и крикнули Нелл, что будем помнить ее. Богомолиха потом страшно ругалась за то, что мы нарушили правила, ну да и ладно — никого не выпороти! — выпалила, захлебываясь, Дейзи.

— О, Нелли... — прошептала Верта.

Но даже погоревать как следует ей не дали: Лоре не терпелось сообщить какую-то важную новость, и она едва дождалась своей очереди.

— А в этом году устроят аукцион, вот! — горделиво произнесла она. — Неожиданно появились новые претенденты, так что выпускник отдадут тем, кто больше заплатит.

Лору, похоже, совершенно не смущало, что на нее устроят торги, наоборот, она радовалась возможности пристроиться получше. Вертрана поморщилась.

— А что за новые претенденты? Вы их уже видели?

— Нет, — покачала головой Эйлин. — Как раз завтра они заявятся в чайную комнату полюбоваться на нас. Жаль, что ты не сможешь пойти...

— Не смогу? Почему?

— Ты уже принадлежишь роду Ростран, и, если не появится твой хозяин, тебе нет смысла идти на чаепитие. Богомолиха ни за что этого не допустит.

«Это мы еще посмотрим!» — подумала Вертрана, закусив губу.

Она с нетерпением ждала наступления ночи, чтобы можно было обсудить самые важные новости с Мей и Эйлин с глазу на глаз.

За ужином Вертрану ожидал сюрприз. Перед розочками поставили тарелки с пшенной кашей, а перед Вертой повараха грохнула блюдо с поджаренными ломтиками картошки, паровыми котлетками и овощами.

— Кушайте, не обляпайтесь, — злобно пробурчала она, вытирая руки о передник. — Прежде магисс так не баловали! И ни к чему, считаю!

Розочки замерли, разглядывая это великолепие. Алана сглотнула и уставилась в свою тарелку. Верта и сама оцепенела от неожиданности.

— Вот посмотрите, девочки, что значит быть на хорошем счету у своего господина! — Богомолиха встала за спиной Вертраны и покровительственно положила руки ей на плечи.

— Думаю, Вертрана обязательно расскажет нам всем, как правильно угождать хозяину, — язвительно прошептала Лора. Сквозь улыбку на лице просвечивала зависть.

«Ну спасибо, дорогой лорд Конор! Удружил!» Вертрана мысленно пожелала господину Ространу всех благ и пожалела, что не добавила в настойку экстракт, способствующий очищению желудка.

Не успела госпожа Гран отойти от стола, как Верта немедленно пустила блюдо по кругу, сначала, правда, отложив самые аппетитные кусочки мяса для Мей.

— Разбирайте, разбирайте! — шептала она. — Я всегда буду делиться.

Равновесие было восстановлено, розочки теперь смотрели с благодарностью.

— Вот налопаемся, пока Вертрана в Институте! — счастливо вздохнула Габи.

Мей ела не торопясь, маленькими волоконцами.

— Ты как себя чувствуешь, Меюша? — забеспокоилась Верта.

— Не очень в последнее время, — ответила за подругу Элли. — Ей тяжело, бедной. Тошнит с утра до ночи, хотя я и стараюсь незаметно применять магию, но лишний раз опасно: засекут.

— Не волнуйтесь, девочки, — прошептала Мей. — Я держусь.

— А мастер Ройм? — тихо спросила Вертрана, боясь ранить неуместным вопросом. — Не появлялся?

— Нет... — Мей опустила голову.

— Гад!

Верту затрясло от злости, она едва сумела взять себя в руки. Чтобы не сболтнуть еще чего-нибудь, поскорее набила рот жареной картошкой.

После ужина у подруг наконец появилось время побыть наедине. Любимую скамейку в зимнем саду заняли малышки-чайники, они делали из цветов куколок и играли в свадьбу. Бутон белой розы превратился в шикарное платье невесты, а роль жениха исполняла сухая щепочка в шапочке из

коры. Верта вздохнула: бедные девочки... Когда-то и они тоже так играли. И что теперь: Мей беременна, а сама она принадлежит лорду Конору.

— Пойдемте в библиотеку, — предложила Элли. — У меня не хватает духа прогнать малявок.

К счастью, в этот поздний час библиотека пустовала. Девушки спрятались в укромном месте среди стеллажей. Мей усадили на кресло, сами примостились на подлокотники. Они так мечтали наговориться всласть, а теперь растерялись.

Элли и Мей переглянулись: они хотели что-то сказать, но не решались.

— Не так уж все и страшно! — преувеличенно бодро произнесла Мей. — Правда?

— Что? — не поняла Вертрана. — Ты о чем?

Эйлин взяла ее за руку.

— Ты ведь соблюдаешь осторожность? — тихо спросила она. — Пьешь настойку?

Вертрана вспыхнула, догадавшись.

— Мы не были с ним близки... Ну, как мужчина и женщина...

— А так бывает? — изумилась Элли. — Я была уверена, что лорды никогда не упустят случая... А господин Ростран выглядел так... опасно. Может быть, он болен? В этом дело?

Вертрана не выдержала, приснула.

— Девочки! Сейчас расскажу, и вы все поймете!

Она поклялась лорду Конору хранить тайну, но ведь Эйлин и Мей — свои, самые близкие, с кем еще поделиться, как не с ними.

— Когда он привез меня в свой дом... Дом, кстати, огромный!

Она в двух словах поведала о своей личной горничной, о малой столовой, о вкусных завтраках, книгах и новых платьях.

— И вот, тем вечером...

Верта вдруг почувствовала, что ее губы склеились, она не смогла разжать их.

— Да что такое! Фух, получилось! Тем вечером...

Вертрана схватилась за лицо. Что за наваждение! Как только она начинала говорить о том, что случилось, когда лорд Конор пришел к ней в спальню, губы переставали слушаться.

— Вертраночка? — со страхом прошептала Мей.

— Дайте мне перо!

Эйлин бросилась за бумагой и чернилами, благо в библиотеке этого добра хватало.

«Тем вечером...» — начала писать Верта, но пальцы скрючились в судороге.

«Все, что она узнает в моем доме, будет навсегда заперто в ее сердце. Ни произнесенным словом, ни написанным не выдаст тайны...» — отчетливо произнес в голове голос лорда Конора.

— Вот негодяй! — воскликнула она.

Подруги, перепуганные не на шутку, ожидали объяснений.

— Не могу, — развела руками Вертрана, а потом, осторожно подбирая слова, добавила: — Я помогаю лорду Конору... в одном... деле... А он обещал, что...

То, что пообещал ей господин Ростран, тоже находилось за чертой дозволенного.

— Гадство!

Мей прикоснулась к плечу.

— Ничего! Главное, что он тебя не обижает.

— Да уж, — мрачно подтвердила Верта. — Только нервы мотает.

Богомолиха, как было заведено, пришла пожелать воспитанницам спокойной ночи. Тут Вертрана вспомнила про завтрашнее чаепитие.

— Могу я тоже пойти?

— Зачем, дитя? — удивилась госпожа Гран. — Что тебе там делать?

Она недвусмысленно воззрилась на черную шелковую ленту на шее Верты.

— Если бы ты была обещана, как Мей, и твой лорд пришел бы полюбоваться на свою будущую помощницу — тогда да. Но одна, без своего господина, это... — она брезгливо сморщила нос. — Это непристойно!

— Непристойно! — процедила Вертрана, когда за Богомолихой закрылась дверь.

Заправляя постель, она так ударила кулаком по подушке, что во все стороны полетел пух.

— Зато отдавать невинных девушек старикам весьма пристойно! Мне так жаль, Меюша, что я не смогу завтра быть рядом!

— Не страшно, — улыбнулась Мей. — Я рада, что ты сейчас со мной.

Розочки уснули, по обыкновению укрывшись сразу тремя одеялами, соприкоснувшись головами.

Утром Вертрану озарила идея. Не успела она соскочить с постели, как тут же открыла тумбочку и принялась в ней рыться. Выложила лист бумаги и перо.

— Верта, мы ведь уже поняли, что ты не сможешь написать... — сонно пробормотала Эйлин, наблюдая за подругой.

— Это другое!

Вертрана расположила лист прямо на полу и принялась торопливо писать, цепляясь пером за бумагу.

«Господин Ростран... (зачеркнуто) Лорд Конор (зачеркнуто) Дорогой хозяин!»

Вертрана мысленно усмехнулась, представив, как перекосятся лицо «дорогого хозяина».

«Мне необходимо сегодня попасть в чайную комнату. Это связано с Мей. Богомолиха (зачеркнуто) Госпожа Гран с кислым лицом сообщила мне о недопустимости подобных действий. Однако я думаю, если вы дадите распоряжение, меня никто удерживать не станет. Спасибо за жареную картошку. В следующий раз присылайте побольше».

Вертрана хихикнула. Записка получилась настолько дерзкой, что лорд Конор просто обязан был хоть как-то отреагировать.

— Тина! — окликнула она прислужницу, которая появилась в комнате с ведром и тряпкой, чтобы протереть пол. — Ты сможешь мне помочь? Если ты отнесешь эту записку и передашь ее лично в руки хозяину дома, я подарю тебе свою новую накидку. Только, пожалуйста, дождись ответа.

Вертрана сложила письмо вчетверо, написала на одной из сторон адрес и протянула Тине. Та поколебалась, но лист взяла: мысль разжиться новой теплой накидкой оказалась очень соблазнительна.

— Ты играешь с огнем, — покачала головой Эйлин.

— Он точно не озлобится? — испугалась Мей.

Вертране и самой сделалось не по себе от собственной наглости, но она напустила на себя беспечный вид.

— Я ему нужна.

Тина подкараулила Верту в коридоре в тот момент, когда она, Эйлин и Мей переходили из одной аудитории в другую. Сунула в руку квадратик бумаги. Верта, сдерживая дрожь, развернула его.

«Я дал распоряжение», — лаконично сообщалось в записке.

Вертрану обдало холодом. Наверное, не стоило беспокоить лорда Конора... Еще неизвестно, какое распоряжение он дал! Может быть, написал директрисе напрямую: «Выпорите уже эту несносную девицу!»

Богомолиха появилась в спальне после обеда вместе с горничными, которые пришли, чтобы помочь девушкам собраться на чаепитие.

— Вертрана, ты тоже идешь, — сухо сообщила она. — Платья для тебя не приготовили, наденешь то, в котором приехала.

Верта едва не захлопала в ладоши. Обняла девочек.

— Мы вместе!

Розочки на этот раз спустились в чайную комнату раньше гостей, но долго ждать не пришлось.

— Уважаемый лорд Героним из рода Гернаус...

Мей вздрогнула, Вертрана сжала ее пальцы. Пока все произнесенные имена были знакомыми, но розочки уже знали о том, что появились новые претенденты, и с любопытством поглядывали на дверь.

— Лорд Конор из рода Ростран!

Вертрану будто молния прошила: такого поворота она никак не предвидела.

«Что?» — беззвучно произнесли ее губы.

Вошел лорд Конор, затянутый в темный сюртук. Он был по-прежнему бледен и держал спину слишком прямо.

— Уже соскучились по своей помощнице? — прощептала Богомолиха. — Мы не ожидали вашего появления так скоро...

— Я сам не ожидал, — сумрачно сообщил господин Ростран.

Прошел к стулу и опустился рядом с Вертраной.

— Вы с ума сошли, — прошептала та, чуть не плача. — Вам нельзя вставать.

— Да? — бесстрастно поинтересовался тот. — А как же «мне необходимо попасть сегодня в чайную комнату»? Я думал, что речь по меньшей мере о жизни и смерти!

— Почти... — выдавила Вертрана, уткнувшись в пустую чашку.

А в следующую секунду Верте показалось, что небо обрушилось на землю. Она просто не поверила своим ушам.

Госпожа Гран представила нового претендента:

— Следующего нашего гостя вы все хорошо знаете. Для нас стало величайшей неожиданностью то, что этот человек вернется в Институт, причем в качестве претендента. Видно, вы не смогли оставить его равнодушным! — Классная дама шутливо погрозила пальцем. — Поприветствуйте лорда Теодора из рода Ройм.

В чайную комнату вошел мастер Ройм. С первого взгляда было заметно, как сильно он выделяется на фоне остальных гостей — лощеных и высокомерных. Похоже, Эйлин права: преподаватель зельеварения происходил из аристократического, но обедневшего рода.

Мей задрожала и побелела.

*** 34 ***

Розочки притихли, глядя на бывшего преподавателя во все глаза.

— Здравствуйте, мастер Ройм, — пискнула Габи.

— Лорд Теодор, — мягко поправила ее Богомолиха. — Теперь следует обращаться так.

Она указала господину Ройму место между Лорой и Аланой, на другом конце стола. Вертрана, которая пристально наблюдала за ним, увидела, как пронзительно тот взглянул на Мей. У него не было возможности перекинуться с обещанной другому магиссой даже словом.

Вертрана наклонилась к Эйлин, сидевшей по левую руку от нее, и тихо, чтобы лорд Конор не разобрал, прошептала:

— Элли, ты ведь можешь узнать, о чем он думает?

— Мне в голову как раз пришла та же мысль, — тихо ответила Эйлин.

Она закрыла глаза и прижала пальцы к вискам.

— Твоей подруге плохо? — осведомился лорд Конор.

— Ой, пейте свой чай! — нервно ответила Вертрана.

Прислужницы как раз закончили разливать гостям горячий напиток. Лорд Конор сжал скулы, откинулся на спинку стула и скрестил руки на груди, всем видом показывая безразличие. Вертране сделалось совестно.

— Вам нужно пить побольше жидкости, — примирительно произнесла она. — Давайте я вам сахара положу. Только вы, пожалуйста, пейте и не мешайте.

Она торопливо бухнула в чашку господина Ространа три ложки сахара, придвинула блюдо с пирожными, а когда подняла глаза на лорда Конора, поняла, что тот беззвучно смеется.

— Еще никто и никогда ... — начал он и зажмурился, стараясь не расхохотаться в голос. — Не просил наследника рода Ростран не мешать. Ты уникальная девушка, Вертрана.

Сомнительный комплимент на Верту не подействовал. Она посмотрела на себя глазами лорда Конора и увидела неотесанную простушку, девочку с улицы. Что же, именно такой она и была. Но какое ей дело до мнения разных там надутых аристократешек! Не до того сейчас.

Верта отвернулась, судорожно пытаясь придумать способ, чтобы Мей и мастер Ройм хотя бы на минуту оказались рядом. Эйлин тронула ее за локоть.

— Он выглядит таким спокойным, — прошептала она, наклонившись к уху Вертраны. — А внутри ураган чувств. Столько мыслей... Мне удалось узнать главное — мастер Ройм ушел с должности, чтобы попытаться найти деньги. Он заложил диадему, единственную фамильную ценность, но этого едва хватило, чтобы заплатить вступительный взнос.

— Будто здесь что-то вроде клуба для богатых и знатных! — скривилась Верта. — Как же мерзко. Он сможет перекупить Мей у лорда Геронима?

Эйлин закусила губу и покачала головой.

— Как бы я хотела сказать да, но, боюсь...

— Девочки, милые, о чем вы шепчетесь! — В ласковом голосе госпожи Гран слышался визг розог. — Ай-ай, чему мы вас учили!

— Я хочу предложить развлечение для гостей! — воскликнула Вертрана, изо всех сил стараясь вспомнить невинную застольную игру, но в голову, как назло, ничего не приходило.

— Развлечение? — Богомолиха готова была метать громы и молнии. — Да что ты...

— Почему нет? — раздался ровный голос.

Вертрана повернулась и уставилась в спокойные серо-зеленые глаза лорда Конора. Тот оглядел присутствующих, будто прикидывая варианты.

— Разве никто из вас не играл в детстве в «фантазии и ассоциации»?

На лицах гостей расплылись ностальгические улыбки.

— Это же совсем детская игра! — покраснел юный лорд Ханк, но на него зашикали.

— Я не знаю правил... — прошептала Вертрана, которая никак не могла взять в толк: лорд Конор старается помочь или хочет поиздеваться?

— Правила просты. Каждый из присутствующих выбирает гостя, сидящего за столом, а потом называет слова, которые ассоциируются с этим человеком. Другие должны догадаться, кто это. Но они могут, не указывая на человека, добавлять свои ассоциации, пока не угадают все игроки.

— Сло-ожно, — протянула Лора.

— Ничего сложного, — уверил господин Ростран. — Если вы не слишком хорошо знаете человека, ассоциации могут касаться только внешности. Давайте попробуем. Я начну, а вы постараетесь угадать.

Вертрана заранее скуксилась, ожидая услышать нечто вроде «тощая редиска с хвостиком на

макушке, вредная, надоедливая и непослушная».

— Котенок, играющий на солнце, оранжевая хризантема, веснушка на носу ребенка, фарфоровая статуэтка...

Вертрана распахнула глаза. Мей! Он говорит о Мей!

Мастер Ройм тоже догадался, вскинулся. Бросил на лорда Конора ревнивый и хмурый взгляд. Он открыл рот, чтобы сообщить вслух имя, но Вертрана качнула головой, не позволяя ему это сделать.

Ох, как же трудно подобрать нужные слова так, чтобы не выдать всем главную тайну Меюши, но рассказать о ней лорду Теодору.

— Чудо... — прошептала она. — Оранжевая тыковка осенью... Плод заботы...

Она запнулась, чувствуя, что краснеет.

Мастер Ройм оцепенел, застыл, как изваяние, судорожно скомкал салфетку. Он так смотрел на Мей, будто хотел всю ее вместить в свой взгляд. Он догадался! Главное, чтобы никто больше не понял.

— Солнышко! — затараторила Эйлин. — Ласковое весеннее солнышко!

— Да это же моя Мей! — расхохотался лорд Героним. — Моя девочка!

Он обвел гостей и розочек победоносным взглядом. Вертрана с облегчением зааплодировала.

— Теперь я? — крикнул он. — Что же... Стар я уже для этих забав. Так, подумаем... Его магию запечатали после запрещенной дуэли в Академии, жульничества и бессмысленного использования бесценных артефактов...

— Это не ассоциации, это грязные слухи и сплетни, — тихо, ясно и холодно произнес лорд Конор. — А дуэли бывают разные. Не только магические. Случаются и дуэли чести.

За столом установилась мертвая тишина. Кто-то разглядывал содержимое тарелок, кто-то заинтересовался лепниной на потолке.

— Поняла, поняла! — вдруг воскликнула Лора, единственная, кто не догадался, почему все замолчали. — Послушайте, теперь я загадаю. Мы ведь прошлого угадали? Да, нет?

Все промолчали и Лора вдохновенно продолжила:

— Тонкий вяз, светлая вода в ручье, перистые облака на голубом небе...

Лорд Ханк приосанился. Все загалдели, радуясь возможности замять инцидент.

«Светлая вода в ручье!» — мысленно фыркнула Вертрана.

Она вдруг увидела, какой господин Одгер тщеславный и недалекий, а все его достоинства — молодость и приятная внешность.

Верта качнула головой, будто сбросила наваждение, и случайно краешком глаза зацепила лорда Конора. Тот сидел белый, точно снег, прижав ко рту костяшки пальцев.

— Вы теряете сознание! — испугалась Верта.

Она нашла под столом его ладонь и вцепилась в запястье, вливая силу.

— Какой же вы!.. — в сердцах выдохнула она, когда поняла, что господин Ростран немного оклемался. — Непослушный!

Лорд Конор сделал глоток чая, аккуратно поставил чашку на блюдце и хрипло произнес:

— Учусь у тебя.

— Вам надо в постель!

— Как я могу пропустить такой прекрасный вечер.

Господин Ростран отыскал самое маленькое пирожное и отправил в рот целиком.

«Снова язвит, ну что за человек! Прекрасный вечер! Как бы мне не посидеть раньше времени после этого прекрасного вечера!»

Нервы Вертраны действительно были на пределе. Она переживала за Мей, которая с самого момента появления мастера Ройма в чайной комнате не произнесла ни слова. Переживала за лорда Теодора, который так явно не сводил с рыжули взгляда, что это уже становилось неприличным. Переживала даже за лорда Конора. Этот будет вести светскую беседу, изгибать тонкую бровь и кривить губы в усмешке до тех пор, пока не свалится замертво.

Окончание чаепития принесло Вертране огромное облегчение — будто гора свалилась с плеч. Богомолиха подала знак, и розочки поднялись с мест. Гости тоже нехотя встали.

Лорд Героним, наклонившись, припал к руке Мей, а рыжуля в это время глядела на мастера Ройма и губы ее дрожали. «Прости меня, — говорили ее глаза. — Я ведь не виновата. Я не хочу...»

Лорд Теодор сдернул с вешалки пальто и стремительно покинул чайную комнату, не попрощавшись. Мей зажмурилась, сдерживая слезы.

— Сил моих больше нет... — простонала Вертрана чуть слышно.

Лорд Конор уходил последним. Богомолиха уже построила выпускниц, но не смела потревожить Вертрану, пока господин Ростран оставался рядом с ней. А тот, дождавшись, пока комната опустеет, потребовал:

— Немедленно признавайся — тебе угрожает опасность? Тебя кто-то испугал? Не верю, что ты устроила весь этот сыр-бор ради глупых страдашек влюбленной девочки. Она, несомненно, очень мила, как и этот гордый, но бедный учитель, но...

— Какой вы мерзкий! — процедила Вертрана.

Она едва не задохнулась от возмущения.

«Мы все для него жалкие создания. Все, кто ниже по статусу. Сноб! Отвратительный сноб! Как хорошо, что я ничего ему не рассказала, разве такой поймет!»

Верта отступила на шаг, покачала головой, отвернулась, вздернув подбородок, и вышла.

*** 35 ***

Ночью пришлось разыскивать успокоительные капли для Мей. Она то плакала, то смеялась и пребывала в таком нервном возбуждении, что подругам стало за нее страшно.

— Он вернулся за мной! Он любит меня! — шептала она, и тогда ее глаза, под которыми залегли тени, начинали сиять, а в следующий миг раздражалась слезами. — Лорд Героним никогда меня не отдаст! У Тео не хватит денег на аукцион!

Розочки, не понимая, что происходит, тревожно поглядывали на Мей из своих постелей, в то время как Вертрана и Эйлин уговаривали Мей немного поспать и пожалеть если не себя, так ребенка.

— Иди к Богомолихе и попроси капли, — велела Элли, прижимая к себе вздрагивающую от рыданий Мей.

Госпожа Гран будет недовольна, что ее разбудили посреди ночи, но Вертрану наказывать не станет. Верта скоро вернулась, сжимая в руке флакончик и серебряную ложечку.

— Наплела ей, что разволновалась, увидев лорда Конора, — сказала она. — Мол, подумала, что пришел меня забирать. Представь, она сочувственно потрепала меня по плечу. Говорит: «Поначалу это неприятно, но потом все женщины входят во вкус». Фу, гадость...

Эйлин молча отобрала у подруги пузырек и накапала в ложку десять капель.

— Меюша, будь умницей, выпей. Тебе надо поспать! — и добавила шепотом: — Для малыша безопасно.

Мей, утомившись от переживаний, не стала сопротивляться. Проглотила горькие капли, и почти сразу ее взгляд сделался сонным. Девочки дождались, пока она уснет, свернувшись в комочек. Укутали ее одеялом, а сами забрались на кровать Вертраны — посеCRETничать.

— Что это с рыжиком? — подала голос Габи. — Все еще из-за лорда Геронима переживает?

Эйлин отмахнулась, придвинулась ближе к Верте и произнесла:

— Ума не приложу, что же делать... Денег ему действительно не хватит. Знаешь, мастер Ройм все время думал о том, как хочет обнять Мей, сказать, что любит. Даже если в итоге она ему не достанется, надо что-то придумать и организовать им встречу наедине...

Вертрана согласно кивнула.

— Но как?

Эйлин быстро взглянула на подругу.

— Попроси лорда Конора помочь!

— Что? О нет, Элли, он не станет помогать! Ты же видела, какой он высокомерный, напыщенный!..

— Сказать тебе, что я видела? — тихо спросила Эйлин. — Только не обижайся. Мы привыкли считать лорда Конора чуть ли не чудовищем. И признаюсь, меня он тоже вначале пугал. Он сложный человек... И смерть двух помощниц на его совести...

— Он не виноват в их смерти, — призналась Вертрана. — Оказывается... Там вообще все запутано.

Элли еще больше воодушевилась.

— Вот как? Не буду спрашивать, ты, наверное, все равно не сможешь объяснить. Но, Верта, подумай, что он сделал, когда ты отправила записку!

— Пришел и испортил мне вечер. Хотел, чтобы я волновалась и мучилась угрызениями совести из-за того, что вытаскала его, больного, из постели.

— А чем он болен? Ладно, неважно... Он пришел, чтобы защитить. «Я думал, что речь по меньшей мере о жизни и смерти» — его слова?

Вертрана дернула плечом, открыла рот, чтобы парировать, но не нашлась, что ответить. Эйлин наставила на нее палец: вот, мол, сама видишь!

— А за столом он выручил тебя, предложив игру. И, кстати, именно благодаря этому мы смогли сообщить мастеру Ройму о том, что Мей ждет ребенка.

— Зачем бы ему это было надо? — проворчала Вертрана.

— Может быть, он вовсе не такой плохой, каким ты привыкла его видеть? Он обижал тебя?

— Грозился выпороть! — пожаловалась Верта.

— И?

— Пусть бы только попробовал...

— Вертрана, ты моя любимая подруга. Ты и Меюша. Но иногда ты суший ребенок. Жизнь — невероятно сложная штука. В ней нет черного и белого, а тебе хочется разделить мир на эти цвета. Я могу ошибаться, но, по-моему, он достойный человек. Не подлый...

— Сноб! Он так кичится своим происхождением! А на нас взирает свысока. Разве я виновата в том, что мне не посчастливилось родиться в богатой семье?

— Тут уж ничего не поделаешь, он так воспитан. Это, конечно, неприятно, но это не делает его чудовищем.

— Он никогда не признает меня равной!

Эйлин вздохнула.

— Я знаю. И не женится. Просто пойми, что это невозможно. Скорее луна спустится на землю. Но ведь на луну ты обижаться не станешь?

Вертрана хмыкнула.

— Я совершенно не стремлюсь к тому, чтобы выйти за него замуж. У нас другие отношения... Но я попробую попросить его помочь. Только о встрече, ни на что иное можно не рассчитывать. Слышала бы ты, как он отозвался о мастере Ройме!

— Попробуй, Верта! Только на него вся надежда!

«Не чудовище?» — думала Вертрана, укрывшись одеялом, прислушиваясь к сонному дыханию розочек.

Она вспомнила зачем-то, как лорд Конор тащил ее, уложив на пальто, хотя и сам едва стоял на ногах. И снова увидела его пристальный взгляд: «Немедленно признавайся — тебе угрожает

опасность? Тебя кто-то испугал?» Станный он человек. Закрытый, высокомерный, едкий, но вроде не подлый, да... Вроде не подлый.

— Вертрана? — удивился мастер Широ, когда она явилась за занятие боевой магии. — Не думал, что снова тебя увижу.

— Я ненадолго, — улыбнулась Верта. — Но надеюсь узнать какое-нибудь полезное заклинание. С моим лордом это лишним не будет!

— Что-то случилось?

Вертрана уже рассказала подругам о покушениях на господина Ространа, поведала и о последнем, свидетельницей которому стала сама. Эйлин и Мей перепугались, Верта же попыталась обратить все в шутку. «Попадись мне только этот убийца! Думаете, почему он сбежал? Боится меня!» Мей поверила, Эйлин понимающе взглянула на Вертрану и промолчала.

Можно ли рассказать мастеру Широ? Вертрана не знала. Лорд Конор не запрещал, но, наверное, не думал, что она примется трезвонить о происшествии на каждом углу.

— У господина Ространа завелся недоброжелатель, — нейтрально объяснила она.

— Вот как? Неудивительно. Лорд Конор отличался способностью заводить недоброжелателей и во время учебы в Академии, — усмехнулся мастер Широ, но тут же, решив, что слишком разоткровенничался с воспитанницей, заторопил розочек. — Стройтесь! Сегодня у нас отражающее заклятие. Помогает в тех случаях, когда вы точно знаете о направленном на вас злом намерении.

Наверное, лорд Конор применил что-то похожее, когда развеял летящий ему в грудь сгусток силы. А ведь он наверняка был отличным магом, если даже с троечкой сумел противостоять семерке Верты. Что же он натворил? Лорд Героним вчера за ужином намекнул на незаконную дуэль и жульничество... Наверное, юный лорд Конор был тем еще хулиганом, вот и допрыгался.

Мастер Широ подходил к каждой из воспитанниц, показывая, как надо чертить защитный символ. У Лоры задержался дольше всех. Наверное, бедный преподаватель взмок, объясняя одно и то же по десятому разу бестолковой Лоре, но под темной тканью, закрывающей лицо, этого было не видно.

— Нет, Лора. Безымянный распрямить, а средний согнуть. Где у тебя безымянный, Лора? Надо же! У всех людей это средний. Рад, что ты совершила сегодня это открытие.

Вертрана хихикнула. Магистр Широ все время ее смешил.

— Я сказал что-то забавное, Верта? Покажите-ка мне, как вы справляетесь с заклятием. Так... Хорошо...

Верта без труда сложила пальцы нужным образом, тем более что она видела заклинание в действии.

— А вы знали лорда Конора в Академии? — не удержалась Вертрана: ее разбирало любопытство, хотелось больше узнать о запечатанной магии.

— Нет, лично не представлен.

— Поэтому вы не знаете, что у него был лучший друг! Он погиб... В битве у Звенящей реки...

Она прикусила губу, вспомнив, что и сам мастер Широ был искалечен в том сражении.

— Мне жаль, — сухо сказал он.

— Мне тоже, — Вертрана посмотрела на лицо, скрытое темной тканью, надеясь, что глядит преподавателю в глаза. — Жаль всех, кто там пострадал. Я слышала, что это была жуткая битва. Десятки магов погибли, многие пропали без вести...

— Вертрана, я в вашем сочувствии не нуждаюсь, — оборвал ее мастер Широ. — Продолжайте тренировку. Даю вам еще пять минут, а потом каждая попробует отразить мою атаку.

Он оставил воспитанниц и отошел к стене. Сел на скамью, заправил за воротник ткань, закрывающую лицо. Оперся ладонями о колени и о чем-то глубоко задумался. Вертране стало не по себе: снова она ляпнула не подумав. Зачем напомнила мастеру Широ о самом тяжелом дне в его жизни? Вот всегда она так... И ведь не хотела ничего плохого!

*** 36 ***

Вертрана смяла исчерканный лист, бросила комок на пол, туда, где уже валялись другие черновики.

— Что ты так старательно пишешь, Верта? — спросила Мей. — Рунологию? Давай помогу. Госпожа Гран станет ругаться, что ты испортила столько бумаги...

Вертрана, которая успела написать несколько слов на свежем листе, загородилась от рыжуги локтем, чуть ли не легла на письмо.

— Ничего-ничего, я сама.

— Мей, помоги лучше мне, — окликнула ее Эйлин и сделала Вертрание страшные глаза: «Давай уже, заканчивай!»

Вертрана от досады на себя дернула за волосы. Ей все мешало, все раздражало. Письмо категорически отказывалось сочиняться.

«В прошлый раз я так быстро написала записку, — недоумевала она. — Что теперь не так?»

Впрочем, колкие и язвительные слова и сейчас лезли из-под пера будто сами собой: «Не снизойдете ли вы до нижайшей просьбы вашей рабыни... вашей ценной безделушки... вашей...» Проклятие!

Верта изгрызла кончик пера, испачкала пальцы в чернилах, посадила кляксу на подол — теперь вспоминать заклинание, выводящее пятна! Решив, что надо проветрить голову, Вертрана на время оставила мучительные попытки, подошла к окну, приоткрыла створку и вдохнула холодный воздух.

И вдруг поняла, что она боится. Ее дерзость возводила вокруг нее непроницаемую стену, защищала от этого несправедливого мира. Так было проще. Она нахальничала, лорд Конор в ответ был холоден и суров. Это привычно и понятно. Но что, если она попытается быть искренней, откроется ему, поверив словам Эйлин, что господин Ростран не так плох, а в ответ не получит ничего, кроме ледяного презрения?

Страшно до жути. Так страшно, что ладошки потеют. Но она должна рискнуть ради счастья Мей.

Вертрана сжала губы, взяла чистый лист — она сбилась, который по счету, — и медленно принялась писать, думая над каждым словом.

«Лорд Конор, вы не обязаны мне помогать. Можете даже не дочитывать до конца это письмо, но обстоятельства сложились таким образом, что кроме вас мне попросить некого...»

«Видите, как я смиренна и послушна?» — хотела добавить она, но вовремя остановилась, перевела дух и продолжила.

«Я не могу рассказать вам всего, просто поверьте, что мою дорогую подругу Мей и мастера Ройма связывают глубокие, настоящие чувства. Лорд Теодор, увы, небогат. Возможно, им никогда не быть вместе. Я прошу о малом: помогите устроить встречу Мей и господина Ройма, чтобы они смогли поговорить наедине. Прошу вас, не торопитесь, обдумайте решение. И, конечно, в первую очередь вам необходимо поправиться. Принимаете ли вы мою настойку? Не забывайте этого делать. По приговору моему настоек у меня всегда был высший балл, и кстати, если вам интересно, это целебное средство научил меня готовить преподаватель зельеварения, с которым вы имели честь познакомиться во время вчерашнего чаепития».

Вертрана перечитала послание, ее сердце колотилось. Что помешает лорду Конору донести директрисе на недопустимые отношения между Мей и бывшим учителем? Ему-то ничего не грозит, а вот Меюше придется отдуваться за двоих. Можно было только надеяться, что Элли не ошиблась в отношении господина Ространа. Возможно, он оставит письмо без внимания, но хотя бы не выдаст.

Она трясущимися руками сложила письмо и запечатала магией. Наложила слабенькое заклинание, чтобы лорд Конор смог открыть, и отправилась разыскивать Тину.

— Отнеси это письмо в тот же дом, — попросила она. — А я найду способ тебя отблагодарить. Не подведу! Тебе ведь нравится моя накидка?

— Очень теплая, — осторожно ответила прислужница. — Но госпожа Амафрея уж больно подозрительно косится теперь на меня... Я бы хотела помочь, но... Вы ведь знаете, мне нельзя терять это место!

Вертрана молитвенно сложила руки.

— Это в последний раз! Обещаю!

Тина покачала головой, но письмо взяла.

Вертрана вернулась в спальню и кивнула Эйлин. Теперь оставалось только ждать хороших или плохих новостей. Мей они ничего не сказали: ни к чему волновать ее раньше времени.

Следующий день начинался тихо и спокойно. На рунологии Вертрана так старательно переводила древний текст, что даже заслужила похвалу от преподавателя.

— Нет бы вам раньше так стараться, дорогуша! — пробурчал старенький мастер Фрин. — Знание рун необходимо каждой магиссе! Это не просто буквы, не просто символы — это сама магия! То, что невозможно изложить обычным текстом, всегда можно передать рунами.

— Угу... — покорно кивала Вертрана.

Все ее мысли были только о письме и лорде Коноре. Как он поступил с ним? Сразу же испепелил? Разорвал на мелкие клочки? Перечитывает, кривит губы в гадливой усмешечке и придумывает наказание для нерадивой помощницы? Если он до сих пор не ответил, значит, надежды почти не осталось.

— Садитесь, Вертрана.

Верта опустила на стул и механически принялась чертить на листе руну «Дор» — «договор».

— Договор? — прочитала Мей. — Какой договор?

Верту будто молния ударила. Еще не веря себе, она начертила несколько рун. У каждой руны было несколько смыслов, поэтому так сложно понять написанное. Она молча подвинула листок к подругам.

— «Мы с хозяином заключили договор»? — прочитала Эйлин и вскинула на Верту изумленный взгляд.

Вертрана с радостью заменила бы символ «хозяин» на любой другой, но пришлось поступиться гордостью ради дела. Она энергично закивала на вопрос Элли и продолжила писать, но магистр Фрин заметил неладное.

— Так, девочки, записками будете обмениваться у себя в дортуаре!

У Вертраны жгло пальцы: так хотелось поделиться с подругами, но пришлось прерваться. «Вдруг они смогут помочь? — успокаивала Верта разбушевавшуюся совесть. — Я могу им доверять как себе. Я не предаю его... Или предаю? Да какая разница! Он не откликнулся на мою просьбу! Поэтому — плевать!»

За обедом Вертрানে передали коробку конфет, крепко перевязанную атласной лентой.

— От лорда Конора, — сообщила повариха.

Розочки с надеждой воззрились на подношение.

— Да он издевается! — прошипела Вертрана. — Это его ответ? Поешь конфеток и утешься?

У нее даже слезы на глаза навернулись от разочарования.

— Делиться будешь? — нетерпеливо спросила Лора.

— Конечно! Хоть все забирайте!

Вертрана попыталась развязать узел, но тот не поддавался — Верта едва не сломала ноготь. Точно издевается!

— Открою в спальне и всех угощу, — пообещала она.

Эйлин тоже выглядела расстроенной, избегала встречаться с Вертой взглядом.

— Отдай мою долю Мей, — попросила подруга.

Вернувшись в дортуар, Вертрана отыскала в тумбочке нож для бумаг и перепилила ленту. Шоколадные конфеты выглядели и пахли чудесно, вот только у Верты совершенно не было аппетита. Она обошла девочек — каждой досталось по конфете. Мей перепало две, она откусила маленький кусочек и расплылась в улыбке.

— Будешь писать лорду Конору, поблагодари его от меня.

— Ага, счас! — пробурчала Вертрана.

Коробка опустела, однако все равно оставалась тяжелой. Вертрана взвесила ее в руке, нахмурилась, не понимая. Потрясла. Внутри, под вкладышем из картона, что-то шуршало и перекатывалось.

— Девочки, прогуляемся, — быстро сказала она.

На этот раз уединенная скамейка в галерее оказалась свободна. Верта, не теряя времени даром, просто перевернула коробку, вытряхнув ее содержимое на колени. На подол платья выпали два медальона и письмо. У Вертраны так дрожали руки, что она не смогла развернуть лист.

— Давай ты! — попросила она Элли. — Читай вслух.

В послании лорда Конора содержалось всего несколько строк, написанных аккуратным почерком. Никакого приветствия, все сухо и по делу.

«В один медальон следует поместить прядь волос Мей, в другой — прядь твоих волос, после обменяйтесь медальонами. Не забудьте поменять местами ленты».

— Что это значит? — спросила Мей.

— Ох, не знаю... — прошептала Вертрана. — Извини.

— За что? Ай!

Вертрана уже наматывала на палец несколько рыжих волосинок, которые только что вырвала у подруги. Тут же безжалостно дернула себя за локон.

— Элли, развяжи ленту!

— Девочки, — испуганно пролепетала Мей. — Что происходит?

— Мы тебе все объясним... Если получится!

Вертрана не знала, чего им ожидать. Может быть, это ловушка? Какое-то изощренное наказание? Пусть только попробует обидеть Меюшу!

Эйлин ловко завязала на ее шее ленту с символами рода Гернаус. Вертрана зажмурилась и опустила на грудь тяжелый медальон, излучавший незнакомую магию.

— Ой! — пискнула Мей. — Ты — это я! Один в один!

— А я — это ты!

Вертрана разглядывала девушку, сидящую напротив, и не верила своим глазам. Она будто смотрела на собственное отражение, которое, однако, вело себя очень своевольно — прижало руки к щекам, а потом к животу.

— Думаю, с малышом все в порядке, Мей. Это просто видимость, иллюзия.

— Но зачем?

Вертрана переглянулась с Элли и осторожно объяснила:

— Лорд Конор устроит для тебя встречу с мастером Роймом...

*** 37 ***

Они вернулись в спальню и, не зная, чего ожидать дальше, сели рядом на постель Эйлин. Не прошло и нескольких минут, как в комнату заглянула Богомолиха и ласково поманила Вертрану, вернее, Мей, которую приняла за нее.

— Идем, детка. Хозяин заберет тебя на часок-другой.

Мей оцепенела. Для нее, тихой и послушной девочки, события развивались слишком стремительно.

— Не бойся, Меюша. Все будет хорошо, — шепнула Верта. — Ты ведь хочешь увидеться с лордом Теодором?

Имя любимого подействовало на Мей быстрее долгих уговоров. Она сделала глубокий вдох и поднялась. Госпожа Гран заботливо поправила ей локоны и ущипнула за щеку.

— Ты запала в душу своему лорду. Это хорошо. Только не забывай о том, что обряд «отречения» над тобой еще не проведен. Девушка сама должна заботиться о таких вещах. Случались эксцессы... Не хочу тебя пугать неприятными историями. Бывает, лорды забирают выпускниц раньше времени,

обещая привезти ко времени обряда, а привозят уже «тяжелых».

— Тяжелых? — пролепетала Мей, потянувшись рукой к животу, но опомнилась, сжала в кулак.

— Беременных, детка, — скорбно вздохнула Богомолиха. — Разве лорды станут беспокоиться о такой ерунде? Приходилось прежде, чем провести обряд, очищать чрево. А это неприятно и так травмирует юную душу... Позаботься о себе, хорошо? Ну идем, он ждет тебя.

Мей обернулась от дверей, вид у нее был испуганный. Вертрана была зла на Богомолиху: как не вовремя та начала разговор.

— Мастер Ройм, — произнесла Верта одними губами.

Госпожа Гран увела Мей, а девушки, выждав полминуты, отправились следом. Они хотели спуститься на площадку второго этажа, чтобы пожелать Мей удачи.

— Он не причинит ей вреда! — в десятый раз повторила Элли, пока они торопливо шагали вниз по ступенькам.

— Ты меня убеждаешь или себя? — огрызнулась Вертрана, которая волновалась не меньше. — Нет... Не думаю, что обидит...

Лорд Конор ожидал у входа, на темных волосах таяли снежинки: угодил в метель. Верта отметила, что сегодня он выглядит лучше, смертельная бледность ушла. «Зато кто-то всерьез вознамерился простудить свою глупую голову! — мысленно прорычала она. — Не стану лечить от простуды, вот!»

— Мы рады видеть вас, господин Ростран.

Навстречу гостю выплыла госпожа Амафрея. Следом за ней робко шла Мей.

— И все же не стоит так часто пользоваться нашим добрым отношением, — директриса мягко пожурела лорда Конора и тут же протянула ему руку для поцелуя: мол, не держите зла. — Либо вы забираете девочку, либо нет. Пока мы еще наших воспитанниц во временное пользование не предоставляем.

— Обещаю, что в следующий раз появлюсь нескоро. Сегодня она нужна мне для небольшого дела.

— Так уж и небольшого?

Директриса лукаво рассмеялась.

На лице лорда Конора не появилось и тени улыбки. Он наклонил голову в сторону Мей, показывая тем самым, что собирается забрать свою помощницу. Посмотрел на тонкое платье, изогнул бровь.

— Где твоя накидка?

Что Мей могла ответить на это? Господин Ростран и сам понял, что адресует вопрос не той Вертране. Быстро вскинул глаза, будто знал, что настоящая Верта наблюдает за ним с площадки второго этажа. Верта развела руками, лорд Конор покачал головой, снял пальто и накинул на плечи Мей.

— Идем.

Он полуобнял ее за талию и мягко направил к двери. Мей оглянулась с отчаянием в глазах. Элли и Верта изобразили на лицах безмятежность и принялись махать вслед, хотя сами волновались за подругу. Скрестили пальцы: «Только бы все получилось!»

В спальне девушки не находили себе места. Вертрана бегала кругами и грызла губу.

— Мей, я смотрю, наша Вертушка плохо на тебя влияет, — фыркнула Лора. — Чего ты носишься? Ничего с твоей дорогой Вертой не случится. Ничего, что он не делал с ней раньше!

Она хихикнула, Дейзи прыснула следом, хотя и покраснела, как вареный рак. Вертрана подскочила к Лоре и вцепилась той в воротник.

— Мей, успокойся! — крикнула Элли.

Вертрану это, однако, в чувство не привело. «Почему она называет меня Мей?» — удивилась она мимолетно. Лишь когда взгляд упал на собственные слишком тонкие и белые пальчики, опомнилась и отступила.

— Ненормальная! — крикнула Лора. — Как все твои подруги!

— Я попросила бы! — тоном истинной леди произнесла Эйлин.

Вот кого не стыдно было бы представить при дворе... Верта, вздохнув, отступила. Чего она, правда, взъелась из-за пустяков?

— А давайте чаю поьем! — миролюбиво предложила она розочкам. — Я ведь вижу, вы свои конфеты не съели, на вечер оставили.

— Вот и тащи с кухни чайник, — пробормотала Лора, поправляя форму.

Конфеты съели быстро, зато кипятка в медном чайнике оставалось предостаточно, да еще и с ароматными, вкусными травками. Розочки достали свои припасы: кто-то веточку мяты, кто-то чабрец, кто-то бумажный пакетик с высушенными ягодами шиповника. Напиток получился отменный, даже без сахара вкусно.

— Я вам всегда-всегда буду присылать конфеты, — разошлась Вертрана.

— Ой, спасибо, благодетельница наша, — скуксилась Лора. — Так тебе и разрешит твой старикан! И вообще! Может быть, меня выберет лорд не хуже твоего.

Верта вспомнила, что в глазах всех она сейчас Мей, и прикусила язык.

— Ну давайте помечтаем, как в детстве, — предложила она. — Кому какие лорды нравятся?

— Лорд Конор, — тихо сказала Габи.

— Что? — изумилась Верта.

— По-моему, никакой он не злодей, — подхватила Алана. — Он защитил Вертрану за столом, придумал эту игру, чтобы ей не влетело.

— И симпатичный такой, — добавила Дженни. — Сколько ему? Я слышала, лет двадцать восемь или двадцать девять.

— И поэтому он сейчас уволок бедную Верту, чтобы... сделать с ней то, что делают все лорды со своими помощницами! — злобно крикнула Вертрана. — Почему вы все на его стороне?

Розочки потупились.

— Да... Ты права, Мей. Мужчины свиньи... — ответила за всех Алана. — Наверное, я ошибаюсь насчет него.

Элли подтолкнула Верту локтем, наклонилась к уху.

— И сколько раз он сделал с тобой то, что обычно лорды делают с помощницами? — прошептала она.

Больше ничего не добавила, и все же Вертрану обжег горячий стыд. Но как же трудно было признать, что лорд Конор оказался лучше, чем она о нем думала!

Она зачем-то вспомнила, как господин Ростран поднял на нее взгляд. Там, у лестницы. Растаявшие капли блестят на темных волосах...

Стоп, Вертрана! Не смей даже мысли допускать! Сначала полюбуйся взглядом серо-зеленых глаз, а потом... потом... «Очищение чрева»! Или как там назвала Богомолиха эту жуткую процедуру?

За чаем и разговорами незаметно прошло больше двух часов. Дверь приоткрылась, и на пороге появилась Мей. Верта и Эйлин с беспокойством вгляделись в лицо подруги, а та улыбнулась в ответ.

— Прогуляетесь со мной по галерее?

*** 38 ***

— Я так счастлива! — сказала Мей. — Это сон... Прекрасный сон... Но я боюсь проснуться!

Девушки сняли амулеты и снова стали собой, а вот украшения из серебристого металла потускнели и покрылись ржавчиной, как это часто случалось с одноразовыми артефактами после использования.

— Он сказал, что магического заряда хватит от силы часа на три, поэтому пришлось торопиться.

— Он?

— Лорд Конор. Пока мы ехали в карете от Института...

Вертрана замахала руками:

— Меюша, подожди, давай все по порядку.

Мей похлопала по скамейке по обе стороны от себя, а когда подруги сели, обняла их за талии. Верте положила голову на плечо.

— Да коротенькая совсем история, — промурлыкала она. — Сначала я трусила. Страшно было садиться в карету с господином Ространом. Он всегда такой суровый, не улыбочивый...

— Вот! — обрадовалась Верта. — А я о чем!

— Но когда карета тронулась, он укрыл мне ноги меховым пологом и сказал: «Извини, Мей, здесь не самое удобное место для беседы, но у нас мало времени. Вы поговорите, и я отвезу тебя обратно».

— Сказал «извини»? — Вертрана подозрительно сощурилась.

— Да. Вообще-то он был вежлив, хотя не улыбался и разговаривал только по делу... Мы ехали несколько минут, потом экипаж свернул в подворотню, где и фонарей не было. Я снова испугалась. Как-то не по себе сделалось: темнота вокруг, я даже лицо господина Ространа с трудом могла разглядеть. Он говорит: «Мей, я выйду прогуляться. На всякий случай буду неподалеку... Ты точно хочешь видеть этого человека?» Я воскликнула: «Да!» «Тогда временно сними амулет, чтобы он тебя узнал». Вот и весь наш разговор.

Эйлин и Вертрана обменялись довольными взглядами: похоже, их план удался.

— Лорд Конор вышел... А я, представляете, забыла отдать ему пальто! Он несколько секунд подождал, но я не сообразила! Кивнул и ушел... И почти сразу я услышала скрип снега под шагами. Дверь открылась и...

Мей всхлипнула и залилась слезами.

— Так невероятно! Я думала, что больше никогда его не увижу. И вот он рядом! Тео не выпускал меня из объятий все время, гладил, целовал... Знаете, как он называет меня?

— Как, Меюша? — ласково спросила Вертрана, лишь бы отвлечь Мей от слез: не надо ей переживать, пусть даже это слезы радости.

— Солнышком... Сказал, что я его жаркое весеннее солнышко. А потом положил руку мне на живот осторожненько так и говорит: «Это правда?» Тут я начала реветь безудержно, теперь стыдно вспомнить, такую сырость развела. «Да, — говорю. — Но уже скоро будет заметно. Думаю, малыш еще недолго будет с нами...» А он... Девочки! Он сказал, что не допустит этого! Что из кожи вылезет, но придумает, как меня выкупить! Тео ведь и мечтать не смел о ребенке, здесь магия была бессильна. А у нас получилось. Настоящее чудо, правда?

— Правда, правда, — шептали девочки, обнимая разгоряченную Мей. — Ну тихо, тихо...

— Он сто раз повторил, что любит меня. Вот только деньги не получится собрать быстро, хотя он надеется справиться за месяц. Хочет заложить имение... Имение маленькое, а еще на его попечении матушка и сестра...

— Ох, Мей...

— Да... Я попыталась отговорить, придумать другой способ, но он уверяет, что со всем разберется, а мне надо думать о себе и малыше!

— Я уверена, Тео успеет! — бодро сказала Эйлин, но Вертрана хорошо изучила этот ее жизнерадостный тон: подруга прятала за ним беспокойство.

— Девочки, но даже если задержится... В конце концов, лорд Теодор один из участников отбора! Неужели не подождут, пока он соберет нужную сумму? — спросила Вертрана.

— Ты забываешь, что Мей уже, по сути, принадлежит лорду Герониму, — объяснила Эйлин. — Тео должен не только вернуть уплаченную сумму, но и как-то уговорить его отказаться от прав. А пока и Мей, и ее тело... прости, Меюша... принадлежат господину Гернаусу.

Улыбка сошла с лица Мей.

— Я даже боюсь предположить, какая должна быть сумма. А если Тео не успеет за месяц?

— Все будет хорошо! — твердо сказала Вертрана. — А теперь позволь себе немножко порадоваться. Ты самая счастливая из нас, Мей. Я даже не представляю, каково это, когда любят...

Мей благодарно кивнула. Элли вытерла с ее раскрасневшихся щек слезы.

— Через час вернулся лорд Конор. Мне до сих пор совестно, что я забыла про пальто. Он, по-моему, продрог, хотя и старался не показывать вида. Они с Тео пожали друг другу руки. Тео сказал, что никогда в жизни не забудет об оказанной услуге, но господин Ростран нахмурился и ответил довольно сухо, что это не составило ему труда и не стоит благодарности.

— Сноб! — проворчала Верта. — Я же говорю...

— Идемте в спальню, — оборвала ее Эйлин. — Мей надо отдохнуть.

Этой ночью Мей впервые уснула безмятежным, тихим сном. Встала посвежевшая и действительно сияла, будто весеннее ласковое солнышко. Даже напевала.

— Надо же, поет! — фыркнула Лора. — А вечером как с цепи сорвалась. Мне кажется, Верта, она ревнует тебя к лорду Конору!

— Я? — оторопела рыжуля, растерянно посмотрела на подругу, тоже оцепеневшую, и лишь потом сообразила, что Вертрана играла вчера ее роль. — О... Девочки, простите, сама не знаю, что на меня нашло.

— А у тебя как все прошло, Вертраночка? — сладеньким голосом поинтересовалась Лора у Верты. — Когда ты уже с нами поделишься, каково это? Может быть, научишь, как приручить лорда, чтобы и нам конфеты присылали?

Вертрана развернулась и вышла, не удостоив ехидную блондинку ответом.

Последующие дни протекали спокойно и размеренно. Мей, похудевшая было от переживаний, снова потихоньку округлилась и сделалась хорошенькой, как наливное яблочко, глаз не оторвать. Корсет пока сходил на талии, но личико стало более женственным.

От лорда Конора к завтраку и к ужину исправно приносили деликатесы для Вертраны, и, судя по объему порций, Верта давно должна была лопнуть.

— Поэтому мне помогают подруги, — объясняла она недовольной Богомолихе. — Не выбрасывать же!

Розочки делали страдающие лица — вот, мол, на что не пойдешь ради дружбы, — но продолжали жевать с удвоенной энергией.

— Мей это совсем не полезно! — бурчала та. — Вы посмотрите, в какую пышку она превращается. Если Вертрану в ближайшее время не заберут из Института, я вынуждена буду пожаловаться госпоже Амафрее.

Занятия продолжались. На следующем уроке рунологии Эйлин вспомнила о незаконченной записке.

— Так о чем ты хотела нам сообщить, Верта? Какой договор?

— Знаете, девочки... — подумав, ответила та. — Мне кажется, будет нехорошо, если я расскажу. Лорд Конор не самый прекрасный в мире человек, но договор есть договор. Он не хотел, чтобы кто-то знал. Не обижайтесь...

— За что обижаться! — воскликнули подруги почти одновременно. — Ведь этот договор не опасен для тебя? Нет? Вот и отлично.

Сам господин Ростран не появлялся уже довольно давно, но Вертрана не волновалась: значит, послушался ее совета и восстанавливает силы. Вернется, никуда не денется, Верта ему нужна.

Испытаний тоже в ближайшее время не предвиделось. Розочек никто не дергал, не гонял с утра до ночи. Вертране даже нравилось то, что она снова в Институте среди своих, просыпается с ними в одной спальне, ходит на занятия. Она знала, что эти дни совсем скоро закончатся. Закончатся навсегда. У Вертраны начнется другая — свободная — жизнь. И Меюша обретет счастье с лордом Теодором. А Эйлин они одну не оставят. Обязательно придумают, как ее вытащить...

— У тебя завтра день рождения! — радостно сообщила Элли утром за завтраком. — Ты хоть помнишь?

— Ой, да? Правда! Я и забыла!

— Это я к тому, что ты ночью отвернись к стене и не подглядывай. Мы с Мей будем готовить для тебя сюрприз!

— И мы, — улыбнулись Габи с Аланой.

— И мы тоже! — подхватили голоса.

У розочек с детства существовала традиция готовить друг другу небольшие, но приятные подарки из того, что подвернулось под руку: денег-то им не выдавали. Чаще всего это были удивительные зачарованные открытки. Девочки стремились поразить виновницу торжества своим мастерством. Открытка, подаренная Вертрانه на двенадцатилетие, должна была выпустить фейерверк, а огненные шары, раскрывшись, превратились бы в цветы, но что-то пошло не так. Магии у юных розочек в то время было всего ничего, зато азарта хоть отбавляй. В итоге Вертрана получила залп горячих искр в лицо. Они обожгли брови и оставили некрасивые ожоги. Богомолиха потом целый месяц мазала Верте лицо вонючей желтой мазью, от которой кожу саднило и щипало.

— А вот нечего, нечего! — приговаривала она, втирая снадобье. Вертрана пыхтела и морщилась, но классная дама одной рукой крепко сжимала ее шею. — А вы, дурынды, в следующий раз в глаз ей цельтесь, что же промазали-то!

Зато на семнадцатилетие открытка Вертраны оказалась настоящим чудом. Сначала спела ей утром поздравительную песню, потом развернулась и превратилась в маленькое цветущее деревце, усыпанное разноцветными бутонами. Они открывались от прикосновений, а внутри каждого ее ждал небольшой сюрприз. Девочки готовили их почти месяц: серебряная пуговка, наперсток, катушка золотых ниток — десятки приятных мелочей.

— Я не стану подглядывать! — пообещала Вертрана, едва не подпрыгивая от предвкушения.

Вертрана не знала, что этой ночью ей и вовсе не придется спать. Но совсем не от радостного ожидания.

Не знала, что едва не проколет себе бедро острой пикой, пытаясь перелезть через ограду, а потом чуть не обморозит пальцы на ногах, потому что сбежит из Института в тоненьких туфельках.

Не знала, что будет торопиться изо всех сил, стараясь успеть к дому лорду Конора прежде, чем госпожа Амафрея обнаружит ее исчезновение, подойдет к «Небесному Алтарю» и призовет нерадивую воспитанницу магией, которой нельзя слушаться.

Не знала, что о беременности Мей станет известно...

*** 39 ***

Цепочка событий, приведших к катастрофе, началась с пустяка.

Розочки заранее запасали милые вещички вроде лент или обрезков ткани: для открытки может пригодиться что угодно. Мей припрятала батистовый платочек, которым мастер Ройм однажды перевязал ей руку на уроке зельеварения: из котелка плеснул едкий раствор, предназначавшийся для очистки столового серебра.

Вечером девушки разложили на постели все, что накопили, принялись перебирать вещицы, вспоминая, как именно они попали им в руки.

— Пуговица господина Вира! — торжественно провозгласила Габи, демонстрируя пуговицу, инкрустированную разноцветными стеклышками. — Он зацепился ею за парту, когда наклонился, чтобы стукнуть меня указкой по руке, а пуговка и отлетела. Я залезла под стол и ползала по полу несколько минут, а пуговица тем временем уже преспокойненько лежала у меня в кармане!

Розочки смеялись, вспоминая забавные истории, и отлично проводили время. Вертрана всегда чувствовала себя немного смущенной из-за того, что они так радуются дурацким безделушкам, но, с другой стороны, это было просто игрой, забавой, которую мог понять только тот, кто вырос в закрытом учебном заведении.

— А у тебя что, Мей? — спросила Лора, выхватывая платок, на котором раствор кое-где прожег дыры. — Смотрите-ка, здесь инициалы! Т.Р. Хм... Т.Р.? Теодор Ройм! Точно, я вспомнила, он перевязал тебе руку. Кто бы мог подумать, что наш преподаватель явится на отбор! Лорд Теодор хоть и небогат, но очень мил, я к нему уже привязалась. Пожалуй, оставлю этот платочек себе!

— Как это? — опешила Мей, не ожидавшая такого поворота. — Это для сюрприза. Или, знаешь, я лучше заберу его!

— Ну уж нет! — Лора убрала руку с платком за спину. — Да и зачем тебе? У тебя уже есть лорд! А

я... Точно еще не решила, но, может быть, синица в руках лучше журавля в небе... У нас на отборе и журавлей-то нет. Буду строить глазки лорду Теодору!

Мей растерянно заморгала, побледнела. Вертрану обуяла злость, руки сами собой сжались в кулаки.

— Отдай ей платок! — прошипела она, приближаясь к Лоре. — А не то!..

— Не то что?

— Верта, оставь! — тихо попросила Эйлин. — Это ерунда. Девочки, прекратите!

Лора толкнула Вертрану в плечо и отскочила за спину Дейзи. Помахала из-за нее платком, как добытым в битве трофеем.

— Трусиха!

— А ты и твоя Мей — ненормальные истерички! — парировала Лора.

— Я? — прошептала перепуганная и расстроенная Мей, которая не выносила склок.

— А кто меня за воротник хватал?

Вертрана не могла признаться, что это была она, только виновато посмотрела на Меюшу.

— Ведете себя, как беременные! У меня мамаша десятерых родила, я-то знаю, о чем говорю! Я ее без живота и не помню. Она потому меня и привела в Институт, как иначе столько ртов прокормить. Меня забрали, а сестру нет. Мамаша еще вопила, что здесь все мошенники, не хотят за двоих платить!

Лора вдруг запнулась и устремила взгляд на Мей, вернее, на ладонь, которой та прикрывала живот. Глаза блондинки сделались огромными.

— Ты беременна! — взвизгнула она, нацелив палец в грудь рыжули.

Та, вздрогнув, убрала руку, но ее жест уже заметили все розочки. Они оторопело переглядывались. Вертрана и Эйлин потеряли дар речи. Обе силились сказать хоть что-то в защиту Мей, но, пока собирались с мыслями, заговорила Алана:

— Лора, какие глупости ты болтаешь. Как бы Мей смогла забеременеть, интересно? От сквозняка?

Элли благодарно взглянула на Алану и делано рассмеялась:

— И правда, не иначе как от сквозняка.

Лора и сама не верила в беременность, но ей хотелось, чтобы последнее слово осталось за ней.

— А если я позову госпожу Гран? Она посмотрит на Мей магическим зрением, и сразу станет понятно, беременна она или нет.

— Ты не сделаешь этого! — прошипела Вертрана, бросаясь Лоре наперерез, а та, исключительно из вредности, стала увертываться и убегать, крича в голос: «Госпожа Гран, госпожа Гран! У меня для вас новости!»

— Заткнись! Замолчи! — У Верты на глаза навернулись злые слезы.

Эйлин, а следом за ней и остальные розочки, кинулись ловить Лору. Хотя слухи о беременности выглядели нелепо, никто не хотел, чтобы Мей подвергли унижительному магическому осмотру.

Однако было поздно: дверь открылась и на пороге возникла сухопарая Богомолиха. Судя по растрепанной прическе, крики воспитанниц подняли ее из кровати.

— Что за шум? Лора, прекрати носиться по комнате, ты ведешь себя недостойно!

— Госпожа Гран, а Мей — беременна! — выпалила та, разгоряченная азартом погони.

Вертрана едва не застонала. В глазах рыжули плескалось отчаяние, которое она пыталась скрыть за натянутой улыбкой. Эйлин, смеясь — вот только смех звучал как скрежет лезвия по стеклу, — обняла Мей за талию, соединив руки на животе.

— Госпожа Гран, Лора переела сладкого за ужином. Она просто балуется! Беременна! Наша скромница! И от кого бы?

Богомолиха махнула было рукой: она устала и мечтала очутиться в теплой постели. Отвернувшись, сделала шаг вон из комнаты, и Верта почувствовала, как ноги слабеют от облегчения, но классная дама неожиданно передумала. Вернулась и смерила Мей острым взглядом.

— Чушь, конечно... — медленно сказала она. — И все же, встань-ка прямо, голубушка, я посмотрю.

Мей качнула головой: «Нет, не надо», но ее робкое сопротивление только подлило масла в огонь. Богомолиха грубо дернула рыжую за руку, отрывая от Элли. Поставила перед собой.

Госпожа Гран была слабой магичкой, за время обучения ее дар развился на четверку, и никто из лордов платить за никчемную магиссу не захотел. Ее оставили при Институте, сделав классной дамой. Всю жизнь эта женщина, сейчас уже пожилая, провела в крошечной комнатке рядом со спальней воспитанниц.

Если бы не глупая выходка Лоры, Богомолиха не сумела бы разглядеть беременность Мей раньше срока, для этого ей пришлось собрать все силы.

— Что? Что?! — задыхнулась она. — Мей! Мерзавка! Да как же это?

Она подскочила к плачущей рыжухе и, вцепившись в волосы, начала трясти. Мей только пищала, как котенок, и даже не пробовала защититься. Вертрана и Эйлин схватили госпожу Гран за руки, пытаясь оттащить. Розочки растерянно переглядывались. «Не может быть!» — читалось на их лицах.

Богомолиха занесла ладонь над Мей, Вертрана подставила плечо под удар и перехватила следующий.

— Даже не знаю, как смогу объяснить синяки господину Ространу! — прошипела она.

Только упоминание лорда Конора немного охладило пыл классной дамы. Она, тяжело дыша, оглядела своих притихших подопечных.

— Кто? Отвечайте!

— Что если это сам господин Гернаус? — предположила Дженни.

— Это он? — загремела Богомолиха, обращаясь к Мей. — Твой лорд?

Та покачала головой, слезы градом катились по ее лицу. Эйлин снова обняла рыжуху и начала баюкать, как ребенка.

— Это не он! Но отец ребенка тоже лорд!

— Кто же?

— Господин Ройм! Теодор Ройм! Он выкупит Мей и ребенка!

— Я так и знала! — горестно взывала Богомолиха. — Лорд! Одно название! У него не хватит денег и на половинку Мей. О боги, что я скажу госпоже Амафрее! Что я скажу господину Гернаусу!

— Он выкупит меня! — прошептала Мей. — Он обещал! Уже очень скоро. Пожалуйста, не выдавайте меня!

Госпожа Гран прижала тыльную сторону ладони ко лбу, ее желтое лицо пошло пятнами и выглядело совершенно безумным, глаза покраснели.

— Нет, я не собираюсь скрывать столь вопиющий факт! Пусть решает госпожа Амафрея!

Богомолиха развернулась в сторону двери, но тут воспитанницы облепили ее, целуя плечи и руки, умоляя всем, что связывало их долгие семь лет, пожалеть бедную Мей и дать шанс на счастье.

— Только месяц. Один месяц! — упрашивали они.

— Ах, оставьте! — закричала госпожа Гран, отряхивая с себя руки, точно надоедливых насекомых. — Прочь!

Она выскочила за дверь и торопливо зашагала по коридору.

Мей без сил осела на пол. Розочки тотчас же обступили ее, принялись утешать.

— О, Мей... Если бы мы только знали! Значит, это мастер Ройм? Вы любите друг друга? Он вернулся за тобой?

Рыжуля не могла говорить от переживаний, только кивала. Элли и Верта не отпускали ее рук.

— Еще не все потеряно! — шептала Верта.

— Может быть, Сухарь решит устроить аукцион прямо сейчас! Зачем ей терять выгоду? — подбадривала Элли.

— А где Лора? — вспомнил кто-то из девочек.

Лора спряталась в углу, притаилась за спинкой кровати. Она сидела на полу, уткнувшись в колени.

— Не бейте меня, — пробормотала она.

— Да пошла ты, гнусь! — брезгливо бросила Верта. — Даже пачкаться о тебя не хочется!

Госпожи Гран не было уже очень долго, не появлялась и директриса. Розочки успели немного утешить Мей. Они на все лады повторяли версию Элли про аукцион. А еще раздобыли кипятка и заварили для рыжули успокаивающий мятный отвар.

Но не успела Мей сделать и пары глотков, как дверь в спальню распахнулась и в комнату прошествовала сначала госпожа Амафрея, мрачная, почерневшая, за ней сторбившаяся Богомолиха, а следом профессор Алеб, выглядевший сегодня гораздо старше своих лет.

— Мей, ляг, — попросил он.

— Нет!

— Я только посмотрю...

Унизительный осмотр повторился. Профессор вытер пот со лба и устало кивнул.

— Неблагодарная тварь, — процедила госпожа Амафрея.

Она не бушевала, как Богомолиха, но от ее тихого голоса кровь стыла в жилах.

— Отец ребенка лорд Теодор! — наперебой заговорили розочки. — Он выкупит Мей. Пусть будет аукцион! Пусть...

— Молчать, глупые курицы! — прикрикнула директриса, и теперь стало заметно, что она судорожно пытается найти выход, а ее спокойствие — лишь маска. — Ваш лорд Теодор гол как сокол. Я допустила его на отбор в виде исключения, дала слабину, теперь жалею. Он даже вступительный взнос выплатил не до конца.

Она на мгновение сжала виски, тяжело вздохнула.

— Что ж, когда-нибудь это должно было случиться. Главное, чтобы господин Гернаус не узнал. Мей приболеет, но после пары недель в лазарете полностью выздоровеет и будет готова отправиться в новый дом.

— Нет! Умоляю! Дайте мне шанс! Разрешите хотя бы сообщить господину Ройму!

Мей упала к ногам госпожи Амафреи, которая с презрением рассматривала рыжую девчонку, скорчившуюся на полу.

— Я собираюсь отказать господину Ройму в последующих посещениях. Мы не благотворительная организация. — В голос директрисы вернулась уверенность. — Ничего, детка, не ты первая, не ты последняя. Профессор Алеб все сделает быстро. Да, профессор? Вы заберете Мей в лазарет или проведете эту небольшую процедуру прямо здесь?

— Я не стану этого делать, — сухо сообщил преподаватель целительства.

— Как вас понимать? — опешила госпожа Амафрея.

— Я нанимался в Институт не для того, чтобы калечить юных девушек душевно и физически. Я нахожусь здесь для того, чтобы преподавать целительскую магию, и, как мне кажется, неплохо справляюсь со своими обязанностями.

Сухарь поджала губы, но настаивать не посмела: такой величине, как профессор Алеб, с радостью предложат место в Академии. Или он займется частной практикой. В любом случае в проигрыше останется Институт.

— Что же, завтра утром пригласим для этой процедуры другого мага. Не столь... — ее губы презрительно изогнулись, — щепетильного. А ты...

Она вдруг наклонилась к Мей и прикоснулась к ее виску, из пальца вылетела сиреневая искра, и рыжуха обмякла, глаза ее закрылись. Вертрана даже обрадовалась, что бедняжка потеряла сознание: слишком много горя для такой слабенькой девушки.

— Будешь спать, пока я не прикажу проснуться! — закончила госпожа Амафрея. — Положите ее на кровать и быстро по постелям! И чтобы ни слова, ни звука из комнаты! Госпожа Гран, проследите за порядком!

— Вот и все... — прошептала Эйлин, когда они остались одни. — У Мей разорвется сердце. И у меня вместе с ней.

— Нет, не все, — упрямо сказала Вертрана. — Никогда нельзя сдаваться. У нас впереди целая ночь, чтобы спасти Меюшу и ее ребенка.

Розочки, которые прислушивались к разговору, подходили и садились рядом с Вертраной.

— Как нам помочь? — спросила за всех Алана. — Ты уже придумала что-нибудь, Верта?

*** 40 ***

Вертрана еще ничего не успела придумать, знала только, что действовать надо быстро. Мысли заметались в голове. Идея изменить недавнее прошлое казалась очень соблазнительной, но Верта, прочитав от корки до корки книгу об аквамаринах, знала, что это вовсе не так просто.

Здесь главное — верно рассчитать «точку поворота», тот самый миг, с которого все началось. Там приводились сложные формулы и упражнения, в которых Вертрана пока не разобралась.

Где будет точка поворота? В ту секунду, когда Лора увидела батистовый платок? Когда Мей решила оставить его себе? Или когда мастер Ройм перевязал ей руку? Угадать невозможно. Она может всю ночь тыкаться, как слепой котенок, пока не кончатся силы. Нет, надо действовать наверняка.

Верта поднялась на ноги, огляделась, будто надеясь заметить подсказку. Ряды кроватей и тумбочек, шкаф, встроенный в стену, приоткрытое окно...

— Да! — решительно произнесла она. — Я придумала, а вы мне поможете!

Ночью все выходы и ограда вокруг сада охранялись защитной магией. Даже Вертране с ее семеркой не взломать запирающие заклятия. Но она грезилась свободой долгие годы и на всякий случай готовилась к побегу, еще не зная, что магия «Небесного алтаря» не позволит ей уйти далеко.

Верта знала, что существуют лазейки. Окна на третьем этаже запирались магией четвертой степени: да кому придет в голову прыгать с такой высоты! Под оградой в задней части парка под землей протекали сточные воды, это ослабляло магию. Правда, по всему периметру ограды торчали острые железные пики, но Вертрана, тоненькая и гибкая, надеялась перелезть.

А после — бежать! Бежать со всех ног за помощью!

— Но куда? — переспросила Алана, когда Вертрана рассказала свой план. — Мы ведь не знаем, где живет лорд Ройм!

Верта покачала головой.

— Нет, я не к нему собралась. Я попрошу помощи у лорда Конора.

Эйлин при этих словах встрепенулась, и в ее глазах зажегся огонек надежды. Элли слишком хорошо думает о господине Ростране, почему-то решила, что тот ведет себя благородно. Сама же Вертрана просто хотела напомнить о договоре, а именно о той его части, где говорится о доме и безбедном существовании.

«Если он выкупит Мей, я пообещаю, что откажусь от дома и денег. Заработаю сама: у меня есть руки, голова на плечах и магия! Но жить, зная, что могла спасти Мей и не спасла... я не смогу!»

— Я с тобой! — воскликнула Эйлин.

— Ни в коем случае! Пропажу двух девушек заметят скорее, одной проще спрятаться. Ваша главная задача — помочь мне спуститься, а потом отвлекать внимание Богомолихи, если она вздумает заявиться с проверкой!

Тут же все пришло в движение: постельное белье выпотрошили и принялись связывать простыни и пододеяльники в толстый канат, укрепляя его заклипаниями. Дженни и Габи искали теплую одежду для Вертраны: сегодня на улице стоял мороз, даже окна заиндевели, но нашли только старенькую кофту прислужницы, которую та забыла в комнате.

— Возьми мою обувь! — попросила Алана, скидывая туфельки на толстой подошве: их сшили так, чтобы Алана казалась выше. — Она теплее.

— И мою пелеринку, наденешь под кофту, — приказала Эйлин.

Девочки превратили бы Верту в капусту, но та запротестовала:

— Я не смогу перелезть через ограду во всем этом! Застряну! Достаточно кофты и туфелек.

Хрустальный звон известил о том, что наступила полночь. Как же быстро летит время! Но вот к побегу все готово.

Лора благоразумно сидела в своем углу и не высовывалась, и все же Вертрана на всякий случай пригрозила ей, что собственноручно вырвет длинный язык, если Лора снова не удержит его за зубами.

— Мы и сами справимся! — пообещала Габи. — Не волнуйся об этом, сосредоточься на деле.

Верта открыла окно, и защитное заклинание рассыпалось по щелчку пальцев — вот бы и остальные преграды было так же легко преодолеть! Алана перегнулась через подоконник, вглядываясь в темноту.

— Все чисто! Под нами окна малявок, они давно спят. В столовой свет тоже не горит.

К счастью, окна спальни розочек находились в торце здания. Отсюда был виден краешек центральных ворот, но вряд ли в это позднее время кто-то заметит спускающуюся Вертрану.

— Я пошла!

Почему-то спуск по простыням представлялся Верте проще, чем оказалось на самом деле. Самодельный канат крутился, раскачивался и норовил выскользнуть из рук, хотя розочки привязали его к спинке кровати и придерживали изо всех сил. Последние метры Вертрана почти пролетела, обдирая руки. Ступни больно ударились о мерзлую землю.

— Уф...

Она подняла голову и помахала рукой: все хорошо. Розочки принялись махать в ответ, а потом, как было договорено заранее, заперли створки окна.

Вертрана осталась одна. Сразу навалились страх и неуверенность. Мороз пощипывал щеки и голые лодыжки — пока не зло, а точно пробуя Верту на вкус. Надо идти, время утекает сквозь пальцы. Время... Порой оно ценится на вес золота.

«Даже я, аквамарин, не могу совладать с тобой...» — грустно подумала Верта.

Она в последний раз оглянулась на темные окна, зная, что подруги стоят и смотрят на нее, и устремилась в сад.

Пробежала мимо закрытого павильона, где мастер Широ проводит занятия боевой магии, обогнула приземистое кирпичное здание — вотчину профессора Алеба. В дальнем углу сада стояли хозяйственные постройки, где хранились инвентарь и старая мебель. За деревянным сараем находилась та часть ограды, где магия давала сбой.

Раньше Вертрана частенько приходила сюда во время прогулки, трогала толстые витые прутья, чувствуя, как сквозь пальцы струится магия, почти неощутимая днем. Элли и Мей стояли поодаль: они должны были подать сигнал, если явится посторонний. Они не мешали Верте, зная, что подруге жизненно необходимо пусть на краткий миг ощутить вкус свободы.

— Я смогу это сделать! — прошептала Вертрана. — Смогу!

Магия здесь действительно оказалась слабее, чем в других местах, но Верта ошиблась — не на шестерку, а на семерку. Вся ее сила! Только бы получилось.

Она зажмурилась и вся вложилась в отворяющее заклятие. Ощутила, как сквозь ладони утекает магия, а внутренний резерв стремительно пустеет. Но это ничего — больше магия ей и не понадобится.

Сработало! Теперь перед ней оказалась последняя преграда — железные прутья, которые, увы, отчаянному взгляду Вертраны не уступали и развеиваться пеплом по ветру не собирались.

Она вскинула голову — так и есть: поверху тянется ряд острых пик. Попробовала протиснуться, но просвет был слишком узким даже для худенькой Вертраны. Что же, придется лезть.

Верта закатала рукава, подняла и подвязала подол платья так, чтобы не путался под ногами. Подула на озябшие ладони: они совсем потеряли чувствительность. Примерилась, подпрыгнула и ухватилась за край.

Первая попытка провалилась — железо покрывала тонкая ледяная корка, и руки соскользнули. Ничего, теперь лед подтаял от прикосновения.

— Ну же! Давай!

Вертрана повисла и начала медленно подтягиваться на руках. Перекинула одну ногу, оседлала ограду верхом — благо острые пики располагались редко. Чуть перевела дух — оставалось только спуститься.

Верта не поняла, в какой момент что-то пошло не так. Вроде бы сначала сорвалась рука и оттого нарушилось равновесие. Она попыталась выровняться, но пальцы цеплялись за пустоту. Понимая, что падает, Вертрана неловко повернулась и тут же взвыла от пронзительной боли: острый наконечник проткнул бедро. Ноге сразу стало горячо от струящейся крови.

Сжав зубы и стараясь не кричать, хотя стоны нет-нет да вырывались из сомкнутых губ, Вертрана попробовала приподняться. Накренилась еще сильнее и, не удержавшись, сорвалась. К счастью, с той стороны ограды росли низкорослые кусты, припорошенные снегом.

Вертрана рухнула на них, вскочила, исцарапанная, принялась ощупывать раненую ногу. Плохо: рана глубокая и кровь не останавливается. Оторвав от нижней юбки полоску ткани, Верта, как могла, перетянула рану. Остатков магии хватило только на то, чтобы немного унять кровь. Лечиться станет позже, когда резерв восстановится.

— Вперед! — приказала она себе. — Не расклеиваться! Тряпка!

Хромая и морщась от боли, Вертрана поковыляла вперед. Дом лорда Конора располагался недалеко. Со здоровой ногой она бы добралась до него за полчаса, теперь же дорога растянулась, превратившись в бесконечную пытку холодом и болью.

Легкие обжигало ледяным ветром, нога при каждом шаге словно взрывалась изнутри, ступни в тонких туфельках кололи тысячи иголок. По щекам Верты катились слезы, она кусала губы, чтобы не кричать.

Но оказалось, что это не самое плохое.

Когда до дома лорда Конора оставалось не больше трехсот метров, Вертрана услышала зов.

Ей в спину будто воткнули нож и провернули в позвоночнике, так что даже в ушах зазвенело, и сквозь звон и боль в голову проник ясный суровый голос: «Вернись. Вернись, Вертрана!»

— Не дождешься! — крикнула Верта в пустоту, хотя в ее крике было больше отчаяния, чем уверенности. — Нет!

Но как же обидно — сдаться, когда цель так близка. Если она уступит зову, Мей ничто уже не спасет.

— Вернись! — приказывал голос госпожи Амафреи.

— Ни за что!

Но уставшие ноги встали, не в силах сделать больше ни шага. А ворота имения господина Ространа вот они, совсем рядом... И вдруг Вертрану озарило!

— Я иду к своему лорду! — завопила она. — Я не нарушаю клятву! Я не сбегаю!

И зов ослабел, разжал когти. Еще можно было различить голос директрисы, но он звучал все глуше, пока совсем не стих.

Вертрана не помнила, как добралась до крыльца. Забарабанила в дверь и почти упала на руки горничной.

— Мисти Вертрана, — в ужасе прошептала та, не веря своим глазам. — Откуда вы? И почему в таком виде?

Подол платья был весь залит кровью, Верта тряслась, как в лихорадке. Но это неважно. Все неважно!

— Я должна увидеть лорда Конора! Пригласи его поскорее!

— Боюсь, это невозможно, мисти...

— Но почему?!

— Лорд Конор слег несколько дней назад, и, боюсь, с каждым днем ему все хуже...

*** 41 ***

Шейла скороговоркой пересказывала последние новости, пока Вертрана, сцепив зубы, ковыляла вверх по лестнице.

— Он простудился через пару дней после того несчастного случая в сквере. И вроде сначала все было неплохо, решил отлежаться денек-другой, но, видно, зараза крепко вцепилась. Он держался, потом решил все-таки позвать целителя.

— Но почему меня не позвал? — раздосадованно воскликнула Верта.

— Вот и я говорю: «А где же наша мисти, зачем вы ее отослали?» А он мне: «Не твоего ума дело».

«Неужели я так ему докучала? Да еще и дерзила постоянно...»

— Пришел целитель, и господину ненадолго стало лучше, но потом он снова свалился с горячкой. Потом еще два раза целители приходили, да без толку.

— Разные?

В голове Верты пыталась оформить неясная мысль.

— Разные. Первый пожилой уже, выглядел очень представительно. Второй мальчишка совсем. Третий, помню, ногу подволакивал. А что?

— Нет-нет, ничего...

— Вот и слег наш лорд совсем. Бредит. Нас гонит, зовет свою умершую жену. Просит ее не уходить. А когда в забытьи впадает, мы с Молли и Ташей по очереди компрессы ему делаем, губкой обтираем и поим с ложечки.

Вертрана зажмурилась, стараясь не плакать. Катастрофа. Настоящая катастрофа.

— Который сейчас час? — выдавила она, вытирая тыльной стороной ладони мокрые глаза.

— Недавно два часа било. А вот и его комната. Он вас, мисти, гнать будет, но вы не поддавайтесь, попробуйте полечить.

Вертрана вздохнула, проверила магический резерв: все еще полностью пустой, магия плескалась на доньшке. И мышонка не хватит вылечить.

Шейла толкнула дверь, но сама порог не переступила. Вертрана зашла в спальню господина Ространа. Чадила свеча. На столике стоял тазик с водой, в которой плавали компрессы. Пустой пузырек из-под целебной настойки валялся тут же.

Лорд Конор лежал, откинувшись на подушки, и тяжело дышал. Темные волосы прилипли к вспотевшему лбу, на обнаженном торсе выступила испарина. Он впал в забытьи.

— Как же ты так... — прошептала Верта.

Она тихонько приблизилась, положила ладонь на грудь, сосредоточилась, стараясь увидеть болезнь. И отпрянула, разглядев то, чего не должно было быть.

Да, сначала у господина Ространа была обычная простуда, но теперь его тело опутывало тонкое, едва различимое заклятие — сеть. Маг, чья магия запечатана, никак его не ощущал. Более того, таких заклятий оказалось три, все в разной степени разрушения, но с одним и тем же ментальным отпечатком. Это как почерк — у каждого мага свой.

В дом приходил один человек, но под разными личинами. Он применял сильное исцеляющее заклинание, которое лорд Конор видел, и прятал в нем заклятие сети.

— Да кто ты такой! — зло прошептала Верта. — За что ты мучаешь его столько лет? И не убиваешь, и жить не даешь!

Она попыталась подцепить тонкую нить и порвать ее, и на самом старом, первом заклятии это получилось. Осталось еще два. Рана на ноге снова открылась, а Верта так ослабела, что вынуждена была присесть на кровать.

Лорд Конор пошевелился и открыл глаза. Он смотрел прямо на свою помощницу, но видел будто кого-то другого.

«Сейчас он прогонит меня!»

— Арлиса... — прошептал лорд. — Арлиса... Ты снова пришла... Не уходи. Ты ведь знаешь, я не виноват в твоей смерти...

Он потянулся, нащупал горячей ладонью ледяные пальцы Вертраны и сжал их.

— Нет. Я не заслуживаю твоего прощения. Я не уберег Эмбер. Но я клянусь, что спасу ее...

— Лорд Конор, очнитесь, пожалуйста, — жалобно попросила Вертрана.

Но какой будет толк, даже если он очнется! Она сможет его вылечить только завтра к вечеру. Завтра. Когда для Мей будет слишком поздно.

Верта разрыдалась. Она редко позволяла себе такое бурное выражение чувств. Куда проще было разозлиться, надерзить, но сейчас нахлынуло такое отчаяние, что слезы полились сами собой.

— Почему же вы не послали за мной? — всхлипывала она. — Почему не попросили о помощи?

— Я привык со всем справляться сам, — вдруг ответил негромкий, но ясный голос.

Лорд Конор пришел в себя и внимательно смотрел на неожиданную гостью, решив, видно, что она является частью бреда.

— А вот я не справлюсь сама... — выдохнула она. — Я так подвела ее!

Господин Ростран только сейчас разглядел, в каком состоянии явилась к нему мисти. Растрепанная, исцарапанная, в старой кофте, а подол платья перепачкан кровью.

Его глаза расширились. Он сел, преодолевая слабость.

— Итак, ты здесь. На самом деле. Немедленно рассказывай, что стряслось.

— Мей... — всхлинула Вертрана. — Ее малыш...

И тут слова потоком хлынули из нее: уже не было смысла скрывать связь между Мей и мастером Роймом.

— Утром они лишат ее ребенка, а потом все равно отдадут лорду Герониму. Директриса даже месяц не согласилась подождать, она не верит, что лорд Теодор сможет найти деньги. А он нашел бы! Он так любит Мей. А этот ребенок — его единственный шанс... Зачем я вам все это рассказываю... Вам, наверное, совсем не до того сейчас...

Лорд Конор ничего не ответил. Откинул одеяло — он был одет в домашние брюки, — пошатываясь, встал.

— Что вы делаете? — оторопела Вертрана.

Вместо ответа он дернул шнурок: в недрах дома зазвенел колокольчик.

— Одеваться, — бросил он лакею, почтительно застывшему на пороге.

*** 42 ***

— А ты — немедленно в постель! — лорд Конор обернулся к Вертране. — Я сам все решу.

Господин Ростран держался исключительно на силе воли. Это было незаметно со стороны, вот и слуга, который принес свежую рубашку и начищенные до блеска туфли, поклонился Вертране, посчитав, что чудесное исцеление — дело рук мисти. Но она-то видела, что лорд Конор едва стоит на ногах.

— Нет! — твердо сказала она. — Я поеду с вами и поддержу как смогу. А если не возьмете с собой в карету, пойду в Институт пешком!

Вертрана побледнела, вспомнив, каким трудом дался ей этот путь, но была полна решительности: она не обманывала, и лорд Конор это понял.

— Переоденься, — сказал он неожиданно мягко. — Я жду тебя в кабинете.

Верта благодарно кивнула и, стараясь сохранять достоинство, проковыляла мимо хозяина дома,

припадая на левую ногу. «Третий, помню, ногу подволакивал...» — вспомнились слова Шейлы.

— На вас заклятие сети! — спохватилась она: и как только забыла! — Те целители на самом деле один человек. Маг под личиной. Ваш недоброжелатель, я думаю.

Лорд Конор помолчал, но было очевидно, что это застало его врасплох.

— Разберемся позже, — только и сказал он.

Горничная уже нагрела воды, расстелила постель. Верта с тоской посмотрела на пуховую подушку, теплое одеяло и вздохнула.

— Подготовь мне платье, — попросила она. — И... Какую простыню не жаль порвать на лоскуты?

Шейла покосилась на пятна крови на подоле, открыла рот, но спросить не решилась.

— Я поранила ногу, — устало объяснила Вертрана. — Надо перевязать. Прошу, поторопись. У меня очень мало времени.

Умывшись, крепко-накрепко стянув рану полосками ткани, переодевшись в удобное платье, Вертрана почувствовала себя почти человеком.

— Весь дом вверх дном! — бормотала Шейла со шпильками во рту: по просьбе Вертраны она завязывала ее густые волосы в узел на затылке. — Всех слуг поднял, двоих уже отправил с поручениями. Это сейчас-то, в такой мороз! Барт закладывает экипаж. Куда можно ехать ночью-то?

Горничная не смела спросить прямо, но надеялась, что мисти случайно оговорится, приоткроет причину суматохи. Вертрана молчала: не хватало еще сплетен, все и так сложно! Бедная Мей, бедный мастер Ройм... Что если ничего не получится!

— Готово!

Шейла воткнула последнюю шпильку, любуясь делом своих рук. Вертрана даже не посмотрела на собственное отражение, торопясь в кабинет.

Господин Ростран сидел у стола и поспешно заканчивал записку. У двери переминался с ноги на ногу полностью собранный слуга, теребил в руках шапку.

Вертрана невольно разглядела последние строки: почерк у лорда Конора был такой аккуратный, что прочитав слова не составило труда.

«...приезжайте немедленно, как только получите это послание».

Он запечатал письмо воском и поставил оттиск печати: Вертрана увидела знакомое изображение рыси.

Так и подмывало расспросить лорда Конора, что же он задумал, куда отправляет слуг, но Вертрана промолчала, смирив любопытство.

— Готова? — Он окинул ее взглядом.

Спокойный, собранный, гладко выбритый, посвежевший. Никто не видел, что ему совсем худо, но Вертрана видела.

— Да как же вы...

«...еще на ногах стоите», — чуть было не произнесла она вслух.

— Не смей! — оборвал он ее на полуслове, мельком взглянув на слугу. — Ожидай меня внизу.

Он спустился через пару минут, велел подать пальто для себя и теплую накидку для Вертраны. Когда только успел купить?

И вот уже карета мчится по темным пустынным улицам, копыта звонко бьют по каменной мостовой. Вертране кажется, что стук подков отсчитывает секунды, как метроном, а сердце вторит ему. Когда они покидали дом, часы пробили три четверти третьего. Бегство Вертраны давно обнаружили, госпожа Амафрея может поторопить события, не дожидаясь утра. Что если прямо сейчас... в это мгновение... решается судьба Мей...

Вертрана задохнулась, потянулась к шее: ей не хватало воздуха. Почувствовала, как пальцы лорда Конора ослабили, а потом и вовсе сняли ленту с именем рода Ростран.

— Так лучше? Вертрана, это уже невозможно... Ты не рабыня здесь! Что за дикая тяга к свободе.

— Вам не понять... — прошептала Верта.

На втором этаже в кабинете директрисы горел свет. Другие окна тоже светились — Институт не спал. Появление лорда Конора не стало неожиданностью, их уже ждали.

— Прошу следовать за мной, — поклонилась прислужница. — Госпожа Амафрея желает видеть вас!

У Вертраны заколотилось сердце, даже пришлось остановиться на секунду, чтобы перевести дух.

— Воспитанницу Вертрану не приглашали, — прислужница отвела взгляд.

— Она со мной! — бросил лорд Конор таким тоном, что любые возражения были бы неуместны.

В небольшом кабинете госпожи Амафреи сделалось тесно, когда господин Ростран и Вертрана переступили порог: здесь и без них хватало посетителей.

Вертрана первым делом увидела в углу посеревшую Богомолиху, рядом с ней незнакомого господина со знаком гильдии магов-целителей на лацкане. Тот скучающе ждал развязки, и, если решение окажется не в пользу Мей, он все с тем же постным лицом уничтожит малыша, который сейчас спокойно дремлет в своем маленьком уютном домике. Вертрана быстро вздохнула несколько раз, чтобы задавить предательские слезы.

В кресле рядом со столом директрисы расположился лорд Героним. Его дребезжащий, недовольный голос Вертрана услышала еще в коридоре.

— Я не понимаю, дорогая госпожа Амафрея, по какой срочной надобности меня выдернули из дома! Что за дело, связанное с Мей? Она больна? — Господин Гернаус покосился на мага-целителя. — Так лечите, издержки я возьму на себя. И почему записку мне написал господин Ростран? Что за «необходимо срочное присутствие»? Я ему что, мальчик на побегушках?

Лорд Героним уловил движение и, обернувшись, увидел лорда Конора.

— А, вот и вы! Как все это понимать?

— Подождем еще немного, еще не все собрались, — сухо ответил тот.

— Что?! — возмутился лорд Героним. — Да как...

Договорить не успел, потому что дверь снова распахнулась, пропуская помятого и взъерошенного лорда Теодора. Он обвел присутствующих диким взглядом, остановил его на господине Ростране.

— Я получил вашу записку! Что происходит? Где Мей?

— Еще одну минуту...

Но прошло меньше минуты, и последний гость явился. Им оказался посланник в красивом синем мундире, расшитом золотом. Он, вероятно, служил богатому и знатному дому, но Вертрана плохо разбиралась в аристократических родах. Посланник поклонился и протянул лорду Ространу алый мешочек, почти такой же, как тот, каким сам лорд Конор расплатился за Вертрану.

— Теперь можно начинать.

Господин Гернаус фыркнул: мол, кто ты такой, мальчишка, чтобы отдавать здесь распоряжения.

— Сначала у меня вопрос к вам, лорд Теодор.

— Да? — хрипло отозвался господин Ройм.

— Правда ли, что воспитанница Мей носит вашего ребенка?

— Это правда!

Мастер Ройм распрямил плечи, словно готовился к битве. Он выглядел так решительно, что Вертрана побоялась, как бы дело действительно не дошло до схватки. Тогда все погибло — для аристократов тоже существуют тюрьмы, а пока лорд Теодор будет отстаивать в суде право сохранить свое дитя, наследника рода, госпожа Амафрея избавится от малыша и поскорее сбудет Мей с рук.

— Вашего ребенка? — воскликнул господин Гернаус, вскакивая на ноги. — Что? Как это понимать?

Он сощурился, близоруко вглядываясь в лицо Сухаря.

— Вы хотели всучить мне некачественный товар? Сколько времени он пользовал эту девчонку?

Немедленно верните деньги!

Госпожа Амафрея позеленела от злости, буравя Вертрану взглядом, полным ненависти. Та гордо вскинула подбородок.

— Договор не подлежит отмене! — прошипела директриса.

— Я верну вам деньги, господин Гернаус, — перехватил инициативу лорд Конор, не давая разгореться склоке. — Полную сумму и компенсацию за моральный ущерб. А также от лица лорда Теодора внесу плату за Мей.

— О как! — подал голос маг-целитель, который наблюдал за происходящим со все возрастающим любопытством. — Девчонка точно того стоит? Два раза взять плату... Ловко!

Господин Ростран окатил его таким ледяным презрением, что случайный свидетель стушевался и отступил к стене.

— Вы знаете, что мой отец главный королевский артефактор? — продолжил господин Ростран как ни в чем не бывало.

— Зато его сын — позор рода, — буркнул лорд Героним. — Отец возлагал на тебя такие надежды, а ты их не оправдал.

— Отношения между мной и моим отцом касаются только нас двоих, — холодно парировал лорд Конор. — Мы сейчас собрались не за этим.

Он поднял холщовый мешочек. Вертрана не представляла, что спрятано внутри, но глаза директрисы зажглись алчным огнем.

— Что же... Если господин Гернаус не против... — медленно произнесла она, не отводя взгляда от подношения.

Вертрана боялась лишний раз вздохнуть, чтобы не спугнуть удачу. Госпожа Амафрея согласна на сделку. Лорд Героним вернет себе деньги и даже получит компенсацию, зачем ему упрячиться?..

— Я против, — сообщил тот скучающим тоном. — Мей обманула меня, мерзавка. Так-то она отплатила за мое доброе отношение?

«За доброе отношение? За то, что надел удавку на шею и обязал лечь под старика, когда придет время?»

Вертрана чуть не выкрикнула это вслух, но покосилась на лорда Конора, на его бесстрастное лицо и взяла себя в руки.

— Она принадлежит мне. Завтра, возможно, я сам захочу от нее отказаться. А пока... Ни к чему магиссе дома Гернаус носить чужого ребенка.

— Нет! — крикнул лорд Теодор.

Он трясся от едва сдерживаемого гнева и сжимал кулаки — сейчас кинется и избьет лорда Геронима до полусмерти. Вот только это не спасет ребенка Мей.

*** 43 ***

Господин Ростран встал между лордами.

— Лорд Теодор, держите себя в руках, — попросил он.

Похоже, он единственный еще сохранял спокойствие. Над головами присутствующих едва ли не сверкали молнии, атмосфера сгущалась: один неверный шаг — и все пропало.

Неужели это конец? Лорда Геронима не подкупить, деньги для него не главное, зато потешит напоследок уязвленное самолюбие. Между бровей лорда Конора залегла складка: он тоже напряженно думал.

— Чего вы хотите? — прямо спросил он.

— Этого ты мне дать не сможешь, — презрительно выплюнул старик.

Вертрана хотела встать на колени. Может, хотя бы ее унижение усмирит его гнев?

В коридоре послышался шум.

— Тебе сюда нельзя! — бормотал голос прислужницы. — Уходи! Тебя ведь накажут, дурочка!

Второй голос, тонкий и очень знакомый, сбивчиво отвечал что-то. Умолял и уговаривал.

— Да что там такое? — раздраженно воскликнула госпожа Амафрея. — Госпожа Гран, наведите порядок!

Богомолиха не успела повернуть ручку, как дверь распахнулась ей навстречу, едва не стукнув по лбу. Эйлин влетела в кабинет и замерла, напряженно вглядываясь в лица.

— Элли... — прошептала Верта и про себя добавила: «Все плохо. Лорд Героним не хочет отдавать Мей, он слишком зол... Его не интересуют деньги, он хочет отомстить...»

Оставалось лишь надеяться, что Элли догадается прочитать ее мысли. Эйлин потерла висок кончиками пальцев и кивнула.

— Эйлин, кто тебя приглашал? — раздосадовано спросила директриса. — Ты должна быть в постели!

Вертрана представила розочек, сидящих у кровати Мей. Наверняка они еще не ложились, ждали новостей и не находили себе места от волнения. Может быть, Эйлин должна была подслушивать у кабинета, но попалась?

— Возвращайся в спальню!

Элли прижала ладонь к груди, внезапно побледнела и сделала быстрый шаг к господину Гернаусу.

— Разрешите мне стать вашей магиссой, — решительно заявила она.

Лорд Героним смерил девушку недоверчивым взглядом, а Эйлин, даже растрепанная, в обычном форменном платье, выглядела великолепно. Возможно, лорд вспомнил первое чаепитие и то, как эта прекрасная блондинка соперничала с Мей из-за него. В его глазах зажегся огонек интереса.

— И как ты меня убедишь? — спросил он игриво.

Верту затошнило. Этот сморчок действительно считает, что Эйлин прибежала сейчас, чтобы побороться за него?

— Я знаю, чего вы хотите! — ответила она и, наклонившись к уху старика, прошептала несколько слов.

Тот выпрямился в кресле и оглядел Элли с ног до головы.

— И ты сможешь дать мне это?

— Да.

«О Элли! Что ты делаешь? Что ты делаешь? Не надо...»

Сердце у Вертраны разрывалось от боли за подругу, но в то же время она понимала, что это единственный выход. Элли жертвовала собой ради Мей. Но разве сама Верта не поступила бы так же?

Господин Гернаус хмыкнул, поскреб щеку и наконец произнес:

— Что же, я готов совершить обмен. Рыжую мерзавку на эту милашку.

Он с трудом поднялся из кресла, взял Элли за подбородок и заставил посмотреть ему в глаза.

— Но только попробуй обмануть меня, милая, — процедил он.

Эйлин не отвела взгляда, лишь кончики ее пальцев едва заметно дрожали.

— Вот и славно! — провозгласила госпожа Амафрея. — Никто не в обиде. Можете внести плату за Мей, господин Ростран.

Вертрана всегда поражалась способности Сухаря делать хорошую мину при плохой игре. Будто и не было напряжения последних минут. Сама Вертрана не понимала, что чувствует: ей казалось, что у нее вся душа в синяках. Но Мей, кажется, спасена. Спасена, да?

Лорд Конор кинул на стол алый мешочек, директриса поспешно убрала его в стол.

— Пойдемте, госпожа Гран, приведем нашу милую Мей ее лорду.

Госпожа Амафрея состроила приторную улыбку лорду Теодору, а тот, кажется, сам еще не осознал, что сейчас произошло.

— Я с вами! — дернулся он.

— В спальню девочек? О нет, нет, это было бы непристойно, — улыбнулась госпожа Амафрея. — Наберитесь терпения!

— Так, а мне, выходит, никто не заплатит за ночной вызов? — подал голос маг-целитель, когда директриса ушла в сопровождении классной дамы.

— Ну почему же, заплатят... Вы как нельзя кстати...

Из лорда Конора будто разом выпустили весь воздух. Он пошатнулся и упал бы, если бы Тео Ройм не подхватил его под руки и не усадил в кресло.

— Что с вами? — обеспокоенно спросил он. — Я не специалист по целебной магии, но тоже постараюсь помочь.

— Какую дрянь ты принимаешь, а, Конор? — усмехнулся лорд Героним. — Выглядишь жалко. А ведь подавал такие надежды!

Вертрану затрясло от злости: да как он смеет, мерзкий старикашка!

— Вы!..

— Вертрана, угомонись! — устало попросил ее господин Ростран. — Я не тешу себя надеждой, что твоя дерзость тебя покинет, но сейчас, в эту секунду, просто помолчи!

Он отстранил руку мастера Ройма и принялся медленно вставать из кресла.

— Вы бы, пожалуй, могли помочь, — обратился он к лорду Теодору.

— Да! Чем угодно!

— У вас есть перчатка?

Лорд Героним как-то сразу съежился и стал ниже ростом.

— И придется попросить вас стать моим секундантом...

— Мальчишка! — крикнул господин Гернаус, поспешно ретируясь к двери. — Бретёр!

Его не стали преследовать. От порога лорд Героним бросил взгляд на Эйлин.

— Забери ленту у рыжей мерзавки.

Как только за стариком закрылась дверь, лорд Конор рухнул обратно в кресло. На нем лица не было, видно, последние минуты он держался на чистом энтузиазме. Раскашлялся, из груди вырвались хрипы. Перепуганная Вертрана подскочила к замешкавшемуся целителю.

— Помогите ему! Что же вы стоите?!

Тот подошел ближе.

— О, голубчик мой! Да на вас два иссушающих заклятия-сети! Кто вас так сильно не любит?

Не дождавшись ответа, он приступил к лечению. Вертрана зорко наблюдала за тем, чтобы сейчас все прошло как надо. Лорд Теодор добавил к целебным заклятиям собственной силы.

— Ну вот и все! — удовлетворенно сообщил маг. — Вам бы теперь в постель и выспаться как следует!

— На том свете, видимо, отосплюсь, — мрачно пошутил лорд Конор.

Вертране хотелось плакать. И одновременно смеяться. Ее душа разрывалась на части.

— Элли... — прошептала она.

Эйлин так и стояла все это время, застыв на одном месте. Вздрогнула, подняла глаза на подругу.

— Да ничего, — ответила она и слабо улыбнулась. — Ты ведь знаешь, я прекрасно проживу без любви. Это хороший выбор.

Вертрана бросилась к Эйлин, обняла, прижалась изо всех сил и разревелась.

— Ну как же так... Как же так... — повторяла она.

Дверь отворилась. В кабинет вошла госпожа Амафрея, она придерживала Мей за локоть. Верта посмотрела на рыжую, и сердце защемило от нежности. Какая Меюша маленькая и хрупкая! Она выглядела такой испуганной. И все-таки решительной при этом. Еще не понимая, что происходит и зачем ее сюда привели, Мей вдруг вырвалась и негромко сказала:

— Если вы убьете ребенка, то и за меня денег не получите. Мертвецы недорого стоят.

И лишь секундой спустя она разглядела и Вертрану, и Эйлин, и вскрикнула от неожиданности, увидев мастера Ройма.

— Тео!

Он подхватил ее на руки, целуя бледный лоб, заплаканные глаза, волосы и губы.

— Мей. Мей. Моя Мей...

Лорд Конор сидел, закрыв глаза, откинувшись на спинку сиденья. Карета везла их домой. Над миром вставало солнце.

«У меня сегодня день рождения... — мимолетно удивилась Вертрана. — Надо же...»

Она нет-нет да кидала взгляды на спокойное лицо господина Ространа, который выглядел изможденным, но одновременно почему-то очень красивым.

Верта протянула руку, но отдернула, точно боялась обжечься. А потом снова протянула и дотронулась до тонких аристократических пальцев.

— Я никогда не забуду, что вы для меня сделали, — тихо сказала она. — Спасибо. Знаю, что бываю занозой... И вряд ли исправлюсь... Но я постараюсь!

Лорд Конор улыбнулся краешком губ, не открывая глаз.

— Будет забавно наблюдать за попытками.

— За попытками? — вспыхнула Вертрана.

Господин Ростран беззвучно рассмеялся.

*** 44 ***

Тот день Вертрана провела в постели, проснулась только к вечеру. Сладко потянулась, стряхивая дремоту. Дотронулась до тонкого шрама на бедре — это все, что осталось от глубокой раны: маг-целитель залечил ее сразу после того, как избавил лорда Конора от заклятий сети.

— Мей, — прошептала Верта и улыбнулась, но вспомнила про Эйлин и вздохнула.

На прощание они крепко обнялись втроем и пообещали всегда оставаться лучшими подругами. Как бы хотелось и Элли вытащить из этого ада, но, увы, здесь даже лорд Конор бессилён: не он завел такие порядки, не ему и отменять.

С хозяином дома они увиделись спустя сутки, за завтраком. Верта надеялась, что произошедшее сблизит их. Она не рассчитывала, конечно, что господин Ростран встретит ее широкими объятиями и лучезарной улыбкой, но отчего-то ощутила острое разочарование, когда тот в ответ на приветствие лишь сдержанно кивнул.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо. А вы?

— Превосходно. Но тренировки пока придется отложить.

Он отвлекся, намазывая маслом тонкий ломтик золотистого хлеба, и делал это так медленно и обстоятельно, будто создавал шедевр.

Вертрана открыла рот. Закрыла. Вгрызлась зубами в булочку. «Я не заноза, не заноза, — мысленно твердила она. — Я не дерзкая девчонка! Но какой он, однако, безразличный! Я вовсе ему не интересна... Ему нужна только моя сила...»

— Твои товарки, думаю, привыкли к тому, что на завтрак их ждет свежая сдоба?

Верта сузила глаза. Это вопрос с подвохом?

— За шесть с половиной лет мы привыкли обходиться без излишеств! — ответила она гордо.

«Зато вежливо!» — похвалила себя Верта.

Лорд Конор вскинул взгляд.

— Вероятно, Эйлин даст знать, если посчитает такие завтраки неуместными?

О боги, Верта едва не опростоволосилась и чуть не оставила розочек без ежедневных вкусняшек! Сладости — слабая замена подругам, и все-таки хотя бы капелька радости для Элли. Но где он только такие слова находит? Неужели нельзя разговаривать простым человеческим языком?

— Вероятно... — пробормотала Верта и вдруг встрепенулась. — А можем ли мы навестить Мей и лорда Теодора?

Как бы хотелось увидеть рыжую, дом, где она будет жить, мастера Ройма. Лорд Конор качнул головой.

— Не хочу, чтобы господин Ройм чувствовал себя еще более обязанным, чем сейчас. К тому же следует дать им время привыкнуть к новой жизни... Вертрана, позволь спросить, что у тебя с лицом? Что я опять не так сказал?

— Не-не, — Верта подвинула к себе тарелку с печеньем и принялась перебирать его. — Все прекрасно.

Лорд Конор, не спуская глаз со своей визави, сделал глоток чая.

— За исключением того, что вы разговариваете так, будто в вас встроена энциклопедия по этикету! — выпалила Верта.

Господин Ростран поперхнулся чаем и закашлялся.

Воспоминания о том, как лорд Конор медленно сгорал от воспаления легких, были еще слишком свежи, поэтому Вертрана сорвалась с места, подбежала к хозяину дома и сплела над его головой защитное заклятие прежде, чем включился разум. А потом, понимая, что терять уже нечего, деликатно похлопала лорда Конора по спине.

«Ой, какой позор, какой кошмар... Как бы я ни старалась, мне всегда будет не хватать манер...»

Она опустилась на стул и прижала к лицу салфетку.

— Верта, нам предстоит трудное дело.

— Угу...

— Если тебе так проще, я постараюсь... говорить на твоём языке.

«Я для него всегда буду дикаркой! И все же худой мир лучше вражды».

— Будет забавно наблюдать за попытками!

Вертрана вернула шпильку и, не удержавшись, хихикнула. Господин Ростран усмехнулся.

Следующую неделю Вертрана восстанавливала потраченные силы и потихоньку приходила в себя. Бездельничала, валялась в постели, читала книги и ела абрикосовое варенье: вазочка, стоящая на столике у камина, никогда не пустела.

Вечером второго дня лорд Конор пригласил ее прогуляться по саду. Вертрана живо представила мороз, забирающийся под рукава, голые черные ветви, скрипящие на ветру, поежилась и отказалась.

На следующий день лорд Конор явился в ее комнату. Приоткрыл было дверь, хмыкнул, снова закрыл и постучал.

— А если не разрешу, не войдете? — крикнула Верта.

— Войду!

— Конечно, я ведь ваша маленькая безделушка!

— Вер-рта! — прорычал тот. — Я стараюсь быть вежливым!

— Да заходите уже! Я не против сыграть в эти ваши светские игры!

Прежней злости не было, Вертрана язвила скорее по привычке и в силу натуры. Ну и слабый осадочек от того, что она, как ни крути, собственность лорда Конора, никуда не делся.

Он держал в руках накидку.

— Тебе нужен свежий воздух, Верта. И мне нужен. Обещаю, полчаса — и вернемся!

— Так и быть, — сдалась она.

Прогулка по аллеям сада неожиданно ей понравилась. Черный лед припорошило свежим снегом, на деревьях висели гирлянды огоньков, делая зимний вечер уютным и сказочным. Верта шла, опершись на руку лорда Конора, с любопытством разглядывая иллюминацию.

— Это вы сделали?

— Давно, еще когда учился в Академии. Удивительно, что магия до сих пор не выветрилась.

— Видимо, вы были очень сильным магом...

— Видимо, — ответил он без тени сожаления. — Хотел порадовать свою будущую жену. Ей нравился мой сад.

Жена... Умершая жена. Скользкая тема для разговора.

— Вы познакомились, когда учились в Академии?

— Да, на пятом курсе. Академия устраивала ежегодный зимний бал, и по традиции на него пригласили девушек, для которых это был первый выход в свет.

Голос лорда Конора сделался задумчивым, Верте показалось, что он так погрузился в воспоминания, что забыл, с кем разговаривает.

— Ларан первым ее заметил. Она стояла у колонны, такая растерянная, юная... «Посмотри, какая малышка! — сказал он. — Первый танец мой!» И действительно, увел Арлису у меня из-под носа. Ларан всегда был шустрым, тяжело было с ним соперничать. Я, конечно, уступить не собирался и на следующий вальс забрал Лису себе. К концу бала моя девочка покраснелась и устала: мы не давали ей передышки. «Вы совсем меня затанцевали!» — выговорила она мне... В тот вечер соревнование за ее внимание казалось шуткой. Я и подумать не мог, что я и Ларан полюбим одну и ту же девушку.

Вертране чудилось, что каждое сказанное слово чем-то острым карябает сердце. Лорд Конор говорил о своей покойной жене так нежно... «Это что же? — удивилась Верта. — Я ревную?» Прислушалась к себе и вынуждена была признать: «Ревную... И злюсь! Моя девочка, ми-ми, пусеньки-лапусеньки... Ох! Нет! Остановись, Вертрана! Так нельзя! Она умерла. Умерла... Бедная...»

— А ваша дочь на кого больше похожа — на вас или на Арлису?

— Эмбер была маленькой копией Лисы. Волосы цвета меда...

Голос сорвался. Лорд Конор застыл посреди тропинки.

— Надо возвращаться, Верта. Похолодало.

В холле он помог ей снять накидку. Вертрана избегала его взгляда, но потом, уже ступив на лестницу, сказала, не оборачиваясь:

— Я невыносима, я знаю.

— Невыносима, — не стал спорить господин Ростран. — Но почему-то тебе я легко могу рассказать то, о чем молчал долгие годы. Не понимаю, в чем дело. Ты действуешь на меня каким-то странным образом.

И, сообщив бесстрастным голосом эту неожиданную новость, лорд Конор ушел вперед, оставив Вертрану одну, в полном недоумении.

*** 45 ***

Как только силы немного восстановились, Вертрана втайне от лорда Конора продолжила

тренировки. Она не прекращала их и в Институте, правда, без рун и дополнительной магии в прошлое удавалось переместиться на две-три минуты, но Верте было достаточно и этого: обнять отца, поцеловать маму, почувствовать себя в безопасности...

Однако сейчас Верта первым делом отправилась не в маленький двухэтажный дом своего детства, а в спальню розочек, которую покинула всего несколько дней назад. Ей нужно было увидеть Эйлин.

— Элли, ты спишь? — прошептала она, тронув подругу за плечо.

Рядом, положив ладонь под щеку, сопела Мей. Еще ничто не предвещало драматических событий, до роковой ночи оставалось два дня. Вертрана некоторое время боролась с собой: не всыпать ли Лоре? Или хотя бы облить ее, спящую, ледяной водой? Но какой смысл — это не изменит будущего.

— Элли!

Эйлин очнулась, подняла голову и сонно уставилась на Верту.

— Ты чего?

Вертрана, не тратя лишних слов, крепко обняла подругу. Эйлин мягко отстранилась, заглянула в глаза Верты.

— Ты Вертрана из будущего, да? — догадалась она. — Что-то случилось? Я умерла?

— Нет, нет! Нет, Элли! Ты...

— Не говори, не нужно. Я уже поняла, что будущее почти невозможно изменить. Наверное, то, что случится, произойдет в любом случае...

Верта кивнула, сдерживая вздох.

— Просто знай, что я всегда рядом с тобой!

Элли печально улыбнулась.

— Спасибо, что пришла меня навестить, Верта. Знаешь, я считала, что сила аквамарина слишком сложна в использовании и поэтому бесполезна. Не обижайся! Но сейчас я думаю, что в ней есть смысл! Пусть даже будущее изменить непросто, но мы всегда можем принести с собой в прошлое наши чувства и мысли, а с собой забрать какую-то информацию, которая может пригодиться в настоящем...

— И правда, — согласилась Вертрана. — Это тоже важно. Элли, скажи, чего хочет лорд Героним?

— Вот оно что... — Эйлин догадалась, но ничем не выдала своего волнения. — Ничего, с чем я бы не справилась. Не переживай за меня.

Она с нежностью посмотрела на спящую рыжую.

— С Мей все хорошо?

— Да! Элли!..

— Молчи! Неважно! Я сама...

«...приняла решение». Последние слова Вертрана расслышала как сквозь слой ваты: она вернулась в дом господина Ространа. После разговора с Эйлин ей стало легче. Элли всегда была самой разумной из них, всегда умела подобрать слова, чтобы успокоить.

Сон не шел. Вертрана долго ворочалась в постели, потом сдалась, сотворила магический светильник и принялась перебирать книги. За прошедшие несколько дней она хорошо отдохнула и не проваливалась в беспамятство, как прежде, едва голова касалась подушки.

Она полистала биографию известного мага. Перечитала главу из любовного романа и загрустила. Герой на протяжении всей книги добивался расположения капризной дамочки, совершал ради нее подвиги, а она только нос воротила. «Нет, ну надо же, какая идиотка!» — проворчала про себя Вертрана, в раздражении захлопывая книгу.

Взгляд упал на темную обложку с аквамарином. Верта зачитала учебник чуть ли не до дыр, и все же многие места оставались для нее белыми пятнами. Она раскрыла книгу на главе «Как переместиться в чужое тело» и погрузилась в чтение, покусывая перо, которое использовала в качестве закладки.

«Вам понадобятся подробные воспоминания человека, в тело которого вы хотите попасть. Чем больше деталей, тем лучше. Во что был одет, обстановка, вкус еды, время суток — пригодится любая информация...»

Дальше шли сложные упражнения, которые пока были Вертрание не по зубам. На этом месте она обычно бросала читать и переходила к следующему разделу, однако в этот раз решила осилить все — от начала до конца.

«Но все становится значительно проще, если у вас есть вещь, прежде принадлежавшая человеку, в чье прошлое вы хотите заглянуть. Пуговица, булавка, браслет, даже носовой платок станут отличными проводниками...»

Вертрание не смогла усидеть на месте и принялась мерить комнату шагами, не выпуская книги из рук. Оказывается, любая вещь может создать портал. Если бы у Вертрание под рукой оказался веер, которым обмахивалась Арлиса на первом балу, тогда, сотворив нужное заклинание, Верта попала бы прямоком в сознание Лисы. Ненадолго, на несколько минут, и все-таки могла бы смотреть ее глазами, слышать все, что происходит вокруг. Увидела бы юного Конора...

В доме полно вещей Арлисы, надо только как следует поискать. Расческа, лоскуток платья, зеркальце — сгодится что угодно. Детская сгорела, но лорд Конор восстановил ее и наверняка принес настоящие вещи Эмбер и покойной жены.

Вертрание опомнилась на пороге спальни. «Что ты делаешь? — спросила она себя. — Прошлое Арлисы принадлежит только ей и лорду Конору!»

Верта села на постели, поджав ноги. «Но я ведь не хотела ничего плохого...»

Да, не хотела. Всего лишь на минутку почувствовать себя юной аристократкой. Девушкой, на которую лорд Конор смотрит с нежностью и любовью. Ощутить хоть на миг, как он ласково проводит ладонью по щеке, как убирает локон, как называет малышкой...

«Какая ты дура, Верта! Давно ли ты его ненавидела?»

Как же не хватало сейчас Эйлин, ее спокойствия. Она бы выслушала не перебивая.

— Элли, — прошептала Вертрание, — Он никогда не посмотрит на меня так, как смотрел на нее. Я такая глупая... Ужасно глупая! Жалкое создание...

Лорд Конор пропустил Верту в кабинет и запер дверь на ключ.

— Чтобы нам точно никто не помешал, — объяснил он.

Кухонка уже была накрыта пледом, на столике лежали кисточки и стояла мисочка, до краев наполненная алой жидкостью. У Вертрание расширились глаза, она в негодовании обернулась к лорду Конору.

— Вы совсем себя не жалеете!

— Это краска, только краска! — поспешно возразил он. — Я должен потренироваться наносить нужные руны, прежде я их не рисовал.

— Новые?

— Да.

Господин Ростран отошел к столу, закатал рукава, стал переключивать кисточки с места на место.

— Конспиратор из вас так себе! Чего вы недоговариваете?

— Благодаря этим рунам я почувствую, если что-то пойдет не так, и вытащу тебя.

— Звучит отлично! А в чем подвох?

Вертрание уже расстегнула ворот платья и искала взглядом сорочку, чтобы переодеться, но ее не было. Лорд Конор дождался, пока Верта поднимет на него растерянные глаза, и добавил:

— Мне понадобится все твое тело.

Вертрание ахнула.

— Я буду лежать перед вами обнаженной? Полностью? Это так необходимо?

— Да... Вертрана, я не притронуся к тебе и пальцем, обещаю! Представь, что я художник, а ты моя обнаженная натура.

Лорд Конор приблизился на шаг, но Верта произвольно отступила.

— Вы будете касаться меня кисточками!

— Хорошо. — Он развел руками, показывая, что не собирается настаивать. — Ты не готова. Отложим это. Но пока я не научусь рисовать нужные руны, в прошлое я тебя не отправлю: слишком опасно.

Вертрана закусила губу и рассерженно дернула манжету так, что порвала кружево.

— Что же! Ладно! Не хочу выглядеть капризной девицей! Вы художник. Просто художник!

— Верно.

Он улыбнулся как-то очень по-доброму, как улыбаются испуганным детям.

Как назло, Вертрана надела новое платье, которое застегивалось на массу крошечных крючков. Верта чуть не осталась без ногтей, пытаясь их раскрыть, — не получилось. Попробовала вывернуться ужом, но застряла.

— Разреши, я помогу.

— Ой, нет...

— Я все равно все увижу. Не теперь, так через минуту. Не упрямясь, Вертрана. Эта тесемка тебя сейчас задушит!

Он перерезал тесемку ножом для бумаг и помог Верте выпутаться. Дрожа, она стянула нижнюю рубашку.

— И... их... тоже? Это не потому, что вы хотите... посмотреть...

— Я ничего не хочу! — отрезал лорд Конор. — Кроме того, чтобы ты была в безопасности, когда отправишься в прошлое!

— Ох... мамочки...

Вертрана, дрожа, как в лихорадке, улеглась на кушетку, а господин Ростран укутал ее ноги пледом. Надо отдать ему должное: взяв в руки кисточку, он смотрел лишь на тот участок тела, где собирался выводить символы, но Вертрана тряслась, а он не мог приступить к делу.

— Можно мне успокаивающих капель? — жалобно попросила она.

— Нет, нельзя смешивать магию. Вертрана, чего ты боишься... — Голос лорда Конора сделался почти ласковым. — Я ведь не дикий зверь, а взрослый мужчина, и умею держать себя в руках. Вдох, выдох, вдох... Вот и молодец!

Он мазнул мягкой кисточкой по коже, проводя линию. Узоры ложились на руки и плечи — лорд Конор давал Вертрание привыкнуть, не торопился. А она, сначала напряженная, ощутила, как расслабляются скрученные в узел мышцы, как тело наполняется необычной легкостью и негой.

Господин Ростран не трогал ее и пальцем, но едва ощутимые касания будоражили воображение и будили чувственность. Вертрана выпутала ноги из пледа: сделалось жарко. Вся открылась перед ним, не заботясь о том, как это выглядит. Казалось, что не хватает воздуха. Вертрана часто дышала и облизывала пересыхающие губы.

Руны и спирали украсили грудь и спустились на живот. Лорд Конор прикоснулся кистью к внутренней поверхности бедра. Убрал. Снова дотронулся. Рука дрогнула, прочертив неверную линию.

Вертрана распахнула глаза. Лорд Конор замер, зажав кисть в пальцах так, что те побелели. В следующее мгновение он отшвырнул ее прочь, встал, с грохотом отодвинув стул, укрыл мисти заранее приготовленным одеялом и стремительно покинул кабинет.

— Ой... — прошептала Верта.

*** 46 ***

Так и не дождавшись возвращения хозяина дома, Верта кое-как натянула платье и осторожно,

стараясь не попадаться на глаза слугам, прокралась к себе в комнату.

Лорд Конор не вышел к ужину, и Вертрана уже начала волноваться, но к завтраку он спустился как ни в чем не бывало и посмотрел на мисти совершенно бесстрастно.

— В кабинете в полдень, — приказал он.

Вертрана отправлялась на тренировку со смешанным чувством страха и предвкушения. Избавляясь от платья, она ощущала теперь не только стыд, но нечто, до сих пор ей неведомое. Прежде она лишь слышала о том, что женское очарование — сила, подчиняющая себе мужчин. Верта никогда не пользовалась ею, да и не умела этого делать, но вчера, совершенно случайно, заставила сдержанного и хладнокровного лорда Конора вести себя как мальчишка.

«Он желает меня...» — удивленно думала Верта.

Но сегодня господин Ростран был само равнодушие, и его ледяное спокойствие не могло не задеть Вертрану.

— Что же такое с вами случилось? — невинно спросила она. — Я ждала, совсем замерзла...

Лорд Конор вскинул взгляд. На его лице отразилась гамма чувств. Вертрана мысленно покатывалась от смеха, но внешне хранила невозмутимость. В глазах лорда Конора она была маленькой невинной девочкой, которая действительно не понимала, что произошло. Но Верта родилась в семье башмачника, с утра до ночи пропадала на улице, навиделась всякого, и дурочкой вовсе не была. Однако наблюдать за терзаниями господина Ространа оказалось так забавно, что она не могла отказать себе в этом удовольствии.

— Я что-то сделала не так?

«Дышите, дышите! Вдох, выдох!» — передразнила его Верта про себя.

С другой стороны, попадись Вертрانا гадкому лорду Герониму, или лорду Бетхору, который вел себя как свинья, или даже хлюпику Ханку, ей очень скоро пришлось бы забыть о том, что такое невинность.

Но с лордом Конором она чувствовала себя в безопасности.

— Ты ни в чем не виновата, Вертрана, — сказал он осторожно. — Больше такого не повторится.

— Чего не повторится?

Верта не сводила с господина Ространа доверчивых, широко распахнутых глаз.

«Какая я зараза!» — думала она с толикой, очень маленькой толикой сожаления.

Он взлохматил волосы, подошел и опустился рядом на кушетку. Вид у лорда Конора сделался растерянный, между бровей залегла морщинка. Было очень заметно, как тщательно он обдумывает то, что собирается сказать. Вертрана не выдержала, улыбнулась.

— Ладно, не мучайтесь. Я все понимаю. И не обижаюсь...

— Вер-трана! — прорычал он, правда, вовсе не так грозно, как она опасалась, а будто даже с облегчением.

В этот раз он действительно держал себя в руках. Вертрана подсматривала из-под опущенных ресниц за сосредоточенным выражением его лица, пока он рисовал. Лорд Конор хмурился, иногда застывал, поднимая кисточку, и, наклонив голову набок, разглядывал дело своих рук. В серо-зеленых глазах вспыхивали искры, и тогда Верта понимала, что дело спорится. Но иногда на лицо набегала тень, и господин Ростран пытался заново повторить руны, которая не удалась.

А потом Вертрана перестала подглядывать и просто наслаждалась легкими прикосновениями кисти к своему обнаженному телу. Ей казалось, что под кожей бегают жаркие искры, а внутри живота тлеют угольки: еще немного — и разгорится пламя. Это было новое для нее ощущение, но удивительно приятное.

Тренировки продолжались несколько дней. Лорд Конор добивался идеального нанесения линий, иногда проводя с кисточкой в руках по два-три часа кряду. Вертрание удавалось разглядеть руки, каждый сантиметр которых был покрыт спиральями и знаками.

— Зачем все эти руны? — спросила она. — Как они помогут?

— Я не только передам тебе всю свою магию, — объяснил господин Ростран, не поднимая глаз и

старательно вычерчивая очередной символ. — Я крепко свяжу наши ауры... Если кто-то попытается навредить тебе, я немедленно почувствую это.

Он ободряюще улыбнулся.

— Но этого не случится!

— А если...

Но у Вертраны не хватило духа закончить: «Если что-то пойдет не так, единственный шанс будет упущен и мы не спасем Эмбер?» От одного только «если» у лорда Конора закаменело лицо.

Верте сделалось страшно. Зачем-то вспомнилась записка, где были начертаны всего три слова: «Я не отступлю».

«Нет, он не бросит меня там, — подбодрила она себя. — Он, конечно, одержим идеей, но как еще ему было прожить все эти годы в полном одиночестве... Если бы не надежда вернуть дочь, он бы давно сгорел. Или подставился бы под удар. Просто перестал бы бороться...»

Лорд Конор провел линию по мизинчику на ноге, потянулся, разминая затекшую шею.

— Завтра, — сказал он.

Будто поставил точку.

На завтрак Вертрану ожидала чашка жирного бульона, в котором плавали сухарики из белого хлеба.

— Ну не зна-аю, сколько я на этом продержусь, — разочарованно протянула мисти, привыкшая к варенью и хрустящим хлебцам.

— Ты несколько часов проведешь без сознания, Верта. В такое долгое путешествие лучше не отправляться на сытый желудок.

Вертране хотелось капризничать, потому что ей было страшно. Лорд Конор, если и нервничал, вида не подавал. Напротив, все его действия сделались отточенными и продуманными.

Для начала он заставил Вертрану написать подробный план. Верта прилежно заскрипела пером по бумаге.

— «Взять с собой настойку прохладника, чтобы в подходящий момент налить в стакан», — вслух прочитал он. — У тебя дома есть эта настойка?

— Нет, откуда!

— Хорошо, тогда первым пунктом добавим: «Купить настойку». У тебя есть деньги? Стоила она три медяка, если память мне не изменяет, но, вероятно, для девочки твоего круга это большая сумма?

Лорд Конор и не думал унижить Верту этим предположением, но она набычилась.

— Мы не были бедняками! — сказала она гордо. — Отец неплохо зарабатывал! И, кстати, своим трудом, а не получив в наследство земли вместе с титулом!

— Я не...

— Неважно! — оборвала Вертрана извинения, если это были они.

Какое-то время она ожесточенно вычеркивала первый пункт, потом вздохнула.

— Ладно. Я действительно не продумала важные детали. Давайте вместе. У меня всегда были карманные деньги на сладости, как раз хватит на настойку.

Они снова прошлись по всем пунктам, изменяя те, что казались лорду Конору ненадежными, и добавляя новые. Вертрана перечитала список несколько раз, заучивая наизусть, ведь захватить шпаргалку в прошлое не получится.

После этого дали распоряжения слугам. Им запретили даже приближаться к кабинету, чтобы случайным звуком не сбить настрой. Если кисточка дрогнет в руках лорда Конора, придется все начинать заново, а в этот раз он станет рисовать собственной кровью.

Вертрана вернулась в спальню, чтобы заранее переодеться в халат и не путаться в пуговицах и

завязках. В комнату заглянула Шейла. Она робко мялась на пороге, грызла ногти, потом решилась.

— Мисти... Я хочу вам сказать, такое уже бывало прежде, с Синтией и Джулией! Лорд Конор запирался с ними в кабинете на несколько часов. Нам приказано было сидеть тихо, как мышки, нельзя было даже по коридору пройти! А потом... Живыми бедных девочек уже никто не видел. Помоему, он сам не ведает, что творит, но остановиться не может! В последний раз... Так было жутко... Барту пришлось выломать дверь. Лорд Конор кричал. Прямо выл. Держал бедняжку Джулию на руках и тряс ее, словно пытался вернуть жизнь. И ругался сам на себя: «Тварь! Ты снова это сделал!» Это я еще пожалела ваши уши, в выражениях он не стеснялся... И все в крови. Так жутко... Не ходите к нему! Бегите поскорее, пока есть время! Вы потрясены, я вижу...

Вертрана действительно была ошеломлена, но по другой причине. Лорд Конор всегда рассказывал о смерти помощниц спокойно. Казался таким черствым! А выходит, для него это тоже стало ударом. Две смерти подряд... Как он только оправился?

— Спасибо, Шейла. Со мной все будет в порядке, ты можешь идти.

Горничная скорбно покачала головой и удалилась, ежесекундно оглядываясь. Верно, уже не чаяла увидеть мисти живой.

Когда Вертрана переступила порог кабинета, все было готово. Лорд Конор, пожалев ее нервы, уже собрал кровь и теперь зубами затягивал повязку на запястье. Верта потянулась помочь, но он не дался:

— Силы тебе понадобятся для другого.

Она не стала спорить. Скинув халат, предстала обнаженной. Вертрана больше не стеснялась, а вот лорд Конор, хоть и любовался на ее наготу каждый день, все не мог привыкнуть. Дрогнувший кадык, дыхание, что сбилось на один такт, взгляд, который он старательно удерживал на ее лице, но не ниже, никак не ниже! — собственное тело выдавало его с головой.

Вертрана никогда не могла отказать себе в удовольствии немного подразнить господина Ространа, но сегодня и она нервничала. Да еще Шейла своим рассказом разбредила воображение! Прогулка в сквер летним днем легко может обернуться самым страшным кошмаром. Никто не знает, что же произошло с прежними магиссами и почему они погибли.

— Я боюсь, — призналась она. — Не бросайте меня там...

— Никогда! — твердо сказал лорд Конор.

Вертрана избегала смотреть ему в глаза. Так хотелось полностью ему довериться! Однако если на одной чаше весов окажется жизнь дочери, а на другой — жизнь посторонней девчонки из низов общества, что перевесит? Но ведь он не признается, даже если решил принести ее в жертву.

— Я сделаю все, чтобы спасти Эмбер, — пообещала она. — Я вам задолжала... За Мей.

Он резко шагнул вперед, взял ее за плечи, несильно встряхнул.

— Ты ничего мне не должна! Не вздумай рисковать там! Поняла?

Его ладони были горячими. Вертрана могла пересчитать по пальцам одной руки, сколько раз он касался ее. Танец на балу. Ладонь на животе. В карете... Нет, в карете она первая дотронулась до него. И сейчас.

— Тогда... Обнимите меня... — прошептала Верта.

Глупая! Вот теперь лорд Конор хмыкнет, съязвит что-то, подходящее к случаю, или просто отпустит ее плечи и сделает вид, что очень занят подготовкой кисточек.

А он притянул ее к груди, устроил голову на своем плече и, наклонившись, поцеловал в лоб.

— Трусишка.

— Вы сами боитесь! — У Верты от происходящего закружилась голова, и с перепугу снова потянуло на дерзости.

— Что, так заметно?

Она приподнялась на цыпочки и быстро мазнула губами по колючей щеке. Как бы тщательно лорд Конор ни брился, щетина пробивалась почти сразу, только добавляя мужественности. Сердце Вертраны колотилось, а кожа горела знакомым огнем, будто тело уже покрывали руны. Скажи он хоть слово, Верта согласилась бы на все!

Господин Ростран мягко отстранился.

— Пора приступать.

— Вертушка, возьми меня с собой в сквер! — хныкал Тим, глядя, как сестренка сосредоточенно толчет в ступке листья эстрагона. — Ну возьми-и-и!

— Вертрана, возьми брата! — не выдержала мама. — Вы ведь всегда вместе ходите торговать! Кстати, а почему вдруг лимонад, а не яблоки?

— Ладно! — сдалась Верта, решив, что помощь маленького нытика может пригодиться, поманила его пальцем и прошептала на ухо: — Вот тебе три медяшки, сбегай в лавку на углу и купи настойку прохладника. И быстро назад!

— Может, лучше мятных леденцов? — с надеждой спросил мальчишка, но получил щелчок по носу и понял, что сестра настроена серьезно.

— Леденцов куплю вечером! — пообещала она. — Ну же, торопись!

*** 47 ***

Тим отстал на пару шагов, пыхтел, но не жаловался. Он тащил мешок, в котором позвякивали разномастные кружки и стаканы — все, что удалось собрать. Мама в последний момент попыталась выхватить из рук сына любимую чашку с розовыми бабочками на ободке.

— Ну уж нет, — сказала она строго, — еще разобьете!

Но Верте понравилась яркая кружка, такая сразу бросится в глаза.

— Не разобьем!

Вертрана то и дело сталкивалась с тем, что план, каким бы продуманным он ни был, все время давал сбой. Она совсем не подумала о том, что графин с лимонадом придется тащить в руках несколько кварталов.

«Вот почему мы всегда торговали яблоками!» — вспомнила Верта.

Тяжелый сосуд оттягивал руки, и, как бы осторожно Вертрана ни старалась нести его, прижимая к груди, как младенца, сладкая жидкость выплескивалась на ноги и юбку. Флакон с настойкой прохладника отбил бок. Уже отправив брата в лавку, Верта испугалась, что тот, не выдержав искушения, потратит монетки на сладости. Но Тим выполнил поручение — побоялся гнева сестренки, которая порой бывала скоро на расправу и отвечивала братцу то щелчки, то подзатыльники.

— Давай поменяемся. Ты понесешь кружки, а я понесу графин! — канючил Тим, но Вертрана качала головой: она не могла рисковать.

Иногда Верта останавливалась передохнуть и, подняв лицо к небу, жмурилась от удовольствия. Летнее солнышко ласково согревало. Вертрана устала от бесконечной зимы.

— Куда мы торопимся, Вертушка? В такую рань! В сквере еще никого!

— Зато зайдем лучшее место! — отрезала Верта.

Действительно, вышли они загодя. Лорд Конон предполагал, что приведет Арлису не раньше десяти утра, а сейчас раннее утро, часы на ратуше недавно пробили восемь.

В сквере Вертрана растерялась: летом тут все выглядело иначе. Деревья, покрытые пышной листвой, казались другими. Верта кружилась на месте, пока не увидела знакомую скамейку, а напротив от нее толстый ствол с выпирающим корнем. Крона давала густую тень.

— Туда! — скомандовала Вертрана.

Городские ребяташки, что с приходом жары торговали прохладной водой, льдом и фруктами, только начали стекаться в сквер. У каждого было свое место и свой прилавок — ящик, сколоченный из досок, который с приходом вечера оттаскивали в кусты и забрасывали ветками.

— Тим, тащи стол!

Мальчишка опустил на землю мешок и, понурившись, побрел в гущу деревьев, загребая пыль

носками ботинок.

— Ха, девчонка тобой командует! — крикнул рыжий толстый Зип.

Тим, не оборачиваясь, показал кулак. С Зипом они издавна враждовали и не упускали случая поддеть друг друга. Вертрана за прошедшие годы ни разу и не вспомнила о рыжем неприятеле, а теперь ее прежняя жизнь хлынула в сердце, закрутила в водовороте чувств. Все было таким ярким и объемным, таким настоящим! Букашка, что деловито карабкалась по запылившейся ножке Вертраны — еще совсем детской, худенькой ножке. Запах листвы и горячей земли. Веснушки на носу Тима и его вихрастые, давно не стриженные волосы.

— Эй, а ну-ка вернись! — крикнула она.

Тим развернулся и потащился назад, медленно, как на аркане. Вертрана схватила его в охапку и поцеловала в чумазый нос.

— Все, теперь ступай!

Братец, не поняв, с чего это на него обрушились девчачьи нежности, тем не менее зашагал в сторону кустов куда бодрее, чем прежде.

— Фу-у! — крикнул Зип, но на него никто не обратил внимания.

Пока все шло неплохо: графин цел, настойка с собой. Однако предстояло выиграть сражение за место у корней дерева. Уютный уголок в тени забирали себе ребята постарше, легко вытеснив малышей, к которым сейчас принадлежала и сама Верта. Двенадцатилетняя Августа с конкурентами предпочитала объясняться на кулаках. К счастью, она пока не пришла, и Вертрана торопливо установила ящик, накрыла его куском яркой ткани, расставила чашки.

— Эй, мелюзга! А ты ничего не перепутала?

Вот и Августу, легка на помине!

Верта упрямо сжала губы и кулаки. Дочь башмачника славилась боевым характером, и одноклассники остерегались с ней связываться. Но по сравнению с высокой и широкой в кости Августой худенькая Вертрана выглядела соломинкой.

— Ничего не перепутала! — в тон ей ответила острая на язык Верта, уперев руки в бока.

Тим бочком приблизился к сестре.

— Ох, сейчас влепит! — сообщил он тревожным шепотом.

Вертрана и сама понимала, что против Августы ей долго не выстоять. И никто не вступится. Ребята, что подтягивались к месту склоки, рассчитывали на зрелище, на разбитые носы и сбитые колени.

— За косу ее! — посоветовал Зип, непонятно, правда, кому.

Тут Верту посетила спасительная мысль.

— Слушай, — примирительно сказала она, — давай я твою воду тоже продам. Деньги отдам все до последней монетки. А ты гуляй, отдыхай!

— Чё это? — подозрительно сощурилась Августа.

— Место выгодное! В другом я и на медяшку не наторгую, а так все в выигрыше!

Августа на всякий случай сунула под нос Вертраны пухлый кулак, мол, гляди у меня! Однако согласилась.

Часы на ратуше пробили девять. Верта выдохнула и немного расслабилась. Пока все шло отлично! Она плеснула лимонада в красивую чашку с бабочками по ободку, вылила туда же половину флакона настойки прохладника. Потом прислонилась к стволу и стала наблюдать за людьми, что прогуливались по скверу. В основном это были нянечки с отпрысками богатых семей и молодые пары.

Малыши, набегавшись на солнышке, заметив графини, неслись со всех ног к столу и требовали купить им сладкой воды. Верта стала опасаться, что распродаст все прежде, чем появятся Конор и Арлиса. К счастью, нянечки брезгливо морщили носы и утаскивали за собой сопротивляющихся деточек, лишь немногие выкладывали на прилавок монетку-другую.

Подошел пожилой мужчина в черном костюме, застегнутом на все пуговицы, купил сразу две

кружки и жадно осушил их. Верта удивилась, что он так тепло одет, а потом разглядела на лацкане знак гильдии законотворцев. Значит, идет на слушание дела в суд: обвинители носили темные одежды независимо от времени года. Верта, утомленная ожиданием, от нечего делать проследила за мужчиной взглядом. Тот присел отдохнуть на лавочке неподалеку. Вытер лицо платком, развернул газету и погрузился в чтение.

Часы пробили четверть десятого. Как долго тянется время! Тим, изнывая от безделья, вертелся под ногами, жаловался на жару и, пока сестра не видела, отпивал по глотку из разных стаканов. В конце концов Вертрана вклепила ему затрещину, но потом, пожалев, вручила три медяшки и отправила за леденцами. Брат немедленно приободрился и, забыв про обиду, умчался стрелой в ближайшую лавку.

Вертрана присела на корточки, подперев рукой щеку. Страх перегорел в ней, но ожидание выматывало.

— Эй, малышка, ты что там притаилась? — раздался веселый голос. — Налъешь моей жене воды? Только похолоднее!

Верта, зевая, распрямилась: кого принесла нелегкая? И тут же захлопнула рот, так что зубы клацнули. Рядом с прилавком стоял улыбающийся лорд Конор. Совсем юный, еще сохраняющий мальчишескую округлость черт лица. Но кроме того, в его облике было что-то иное, что-то неправильное... Вертрана потом поняла: этот Конор, не переживший еще ни одного удара судьбы, лучился радостью.

«Так вот как ты выглядишь, когда счастлив», — грустно подумала она.

Он держал под руку хорошенькую девушку. Та казалась утомленной и доверчиво жалась к мужу. Она приветливо кивнула маленькой торговке.

— Угостишь меня лимонадом?

*** 48 ***

Мгновение, к которому они готовились так долго, наступило, а Вертрана точно окаменела.

«Это правда. Это действительно происходит!»

Она во все глаза смотрела на красивую юную пару, одновременно испытывая и горечь, и ревность, и сожаление. К счастью, влюбленные приняли растерянность Верты за почтительность. Бедняжка оторопела, встретив вот так запросто прогуливающуюся знать. С кем не бывает?

— Мой муж даст тебе серебряную монетку. Да, Конор? Он добрый, не пугайся его, — ласково приободрила Вертрану Арлиса.

Насколько было бы проще, будь она заносчивой и высокомерной аристократкой. Но миловидная молодая женщина, сама еще совсем девочка, смотрела доброжелательно. Лицо, сужающееся книзу, по форме напоминало сердечко, глаза оказались ярко-синими. Лорд Конор говорил о ее волосах, что они цвета меда, но сейчас, в отблесках солнца, они сияли так, будто были сотканы из чистого золота.

— Вы очень красивая, — тихо сказала Верта.

Лиса переглянулась с Конором и радостно рассмеялась неожиданному комплименту уличной торговки.

— Ты тоже станешь настоящей красавицей, когда вырастешь! — вернула она любезность. — Правда, Корн?

Лиса незаметно подтолкнула мужа локтем.

— Конечно! — поспешно согласился тот, глядя, однако, на лохматую и покрытую пылью Вертрану лишь как на маленькую замарашку. — Лет через пятнадцать, возможно... Сколько тебе, малышня? Шесть?

— Мне девять! — вспыхнула Вертрана, чувствуя, как привычное возмущение вздымается волной и захлестывает разум. — И я стану красавицей! Корн!

Непривычное обращение само слетело с языка.

Вот сейчас между бровей проляжет знакомая складка и он надменно поправит: «Для тебя — лорд Конор!». Но господин Ростран только рассмеялся.

— Пряткая малявка! Увы, я уже занят!

Он с нежностью посмотрел на жену, притянул к себе и поцеловал в висок. Этим утром лорд Конор так же целовал ее в лоб, провожая. Сердце захлестнуло болью: Верта безумно ревновала его к покойной жене и при этом отчаянно сожалела о ее смерти.

Пора сделать то, ради чего она вернулась в прошлое!

Вертрана протянула Арлисе чашку с бабочками.

— Держите! Самая большая и самая красивая! Пейте скорее, пока холодненькая!

Но Лиса не торопилась пить. Польщенная вниманием маленькой торговки к мужу, она шаловливо потерлась носом о его щеку. Чашка опасно накренилась — Вертрана едва не бросилась ее ловить.

— Вот ты какой! Всех очаровываешь! Смотри, я не прощу взглядов на сторону! — сказала она шутя.
— Думаю, Лар будет только рад такому повороту!

Улыбка слетела с лица Конора.

— Больше не произноси его имени!

— Но, Корн, он твой лучший друг! Неужели так и не помириться?

Вертрана подалась вперед, впитывая каждое слово, хотя разговор не предназначался для ее ушей. Лорд Конор дернул уголком рта.

— Я не против помириться, это он не может меня простить.

— Его можно понять, — примирительно улыбнулась Арлиса и погладила мужа по руке. — Ты заполучил меня обманом...

— Но ты меня простила? — Лорд Конор приподнял ее лицо за остренький подбородок и встревоженно заглянул в глаза.

— Я люблю тебя, Корн. Ты знаешь.

Лиса собиралась поставить чашку, которую по-прежнему держала в руках, обратно на стол, чтобы обнять Конора, но Вертрана оказалась начеку.

— Вот так всегда, — наигранно проворчала она. — Пообещают серебрушку, а потом нос воротят.

— Ой, да! — спохватилась Арлиса. — Прости, маленькая. Корн, дай ей денежку.

Молодая женщина поднесла чашку к губам. Вертрана затаила дыхание: получилось! У них получилось! И нет никакой опасности. Да откуда ей взяться в такой солнечный, чудесный день...

Сначала раздался мелодичный звон, будто где-то рядом прозвучал маленький колокольчик, а потом по чашке пробежала тонкая, как волосок, трещинка. Для Вертраны мир вдруг замедлился, она видела все четко и ясно. Чашка в руках Арлисы аккуратно развалилась на две ровные половинки, окатив ее водой. Лиса даже не вскрикнула, с недоумением разглядывала ту часть, которая осталась в руке.

А вот Конор сразу понял, что дело нечисто. Рванул к жене и закрыл ее собой, настороженно оглядываясь. Осторожно, стараясь не порезать, вынул из ее пальцев осколок, кинул на землю.

— Пойдем отсюда, родная.

На Вертрану он даже не взглянул.

— Подожди... — прошептала она непослушными губами. — Не бросай меня...

Ее слабая, детская магия чувствовала опасность. Кто-то плел заклятие, которому она не в силах была противостоять. Вертрана прижалась спиной к стволу, взгляд заметался по лицам. Сколько людей сегодня в сквере! Старушка в платке покупала у Зипа клубнику. Чуть поодаль бегали, играя в догонялки, два озорника в чистеньких сорочках, а няня почти сорвала голос, пытаясь их урезонить.

Пожилой законотворец поднялся со скамьи, оставив газету. Шаг за шагом он приближался к Вертране, пальцы чуть заметно шевелились, творя магию. Верту с головой будто накрыло ледяной водой, все члены омертвели и перестали ей подчиняться. Волоски на теле встали дыбом.

Вертрана поймала взгляд страшного человека. Маг был ей вовсе не знаком, но по его лицу скользнула тень, будто он узнал ее и чувствует себя виноватым от того, что придется совершить.

— Ничего личного, — прочитала Верта по губам.

Пальцы, замерев на секунду, снова пришли в движение. Теперь Вертрана поняла, что случилось с ее несчастными предшественницами: маг вытягивал душу. Аквамарины были гостями, пусть даже в собственном теле. Верте, почти теряющей сознание, казалось, что ее душа — это клубок тонких сияющих нитей и сейчас эти нити наматываются на пальцы колдуна и тут же темнеют. Вертрана сползла на землю, хватая воздух помертвевшими губами.

«Он бросил меня... — думала она, умирая. — Бросил...»

Сплетение нитей в ее груди вдруг наполнилось светом. Какая-то противоборствующая сила потянула душу Вертраны в обратном направлении. Но и маг не сдавался, его лицо сделалось ожесточенным, а пальцы задвигались еще быстрее. Он разматывал клубок, некто заматывал его снова. Вертрана чувствовала себя канатом, который перетягивают туда и обратно. Кружилась голова, и отчаянно тошнило.

— Смотрите, что с девочкой? — раздались встревоженные голоса.

— Вертушка, Верточка, что с тобой? — испуганный голос Тима доносился словно из дальней дали.

— Пропустите!

Лорд Конор? А как он попал в прошлое? Нет, это был все тот же юный Корн.

— Ты вернулся? — прошептала Верта.

— Что случилось? — Он приложил ухо к ее груди, прислушиваясь к дыханию. — Проклятие... Если бы мою магию не запечатали! Не могу понять, что происходит!

За его спиной маячила взволнованная Арлиса. Борьба за душу Вертраны продолжалась, только никто этого не замечал.

«Вертрана! — пробился тихий-тихий, едва слышный голос лорда Конора. — Я вытащу тебя!»

Верта ощутила, как он чуть отпустил нити, накапливая силы на последний рывок.

«Подожди! Я сейчас! Я успею сказать!»

— Корн, Лиса...

Верта стремительно слабела, но надо успеть! Последняя надежда!

— Лиса, выпей настойку...

«...прохладника». Однако губы не послушались. Душа покинула тело. Незнакомый маг победил.

Правда, лишь на мгновение! Потому что ее душу крепко удерживали лорд Конор и каждая вычерченная с тщательностью руна, соединившая их ауры тысячами стежков, сшив так, что не разорвать.

Вертрана рухнула в бездну, но только для того, чтобы через секунду вынырнуть в объятиях лорда Конора. Он держал ее на руках, прижав к себе. Вертрана хрипло вздохнула, будто на самом деле выплыла из глубины. И разрыдалась.

— Все хорошо, все хорошо. Ты здесь, — тихо повторял он. — Не бойся. Все хорошо.

Он гладил ее по спине и покачивал, утешая. Но вот его ладони замерли, а потом опустились. Каждый мускул застыл.

Лорд Конор только сейчас осознал, что последняя надежда развеялась в пыль. Он никогда не вернет дочь...

*** 49 ***

Господин Ростран выпустил Вертрану, поднялся, вышел на середину кабинета и встал, повернувшись спиной. Верта разглядывала его напряженные плечи и не знала, какие слова найти для утешения. Если бы он только дал выход своей боли: раскидал кисточки, опрокинул стол, сделал что-то варварское, злое и отчаянное. Пусть бы кричал! Но Вертрана будто воочию наблюдала, что его душа покрывается корочкой льда. Только что они держали друг друга в объятиях, но вот уже невидимая, но непроницаемая стена встала между ними.

— Я дам распоряжение, — сухо и отстраненно сказал господин Ростран.

— Какое? — не поняла Верта.

Она так и сидела на кушетке. По коже побежали мурашки, Верте сделалось зябко и неудобно. Она поискала глазами халат, но не нашла и потянула на себя покрывало, накинула на бедра.

— Ты выполнила свою часть договора. Я, как и обещал, выполню свою. Тебе подберут дом, подготовят документы. Через несколько дней ты будешь полностью свободна.

Как холодно звучал его голос. У Вертраны в голове все перемешалось. Ей казалось, что она должна упомянуть что-то важное, что-то ценное, но она забыла — что именно.

«А как же вы?» — готово было сорваться с языка. Хорошо, что удержалась. Что за глупый вопрос? Лорду Конору плохо, очень плохо, а будет еще хуже.

— Зачем все... — тихо сказал он, не обращая ни к кому, кроме, возможно, жестокого рока, забравшего у него все, что дорого, и сам себе ответил: — Вот и выход.

Господин Ростран подошел к столу и принялся разбирать бумаги, то ли забыв про Вертрану, то ли ожидая, когда она уйдет.

А у Верты от ужаса похолодели руки. Лорд Конор ничего не сказал прямо, но нетрудно было догадаться, что он отказывается бороться. Все эти годы он держался на чистом упрямстве, на глупой и отчаянной надежде спасти дочь. Снова и снова выкарабкивался из ям и ловушек, поднимался из праха тогда, когда любой другой давно бы сдался. Но не теперь. Теперь лорд Конор будет ждать следующего покушения как избавления.

— О нет... — жалобно прошептала Вертрана, вытирая непрошенные слезинки. — Не нужно...

— Уходи, Вертрана! — ответил он сурово и добавил тише: — Он победил...

Вертрана встала, сердито схватила халат, дернулась было в сторону двери... и не смогла уйти.

Как удержать его в этом мире? Такого гордого, надломленного. Он не попросит о помощи, хотя сам никогда не отказывает в ней. Его не станет, а гадские сволочи вроде лорда Геронима, свиноподобного лорда Бетхора, бесхребетного лорда Ханка продолжат жрать, и спать, и производить на свет таких же никчемных отпрысков.

Вертрана краем глаза зацепила свое отражение в зеркале — стройное обнаженное тело, испещренное рунами. Закусила губу и вытащила шпильки из прически. Темные волосы пышной волной укрыли плечи.

Она просто уличная девчонка без рода и племени, дерзкая на язык маленькая дикарка. Манеры, над которыми бились преподаватели и классная дама долгие шесть с половиной лет, в минуту отчаяния слетели с нее, как конфетный фантик. И если жар юного тела — та цена, которая задержит лорда Конора хотя бы на один день, Вертрана будет рада ее заплатить.

Осторожно ступая, на цыпочках, она подошла к нему со спины. Только бы не оттолкнул. Вздохнув и задержав дыхание, обняла за плечи, ткнулась носом в лопатку. Верту колотила дрожь. Лорд Конор порывисто обернулся, их взгляды встретились. Серо-зеленые глаза были совсем темными, безнадежными, но все же в глубине всколыхнулось что-то живое. Сначала изумление, а потом гнев.

— Собираешься принести себя в жертву? — спросил господин Ростран зло и язвительно.

Руки Вертраны застыли, так и не коснувшись его груди. Но потом она даже обрадовалась: пусть так! Только не это ледяное безразличие.

— Нет, — сказала она тихо. — Никаких жертв. Я просто хочу... тебя... напоследок... Корн.

Он отшатнулся, услышав это имя. Схватил ее за запястья, чтобы оттолкнуть, и...впился в ее губы.

Вертрана ощутила, как под кожей словно пробежал разряд молнии. То, что она принимала за действие рун, на самом деле было желанием, заложенным природой в живое, расцветающее девичье тело.

Губы оказались горячими, властными и в то же время нежными. Лорд Конор то заставлял следовать за собой, то отступал, приглашая Вертрану продолжать. Верта поднялась на носочках и обняла его шею, не позволяя отодвинуться и прервать поцелуй. Они лишь на мгновение выныривали, чтобы глотнуть воздуха, а потом снова, как с разбега, бросались в пучину чувства.

Вертана провела ладонью по ткани рубашки, на ощупь отыскивая застёжки. Как их много, проклятие! Дернула за воротник, материя треснула, надрываясь. Градом посыпались пуговицы, дробно застучали по полу.

Она прижалась губами к его обнаженной ключице и почувствовала, как бьется под кожей вена.

— Корн...

Он вдруг весь содрогнулся от этой незатейливой ласки. Его сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот проломит ребра.

— Вертрана, ты...

— Не надо! Не надо ничего говорить!

Лорд Конор коснулся ее спины горячими ладонями, осторожно погладил, а потом сжал в объятиях. У Верты перехватило дух. Он поднял ее на руки и бережно опустил на кушетку.

Вертрана зажмурилась, облизнула саднящие, чуть распухшие от поцелуев губы. Сделалось и страшно, и сладко от предвкушения. Вертрана стояла на пороге нового, неизведанного, и была готова совершить этот шаг.

Лорд Конор осыпал поцелуями запрокинутое лицо, опущенные веки... Развел в стороны колени и накрыл ее тело своим жарким телом...

Мей говорила, что ей понравилась та первая и единственная ночь. Счастливица Мей. Вертрана уже потом подумала, что перенервничала: слишком многое на нее свалилось в тот день. Она не была готова к тому, что ощущения окажутся такими болезненными. Ей чудилось, что ее разрезают на две половинки. Это показалось таким обидным и неправильным! Только бы Корн не догадался, что ей больно.

Верта подавила стон, стиснула его плечи, прижалась щекой к щеке. Лорд Конор был осторожен, не торопился, гладил ее и целовал, а Вертрана задерживала дыхание и кусала губы.

Но, конечно, провести его не удалось. Он остановился и приник к ее груди, тяжело дыша. А потом снова коснулся губ уже без прежней страсти, но бесконечно нежно:

— Мы поторопились...

— Только не уходи... Не оставляй меня...

— Нет, не оставлю. Не оставлю.

Лорд Конор перекатился набок, обнял, баюкая в кольце рук, прижав хрупкое тело к своей вздымающейся груди. Вертрана устроила голову на его плече. Она чувствовала себя одновременно очень маленькой и совсем взрослой.

Верта уже задремала, когда лорд Конор потихоньку, стараясь не потревожить ее, поднялся.

— Я скоро вернусь. Не ночевать ведь нам, в самом деле, на узкой кушетке!

Вертрана все ждала, когда на нее обрушится стыд и осознание того, что она натворила, но пока она не чувствовала ничего, кроме усталости.

Лорд Конор действительно не стал задерживаться — видно, отдал распоряжения слугам и пришел за ней.

— Идем.

Он подхватил Вертрану на руки прямо в покрывале.

Коридоры оказались пусты, дом точно вымер. Лорд Конор принес ее в свою спальню, пересек комнату и толкнул неприметную дверь, за которой, как выяснилось, находилась умывальня. Бронзовая широкая ванна на четырех львиных лапах была до краев полна чистой, исходящей паром водой.

— Оставить тебя одну?

— Да, да. Спасибо!

Верта с наслаждением погрузилась в горячую воду и чувствовала, как ее покидает напряжение. Какое-то время она лежала, глядя в украшенный лепниной потолок. Не хотелось ни о чем думать, на это просто не было сил. Завтра, или послезавтра. Или никогда. Что случилось, то случилось.

Верта провела ладонью по животу, по бедрам, по груди. Она вовсе не ощущала в себе изменений,

хоть и стала женщиной.

Вода быстро остывала, поэтому пришлось вооружиться мочалкой, цветочным мылом и смыть с себя руны и пот.

Когда спустя несколько минут Вертрана, завернувшись в теплое полотенце, появилась на пороге спальни, оказалось, что в комнате ее тоже ждет сюрприз. Столик у камина был сервирован на двоих: золотистые дольки картошки, мясо в подливке, ломтики сыра, чуть подтаявшие от жара пламени очага. Желудок сжал болезненный спазм: Верта только сейчас поняла, что она чудовищно голодна. С утра у нее во рту не было ничего, кроме чашки бульона.

Позабыв о смущении, она забралась с ногами в придвинутое к камину кресло, сунула в рот кусочек сыра и зажмурилась от удовольствия.

Господин Ростран плеснул в хрустальные бокалы вина, один протянул ей, другой взял себе. Верта вдохнула аромат и узнала «Черного лекаря». Она улыбнулась лорду Конору глазами, а потом потупилась. С той минуты, как они покинули кабинет, не было сказано ни слова. И Вертрана впервые за свою жизнь не знала, что сказать, поэтому, отринув на время сомнения и терзания, принялась за еду.

И почему эти серебряные тарелочки делают такими маленькими? Наложив картофельные дольки горкой, Верта щедро сдобрила их подливкой, капнула на голое колено, подцепила капельку пальцем и облизнула. Попыталась втиснуть на тарелку пару кусочков мяса, но махнула рукой и отправила их напрямик в рот.

Лорд Конор, что напряженно наблюдал за ней первые минуты, широко улыбнулся и откинулся на спинку кресла. Он волновался за нее, а теперь успокоился, догадалась Верта.

Вертрана просто не умела долго предаваться отчаянию. Не даст и лорду Конору в него погрузиться. Ее деятельная натура уже искала выход, правда, пока не находила. Что же, прежний путь закрыт, но ведь она — аквамарин! Неужели вместе они не отыщут других возможностей?

Завтра. Когда она немножко отдохнет и придет в себя. Верту совсем разморило от тепла, сытной пищи и выпитого вина. Она терла глаза и зевала, борясь с дремотой, но поняла, что еще немного — и уснет прямо в кресле.

— Я пойду в свою спальню?

— А ты хочешь уйти?

Вертрана, прищурив глаз, попыталась сосредоточиться на лице лорда Конора.

— Я хочу остаться с тобой, — тихо ответила она и поспешно добавила: — Но ты мне ничего не должен.

— Кроме свободы, — согласился лорд Конор.

— Да...

Вертрана сама удивилась той нерешительности, что прозвучала в голосе. Разве не к свободе она всегда стремилась?

«Вот помогу ему расправиться с врагом, и тогда!..»

В спальне было жарко натоплено. Вертрана неуверенно застыла у постели, а потом — была не была — скинула полотенце. Чего он не видел? Все уже рассмотрел! Сладко потянулась и смутилась, заметив, что лорд Конор неотрывно глядит на нее.

— Что?

— Ничего, — он наклонился и коснулся губами ее волос. — Отдыхай, мисти. Спи, моя хорошая.

Сам господин Ростран еще долго не ложился. Вертрана слышала сквозь забытие, как он вышел, потом вернулся, сел у камина. Позвякивало горлышко графина, ударяясь о стенки бокала. Потрескивали дрова, прогорая, пока в очаге не остались только угли, освещавшие комнату уютным оранжевым светом.

Лорд Конор лег, кажется, лишь под утро. Кровать скрипнула, прогибаясь под его телом.

— Корн... — сонно пробормотала Вертрана.

И услышала тихий смешок.

— Даже не лорд? Вот как?

— Теперь ты мне не хозяйин! Я свободная девушка...

Она собиралась зевнуть, но ей это не удалось: Корн закрыл ей рот поцелуем. А потом ее сгребли в охапку. Обнаженная спина Вертраны оказалась прижата к пышущей жаром груди.

— Может быть, я сначала посплю? — спросила она немного испуганно.

— Какая ты девчонка еще, — пробормотал он в ее волосы. — Думаешь, я сейчас накинусь на тебя? Нет, больше мы торопиться не станем.

Уже почти погрузившись в сон, Верта вдруг распахнула глаза. Нахлынуло запоздалое осознание. «Я лежу в кровати с лордом Конором, — ошарашенно подумала она. — Мы занимались любовью... Ох...»

Вертрана проснулась от аромата травяного напитка и запаха свежей сдобы. Заиндевевшие окна золотились в лучах рассвета. По телу разливалась незнакомая нега, Верта ощущала себя невесомым облачком.

Лорд Конор встал еще раньше, чтобы принести завтрак. Вертрана почувствовала прикосновение кончика его указательного пальца к своей раскрытой ладони. Он провел по линии судьбы, очертил все складочки и бугорки. Осторожно, чуть прикасаясь. Верта едва не замурлыкала от удовольствия.

— Проснулась?

— Еще нет, — прошептала она, выпростав из-под одеяла руку, приглашая погладить и ее тоже.

Он провел линию вверх от запястья. Наклонился и поцеловал нежную кожу на сгибе локтя.

— Так хорошо?

Вертрана, не открывая глаз, кивнула.

Он снова рисовал руны на ее коже, только в этот раз кончиками пальцев, заставляя Вертрану трепетать и покрываться мурашками. Верта оголила коленку... тонкую лодыжку... плечи... Позволяла ласкать все новые участки тела. Вот, задыхаясь от жара, скинула одеяло... Его ладонь скользнула по животу, Вертрана выгнулась навстречу.

Верта и не поняла, в какой момент они снова сделались одним целым. В этот раз не было больно ни капельки. Вертрана прижималась к его бедрам, отдаваясь с пылом, которого сама от себя не ожидала.

— Пожалуйста, пожалуйста... — бездумно шептала она, даже не зная, о чем хочет попросить.

Он замер.

— Нет! — возмутилась Вертрана. — Нет, нет, не останавливайся!

Он тихо рассмеялся. Поцеловал ее в кончик носа, а потом в губы.

*** 50 ***

Вертрана знала, что, едва остынет страсть, лорд Конор снова вспомнит о том, что надежда потеряна. Отчаяние никуда не делось. Затаилось, ждет удобного часа, чтобы заполнить душу темнотой. Значит, на этот раз нужно нанести удар первыми!

Вертрана устроилась на плече Конора, а он отрешенно перебирал и гладил ее пальцы. Верте казалось, что они обдумывают одну и ту же мысль.

— Корн, я все размышляю над путешествием... — осторожно произнесла Вертрана, приподнялась на локте и извинилась взглядом: «Прости, если делаю больно». — Давай соберем вместе все, что знаем. Вдруг это поможет найти убийцу!

— Едва ли, — Конор не разделил ее энтузиазма. — Но согласен, давай попробуем.

— Сначала расскажи, что ты помнишь о том дне. У тебя должны остаться воспоминания.

Лорд Конор прищурился, погружаясь в глубины памяти. Качнул головой.

— Это было так давно... Все равно что смотреть в пруд и пытаться рассмотреть что-то в мутной воде. Кажется, я помню девочку, которой стало плохо от жары, она потеряла сознание, но потом очнулась. Правда, выглядела растерянной.

Верта наморщила лоб. Вроде бы однажды ей стало плохо в сквере, да так сильно, что, очнувшись, она не смогла вспомнить, как там оказалась. Тим ревел и за руку вел ее домой. А дома от мамы влетело за разбитую кружку! Ой! Ту самую, с бабочками!

— Вот как! Ты... Давай называть тебя для удобства «Конор первый»...

— М-м, ощутил себя королем!

— Не смейся! — но и сама улыбнулась. — Итак, Конор первый не разобрался, что происходит. Решил, что девочке стало плохо, потом ей стало хорошо, и все разошлись, успокоенные.

— Примерно так.

— Ты что-то еще помнишь, Конор? Других девочек?

Конор сел, потер переносицу.

— Не знаю, что я помню... Совершенно точно, стакан всегда раскалывался у Арлисы в руках, я уводил ее прочь и больше не оборачивался.

— Но ко мне ты вернулся! — воскликнула Вертрана.

— Да...

— Ладно, это неважно. Говоришь, стакан? Но в последний раз это совершенно точно была чашка с бабочками!

Какое-то время господин Ростран напряженно размышлял.

— Странно. Я ясно вижу то стакан из голубого стекла, то бокал на ножке, то чашку с бабочками, то миску для бульона, которую додумались приспособить под лимонад...

— Четыре! — показала Верта загнутые пальцы. — Ты понимаешь, что это значит?! Кто-то использовал твое настоящее воспоминание о расколовшейся кружке...

— Чтобы совершать преступление у меня на глазах! — закончил он за Верту.

— А ты даже ничего не понял!

Они уставились друг на друга, точно впервые увидев.

— Так он твоих помощниц и убивал! Вытягивал взрослую душу из тела, а девочка оставалась невредима. Никто и не заподозрил, что это убийство. Ребенок падал без чувств, но потом приходил в себя.

— Ума не приложу, какое заклятие может проникнуть так далеко в прошлое!

— Какое заклятие? — удивилась Вертрана. — Он сам там был! Собственной персоной! Жуткий тип. Как вспомню, так вздрогну!

— В каком смысле — сам?

Лорд Конор взял ее за плечи, побледнев на глазах. Верта перепугалась, погладила Корна по щеке, надеясь, что это приведет его в чувство.

— Рассказывай, — глухо произнес он.

Вертрана, волнуясь, сообщила все, что помнила о страшном типе. Пожилой, темная одежда, как у законника, поэтому она и решила, что тот направляется в суд. У него даже знак гильдии был. Когда он пил лимонад, а потом читал газету, то выглядел как нормальный человек, ничем не выдал своей мерзкой сути. До тех пор, пока не принялся колдовать!

— Ты совсем не помнишь его?

— Нет... Я не обратил внимания. В тот день в сквере было много людей. Вроде бы помню какую-то темную тень, но, возможно, это только воображение.

Он стремительно встал с постели и начал торопливо одеваться. Верта тоже вскочила. Она ничего не понимала, но готова была бежать следом.

— Что ты понял, Корн? Расскажи мне!

Он уже натянул брюки и заправлял рубашку. Пригладил волосы пятерней, чмокнул мисти в щеку,

одновременно застегивая запонку: очень торопился.

— Не хочу говорить раньше времени. Сначала все проверю. Потом объясню! Не скучай без меня!

Лорд Конор уже взялся за ручку двери, но вернулся, чтобы снова поцеловать Верту.

— Вертрана, ты умница!

— Еще бы знать почему! — проворчала она вслед.

Некоторое время Вертрана сверлила взглядом закрывшуюся дверь, а потом снова откинулась на подушки, собирая в голове все кусочки мозаики. Некоторых явно не хватало для полноты картины. Удивительно, что лорд Конор сумел что-то понять. Но маг-то каков! Верта невольно восхитилась его извращенным, коварным разумом. Это ведь надо было придумать такой план! Магиссы погибли буквально на глазах Корна, а он ничего не понял!

Верта еще повалялась в кровати, но скоро ей сделалось скучно. Книги остались в спальне, и Вертрана решила, что накинет халат и по-быстрому перебежит в свою комнату, благо та находилась неподалеку.

Почему-то не хотелось, чтобы кто-то из слуг заметил, как она выходит из комнаты лорда, поэтому Верта мышонком выскользнула за дверь, а после стрелой пронеслась по коридору. И... до смерти перепугала Шейлу, которая наводила порядок в спальне. Она, бедная, схватилась за сердце и расширившимся от ужаса глазами глядела на мисти так, будто перед ней предстало привидение.

— Э-э... Привет! — Верта смущенно помахала рукой и запахла на груди разъезжающиеся полы халатика.

— Вы живы! — ахнула горничная. — Но как!..

— Спасибо, что волновалась за меня, но ведь я тебе говорила, что все будет хорошо. А вы меня уже похоронили, да?

Она рассмеялась.

— Помоги мне одеться, Шейла!

Горничная сначала опасалась прикоснуться к «воскресшей» из мертвых мисти, пуговицы на платье застегивала, отодвинувшись на расстояние вытянутой руки. Пучила глаза и тряслась, пока Вертрание это не надоело. Она вздохнула, резко повернулась и прижала ладонь к щеке Шейлы.

— Нельзя быть такой суеверной! Смотри, я теплая! Я не призрак! И очень хочу есть, кстати!

Уже наступило время обеда, и Верта поняла, что проголодалась. А Конора так и нет... Где же он и зачем заставляет ее волноваться?

— Я не пойду в столовую, вели принести что-нибудь сюда.

Вертрана жевала, не чувствуя вкуса еды, и листала книгу с аквамаринном на обложке. В голове металась самые разные мысли. Ужасно жаль, что план Конора провалился. Аквамарин может переместиться в каждый момент прошлого всего один раз, этот путь закрыт. Маленькая девочка могла остаться жива, но стакан с прохладником разбился, Эмбер родилась с магией и спустя несколько месяцев погибла в пожаре, который сама же и сотворила, не совладав с даром...

Вертрана распрямылась, будто ее прошила молния. «А что если... Нет, нет, это не сработает... Но вдруг, почему бы не попытаться! Во всяком случае, хуже не будет!»

Она схватила книгу и снова внимательно перечитала самый трудный раздел, мысленно проговаривая сложную формулу заклинания.

— Пуговица, булавка, браслет, даже носовой платок — могут стать отличными проводниками... — прошептала она вслух. — Ладно. Почему бы и нет!

Спальня Эмбер находилась здесь же, на втором этаже, в конце коридора. Вертрана никогда не входила в нее, хотя дверь не запиралась: не могла себя заставить. А лорд Конор иногда по вечерам навещал комнату дочери.

Вертрана отдышалась и повернула ручку. Она и сама не знала, что ожидала увидеть, но детская совсем ее не испугала. Здесь не водились призраки и не витал дух смерти. Наоборот, комнатка оказалась уютной и светлой. Конечно, от старой обстановки, погибшей в пожаре, ничего не уцелело, но Корн все восстановил. Заказал кровать, шторы золотистого цвета, ткань на стены с цветочным рисунком. На кресле-качалке сидела мягкая кукла с глазами-пуговками. Вертрана

поднесла ее к носу, понюхала. Нет, кукла тоже новая, она пахла краской, но не дымом. Верте нужна была хотя бы одна вещь, которая принадлежала маленькой Эмбер. Неужели ничего не осталось?

Теряя надежду, она перебирала игрушки, заглядывала во все углы, даже залезла под кровать. Чисто, опрятно, ни пылинки... И ничего, что может пригодиться для портала!

Кусая губы, Верта прислонилась к резному бортику кровати, и тут ее взгляд упал на погремушку. У Вертраны в детстве была похожая, с бубенцом на конце деревянной палочки, только вот игрушка маленькой Эмбер была сделана из серебра. Она выглядела потертой и тусклой — вещь, которой действительно пользовались. В отличие от безжизненных, сияющих новизной кукол, зайцев и деревянных домиков.

Вертрана, боясь разувериться, осторожно взяла ее в руки, повернула. Один бочок погремушки оказался закопчен.

— Вот и ты... — прошептала мисти. — Я иду, Эмбер.

*** 51 ***

Вертрана знала, что затеяла авантюру. Не просто так Конор потратил уйму времени, отыскивая момент, когда тонкую ниточку будущего можно оборвать у самого основания. А пожар отменить уже нельзя. Знай Корн, что Верта в одиночку попытается нырнуть в прошлое, да еще в чужое тело, да без поддержки, отругал бы. Нет, хуже! Посмотрел бы холодно и высокомерно. Бр-р, даже подумав об этом, Вертрана замерзла.

— Ну что же поделать, Корн! — произнесла она вслух. — Я понимаю, что ее не спасти... Но все равно попытаюсь!

Верта опустила в кресло-качалку, посадила себе на колени куклу, прижала к груди погремушку.

— Вообще-то мне самой страшно! — продолжила она диалог с невидимым собеседником. — Ты уж прости... Если не вернусь...

И поскорее, опасаясь передумать, сплела сложную формулу заклинания. Она сможет переместиться в тело Эмбер на несколько минут, едва ли больше. Главное, попасть как можно ближе к тому моменту, когда начнется пожар. Вертрана ощущала теплый металл погремушки, пытаясь представить вещичку в руках маленькой девочки. Представить себя этой девочкой.

Скрипнула дверь. Да кого принесла нелегкая, не дадут сосредоточиться! Вертрана возмущенно открыла глаза.

— Шейла? — спросила она.

Вернее, собиралась спросить, потому что неожиданно для себя вместо привычной человеческой речи издала какой-то цыплячий писк. Погремушка вырвалась из руки, запрыгала по полу. От неожиданности Вертрана ахнула... Вернее, разразилась тоненьким плачем.

— Тихо, тихо, котенок мой!

В комнату зашла незнакомая девушка в одежде прислуги, она несла чашечку с кашей. Поставила на столик и подхватила Вертрану на руки. Покачала, утешая. Поправила чепчик, поцеловала в щеку.

— Ну-ну, стоило мне выйти на две минутки, как ты уже в слезы! А вот если я папе твоему расскажу, что его драгоценная птичка такая плакса!

«Я уже здесь! В теле Эмбер!»

Все случилось так быстро, что первые секунды Верта пребывала в шоковом состоянии. Мало того что она оказалась беспомощной и бессловесной крошкой, так еще и в душу хлынули воспоминания самой Эмбер — коротенькие и расплывчатые. Тени на потолке... Теплая шаль, в которую ее заворачивают на ночь... Кто-то качает кроватку и поет колыбельную... Но больше всего Эмбер радуется, когда появляется «сильные руки» и «громкий голос». Он подбрасывает вверх. Он щечколет щечки колючками. Смеется и рассказывает Эмбер что-то хорошее. Она пока не понимает, что именно, но затихает, прислушиваясь. Он говорит «доченька», а еще «радость моя», а еще «мой солнечный лучик». Это все она — Эмбер. «Громкий голос» любит ее. А она любит «громкий голос».

Вертрана еле-еле выпуталась из воспоминаний малышки, снова становясь собой. Ей сделалось невыносимо грустно. Даже страшно представить, что пережил Конор, оставшись без своего «солнечного лучика». Теперь Верта и сама станет скучать без Эмбер.

Думать ясно никак не получалось. Длинные мысли не умещались в маленькой головке. Верта

пристально разглядывала младенческие ручки, надеясь не пропустить момент, когда вырвется магическое пламя.

— Ой, что там? Пальчики? Какие у нас пальчики! Пухленькие и хорошенькие! — приговаривала няня, подбрасывая Эмбер на коленях. — Скоро Эми подрастет, скоро ножками пойдет! Ну что, давай кушать кашку?

Верта не успела опомниться, как в рот набилась вязкая, густая, несладкая каша. Она с трудом протолкнула ее в горло и, когда няня набрала следующую ложку, начала активно крутить головой.

— Ну-ну, не капризничай! — пожурела няня.

Подобрала погремушку, потрясла ею над ухом Верты. Та вздрогнула от неожиданности, а няня, воспользовавшись моментом, впихнула новую порцию каши.

«Какой ужас! — думала Вертрана, наполненная кашей уже под завязку. — Никогда! Никогда не буду пичкать своих детей!»

Дверь в детскую приоткрылась, и Верта обрадовалась неожиданному избавлению. «Больше никогда не буду есть кашу!» — сумрачно подумала она, отплеываясь.

Лишь потом заметила, что няня напряженно застыла, прижав ее к груди.

— Кто вы? — спросила она у незнакомца, появившегося на пороге.

У мужчины оказалось молодое симпатичное лицо, густые каштановые волосы. Он был статен и широкоплеч. И все же было в его облике что-то неправильное. Вертрана никак не могла уловить, что именно. На вопрос няни он широко улыбнулся.

— Я друг хозяина дома, не пугайся. Зашел познакомиться с этой юной леди. — Он поклонился Эмбер и шутя поцеловал ее крошечную ручку. — Конор подойдет позже.

— Друг? — В голосе няни слышалось подозрение, она отодвинулась от гостя и переместила Эмбер на другой бок, подальше от него. — Я раньше вас не встречала.

— Я был далеко. На войне. А теперь заехал повидаться.

Вежливые ответы мужчины рассеяли недоверие няни.

— Вы и в главном сражении участвовали? — спросила она, в глазах мелькнуло восхищение.

— В битве у Звенящей реки? Да, знатная была заварушка!

Теперь молодая женщина смотрела на незнакомца, как на героя. Даже позволила ему потрепать Эмбер по головке.

Вертрана была настолько ошарашена происходящим, что порадовалась тому, что находится в теле несмышленища, иначе ее выпученные глаза и полуоткрытый рот точно привлекли бы ненужное внимание.

— Какая ты красавица, Эми, — сказал гость, наклонившись и заглядывая в глаза девочки. — Вылитая Лиса.

— Ее мама, бедняжка, умерла...

— Я знаю! — резко оборвал мужчину, но тут же смягчился, в его голосе появилась неподдельная грусть. — Знаю, знаю...

Он задумчиво сжал в ладони маленькие пальчики.

— Разрешишь мне подержать малышку?

— Не знаю, Эми сегодня такая капризная.

— Меня она вроде бы не боится.

Вертрана изо всех сил постаралась заплакать, скривила мордочку, но нарочно это сделать не получилось. Незнакомец подхватил ее на руки, его лицо оказалось совсем рядом. Верта вдруг поняла, что с ним не так: черты лица были маской, искусно сплетенным заклинанием. А под ним... Нет, никак не получалось рассмотреть. Только глаза были настоящими, и Вертрана угодила в водоворот чувств: сомнение, злость, нежность, грусть — все отразилось во взгляде. А потом взгляд сделался спокойным, точно мужчина принял решение.

— Он тебя не заслужил...

— Что? Что вы говорите?

Гость не ответил, молча отправился к двери с Эмбер на руках.

— Стойте! Стойте!

Няня вцепилась в руку, попыталась отнять малышку.

— Я буду кричать! Я позову хозяина!

И поняв, что пустые угрозы не подействуют, набрала в грудь побольше воздуха, вот только крикнуть не успела — упала навзничь, отброшенная магической волной. Вертрана узнала заклинание. Няня уже не поднимется, у нее разорваны легкие...

— Проклятие! — прорычал мужчина. — Идиотка! Лезет под руку!

И тут же ласково погладил по спинке всхлипывающую Эми.

— Тихо, тихо, крошка. Сейчас мы уйдем...

Он прижал к себе девочку одной рукой, а другую направил ладонью вверх. Вены вздулись, казалось, что под кожей течет расплавленное пламя. Достигнув кончиков пальцев, оно сначала полилось густыми каплями, а потом заструилось волной. Мгновенно охватило шторы, балдахин над кроватью, тканевые обои. Детская вспыхнула, будто была сделана из сухой соломы.

Последним, что увидела Вертрана, была погремушка, лежащая на полу. Ее серебристый бок лизали языки пламени...

*** 52 ***

— Вертрана! Вертрана! Очнись!

Ее трясли чьи-то руки, смутно знакомый голос звучал встревоженно. Верта качалась на зыбкой грани между явью и забытьем и хотела, чтобы ее оставили в покое. Она уплывет, уплывет... Далеко-далеко отсюда...

Тут Вертрану окатили с ног до головы ледяной водой. Она села, отплевываясь, сердито отводя с лица мокрые волосы, повисшие сосульками.

— Да что за?.. Конор! Это ты!

— Верта! Помнится, однажды я грозился тебя выпороть! Вот думаю, не пора ли привести угрозу в исполнение?

Конор стоял, опустившись на одно колено. Видно, как зашел с улицы — не сняв пальто, — так и ринулся в детскую. На воротнике еще не успели растаять снежинки. Вид у него был суровый, Верта даже немного струхнула и потихоньку отодвинулась.

— Как ты узнал, где я?

— Связь наших аур еще не до конца распалась. Я почувствовал, что с тобой происходит неладное. Тебя даже на пару часов нельзя оставить одну? Непременно надо во что-то вляпаться?

Он резко замолчал, сообразив, что находится в комнате дочери. Посмотрел настороженно.

— Вертрана, ты ничего не хочешь мне сказать?

Она очень хотела, но не знала как. Ведь это такая новость! Как бы она не сбила его с ног. С одной стороны — огромное счастье, что Эмбер не погибла при пожаре, а значит, скорее всего, она жива и сейчас. С другой стороны — мало утешения в том, что родную дочь похитил какой-то маньяк, неизвестно где спрятал и что делал с бедной девочкой все эти годы...

— А ты что-нибудь узнал? — перешла она в атаку. — Я, между прочим, волновалась! Тебя так долго не было!

Отвлекающая тактика сработала. Лорд Конор вернулся с важными новостями, и он, поколебавшись секунду, решил начать первым. Вот и славно, а там, глядишь, Вертрана и сообразит, как преподнести новость про Эми.

Конор помог Вертране подняться и продолжал рассказывать по дороге в спальню.

— Ты так хорошо описала законника, что я не мог не попытаться его найти. Прочет было достаточно. Темные одежды обвинителя, знак гильдии, примерный возраст и день, когда он шел в суд.

— Неужели нашел? Не может быть!

— Статус и положение в обществе открывают многие двери. Да, я нашел его.

Вертрана ахнула и смерила лорда Конора недоверчивым взглядом. И злобный колдун не наделал в нем дырок? И даже пальто не дымится? Странно!

— Он не маг, — усмехнулся господин Ростран, правда, усмешка вышла грустной.

— Как? Что? Но я сама видела...

— Может быть, ты позволишь мне рассказать? — спросил он строго.

Верта покаянно кивнула и тихонько, стараясь не мешать, приотворила створки шкафчика, отыскивая сухую одежду.

— Его зовут Берг Овитер, законник, ты оказалась права. В прошлом году он отошел от дел.

Лорд Конор рассказывал и небрежно, будто так оно и надо, помогал Вертране распустить шнуровку на мокром платье. Она не противилась. Среди вороха белья он отыскал взглядом кружевную сорочку, вынул, приподнял бровь: «Пойдет?» Верта кивнула, избавляясь от прежней, липнувшей к телу.

— Я прямо спросил его об известных нам обстоятельствах.

— Корн! — не выдержала Вертрана. — Как самонадеянно! А если бы он развеял тебя по ветру!

— Не развеял бы! — Конор, не удержавшись, поцеловал Верту в голое круглое плечико. — Я не чувствовал в нем ни капли магии. К тому же у меня был с собой мощный защитный артефакт...

— Хорошо, наверное, иметь отца — главного королевского артефактора.

— Хорошо, — согласился господин Ростран. — Так вот, господин Овитер, в прошлом обвинитель, поведал интереснейшие новости! Во-первых, тот самый день почти полностью стерся из его памяти. Ему даже пришлось пропустить суд. Он вернулся домой, решив, что получил тепловой удар.

Что бы ни сообщил дальше лорд Конор, уже одна эта новость звучала пугающе. Вертрана задрожала.

— Еще не хватало простуды! — Корн выхватил из шкафа самое теплое и самое уродливое платье и взглядом приказал одеваться. — А во-вторых... Пару месяцев назад его посетил незнакомец и предложил огромные деньги за знак гильдии. Для законника, отошедшего от дел, названная сумма стала бы неплохим подспорьем в старости. Он согласился.

— Но зачем? — удивилась Вертрана. — Знак гильдии? Что в нем особенного?

Конор некоторое время смотрел ей в глаза, надеясь, что Верта догадается, но она, сбитая с толку, перегруженная информацией, замерзшая и мокрая, никак не могла сообразить.

— Знак гильдии был на нем в тот самый день, когда мы с Арлисой пришли в сквер. Он нужен был магу для...

— Портал! — воскликнула Верта. — О боги! Какая я глупая! Он купил у господина Овитера значок гильдии, чтобы построить портал и переместиться в прошлое — в тот самый день!

— Да! — воскликнул Конор. — И я более чем уверен, что до этого он таким же образом приобрел вещи других людей. В последний раз он оказался в теле законника. До этого мог быть женщиной в цветастом платке, я вдруг ясно вспомнил, что она покупала клубнику у толстого мальчугана, но неожиданно выронила стакан. Или... Да кем угодно! Ты понимаешь, что это значит?

Вертрана зажала ладонью рот и нашла в себе силы лишь кивнуть. Она понимала. Строить порталы в прошлое могут только аквамарины. Книга с голубым камнем на обложке раньше принадлежала лучшему другу Конора. Другу, который погиб в битве у Звенящей реки.

Настало время сказать о том, что она сама увидела в прошлом.

— Это твой друг, которого ты считал погибшим, — тихо произнесла она. — Ларан, кажется? Не знаю, что произошло между вами двумя и за что он так отчаянно тебе мстит... Но...

Она отвернулась, чтобы не видеть лица Конора.

— Лар украл твою дочь. Она не погибла в ночь пожара, это он забрал ее.

Господин Ростран не издал ни звука. Вертана оглянулась и в первый миг испугалась, что лорда Конора хватил удар. У него было такое лицо... В гроб и то краше кладут!

— Главное — она жива! — Верта стиснула его руку. — Жива! А значит, мы обязательно ее найдем.

Но Конор, так же как и Вертрана несколько минут назад, первым делом подумал о самом плохом.

— Моя девочка... Моя Эмбер... в руках психопата.

— Твой Лар совсем слетел с катушек! — согласилась Вертана. — Что же теперь?..

Лорд Конор обошел ее и направился к выходу из спальни. Едва не выломал ручку, забыв, что дверь открывается наружу. В итоге распахнул ее пинком, та грохнула о стену и закачалась в петлях с жалобным скрипом.

— Бушует. Это хорошо, — успокоила себя Верта. — Значит, будет бороться.

*** 53 ***

Вертрана выждала несколько минут и отправилась разыскивать Конора. В спальне его не оказалось, в кабинете тоже. Шейла только пожалала плечами, лакеи почтительно кланялись и пучили глаза. Добродушный повар обрадовался появлению мисти, но, как выяснилось, лишь потому, что в подвале снова завелись крысы. Насилу удалось от него отвязаться.

Пришлось обратиться к чопорному дворецкому. Отношения с ним у Вертраны не задалась с самого начала. Похоже, главный над слугами, старик величественного вида, недолюбливал женщин, а особенно магисс. На Верту он с самого первого дня смотрел свысока. Поначалу она именно в нем заподозрила врага. Но нет, дворецкий оказался озлобившимся старым ворчуном, и только.

— Ушел, — коротко бросил он.

— Как? Куда?

Старик повернулся к Верте спиной, забряцал связкой ключей: «Я занят!»

Значит, ушел. И ничего ей не сказал.

Верта села на подоконник, поджав ноги. За окном начинались ранние сумерки, редкие снежинки кружили в воздухе. Сад, двор, подъездная дорога — все засыпал снег. Вышел Барт с лопатой в руках, принялся чистить крыльцо. Значит, Корн даже карету не взял? Хотя в имении было несколько экипажей и конюхов, лорд Конор предпочитал преданного возничего.

Куда же он отправился? Сердце Вертраны было не на месте.

— Вам накрыть ужин в столовой? — спросила горничная, когда спустя час заглянула в комнату.

— Нет, я не голодна.

На улице совсем стемнело. Вертрана щелчком пальцев притушила светильники, прижалась щекой к стеклу, глядя в сторону ворот. Только бы с Корном не случилось плохого! Ларан всегда каким-то образом угадывает, где Конор, всегда опережает его на шаг.

Знакомый силуэт появился на подъездной аллее, когда Верта уже не чаяла дожидаться. Она вскрикнула от облегчения и поспешила навстречу. Оказалась в холле первого этажа как раз в тот момент, когда лакей, почтительно склонившись, распахнул дверь перед хозяином дома.

Лорд Конор шагнул, оступился. Ему пришлось ухватиться за плечо слуги, чтобы не упасть. Вертрана дернулась: ранен? Тут господин Ростран поднял голову и ухмыльнулся. Подмигнул.

— А вот и моя девочка.

Он был пьян. Мертвецки пьян, так что еле держался на ногах. Ах, негодяй! Внутри Вертраны заклокотала злость. Она себе места не находит от беспокойства, а этот!.. Какие мужчины все-таки примитивные создания!

— Идем! — прошипела она, хватая лорда Конора под руку.

— Идем, — согласился он, осторожно освобождаясь из хватки Верты.

Он приосанился, а главное, принял бесстрастный вид: «Кто пьян? Я? Тебе почудилось!»

Спасибо, хоть не вис на Верте кулем. Выглядел даже более аристократом, чем обычно. Верта же цедила воздух сквозь сжатые зубы, но потихоньку приходила в себя. Жив, здоров — и на том спасибо.

В спальне у Конора кончился запал. Он осел на кровать прямо в пальто, а потом и вовсе распластался на ней.

— Пойду сварю отрезвляющего зелья, — вздохнула Верта. — И себе заодно... настойку. Как-то мы благополучно забыли о ней. Ты ведь не хочешь стать отцом...

Слово «отец» подействовало сильнее отрезвляющего снадобья. Господин Ростран сел, помассировал виски.

— Человек, которого я считал лучшим другом, о смерти которого сожалел, лишил меня возможности быть отцом Эмбер. Она росла без меня. Она меня даже не помнит... Не нужно мне зелья, Верта. Забыться бы. Хоть на час.

Злость схлынула, оставив после себя усталость. Мисти присела рядом на постель.

— За что он так с тобой? В чем ты провинился? Прости, в сквере я случайно подслушала ваш с Лисой разговор. Она сказала, что ты заполучил ее обманом...

Конор скрипнул зубами, будто Верта, не зная того, ткнула в больное место.

— Арлиса любила меня! — крикнул он. — Меня! Мы с Ларом были дураками, заключив ту сделку. Она бы все равно выбрала меня, а он обозлился, когда понял, что я его обманул. Ушел на войну. И погиб.

— Не погиб, — тихо напомнила Вертрана. — А ваш спор... Вы ведь поспорили? Действительно дурь! Арлиса любила тебя и все равно стала бы твоей женой.

Верта говорила, и ее мучило от ревности. Но надо раз и навсегда принять эту часть жизни Конора. Его счастье с Лисой, его преданность ей все эти годы. Вертрана не заменит умершую жену, что поделаться...

— Может быть, расскажешь, что там случилось? — мягко спросила она. — Нет, если не хочешь — не говори. Я пойму.

— Почему нет, — хмуро ответил он. — Это историю и так знают слишком многие. Даже те, кому знать не следовало бы.

— Ты о лорде Герониме? Почему он знает подробности?

— Потому что он королевский законотворец, — выплюнул Конор. — Его резолюция стояла на приказе о моем отчислении из Академии.

Королевский законотворец? Вот как, значит. Птица высокого полета.

— Он имеет влияние на короля? — осторожно поинтересовалась Вертрана. — Почему-то мне кажется, что они с твоим отцом давние соперники при дворе.

— Так и есть. И, возможно, мою магию не запечатали бы, не надави он на правителя.

— Когда запечатывают магию — больно?

Уголок рта Конора дернулся в едкой усмешке.

— Нет, страдает в основном самолюбие. Я дал себе слово — не жалеть о том, что совершил. Магия — ничтожная цена за возможность остаться с Арлисой. Но сегодня я чувствую себя беспомощным и жалким. Моя дочь в руках Ларана, а я ничего не могу сделать.

— Но я могу! — воскликнула Верта. — Вместе мы обязательно что-нибудь придумаем! Мы спасем Эми!

Лорд Конор улыбнулся. Печально, но с толикой надежды. Потом нетвердо встал на ноги.

— Ты куда?

— Во-первых, переодеться и привести себя в порядок. Во-вторых, принести артефакт... Скоро все поймешь.

— Весь в артефактах, — хмыкнула Верта. — С ног до головы.

— Именно это меня и подвело!

Он вернулся посвежевший и одновременно чуть более мрачный. Протянул Вертрانه маленькие карманные часы на серебряной цепочке. Верта собиралась нажать на рычажок и откинуть крышку, но Корн удержал ее руку.

— Подожди. Это артефакт памяти, я сохранил в нем воспоминание о том дне. Как только ты его откроешь — станешь свидетельницей событий.

— Хорошо, — кивнула Верта, не понимая, что ей мешает приступить прямо сейчас.

— Возможно, твое мнение обо мне изменится в худшую сторону...

Вертрана фыркнула и боднула Конора лбом в плечо — забылась. Она привыкла так баловаться с Эйлин и Мей. Вообще-то жест означал: «Ой, да брось ты!»

— После сегодняшнего твоего эффектного появления вряд ли, — хихикнула она.

И, отбросив сомнения, открыла артефакт.

*** 54 ***

Вертрана очутилась под каменным сводчатым потолком в длинной галерее. С одной стороны окна открывались на широкую террасу и залитый светом сад, с другой была глухая стена. В обоих направлениях шли молодые люди — юноши в черных накидках. Некоторые несли в руках книги и свитки, другие неторопливо слонялись или стояли группами.

Все казалось таким реальным, будто Верта на самом деле перенеслась в прошлое. Она посмотрела на часики в своих руках, пожала плечами и перегородила путь лопухому парнишке. Заметит или нет? Студент Академии прошел насквозь, а Верта ощутила прохладу, словно встала на сквозняке.

Итак, это все-таки лишь воспоминание. Но где же искать Конора и Ларана? Будущие маги выглядели совершенно одинаковыми в этих плащах. Верта покружилась на месте, рассматривая лица. Знакомых не увидела, зато заметила, как разительно отличаются студенты Академии от воспитанниц Института. Лица девочек всегда оставались настороженными и напряженными, даже когда они улыбались. Они каждую секунду следили за осанкой, походкой, любым произнесенным словом. Молодые мужчины вели себя уверенно и расслабленно.

Вертрана подошла к группе мальчиков помладше, которые забавлялись тем, что запускали с ладони вверх водяные фонтанчики — у кого выше взлетит. Они баловались, смеялись и подначивали друг друга. Проходящий мимо наставник сделал замечание, но о наказании даже речи не шло. Кому в голову придет наказывать юных аристократов, отпрысков знатных родов?

— Но где же ты, Корн? — прошептала Верта.

Она посмотрела на часы и только теперь увидела, что секундная стрелка ведет себя странно: она не двигалась по кругу, а металась из стороны в сторону, точно хотела указать направление.

— Ну ладно!

Верта решила довериться стрелке, дождалась, пока она встанет, и отправилась в ту сторону. Далеко идти не пришлось. На широком подоконнике примостились двое парней, еще трое стояли рядом. Они что-то обсуждали и громко смеялись. Никем не замеченная, Верта подошла совсем близко и встала за спиной одного из студентов.

Конор-пятикурсник сидел, прислонившись к раме, и между делом плел между пальцев огненную паутину. Он слушал, что говорит статный парень, позади которого затаилась Вертрана. Лица было не видно, но голос звучал знакомо. И довольно нахально. Похоже, этот студент был здесь заводилой и душой компании.

— Ну что, цыплятки, кто из вас уже подал заявку на участие в Ежегодном турнире? Хотя о чем это я — кто же решится после того, как прошел слух, что на финальное соревнование привезут огнеплюя.

— Вообще-то я записался, — нерешительно ответил невысокий паренек.

Его мантия потерлась на локтях от долгого сидения за столом. Судя по виду, он больше любил теорию, чем практику, да и стопка учебников под мышкой свидетельствовала о том же.

— Молодец, Винс! Хвалю! Если выйдешь хотя бы во второй тур, обещаю дать поддержать мой кубок победителя!

— Это я обещаю дать поддержать свой кубок, — лениво поправил Конор, напирая на слово «свой». — Но согласен, что Винс молодец. А ты, Рой? Ты, Гарри?

Парни вовсе не желали быть записанными в «цыплатки». Рой или Гарри — кто их разберет — с деланным безразличием сообщил, что его отец считает турнир соревнованием глупцов: здесь важны не знания, а исключительно сила намерения. Если у тебя восьмерка, даже соваться не стоит.

— А кто тебе мешал развить ее на десятку, Гарри? — хмыкнул заводила. — И у Винса восьмерка, но он не испугался. Ко-ко-ко, цыпленочек!

Гарри ринулся врукопашную, но завязавшаяся драка быстро перешла в дружескую потасовку, которая прекратилась после того, как рядом оказался преподаватель и сделал строгий нагоняй выпускникам: «Скоро квалификационный экзамен, а вы ведете себя, как дети. Ларан, Конор — стыдитесь! Вы лучшие на курсе!»

Ларан. Так, значит, это ты! Выслушивая наставления пожилого мужчины, студент повернулся вполоборота, и Вертрана разглядела профиль. Это оказался он — тот самый человек, что забрал крошку Эми. Только тогда лицо скрывала маска, а сейчас оно было настоящим — очень симпатичным, даже красивым. Верта невольно сравнила Ларана с Конором, который тоже отличался благородной красотой. Но друзья были совсем не похожи. Окажись Верта на месте неискушенной Арлисы, с двух сторон окруженной вниманием, она бы попала в затруднительное положение: кого же выбрать, если оба чертовки привлекательны!

«Так, ладно. Я поняла, что грядет Ежегодный турнир, где вы оба намереваетесь заполучить кубок победителя. Но при чем здесь спор и Лиса? И долго мне придется за вами шататься, чтобы узнать, в чем дело?»

Верта повертела в руках часики, тронула колесико и сдвинула с места часовую стрелку. По миру точно прошла судорога, все вокруг мгновенно изменилось. Галерея опустела, полуденный свет сменился вечерним, Конор и Ларан бесследно исчезли. Проклятие! Снова придется их разыскивать! Секундная стрелка уже дрожала от нетерпения.

Вертрана вздохнула и отправилась на поиски друзей. Вышла на кампус, осмотрелась. Все здесь было устроено иначе, чем у них в Институте: широкая, мощенная плитами площадь, высокие здания учебных корпусов, небольшой аккуратный садик и никаких оград! Должно быть, очень приятно изучать магию, когда за спиной не стоит надсмотрщик с плеткой...

Секундная стрелка настойчиво приглашала ее продолжать путь. Верта пересекла площадь и очутилась в городе. Академия, в отличие от Института, находилась в столице королевства. Дома здесь были выше, а улицы шире. Вертрана попала как раз на одну из центральных. Здесь горели яркие фонари, заряженные магией, а вдоль дороги расположились трактиры и питейные заведения.

Вертрана еще ни разу не посещала значных мест, если не считать тех случаев, когда они с друзьями подсматривали в окошко таверны за выступлением бродячих менестрелей, так что она даже обрадовалась, когда стрелочка указала на дверь небольшого трактира.

Ларан и Конор обнаружили за столиком у камина. Рядом с каждым стояла кружка пенистого эля, и, судя по горящим глазам и чересчур громким голосам, — не первая.

— Ты серьезно, Лар? — Конор недоверчиво рассмеялся. — Такая бредовая идея могла прийти в голову только тебе! Может быть, стоит прямо спросить у Арлисы, кто ей больше нравится?

— Я думаю, нам надо решить этот вопрос по-мужски и не вмешивать девушку. Эта история тянется с зимнего бала. А сейчас, если ты не заметил, приближается выпускной экзамен. Я получу диплом и женюсь на ней.

— Я женюсь на ней! — прорычал Конор.

Магический импульс заставил подпрыгнуть стол, кружки столкнулись, расплескивая эль.

— Я знал, что ты будешь не против!

Ларан поймал молодого лорда Ространа на слове, и тому ничего не оставалось, только как угрюмо кивнуть.

— Жаль, что сейчас магические дуэли запрещены! Не то что в старые добрые времена. Но я нашел выход! — воодушевился Лар. — Турнир!

— Победитель получит Лису?

— Не говори ерунды! Мы оба останемся в дураках, если кубок завоюет кто-то другой. Такой

возможности я вовсе не исключаю. Но до третьего тура и до участия в поединках мы точно доберемся!

— Значит, поединок? — задумчиво спросил Конор. — Как же ты их любишь...

— Да! Поединок!

*** 55 ***

Ларан ушел первым. Вертрана села напротив Конора. Он ее не замечал, зато она могла вдоволь налюбоваться на его напряженное лицо. Рядом с Ларом Корн лучился уверенностью, теперь же, без свидетелей, хмурился, глядя на сцепленные в замок руки.

— Что же ты сник? — вслух произнесла Верта. — Боишься, что проиграешь? Не хочешь упустить свой шанс?

Ответа она, конечно, не дождалась, но она и так знала, что Конор переживает.

— Лучше бы ты спросил Лису прямо, как хотел... — вздохнула она и тронула колесико на часах, отправляя их на час вперед.

В этот раз пришлось потрудиться, разыскивая Корна. Секундная стрелка словно из вредности водила ее кругами, пока Вертрана не догадалась, что сама сбивает ее. Просто она сначала не поверила, что часы ведут ее к Белой площади — самому охраняемому месту королевства, ведь именно здесь, за крепостными стенами, сложенными из белого камня, располагался дворец правителя. А также храм семи богов, монетный двор, оружейная палата — всего и не припомнить.

Главное хранилище артефактов, как выяснилось позже, когда Вертрана, зажмурившись, прорвалась сквозь преграды, находилось тут же. Небольшое одноэтажное строение с решетками на узких окнах. У входа застыл гвардеец с алебардой. Выглядел он сурово, будто только и ждал возможности пустить оружие в ход. Верта протиснулась в дверь, испуганно вжав голову в плечи: вопреки логике ей казалось, что лезвие вот-вот чиркнет по шее.

Вдалеке раздавались приглушенные голоса, и Верта пошла по темному коридору, минуя запертые комнаты. В кабинете беседовали двое: Конор и высокий худощавый мужчина со строгим лицом. В его облике было что-то смутно знакомое, и, приглядевшись, Вертана поняла: она будто смотрит на отражение Конора, если бы тот одним махом состарился лет на тридцать.

«Его отец! Да, все верно. Конор говорил, что он королевский артефактор, а мы сейчас в хранилище!»

— Конор, если ты напротился на практику в артефакторий, надеюсь, что я зачту ее только на том основании, что ты носишь ту же фамилию, что и я...

— Нет, отец! Я пройду ее как положено!

— Шестьдесят часов! И это не значит, что ты будешь забавляться с артефактами, как любил это делать в детстве. Это не моя частная коллекция! Продажа или порча любого предмета может быть расценена как государственная измена.

— Забавляться? Отец, я давно не ребенок! Я пришел сегодня, чтобы начать отработку, и жду указаний.

Старик посмотрел недоверчиво, но с оттенком гордости.

— Хорошо, — сказал он, смягчившись. — Я сейчас занимаюсь сверкой и инвентаризацией. Работа нудная, но простая. Пойдем...

Инвентаризация действительно оказалась нуднейшим занятием. Старший лорд Ростран находил в толстенной амбарной книге описание предмета, коротко зачитывал его магические свойства, Конор разыскивал артефакт, сверял номер с тем, что указан в записи, и королевский артефактор с величайшим удовлетворением во взгляде ставил жирную галочку на полях.

Вертрана изнывала от скуки, но не переводила часы, опасаясь пропустить что-то важное. Отец и сын почти не разговаривали, лишь иногда перебрасывались репликами. Вертране казалось, что Конор осторожными вопросами пытается выведать что-то у отца. Один раз их диалог едва не перерос в спор.

— Я записался на Ежегодный турнир...

Если Корн хотел получить похвалу отца, то напрасно рассчитывал на нее. Артефактор не изменился в лице, лишь неразборчиво буркнул что-то вроде «ага».

— Ты считаешь это ребячеством?

— Я считаю это пустой тратой времени, — лорд Ростран, недовольный тем, что Конор отрывает его от важного дела, высказался резко. — Это не добавит тебе баллов на выпускном экзамене, но сожрет массу времени. Вместо того, чтобы готовиться к квалификации!..

Старик махнул рукой.

— Тебе пора взрослеть, сын. Ты все еще не определился со специализацией. Кем ты станешь в итоге — артефактором, как я? Магом-поводырем? Зельеваром? Целителем?

— Ты знаешь, отец, я давно выбрал! Я буду боевым магом!

Артефактор сморщился, будто на язык попало что-то кислое. Ничего не сказал. Некоторое время они продолжали работать в тишине, если не считать бормотания лорда Ространа:

— Весы справедливости... Положи на одну чашу волос ответчика, на другую — истца. Перевесит чаша того, на чьей стороне правда... Корн, что ты суешь мне под нос! Открой глаза пошире! Ты не видишь, что это весы нравственности?

Вертрана каждый раз вздрагивала от язвительных окриков старшего лорда и, кажется, начала понимать, у кого Конор набрался ехидства. А ведь был таким милым мальчиком. В молчании прошел еще час.

— Интересно, а на турнир действительно нельзя пронести артефакты? — как бы между прочим полюбопытствовал Конор.

Отец в этот момент на него не смотрел, но Вертрана смотрела. Она увидела, как напрягся ее лорд, застыл с очередным артефактом в руках, и поняла, что сегодняшняя визит затеян ради одного только этого вопроса.

— Действительно, — пробормотал лорд Ростран, скрипя пером по бумаге. — И слава богам, что нельзя. Иначе бы студенты все разворотили и переубивали друг друга.

Конор опустил плечи. На его лице мелькнуло разочарование, но одновременно и облегчение из-за того, что жульничать не придется.

«Ах вот ты какой, Корн! Что не сделаешь ради того, чтобы завоевать девушку, да?»

Старший лорд не подозревал о подоплеке спора и, конечно, не сомневался в честности сына. К тому же он не упустил бы возможности поговорить о редких артефактах. А может быть, все еще надеялся, что сын оставит ребяческие мечты о боевой магии и займется настоящим делом — артефакторикой.

— Расскажу тебе то, чего никто не должен знать. На стадионе повсюду установлены уловители, но они реагируют лишь тогда, когда артефакт представляет собой предмет.

— Артефакт — всегда предмет, — хмуро напомнил Конор. — Разве нет?

— Не всегда, сын! Сейчас, подожди. Кажется, это здесь...

Лорд Ростран отпер ящик, закрытый на ключ и на охранное заклинание. Внутри, в обитых черным бархатом ячейках, лежали артефакты. Он наклонился ниже, подслеповато вглядываясь, и вдруг выхватил флакон с золотистой крышечкой.

— Предмет! — сообщил Корн таким тоном, точно выиграл спор.

— Слезы Цахеса! — пафосно объявил королевский артефактор, взбалтывая жидкость.

Она слабо фосфоресцировала и искрилась, Конор разглядывал ее с большим интересом.

— Но тогда это не артефакт, а зелье! С этим тоже все строго — вычислят в два счета.

— В том-то и дело, что это не снадобье, а именно жидкий артефакт. После того как сработает, выйдет наружу вместе со слезами. Нужно только успеть собрать первые две капли.

Конор внезапно побледнел. Он был уже не рад, что спросил. Трудно отказаться от искушения, когда удача сама идет тебе в руки.

— И что он делает?

— Позволяет воспользоваться чужими способностями. Достаточно маленького глотка, и любой

студент сдаст экзамен на отлично в присутствии преподавателя, так как обретет его знания. Посредственный мечник сразится на равных с самым умелым соперником. А вот маг...

Лорд Ростран не успел договорить: в дверь вломился слуга в алой ливрее. Он запыхался от быстрого бега.

— Повелитель просит к себе королевского артефактора! — Он с поклоном протянул старшему лорду запечатанную грамоту.

Лорд сломал печать, вчитался в строки, по привычке бормоча под нос:

— Так-так... Черная орхидея... Где же она у меня?

Он сунул в руки Конора флакон и указал на раскрытую опись:

— Слезы Цахеса убери на место и сегодня закончи инвентаризацию в этой комнате.

Он торопливо вышел вслед за посланником короля.

Вертрана, прикусив губу, наблюдала за метаниями Конора. Он то убирал артефакт обратно в ячейку и запирал ящик, то снова открывал его и пристально разглядывал флакон.

— Не надо, — прошептала Верта. — Ох, Корн. Зря!

А он, будто назло ей, резко откупорил флакон и выпил искрящейся жидкости. Зашелся в кашле, согнувшись пополам, чудом не разлил оставшиеся Слезы и быстро, точно вор, пойманный на месте преступления, убрал артефакт и захлопнул ящик.

Вертране очень не понравились последние слова старшего лорда Ространа. Он будто бы хотел от чего-то предостеречь сына. «А вот маг...» Что маг? Возможно, Слезы Цахеса влияют на магов особым образом?

Белый как полотно Конор продолжил сверку предметов, но Верта поняла, что главное она увидела. Пора спешить дальше.

Впереди ожидало самое важное — сам турнир.

Стадион Академии с трудом вместил всех желающих. Присутствовали не только студенты: ближе к арене расположились аристократы, обычные горожане рассаживались на ступеньках или просто стояли в проходах. Королевское ложе пока пустовало, но прошел слух, что на Турнир прибудет сам правитель.

Гонг ударил в первый раз: до начала первого тура осталось полчаса — участникам пора готовиться к выходу.

Но Конор и Ларан не торопились уходить, они заняли места слева и справа от очаровательной и немного испуганной Лисы и старались перетянуть ее внимание каждый на себя остроумными репликами и шутками. Бедная Арлиса только и успевала кивнуть одному, улыбнуться второму, но не могла вставить и словечка.

— Два балаганных шута! — заявила рассерженная Вертрана. — Конор, тебе должно быть стыдно!

Хорошо, что ее никто не слышит, а значит, можно негодовать вслух и отвести душу. Арлиса сейчас напоминала ей Мей, такая же хрупкая и нежная, и Вертрана неожиданно прониклась к ней острой симпатией.

Гонг ударил второй раз. Двадцать минут до начала!

— Что же, пора! — сказал Ларан, поднимаясь.

Конор тоже встал. Похоже, оба и не подумали сообщить Арлисе о том, что сегодняшний турнир для них — поединок за ее сердце.

«Возможно, твое мнение обо мне изменится в худшую сторону...» — предупредил Конор. Он, повзрослевший, переживший столько потерь, больше не был тщеславным мальчиком, заключившим глупую сделку. Вертрана отчасти понимала юного мага, а если и была разочарована, то лишь самую малость.

— Эх, Корн...

Верте было его жаль. Он запутался, а станет еще хуже. По крайней мере сейчас с ним его магия.

Конор спустился на пару ступенек, но потом вдруг вернулся к Лисе под пристальным взглядом Ларана.

— Лиса, тот из нас, кто победит в поединке, продолжит борьбу за твою руку. Проигравший — отступится, — быстро сказал он.

На скулах Ларана выступили багровые пятна, но в ответ на изумленный взгляд Арлисы он не стал юлить, щелкнул каблуками, резко наклонил голову.

— Все так. Кто первый не устоит на ногах — тот терпит поражение. Никаких исключений и отговорок.

Новость обрушилась на Арлису совершенно неожиданно, она не была к ней готова. Маленький рот округлился буквой «О», кровь отхлынула от щек. Говорил Лар, но она смотрела на Конора.

Гонг ударил третий раз: готовность десять минут.

— Пора, — бросил Ларан.

Кивнув на прощание, друзья поспешили к арене. Вертрана осталась с Арлисой и услышала то, чего не мог слышать лорд Ростран.

— Корн, победи! Пожалуйста!

*** 56 ***

Вертрана хотела было занять освободившееся место, но тут рядом с Арлисой плюхнулась белокурая девица: розовое платье тесно облегает пышную фигуру, прическа уложена упругими кольцами и украшена мелкими цветочками.

— А что, парни уже ушли? — разочарованно вздохнула она. — Досадно!

Верта знала такой типаж: та же Лора, только более нахрапистая и уверенная в себе.

— Сейчас должны прийти родители, Клара, — Лиса попыталась деликатно спроводить подружку, но не преуспела.

— А, не волнуйся! Они во-он там, рядом с моими! Так что можем расслабиться немножко без присмотра!

И Клара в подтверждение своих слов кокетливо улыбнулась юному магу, который спешил к арене. Тот запнулся и едва не растянулся на ступеньках.

— Сразила наповал! — удовлетворенно хмыкнула она.

Тут гонг ударил три раза подряд, над стадионом взвились и рассыпались искрами огненные шары. Простолоудины засвистели и затопали ногами, приветствуя участников, которые выстроились на арене в длинную шеренгу. Вертрана насчитала не меньше тридцати выпускников Академии. Ежегодный Турнир начался.

В первом отделении каждый маг должен был удивить зрителей своим умением. Вертране это немного напомнило балаганные фокусы, которые на ярмарке показывали бродячие артисты. Хотя кто знает, может быть, и среди них попадались настоящие маги! Незнакомый темноволосый мальчишка сделал несколько пассивов руками, и зрители в мгновение ока оказались сидящими в лодках посреди водной глади. Вслед за восхищенными возгласами раздался гром аплодисментов. В воздухе над головой мага высветилось полупрозрачное табло, на котором быстро сменяли друг друга цифры.

— Что это? — изумилась Клара.

— Это баллы. Специальный артефакт подсчитывает уровень восторга.

— Да, а я от этого красавчика в восторге и без его магии! — хихикнула подруга Лисы.

Вертрана скривилась и заметила, что у Арлисы на лице появилась такая же кислая мина. «Да, ты меня понимаешь!» — мысленно улыбнулась Верта.

Винс, тот самый маг с протертыми до дыр рукавами, наколдовал бабочек. Должно было получиться красиво — тысячи пестрых бабочек над стадионом. Жаль, силенок не хватило. Бабочки вышли вялыми и не долетели даже до первой скамейки. Бедолагу освистали. Когда он, опустив голову,

покидал арену, Конор похлопал его по плечу. Ларан наклонился, чтобы сказать что-то подбадривающее. После поддержки друзей Винс заметно повеселел. А вот у Верты сделалось тяжело на душе. Она уже ненавидела Лара, но все же откровенной сволочью тот не был.

— Идет... — прошептала Лиса, от волнения вцепившись в юбку и сминая ее.

— А, один из твоих! — понимающе кивнула Клара.

На арену вышел Конор. Вертрана залюбовалась им, узнавая в юном пареньке мужчину, каким он станет. Его прямую спину, его открытый взгляд.

— Антериос! — крикнул он во всю мощь легких.

По трибунам прокатился общий вздох, а Вертрана вскочила на ноги, задрал голову. Заклинание подхватило зрителей, точно пух, и подняло их в воздух. Конор позаботился о том, чтобы юбки женщин окутала непроницаемая голубоватая дымка, и только у Арлисы она оказалась золотистой. Когда первый испуг прошел, зрители закричали от восторга. Верте стало жаль, что на нее магия не подействовала, ведь на самом деле ее здесь не было.

— Ах, ах... — вздыхала Клара, опустившись на скамейку и обмахиваясь веером. — Это невероятно.

Табло над головой Конора показало отличные результаты. Но оставался еще Лар. Хотя это не поединок, наверняка он не захочет уступить.

Действительно, Ларан прорвался следом за Корном не в свою очередь — распорядитель кричал и грозился исключить своевольного студента, но за него заступились зрители.

— Пусть идет! — раздался повелительный голос, усиленный магией.

Вертрана повернулась на звук и заметила, что королевская ложа больше не пустует. Она впервые в жизни видела короля. Прежде воспитанница закрытого Института и не задумывалась о том, кто правит страной. И директриса, и Богомолиха упоминали о короле с придыханием и не называли его иначе как «Его Величество». Для Вертраны он был кем-то вроде Семи Богов, такой же недостижимый и, возможно, нереальный.

Но вот она смотрела на него и видела обычного мужчину средних лет с залысинами на высоком лбу. Он был не один, со свитой. Верта глянула мельком, не желая надолго отвлекаться от Ларана, но успела заметить отца Конора, который возвышался за спиной короля. А еще... У Вертраны глаза от изумления полезли на лоб — рядом с лордом Ространом стоял старый знакомый, лорд Героним. Вот только... он был молод и красив. Но как такое возможно? Прошло всего девять лет! Даже Конор мало изменился за это время. А тогда лорду Герониму на вид невозможно было дать больше двадцати пяти. Выражение лица, правда, оставалось брезгливым и высокомерным.

Вертрана тряхнула головой: «Ладно, подумаю об этом позже!»

Ларан не спешил приступать, стоял, раскинув руки в стороны. Заинтригованные люди боялись пошевелиться и шикали на детей, когда те начинали ерзать от нетерпения.

«Позер!» — мысленно хмыкнула Верта.

Он дождался, пока над стадионом установится полная тишина, и лишь тогда с силой соединил ладони.

— И что... — начал чей-то разочарованный голос, но осекся, когда в небе, будто в ответ на хлопок, прогремел гром.

И тут среди светлого теплого дня над стадионом собрались тучи, подул резкий ветер, и на землю посыпались хлопья снега. Люди обрадовались им, как невероятному подарку. За несколько минут снег покрыл тонким слоем скамейки, засыпал ступени и арену. Дети баловались, лепили снежки и бросали друг в друга, женщины прикладывали снег к разгоряченным щекам.

Снежные хлопья украсили прическу Арлисы подобно короне — затвердели, заблестели льдинками, а в центре затейливой тиары засиял кристалл.

Клара попыталась было сползти в обморок от восторга, но передумала, решив, что может пропустить что-нибудь интересное.

Пока Конор и Ларан состязались на равных, артефакт никак себя не проявлял. Или проявлял, но Верта этого не заметила.

Турнир оказался долгим. После первого тура последовал перерыв, появились торговцы с корзинами еды и воды. Лиса взяла себе пирожок, Клара же основательно запаслась сладкими булочками.

Во втором туре участников поубавилось: из трех десятков осталось меньше двадцати. Теперь каждый выпускник должен был сразиться с иллюзией, которую создавал преподаватель Академии. Студенты, как и зрители, не знали, что их ждет. Им нужно было быстро сориентироваться и применить настоящие боевые заклинания, пусть даже опасность на самом деле им не угрожала.

Маг, который в прошлом туре удивил всех водным приключением, в этот раз сплеховал. Когда перед ним выросла громадина с кожистыми крыльями и зубастой мордой, он оступился от неожиданности, упал, а потом и вовсе сбежал, сопровождаемый улюлюканьем.

Конор без труда справился с парочкой разъяренных ягуаров. Ларан так же легко раскидал каких-то клыкастых летающих тварей. Они вышли в третий тур примерно с одинаковым количеством очков.

Лиса покусывала губы и становилась все бледнее.

— Сейчас начнется самое интересное! — возбужденно шептала Клара, подпрыгивая на месте. — Поединки! Оу, какие они все красавчики!

Поединки. У Вертраны тоскливо сжалось сердце. Что бы ни сделал Конор, он совершит это совсем скоро.

Прежде чем начать третий тур, распорядители вывезли и поставили в центре арены клетку с огнепльем. Создание напоминало гигантскую ящерицу с шипастым гибким хвостом и высоким гребнем. Огнепльей нервничал, вертелся на месте, бил хвостом так, что содрогались железные прутья, и действительно плевался огнем, который короткими сполохами вылетал из разъявленной пасти. К счастью, на клетке стояла магическая защита и огонь пока не мог никому причинить вреда.

Вертрана посочувствовала финалисту, которому придется драться с этим жутким существом.

— Первыми приглашаются участники, набравшие наибольшее количество очков за два тура! — прогреготал над трибунами голос. — Конор Ростран и Ларан Ориш, прошу!

*** 57 ***

Зрители встретили выпускников радостными криками. Люди прониклись симпатией к обоим магам, но турнир предполагал соперничество, и постепенно голоса разделились.

— Ростран! — вопили одни. — Давай!

— Ориш, вперед! Сделай его! — подначивали другие.

Клара едва не подпрыгивала на месте от нетерпения.

— Вот невезенье, — посочувствовала она притихшей Арлисе. — Угораздило же их встать в пару! Не можешь ведь ты болеть сразу за двоих!

Лиса ничего не ответила, она и не слышала кудахтанья подруги. Она подалась вперед, грудь вздымалась от частого дыхания. Вертрана тоже переживала, но ей было проще: она уже знала, что ничем хорошим поединок не закончится.

— К барьеру! — приказал распорядитель.

Ларан и Конор встали у противоположных бортиков, у линий, проведенных на песке. Оба сложили пальцы в первую боевую позицию. «Руки перед собой, пальцы чуть расслаблены. Вы будто бы держите в руках яблоко...» — эхом отозвался в голове Вертраны знакомый голос. Ларан, кстати, сделал идеальную стойку. Мастер Широ похвалил бы его...

Сколько раз Верта сама застывала так, готовясь к поединку. Она прекрасно помнила свои чувства — волнение, страх и азарт. И это на тренировке. Что же ощущает Конор сейчас, когда решается его судьба?

— Бой до первого падения! — напомнил распорядитель. — Запрещено наносить соперникам увечья. Поединок начнется по сигналу!

Мир вокруг Вертраны замер. Застыла Лиса, поднеся ко рту ладонь. Остолбенел Ларан, готовясь нанести удар. Конор оцепенел, отведя руку назад.

Мгновение длилось и длилось. Верта посмотрела на часы, которые судорожно сжимала в руке, и поняла, что прижала минутную стрелку. Та, как живая, слабо дергалась под ее пальцами.

«Отпусти! — приказала она себе. — Уже ничего нельзя изменить!»

Она усилием воли выпустила стрелку на свободу. И в ту же секунду над стадионом разнесся удар гонга — сигнал к атаке.

Вертрана до последнего надеялась, что Ларан попытается смошенничать. Не может быть, чтобы он пришел на Ежегодный турнир, не припася козыря в рукаве. Неужели так уверен в себе? Или данное другу слово для него не пустой звук? Он ведь считал Конора другом. Соперником в любви, но другом...

Заклинание Ларана было мощным, четким, но чистым — он использовал лишь свою силу, ничего больше. Вертрана сразу это поняла.

— Коноор, нет! — успела крикнуть Вертрана, прежде чем осознала, что ее все равно никто не услышит.

Коноор все понял в последний момент, когда было слишком поздно что-либо изменить.

Слезы Цахеса передавали своему носителю самый сильный и необходимый дар, находящийся поблизости. Ближайшим существом оказался огнепльей...

Магия десятикратно усилила способность создавать пламя. Из рук Коноора ударила мощная, не поддающаяся контролю волна огня.

Ларан обернулся на зрителей, сидящих позади него на трибунах. Зрителей, которые не подозревали, что на них идет смерть. Раскинул руки, пытаясь сдержать летящую на него огненную стену, которая разбилась о него, как о скалу. Осела, плавя песок. Обращая в пепел одежду. Ларан еще какое-то время удерживал пламя на расстоянии от своей кожи, и Коноор, опомнившись, крича от прилагаемых усилий, стал втягивать пламя. Кожа на его руках лопалась от жара. Но магический огонь успел добраться до Ларана — он разъедал, плавил кожу на его лице, точно воск.

Зрители вопили от ужаса. Некоторые, не выдержав зрелища, падали в обморок. Лиса сползла со скамейки и не могла издать ни звука, лишь открывала и закрывала рот.

Пламя наконец иссякло. Ларан пошатнулся, упал навзничь и остался лежать без движения. Коноор рухнул на колени, опираясь о землю окровавленными руками, мокрая от пота челка свесилась на лоб.

Арлиса сначала на четвереньках, а потом кое-как поднявшись на ноги, ринулась к арене. Ее не удерживали: зрителей охватила растерянность.

— Коноор! — звала Лиса. — Коноор! Коноор!

Взвизгивавший над ареной звонкий девичий голос вывел людей из ступора.

Она подбежала к Коноору и бухнулась рядом с ним на колени. Обняла за шею и покрыла быстрыми поцелуями опущенное лицо. Однако уже очень скоро ее оторвали от мага, а его окружили гвардейцы короля, подняли за локти. Лиса рвалась из рук распорядителей, но тщетно.

Все взгляды были обращены на эту душераздирающую сцену, и никто не видел, что Ларан, приподнявшись, тянет руку к Арлисе, словно стремится дотронуться до нее хотя бы кончиками пальцев. Его обезображенные губы шептали ее имя.

У Вертраны вся душа вывернулась наизнанку. Ей было невозможно жаль всех троих.

А еще она, кажется, поняла, где все это время скрывался враг Коноора...

Часы выскользнули из ее руки и... беззвучно упали на ковер в спальне.

Вертрана не сразу пришла в себя: в ушах еще долго стоял гул стадиона, крики людей и плач Арлисы.

Потом она увидела Коноора и невольно занесла руку для пощечины, но не смогла ударить. Он и так достаточно наказан за глупую мальчишескую выходку. Едва ли он сам себя простил.

Верта поняла, почему Арлиса подбежала не к израненному Ларану, а к Коноору. Она знала, что ему предстоит — позор, изгнание из Академии. Прежние друзья отвернутся от него. Лиса просто пыталась сказать: «Я на твоей стороне». Разве не так должны поступать любящие женщины?

Как бы небрежно ни говорил Коноор об утраченной магии, Вертрана понимала, что это огромная потеря для него. Для самого себя он превратился в калеку, как если бы ему оторвало руку или ногу. А следом он лишился друга, жены и дочери...

— Ударь, — сказал Кононор. — И покончим с этим. Я знаю, как низко пал в твоих глазах... Ты вольна уйти, я выполню все, что обещал. Ты свободна, Вертрана. Но...

Он хотел попросить о помощи и не мог себя пересилить. Каково ему сейчас? О себе он не стал бы беспокоиться, но речь шла об Эмбер, а лорд Ростран был совершенно бессилён отыскать ее.

Он встал, собираясь с мыслями, пытаясь подобрать нужные слова. Вертрана подошла, уткнулась в плечо и почувствовала, как сильные руки осторожно, будто Кононор не верит в происходящее, обнимают ее.

— Мы найдем ее. Найдем Эмбер. Расскажи мне все, что случилось потом, а я расскажу, о чем догадалась.

Кононор погладил ее волосы, наклонился и поцеловал в уголок рта, и какое-то время просто стоял, сжимая Верту в объятиях.

— Я все расскажу. Но сначала прикажу принести горячего чая, на тебе лица нет.

И вот Вертрана уже расположилась в кресле у камина. Кононор укутал ее в одеяло, поставил на подлокотник чашку — такую большую, что она скорее походила на супницу. Верта, согреваясь, обхватила ее ладонями.

— Итак, что же случилось потом... Меня исключили из Академии и запечатали магию.

Кононор говорил короткими предложениями, излагая сухие факты. За каждой фразой пряталась боль. Каждая будто отдирала кусок души лорда Ространа, оставляя на его месте черную дыру.

— Для отца я стал главным разочарованием в жизни. Мы не общаемся уже много лет. И все же напоследок он спас беспутного сына от заключения — выслал меня в наше родовое имение, сделав хранителем коллекции артефактов рода Ростран. Некоторые артефакты важны для короны, правитель надеется заполучить их со временем, поэтому пошел на сделку.

Вертрана вспомнила, что Кононор передавал госпоже Амафрее странные подношения в мешочках из алой ткани, вспомнила медальон, поменявший их с Мей местами, кинула взгляд на часы, которые до сих пор лежали на ковре. Наверняка все эти вещи из коллекции.

— Артефакты здесь? — спросила Вертрана. — В этом доме?

— Нет, это лишь один из домов, принадлежащих нашей семье.

Значит, ночью, когда лорд Кононор спас Мей, он отправлял записку в тот дом, где хранится коллекция.

— Мне запретили когда-либо возвращаться в столицу, — продолжал между тем Кононор. — Любая должность при дворе закрыта для меня. Но в тот день, когда Арлиса согласилась стать моей женой, я подумал, что все это неважно. Что я буду счастлив без магии, цели в жизни, друзей, всего остального. И какое-то время я действительно был счастлив.

Кононор опрокинул в себя чашку чая так, будто это был бокал вина.

— Несколько раз я пытался встретиться с Лараном. Я отправлял ему письма. Я просил общих знакомых убедить его поговорить со мной. В итоге он согласился встретиться только с Арлисой. Она пришла расстроенная и передала слова Лара о том, что он прощает меня ради нее, но больше никогда не желает меня видеть. Позже к границе подступили орды кочевников, случилось десятидневное противостояние, закончившееся битвой у Звенящей реки. Многие маги не вернулись. Отец впервые за долгие месяцы написал мне письмо, состоящее всего из нескольких строк, где сообщал, что Ларан участвовал в битве и, по-видимому, погиб. Домой он не возвратился, среди живых не найден, а среди тысячи искалеченных тел обнаружить его не смогли. Лиса должна была вот-вот родить нашу дочь, у меня не хватило духа сообщить ей эту трагическую новость. Она умерла, так и не узнав о печальной участи Ларана...

Кононор изо всех сил старался сохранять бесстрастность, но Вертрана все равно видела юного Корна, оставшегося с маленькой дочерью на руках. Все от него отвернулось, даже отец. Любимая умерла. Он жил только ради Эмбер. А Ларан забрал самое дорогое, что у него было. Отобрал смысл жизни.

Кононор вдруг сжал подлокотники: выдержка ему изменила.

— А еще я понял, каким образом он всегда находит меня и знает обо мне все. Сначала, признаюсь, я подозревал слуг, думал, что мой враг... Ларан... буду теперь звать его по имени. Думал, что он подкупил кого-то.

— Ты узнал кто? — встрепелась Вертрана. — Кто этот негодяй?

Губы Конора исказила горькая усмешка.

— Этот негодяй — моя родная дочь...

— Что?

— В ее жилах течет моя кровь. Уверен, она унаследовала и мой дар. Я обсидиан. Тот же камень, из которого выточен самый ценный артефакт Института — Небесный Алтарь. Ты ведь видела его в действии? Он найдет любого, чью кровь однажды впитал. Так и маги-обсидианы — идеальные поисковики. Достаточно одной капли крови. Ларану не нужна моя кровь, ведь у него Эмбер.

Последние слова Конор проговорил с усилием:

— И она действует добровольно. Моя дочь. Указывает на меня. Моя девочка меня ненавидит.

Столько боли было в его голосе, что Вертрана не выдержала, вскочила с кресла и обняла Конора.

— Я знаю, кто он! Это мастер Широ — преподаватель нашего Института. Ты много раз его видел. Темная ткань закрывает его лицо. Вот где твой Ларан. А скоро отыщем и Эмбер!

*** 58 ***

Конор растерянно моргнул, прищурил глаза, прокручивая в памяти все встречи с мастером Широ. Вертрана и сама пыталась припомнить каждую деталь, чтобы серьезные обвинения не выглядели голословными. Ведь у нее были только косвенные доказательства.

— Вот что я знаю, — спокойно произнесла она. — Во-первых, имя. «Широ» — «Ориш» наоборот. Не слишком он утруждался с выбором псевдонима. Во-вторых, обожженное лицо. Я сама не видела, но Дженни описала его так: «Оно будто оплавилось. Сгорело, как свечка». В-третьих... Вспомни испытание боевой магии! Иллюзию колдуна и его слова. Ты решил, что мастеру Лоту что-то известно, а про преподавателя ты даже не подумал.

Конор сжал губы. Конечно, он отлично все помнил.

— «Возмездие!» — продолжила Верта. — Он это специально, чтобы не давать тебе ни секунды покоя. Он хочет, чтобы ты постоянно чувствовал себя в опасности. А все эти покушения — изошренная пытка. Ему нравится, что ты страдаешь. Он еще долго тебя не убьет, ведь тогда некому станет мстить... И в-четвертых, мастер Широ участвовал в битве у Звенящей реки, говорил, что именно там получил увечье, а на самом деле...

— А на самом деле, — медленно сказал Конор, — он действительно мог покалечиться в бою. Ни один суд не примет во внимание эти доказательства. Я изучал юриспруденцию на спецфакультете, недолго, всего семестр, но прекрасно понимаю, что ответит любой дознаватель: домыслы и подтасовка.

— Ты мне не веришь?! — воскликнула Вертрана.

Ей стало обидно едва ли не до слез.

Конор мягко притянул ее к себе, усадил на колени, заправил за ухо выбившуюся прядь.

— Верю. Более того, знаю, что ты права. И, признаюсь, удивлен, как я раньше не замечал такого явного сходства. Но надо действовать очень осторожно. У него моя дочь, а закон не на нашей стороне.

— Зато мы знаем, где он и кто он — для начала неплохо!

— И Эмбер где-то неподалеку.

— Почему ты так думаешь?

— Судя по всему, он всегда связывается с ней достаточно быстро, чтобы обнаружить меня. Когда мы отправились в сквер, он узнал об этом в течение часа. Она не в Институте, но поблизости.

Вертрана воспрянула духом от таких новостей, но Конор хмурился и напряженно о чем-то размышлял.

— Ты можешь использовать свой дар обсидиана, чтобы отыскать ее? — неуверенно спросила Верта, догадываясь, что ответ ее не обрадует.

— Нет, я его утратил, остались пустые отголоски.

Вертрана вздохнула, положила голову на плечо Конора. Они какое-то время молчали, мысленно перебирая возможности. Как несправедливо все! Казалось бы, вот он, Ларан — бери голыми руками, а нет, все не так просто.

Верта укусила себя за костяшку пальцев, пытаясь удержать мысль, которая мелькнула и тут же пропала.

— Мы заставим его привести тебя к Эмбер! — решительно сказала она. — Возьмем его в плен!

— Любопытно, — Конор дернул уголком рта. — Боевого мага с десяткой по шкале Фергюсона? Напомню, что у меня тройка.

Последние слова он буквально выплюнул. Сказал: «Напомню, что у меня тройка», а слышалось: «Как я жалок и слаб...»

— У меня восьмерка!

— Семерка, Верта. Восьмерка в перспективе... Вдвоем мы с ним не сладим, а больше нам рассчитывать не на кого.

Вертрана вдруг встрепенулась, ее глаза загорелись.

— Как это не на кого? — воскликнула она. — Я знаю по крайней мере одного мага и одну магиссу, которые обязаны тебе своим счастьем. И точно помогут, скажи только слово.

— Я не стану просить беременную женщину рисковать своим ребенком ради моего! — отрезал Конор, во взгляде горело негодование: «За кого ты меня принимаешь?»

— Но к Тео ты можешь обратиться! Он будет только рад оказать тебе услугу!

Вертрана почти кричала, пытаясь убедить этого гордеца отбросить ненужную щепетильность. На лице Конора отразилась вся его внутренняя борьба. Он был из тех людей, которые охотно помогают сами, но не ждут ответных благодарностей.

— Едем, — решил он.

— Сейчас, ночью?

— Да. Другого времени не будет. Наш разговор или уже стал известен Ларану, и тогда все бесполезно, или Эмбер сейчас отдыхает, а у нас есть время до утра, чтобы обсудить план.

— Едем!

Вертрану покачивало от усталости, но она согласилась с Конором: сейчас или никогда. Каждый их шаг как на ладони. Вероятно, несколько часов до рассвета — все, что у них есть.

Она не стала переодеваться, только попросила Шейлу собрать растрепанные волосы. Барт в это время готовил экипаж, так что оставалось несколько минут, чтобы привести себя в порядок.

Шейла смотрела настороженно. Обычно разговорчивая, горничная насупленно молчала и торопилась закончить работу. Она давно перестала понимать, что творится в этом доме. У мисти и хозяина какие-то общие тайны, какие-то секреты. Кто разберет этих магов! На всякий случай лучше держаться от них подальше.

Конор ожидал Верту в холле. Помог застегнуть плащ, протянул руку, чтобы Вертрана смогла опереться. Они торопливо спустились во внутренний двор, где их поджидала карета.

— Долго добираться?

Вертрану потряхивало от возбуждения, но это хотя бы не брести по ночным улицам с раненой ногой. И сейчас она не одна.

— Около получаса. Отдохни пока.

Конор раскрыл объятия, приглашая в них мисти, а когда она прикорнула на его плече, укрыл полами пальто и положил подбородок на ее макушку. Верта чувствовала на волосах его теплое дыхание.

«Конор, Конор... Потом, когда все закончится, кем мы будем друг другу? Ты уверен в том, что я уйду. Что свобода — все, что мне нужно. А что если... я не хочу никакой свободы... без тебя?»

Едва Вертрانه удалось задремать, как перед внутренним взором выросла тень — человек с лицом, закрытым черной тканью. Его силуэт рос, вытягивался, заслонив собой полмира. Маг протянул руки к Верте, и она, вздрогнув, очнулась.

— Так, значит, Эмбер слышит каждое слово, когда это нужно Ларану? — уточнила Верта, которая еще ни разу не сталкивалась с даром обсидиана.

Конор поморщился, будто его неотступно преследовала надоедливая боль. Вертрана пожалела, что снова коснулась незаживающей раны.

— Прости!

— Ничего. Главное, что моя дочь жива, а то, что она выступает на стороне Ларана... Надеюсь, это когда-нибудь изменится. Слышит ли Эмбер каждое слово? Все зависит от силы дара. Кто-то видит картинку — мгновенную, точно вспышка. Кто-то может подсматривать довольно долго и порой слышать отдельные слова. Но даже один раз произнесенного имени Широ или Ларана будет достаточно, чтобы он обо всем догадался. Дураком он никогда не был, трусом тоже.

— Он раньше и негодяем не был, — глухо произнесла Вертрана. — А знаешь, мне ведь нравился мастер Широ. Он казался грубоватым, но порядочным человеком. Иногда смешил меня.

Лорд Конор ничего не ответил, но нашел в складках накидки ее руку, осторожно сжал и больше не отпускал.

Карета дернулась и остановилась.

— Приехали, господин! — крикнул Барт. — Домишко-то крошечный! Едва не проглядел!

Конор спрыгнул на землю и помог спуститься Вертрانه. Дом Теодора Ройма действительно казался игрушечным по сравнению с каменной громадой имения Ространов. Двухэтажное здание с небольшим садом втиснулось между двумя такими же непритязательными соседями. Ворота в ограде оказались открыты настежь и, видно, никогда не запирались — увязли в снежном плену. Дорожка, ведущая к крыльцу, правда, была очищена, а когда Конор и Вертрана ступили на нее, в глубине дома раздался перезвон колокольчиков, предупреждающий о появлении гостей.

Дом стоял, погруженный в сон, не горело ни одно окно. Но в ответ на сигнал на первом этаже вспыхнул свет. Распахнулась дверь, и в щель высунулся заспанный лакей, накинув потрепанную ливрею поверх неряшливой ночной рубашки. Он поднял над головой магический светильник, с подозрением всматриваясь в лица посетителей.

— И кого нелегкая принесла... — начал он, но смутился, разглядев лорда Конора — аристократа до кончиков ногтей, чье происхождение и статус так явно бросались в глаза, что сами по себе были визитной карточкой.

И все же верный слуга не собирался впускать в дом кого попало, будь он хоть трижды лорд. Наоборот, загородил грудью проход и выставил перед собой светильник, точно щит.

— Лорд Ройм отдыхают! — с вызовом сообщил он. — И жена, и матушка евойная, и сестрица. Будьте любезны уйти.

На втором этаже стукнули ставни и послышался тихий девичий вскрик, а следом знакомый голос воскликнул:

— Тео, там Вертрана и господин Ростран!

Верта задрала голову и увидела рыжую, прижавшуюся лбом к стеклу.

— Мей!

Тут же вспыхнул свет, глухо хлопнула дверь — Тео Ройм, не теряя времени, поспешил вниз.

— Все хорошо, Тапер, это свои, — раздался его уверенный голос.

Слуга поворчал для вида, но отошел, пропуская гостей.

— Вертрана!

Мей, оказывается, тоже успела спуститься и кинулась на шею подруге, едва та переступить порог. Верта прижала к себе Меюшу и едва не разревелась: поняла, как сильно соскучилась. Теплая, растрепанная после сна, в простом домашнем платице, с аккуратным маленьким животиком, рыжуха была такой родной!

— Куда босиком! — пожурил Мей лорд Ройм. — Что за непослушная у меня женушка. Потом расскажу сыну, как ты не слушалась его отца!

Он обнял Мей, и та смущенно улыbnулась, пряча довольный взгляд. Вертрана была так рада видеть подругу счастливой, что в носу снова защипало от нахлынувших чувств.

— Мы не хотели тебя будить! — покаялась Верта.

— Как же так! — всплеснула руками Мей. — Ни за что не хотела бы проспять встречу с тобой!

Пока розочки обнимались, лорды, обменявшись рукопожатиями, хранили молчание.

— Предположу, что вас привело ко мне срочное дело? — Тео деликатно напомнил о цели визита. — Думаю, нам будет удобнее обсудить его в гостиной.

Гостиная являла собой образец благородной бедности. Потертую мебель умело замаскировали вышитыми салфетками и пледом, а небольшие букетики цветов и яркие акварели на стенах оживляли обстановку.

Прибежала закутанная в платок девочка-горничная, принялась ворошить угли, разжигая огонь в потухшем камине. Скоро она же подала чай с небольшой тарелочкой печенья: семья Ройм привыкла жить экономно.

Лорд Ростран дождался, когда их оставят наедине, и, сделав усилие, заговорил:

— Господин Ройм, я ни в коем случае не собираюсь злоупотреблять вашим гостеприимством или обещанием, данным мне...

Конор мучительно нахмурился, он был близок к тому, чтобы встать и уйти без всяких объяснений.

— Тео, нам очень нужна ваша помощь, чтобы найти дочь Конора! — выпалила Вертрана.

«Да, да, и можешь потом говорить, что я уличная девчонка в конфетной обертке! — мысленно добавила она. — Но ведь ты так и не попросишь, глупый!»

— Дочь? — изумился лорд Ройм: кажется, он не поверил своим ушам. — Вашу дочь? Просите все что угодно!

Отступить было поздно. Лорд Конор, хоть и бросил на Вертрану осуждающий взгляд, явно почувствовал облегчение.

— Придется начать издалека, — сказал он.

Мей утянула Вертрану к камину, усадила прямо на пол, на расстеленное одеяло. Подтолкнула подруге подушку, другую взяла себе.

— Не станем им мешать. Рассказывай!

Верта без утайки поведала Мей все, что знала. Начиная с договора, который они заключили с Конором, и заканчивая роковым поединком с Лараном. Теперь можно, ведь они приехали за помощью.

Мей бледнела и гладила живот, так что Вертрана решила прервать рассказ, но рыжуля, догадавшись, сжала губы.

— Я не такая хрупкая, как могу показаться! Это первый шок, он пройдет! Но я ни за что себе не прощу, если буду знать, что могла помочь, и не помогла.

Вертрана невольно улыbnулась. В ту ночь, когда она перелезла через ограду и долго брела по замершим пустым улицам, в голову приходили те же мысли!

Верта закончила первой, а Конор еще говорил. Из своего уютного закутка девушки наблюдали, как Тео Ройм то сжимал кулаки, то вскакивал на ноги, будто прямо сейчас намеревался бежать на битву, то нервно хрустел печеньем.

— Он кажется очень милым.

— Так и есть! — Глаза Мей заискрились, озарив ее лицо внутренним светом. — Он лучший.

— Я так рада, что ты счастлива в этом доме.

— О да! Очень! Мама Тео приняла меня как родную дочь. Летиция, похоже, немного ревнует меня к брату, но она неплохая девушка, и когда-нибудь мы найдем общий язык.

— Тео называет тебя женой... — осторожно произнесла Вертрана.

Ей, как и любой воспитаннице Института, было хорошо известно, что закон категорически запрещает лордам жениться на своих помощницах. Использовать их в качестве наложниц — сколько угодно, но законный брак, наследник — это нереально. Вертрана испугалась, что Тео вводит Мей в заблуждение, пусть даже просто попытаюсь утешить.

— Я не жена ему, конечно, — смело ответила Мей. — Но Тео изо всех сил старается найти лазейки в законе, чтобы можно было заключить брак или хотя бы дать имя ребенку. А без необходимых связей это сложно...

После слов Мей Вертрана подумала о лорде Герониме. Нет, королевский законотворец ни за что не станет помогать простолюдинке, но цепочка размышлений привела ее к этому самовлюбленному старцу. Или не старцу? И как только вылетело из головы!

— Мей! — воскликнула Верта. — Ты не представляешь, что я еще увидела! Лорд Героним...

Мей отшатнулась и вдруг схватила Верту за руку.

— О, Вертрана! Я должна была сразу рассказать! Я ужасная, ужасная подруга! Эйлин...

— Что Эйлин? — перепугалась Вертрана.

— Несколько дней назад он забрал ее из Института! Мне рассказал Тео, а ему кто-то из преподавателей. Конечно, Тео ничего не мог сделать...

— Ой... — только и смогла прошептать Верта.

Что же, они знали, что так случится. Но как же больно, как страшно за Элли. И все же надо сообщить Мей о том, что она узнала о господине Гернаусе.

— С ним что-то не так, — сбивчиво проговорила она. — В воспоминании Конора он был молод, всего на несколько лет старше его. Не могу понять, что случилось. Это очень странно... У Конора я пока не спрашивала, ему не до того сейчас. А ты не помнишь, что увидела на испытании, когда заглянула в будущее? Ты вообще видела что-нибудь?

Мей покачала головой.

— Очень смутно. Лорд Героним стоял перед зеркалом, но я не видела его отражения, а все остальное придумала, лишь бы сказать что-нибудь.

Подруги обменялись растерянными взглядами. Надо поговорить с Конором! Потом... когда Эмбер окажется в безопасности. А это обязательно случится! Верта запретила себе даже думать о плохом.

— Мисти Вертрана, — позвал ее лорд Ройм. — Мы готовы обсудить план.

Верта вскочила на ноги, Мей неуклюже поднялась следом за ней.

— Я тоже помогу!

— Нет! — в один голос отрезали мужчины. — И никаких возражений!

*** 60 ***

Конору с самого начала не понравилась идея Вертраны захватить Ларана в плен.

— Сейчас, когда нас трое, мы, вероятно, победим. Но какой ценой? Ларан может убить или покалечить любого. Он понимает, что мы не станем его серьезно ранить, иначе рискуем никогда не узнать, где Эмбер.

— Когда я звал мастера Широ пропустить бокальчик-другой эля в ближайшем трактире, я и подумать не мог, что коллега кроме лица скрывает столько мрачных тайн, — смущенно признался мастер Ройм и потер затылок. — На приглашение он ни разу не откликнулся и вообще оказался нелюдом. Он часто ночевал вне стен Института. Я решил, нашел себе даму сердца, а оно вот что...

— Как же нам узнать, где он прячет малышку? — подала голос Мей.

Рыжуля только узнала о дочери лорда Ространа, но уже всем сердцем переживала за девочку.

— Сделаем так... — начал Конор.

Тео, Вертрана и Мей внимательно выслушали план. Той же ночью все вместе вернулись в имение Ространов. Мей взяли на том условии, что будущая мать станет во всем слушаться мужа — отдыхать

и читать книги.

Тео и Мей отправились в гостевую спальню, где им уже приготовили постель, а Конор привел Вертрану в свою комнату. Они разделлись и укрылись одним одеялом, легли, глядя в глаза друг другу. За окном медленно занимался рассвет.

— Не рискуй, будь очень осторожна, — напомнил Конор, накрывая ладонью тонкую руку.

— Да... — тихо ответила Верта.

Лорд Ростран погладил ее по щеке кончиками пальцев, и Вертрана потянулась навстречу ласке. Приподнялась на локте, поцеловала теплые губы. Одеяло соскользнуло, обнажая плечо...

Весь день Вертрана мысленно вела отсчет: вот воспитанницы завтракают, теперь расходятся по классам. Мастер Широ прямо сейчас проводит занятия. Учит девочек правильно складывать пальцы и делать стойку, отпускает едкие шуточки, устраивает поединки. Он всегда любил поединки... Пока не пробьет шесть, преподаватели не имеют права покидать Институт.

Ожидание скрашивало только присутствие Мей. Рыжуля рассказала, как жила все это время. Поговорили о маме Тео, о его сестре, но все, что касалось тайны Конора, старательно обходили стороной. Тео и Мей вели себя так, словно они приехали погостить.

— Эми ведь не подсматривает за тобой каждую секунду, — сказала Вертрана за ужином. — Использовать дар очень трудно, по себе знаю. Ты как-то чувствуешь ее присутствие, когда она следит за тобой?

Конор наверняка задавался этим вопросом, после того как понял, кем был загадочный соглядатай.

— Да. Думаю, да. На меня иногда накатывает нечеловеческая тоска по дочери. Это остаточная магия чувствует родную кровь. Эмбер должна позвать меня, чтобы увидеть...

Сидящие за столом переглянулись и опустили глаза. Что чувствует отец, зная, что родная кровь предает его?

План действительно оказался простым. Это и хорошо: сложные планы обычно рушатся. Верта проследит за мастером Широ, если он решит навестить Эмбер. Тео прикроет ей спину. Конор останется дома. На случай если бывший друг Конора заметит Вертрану, ускользнет от слежки и захочет выяснить, почему мисти дома Ростран ошивается у ворот Института, продумали целый спектакль: непослушная магисса сбежала, а хозяин рвет и мечет! Пока не найдут Эми, придется просчитывать каждый шаг.

— Ну-ка, любопытно посмотреть, как ты злишься! — подначивала его Вертрана. — Изобрази.

За беззаботностью она скрывала волнение. Конор усмехнулся, взгляд его сделался холодным и далеким. Вертрана словно смотрела в лицо того господина Ространа, каким он явился на первую встречу.

— Когда мерзавка вернется, она пожалеет, что родилась на свет, — процедил он.

Прямо мороз по коже! Вертрана поежилась.

— Очень натурально!

Часы в доме громко пробили половину шестого: пора приниматься за дело. Решили, что Тео и Вертрана пройдут вместе большую часть пути, разделятся у Института. Вертрана припомнила укромное местечко, откуда удобно наблюдать за воротами, а Тео, в свою очередь, не спустит глаз с мисти.

— Твоя задача только проследить, куда он отправится! — в который раз повторил наставления лорд Ростран, глядя то на Верту, то на мастера Ройма, как на старшего. — Тео, рассчитываю на тебя! Вертрана может увлечься.

Верта мысленно улыбнулась, услышав, что мужчины перешли на «ты». Они отлично поладили. Днем горячо обсуждали что-то, запершись в библиотеке, а во время обеда чертили на салфетках руны и магические формулы.

— Обещаю, — лорд Ройм, как всегда, был само спокойствие и доброжелательность. — Будет под присмотром. А я поручаю твоим заботам мою женушку.

Он поцеловал в щеку бледную Мей, которая все это время мужественно молчала, лишь неосознанно поправляла на Тео шарф, то заталкивая его концы под пальто, то вытаскивая наружу.

— Не беспокойся, я не позволю ей волноваться.

— Тео, вы ведь ненадолго? — не выдержала рыжуля. — Я не стану ложиться спать одна, дождусь тебя!

— Конечно, родная, — лорд Теодор нежно поцеловал Мей в лоб. — Вернемся так быстро, что и соскучиться не успеешь. Что с нами может случиться!

С неба сыпалась снежная крупа, жалила щеки. Стемнело раньше, чем обычно. Тео и Вертрана почти не разговаривали, торопились. Остановились у булочной, мимо которой воспитанницы проезжали всякий раз, когда отправлялись на практику в больницу, — стоит свернуть за угол, и до Института рукой подать.

— Напротив ворот доходный дом. Я спрячусь в нише, скрытой кустарником. Издалека ее невозможно увидеть, если не знать, куда смотреть. А вот мастер Широ у нас фигура заметная. Как только он появится... Если появится! Я дождусь, когда он пройдет мимо, и отправлюсь следом, укрывшись заклинанием искажения. Конечно, такому сильному магу снять заклятие — раз плюнуть, но откуда ему знать, что идущая по своим делам незнакомая девушка на самом деле бывшая ученица!

— Хорошо. Я буду двигаться позади тебя. Не волнуйся и не крути головой — это тебя выдаст. Просто знай, что я рядом и страхую.

— Хорошо... — эхом отозвалась Вертрана.

Надо идти, а ноги будто вросли в землю. Она задержала вдох и шагнула вперед. Не стала оглядываться напоследок: и так знала, что Тео не оставит ее одну.

«Мне не придется с ним сражаться, это просто прогулка! Подышу свежим воздухом, нагуляю аппетит, а как вернусь, побалую себя булочкой с вареньем».

Если бы Вертрана только знала, какая долгая-долгая ночь ее ждет. Такая долгая, что рассвет, казалось, больше никогда не наступит...

*** 61 ***

Вертрана укрылась в нише от пронизывающего ветра, плотнее запахнула накидку, приготовившись к долгому ожиданию. Мастер Широ сегодня мог вовсе не появиться.

Она разглядывала ворота, знакомые до последнего завитка, и думала о том, как непредсказуемо повернулась ее жизнь. Она здесь, чтобы помочь человеку, которого несколько месяцев назад боялась и ненавидела. Вспомнился вечер, когда лорд Конор забрал ее. Тогда Вертрана считала, что ее участь хуже смерти... А сегодня ночью отдавалась его ласкам и нежным рукам. Губы тронула смущенная улыбка, но следом Вертрана ойкнула и прикусила кончики пальцев. Настойку она так и не приготовила! События закрутились так стремительно, что она и не вспомнила о ней. А Конор уверен, что мисти позаботилась о нежелательных последствиях. Ничего, случай Мей скорее исключение, а Вертрана впредь станет осторожнее.

Раздался мелодичный перезвон колокольчиков: кто-то дотронулся до ворот. Верта раздвинула ветки кустарника, выглянула из укрытия и так крепко сжала в кулаке прутики, что они жалобно хрустнули: появился мастер Широ в длинном черном плаще, в капюшоне, низко надвинутом на лоб. Ткань, как обычно, закрывала лицо. Он, не оглядываясь, торопливо зашагал по улице. Вертране очень хотелось проверить, рядом ли Тео, но оборачиваться нельзя! Выждав, пока преподаватель боевой магии отойдет на достаточное расстояние, Верта выбралась на дорогу, сотворила искажающее заклятие и двинулась в том же направлении. Она старалась не спешить, но в то же время не отставать.

Ларан не чувствовал слезки, шел, погруженный в свои мысли.

«Твоя уверенность тебя и погубит! — удовлетворенно думала Верта. — Считаешь, что непобедим, и даже мысли не допускаешь, что охотника тоже поджидает ловушка!»

Вертрана и сама расслабилась и чуть не попала на глаза врагу. В какой-то момент потеряла его из вида, а когда рванула вперед, чуть не влетела в мастера Широ. Его силуэт слился с тенями деревьев, он неподвижно застыл среди них. Вертрана едва не вскрикнула: ей показалось, что ее раскрыли. Но нет, Ларан ее не заметил. Он повернулся спиной к дороге, медленно снял капюшон, а после стянул с головы черный чехол. Что он делает?

Верта собрала в кулак все свое мужество и прошла мимо. Вскоре ее обогнал красивый мужчина: маг снова нацепил маску — собственное молодое лицо поверх обгоревшего.

«Вот как! Значит, Эми всегда видит тебя таким, — догадалась Верта. — Ты не хочешь ее напугать. И она, наверное, где-то неподалеку!»

Действительно, Ларан скоро свернул к небольшому особняку, постучал в дверь, перекинулся парой слов с дворецким и зашел внутрь.

Вертрана подпрыгнула на месте от радости. Вот так просто! Все получилось! Теперь они знают, где Ларан видится с Эмбер. Девочка или живет в этом доме, или ее привозят сюда заранее. В любом случае эта ниточка обязательно приведет к дочери Конора.

Теперь можно возвращаться. Верта обещала не рисковать, да ей бы и в голову не пришло лезть напролом в осиное гнездо. Позже они соберутся вчетвером и все обдумают. Сложная ситуация. Надо действовать деликатно, чтобы не оттолкнуть малышку. Ей и так будет непросто...

Вертрана прошла чуть дальше, развернулась на перекрестке и, делая вид, что прогуливается, отправилась в обратном направлении. Вглядывалась в лица прохожих, но нигде не видела Тео. Странно, он ведь должен был идти следом. Неужели разминулись?

Вертрана потопталась на месте, надеясь, что лорд Ройм заметит ее, но он так не появился. Придется уйти без него. Верта беспокоилась за Тео, но больше за Мей, которая невесть что себе надумает, когда подруга возвратится одна.

— Ладно, Тео, надеюсь, с тобой все в порядке, — пробурчала Верта себе под нос, обиженная на незадачливого помощника.

«Ничего не бойся, Верта! — передразнила она его. — Я рядом и страхую, Верта! Мужчины!» Даже позволила себе немного позлорадствовать, представляя, как мастер Ройм станет оправдываться перед Конором, а тот холодно промолчит, сжимая челюсти.

— Леди... — Тоненький робкий голосок выдернул Вертрану из размышлений. — Помогите мне, пожалуйста!

Девчушка, закутанная в платок прямо поверх тонкого платьица, в ботиночках, один из которых был подвязан тряпицей, иначе отклеившаяся подошва рисковала окончательно оторваться, тряслась от холода. Она шмыгнула носом и попыталась натянуть слишком короткие рукава на потрескавшиеся от мороза пальчики. Девочка показалась Вертране смутно знакомой.

— Леди, вы меня не помните? Вы лечили меня в больнице, — девочка дотронулась до уха, прикрытого засаленной прядью темных волос. — Ушко больше не болит.

Так вот кто эта малышка! Верта, присев на корточки, оказалась на голову ниже маленькой замарашки, и, памятуя о пугливом характере юной особы, ласково сказала:

— Конечно, я помню тебя! Что ты здесь делаешь?

Девочка всхлипнула.

— Потерялась! Мама попросила отнести письмо одному хорошему господину. Он часто помогает беднякам. Нам очень нужны деньги! Хотя бы чуть-чуть. Папа умер, братик заболел, дом нечем топить...

У Вертраны сжалось сердце, она точно смотрела на собственное отражение. Бедняжка!

— Я знаю человека, который тебе поможет! Пойдем со мной!

Но девочка испуганно попятилась и затрясла головой. Из ее больших глаз закапали слезы.

— Мама строго-настрого приказала идти только в этот дом. А то, говорит, кто-нибудь прикинется добреньким и заманит... Вы ведь не такая, леди? Вы ведь не злодейка? Вы проводите меня по этому адресу?

Девочка вытащила из-за пазухи мятый конверт, где аккуратно и четко был выведен адрес. Нужный дом находился неподалеку от того места, где Верта встретила малышку. Наверное, лучше действительно ее проводить.

— Что же, идем.

Верта протянула руку, и девочка крепко ухватилась за нее. Удивительно, она тряслась от холода, но ладонка оказалась теплой.

Для того чтобы добраться до особняка благодетеля, пришлось возвращаться знакомым путем. Верта заприметила купу деревьев, рядом с которыми остановился Ларан, чтобы надеть личину.

— Там, — прошептала девочка, указав на дом.

Окна двухэтажного особняка мягко светились, обещая уют и тепло.

— Ты проводи меня до крыльца, — взмолилась она, запрокидывая маленькое лицо с остреньким подбородком.

— Ладно, ладно, не волнуйся.

Вертрание и в голову бы не пришло бросить девчужку одну посреди улицы.

— Я подожду тебя и провожу домой, — пообещала она.

Девочка кинула на Верту быстрый удивленный взгляд и пожала плечиками, не сказала ни да, ни нет, вместо этого попросила:

— Постучи. Руки замерзли...

Вертрание послушно ударила костяшками пальцев в дверь, и та беззвучно распахнулась, словно приглашая войти. Малышка проскользнула внутрь.

— Эй, подожди! Не ходи туда одна!

Вертрание очень не понравилась эта чертовщина. Кто знает, что за благодетель такой и почему он дает деньги маленьким девочкам!

— Стой! — крикнула Верта.

Она шагнула следом в полутьму коридора... И растерянно заморгала, ослепленная вспышкой: ярко загорелись магические светильники.

— Ну здравствуй, Вертрание, — произнес голос, от которого по коже побежали мурашки.

Сейчас его не искажала ткань, прикрывающая лицо, но Вертрание все равно узнала голос мастера Широ. Но как? Что он здесь делает? И где малышка?

Верта с трудом сфокусировала зрение. Успела разглядеть немного: уютный холл, девочку, которая забралась с ногами на банкетку и сидела, обняв колени. Она смотрела на Вертранию спокойно и презрительно. В кресле без сознания полулежал Тео. Кровь струилась из раны на лбу, заливала лицо, капала на воротник. Над израненным лордом Роймом возвышался Ларан Ориш.

— Отдохни немного! — насмешливо произнес он и щелкнул пальцами.

Вертрание не узнала заклятие и потому ничего не успела предпринять. Преподаватель боевых искусств приберег для себя самые редкие заклинания, не оставив ученице ни малейшего шанса.

Он всегда был на шаг впереди...

*** 62 ***

Вертрание очнулась в кресле, спеленатая заклинанием Паутины. Не могла пошевелить ни рукой, ни головой, не в силах была даже застонать. Ей подчинялись только глаза, но и они болели от усилия, когда Вертрание следила за Лараном, размеренно вышагивающим по гостиной.

Тео тоже пришел в себя и так же, как и сама Верта, был обездвижен и беспомощен. Он гневно смотрел на мастера Широ, но тому не было дела до бывшего коллеги.

С той секунды, как Ларан вырубил Вертранию, прошло совсем немного времени. Во всяком случае, малышка по-прежнему сидела на банкетке, поджав ноги. Кажется, происходящее ее не слишком волновало. Она сладко зевнула и подперла щеку ладошкой — просто маленькая уставшая девочка.

— Утомилась? — спросил маг, впервые в его голосе появилась нежность. — Ты умница, все сделала правильно.

Он покровительственно положил на макушку девочки ладонь, а она посмотрела на убийцу с искренней любовью. У Вертрание не оставалось никаких сомнений, что маленькая пациентка больницы для бедных, замарашка и попрошайка — на самом деле потерянная дочь Конора, Эмбер. Сейчас, когда она имела возможность рассмотреть ее при свете, Верта видела, как похожа девочка на обоих родителей: форма лица, как у Арлисы, сердечком, ее же большие глаза, вот только волосы темные, того же оттенка, что у отца, и глаза серо-зеленого цвета.

На лестнице слышались шаги: кто-то спускался со второго этажа. Вертрание собрала все силы,

надеясь надорвать путы и позвать на помощь, но увидела вошедшего и сдулась.

В комнату вкатилась Клара. Подруга Арлисы сильно раздобрела за прошедшие годы, лицо оплыло. Однако волосы она все так же укладывала колечками и украшала цветами. То, что смотрелось мило на юной девушке, не красило женщину. Она мельком взглянула на Верту и Тео, по лицу скользнуло брезгливое выражение, но тут же пропало.

Клара жеманно улыбнулась, подплыла к Ларану:

— А вот и ты. Мы с Эми скучали!

Мастер Широ не вернул улыбку.

— Эмбер устала. Надо ее переодеть, накормить и уложить спать. Она сегодня отлично потрудилась.

Эми в ответ на слова Ларана радостно встрепенулась, а вот на Клару, которая тут же засюсюкала с ней, как с младенцем, зыркнула зверьком.

Так вот, значит, кто приглядывал за девочкой в отсутствие Ларана! Вертране в мгновение ока стали очевидны отношения, связавшие этих людей. Клара не любила Эми, но старалась угодить лорду Оришу. Эми, чувствуя лицемерие, отвечала ей взаимной неприязнью, зато к Ларану была искренне привязана.

— Пойдем, пойдем, крошка, — промурлыкала Клара. — Сейчас искупаешься в горяченькой водичке. Эту пакость мы выкинем, наденем чистенькое платьишко, отправимся в кроватку.

Эмбер нехотя встала, напоследок одарила пленников взглядом, полным презрения.

— Папа, ты сегодня останешься ночевать в комнате Клары? — не то спросила, не то потребовала она у Ларана. — Хочу, чтобы мы позавтракали вместе. Ты в последнее время очень занят.

После непосредственных слов Эми Клара зарделась румянцем.

— Да, мы скучаем.

Ларан поморщился, но взглянул на девочку и кивнул.

— Если закончу все дела сегодня.

Эмбер отправилась к двери, но у порога остановилась.

— Ты убьешь ЕГО сегодня?

У Вертраны стеснило грудь. Бедная маленькая Эмбер! Как же тебя запутал этот негодяй, если ты зовешь его отцом и желаешь смерти единственному родному человеку. Вертрана разлепила непослушные, онемевшие губы:

— Эми, твой отец — лорд Конор. Он любит тебя!

— Не любит! — крикнула Эмбер и скрылась в коридоре.

Клара колебалась, сомнение отразилось на ее одутловатом лице.

— Он все же лорд Ростран... Не опасно ли?.. Да еще эти двое. Что ты хочешь сделать с ними?

— Я все продумал! — резко бросил Ларан. — Твое дело — заботиться об Эми!

Клара поджала губы и вышла следом за воспитанницей. Повисла плотная, почти осязаемая тишина, в которой Вертрана слышала лишь тяжелое дыхание Тео: он вот уже несколько минут силился разорвать заклятие. Ларан, не оборачиваясь, щелкнул пальцами, отчего невидимые нити паутины снова сдавили грудь пленника. Сам присел на корточки перед Вертраной.

— Зачем ты...

— Тссс! — он прижал палец к ее губам. — Ты всегда была слишком болтлива. Но талантлива... Этого не отнять. Мне жаль, Вертрана, но все должно закончиться сегодня.

Вертрана мотнула головой, уклоняясь от руки Ларана: злость придала ей сил. И пока у нее есть возможность говорить, она будет говорить.

— Убийство ничего не решит!..

Ларан соединил большой и указательный палец, накрепко запечатывая рот непокорной магиссе.

— Пора положить этому конец. Все зашло слишком далеко. Признаю, его страдания меня хорошо развлекли. Метался как жалкий цыпленок. Маг с запечатанной магией... Печальное зрелище.

Вертрана тоже не собиралась отступать. Потратила часть магии, но снова вернула себе речь.

— Вы искалечили душу девочки, заставляя ее участвовать в убийстве родного отца!

— Я ее отец! — прорычал Ларан.

— Нет! Конор ее отец! Какая изощренная месть! Я восхищена, мастер Широ! Сделали из нее обманщицу, мошенницу! А какую роль она играла в больнице? Зачем вы притащили ребенка на испытание?

Магическая маска на лице Ларана хранила бесстрастность, и все же, судя по тому, как вздымалась грудная клетка, а руки сжимали подлокотники кресла по обе стороны от беспомощной Верты, мужчина был в бешенстве. Этого Вертрана и добивалась: разъяренный враг — это враг, потерявший бдительность. Но Ларан догадался и моментально успокоился.

— Эми бывает слишком сентиментальна, — мастер Широ вернул беседе светский тон. — Захотела посмотреть на него хотя бы раз. Я позволил. И поступил верно: высокомерие, холодность и язвительность нашего дорого лорда Ространа убедили ее в том, что мы правы.

— Что вы наговорили ей? — прошептала Верта, борясь со слезами. — Ей не за что его ненавидеть!

— Я сказал ей правду. Сказал, что он убил ее мать.

Вертрана ахнула от такого жуткого вероломства.

— Это ложь! Арлиса умерла во время родов!

— Арлиса умерла, потому что помощь к ней не успела вовремя! Ведь рядом оказался маг-пустышка с остаточным, жалким даром. Я сумел раздобыть заключение лекарей — моя бедная девочка не способна была родить естественным путем, но если бы рядом оказался я... Я! Я! А не Конор! Я бы сумел ее спасти! Она бы не истекла кровью и не покинула этот мир в страшных мучениях. Я бы удержал ее! Целительство всегда было моей сильной стороной. Мне потом сказали, он пытался. Слуги метались по городу в поисках подходящего мага. И сам он выжал себя досуха. Но на что он был способен со своей жалкой тройкой? Если бы Арлиса родила моего ребенка, она бы осталась жива! Он недостойн Эмбер!

Ларан говорил так горячо, так искренне верил в свою правоту, что Вертрана поняла: нет ни единой возможности его убедить. На мгновение ей даже стало жаль мастера Широ. Несчастный случай на турнире его надломил, но смерть любимой окончательно разрушила. Он не Конору мстил, а всему этому несправедливому, жестокому миру, в котором больше никогда не будет Лисы.

— Мне жаль, — сказала она то, что вовсе не планировала говорить. — Но смерть Конора ее не вернет.

Мастер Широ промолчал, распрямился, оглядел комнату, как поле боя.

— Наверное, тебе интересно, каким образом я заманил в ловушку несчастного зельевара? — он пренебрежительно кивнул в сторону Тео. — Проще некуда. У деревьев я оставил вместо себя иллюзию, которая увела тебя по ложному адресу, а сам дождался появления Ройма. Он так торопился, что не видел дальше своего носа. Обезвредить его оказалось проще простого.

Мастер Ройм, залитый кровью, посмотрел на Вертрану виновато, Верта едва заметно покачала головой: «Оба хороши, недооценили врага...»

— И что теперь? — сказала она, храбрясь. — Три трупа не сойдут вам с рук. И лорды — это не безродные девочки, за которых некому заступиться.

Ларан не удостоил ее ответом, посвящать Вертрану в свои планы он не собирался. Верта догадывалась, что он хочет обставить все как несчастный случай. После того как месть свершится, преподаватель боевых искусств вполне может бесследно исчезнуть из Института, а в столице появится герой войны — Ларан Ориш, который после сражения потерял память и только недавно вспомнил, кто он такой. За эти годы он успел обзавестись дочерью и пережил потерю жены. А Клара... едва ли будет нужна ему в новой жизни. Конечно, это домыслы, но Вертрана всегда отличалась ярким воображением. Лишь бы только он не добрался до Мей и ее малыша!

Мастер Широ словно забыл о пленниках. Встал напротив входа, скрестив на груди руки. Силки расставлены, приманка готова, осталось дожидаться жертву...

Вертрана затрепыхалась, пытаясь ослабить путы. Она может их разорвать, однако потратит весь

магический запас. Но тогда хотя бы руки освободятся! Верта заприметила рядом с камином тяжелую металлическую кочергу. Поймала внимательный взгляд Тео, тот приподнял правую руку, давая понять, что сбросил путы. Показал четыре пальца: магического резерва на четверку по шкале Фергюсона. Не густо, но хоть что-то.

Верта сконцентрировалась на пульсирующем в груди источнике магии и выплеснула ее. Магия разъяела заклинание и погасла. Отличная команда у них — три с половиной калеки против сильного боевого мага! Что же, значит, будут биться по старинке — используя кулаки.

Она помахала Тео и снова сложила руки. Сердце колотилось так неистово, что Вертрана не сразу расслышала, что открылась входная дверь и в коридоре раздались уверенные шаги.

— Конор, уходи! — крикнула она.

Господин Ростран вошел в гостиную и встал напротив Ларана лицом к лицу. Отзеркалил жест, сложив руки. Едва удостоил Вертрану взглядом.

— Зачем тебе девчонка, — сказал он безразлично. — Ройма тоже не стоило втягивать. Это наше дело, и решим его один на один, как мужчины.

— Так же, как в прошлый раз? — едко осведомился Ларан. — Напомнить подробности? Я-то их вспоминаю всякий раз, когда смотрю в зеркало!

Маска слетела с Ларана. Вертрана вжалась в спинку кресла, ужаснувшись открывшемуся зрелищу. Стало понятно, почему Дженни и Алана так перепугались, случайно повстречав в парке мастера Широ: два провала глаз, косая безгубая щель рта и пустота на месте носа — все, что осталось от некогда красивого лица.

Конор не шевельнулся, но бледность скрыть не сумел.

— Что бы я сейчас ни сказал, это не изменит случившегося. Если тебе станет легче — искалечь меня. Только верни дочь.

— Дочь? — усмехнулся Ларан, искривив в жуткой ухмылке рот. — Она тебе не дочь больше!

— Что ты наговорил ей? Ты!..

На скулах лорда Ространа выступили алые пятна, он с трудом удерживал себя в руках. Но покосился на Вертрану и сумел обуздать гнев.

— Ладно... Хорошо... Отпусти пленников, а потом поговорим с глазу на глаз.

— Зачем мне это? — полюбопытствовал Ларан.

Он забавлялся беспомощностью Конора, оттягивал финальный аккорд.

— С кого же начать? Обещаю, девочка не будет мучиться. Дурак-зельевар, который сунул нос не в свое дело, тоже не заслужил страданий. А вот с тобой разговор будет долгим! И на этом представлении мне, пожалуй, понадобятся зрители. Так что начнем с тебя.

Вертрана переглянулась с Тео, оба одновременно вскочили на ноги. Верта схватила кочергу, лорд Ройм сложил пальцы, готовясь сплести заклятие. Конор, заметив движение, встал в боевую стойку. Оказывается, он не просто так прятал кисти рук, на безымянном пальце правой горело рубиновым цветом кольцо-артефакт. Конечно, как же лорд Ростран, да без артефактов!

Алый луч ударил в грудь Ларана, гася магию. Тео применил заклятие Паутины, которое должно было свалить недруга с ног. Вертрана подняла кочергу над головой, готовая ударить, если будет нужно.

На одно бесконечно длинное и прекрасное мгновение она поверила, что у них все получится!

— Не-ет! — раздался пронзительный детский крик.

Эмбер выросла в дверном проеме, как по волшебству. Услышала или почувствовала, что Ларану грозит опасность?

Вертрана никогда не видела, чтобы маленькие девочки были уже столь сильными магиссами. Один за другим с филигранной точностью она сплетала боевые заклятия, летевшие напрямиком в цель.

Верту словно толкнули в грудь, она рухнула на ковер, разметав руки. Тео откинул назад голову, будто невидимый кулак ударил его в челюсть, вышибая сознание. Он отлетел к стене и упал без движения.

Эмбер визжала как резаная, пытаясь усилием воли оторвать от груди Ларана алый луч. И это ей удалось. Камень в кольце-артефакте пошел трещинами, а потом рассыпался острыми крошками, испещрив руки Конора кровавыми язвами.

— Ненавижу! — крикнула Эмбер, пронзая Конора заклятием покорности.

Лорд Ростран как подкошенный рухнул на колени перед Лараном. Эми, рыдая, бросилась к мастеру Широ, прижалась, а он положил ладонь на ее вздрагивающие плечи, утешая.

— Молодец, доченька.

*** 63 ***

«Все потеряно. Это конец...»

Мысли Вертраны сделались совсем короткими, запутанными. Ни одной спасительной идеи, лишь пустота и обреченность.

Ей невыносимо было видеть Конора, преклонившего колени, но если Верта отвернется, он останется совсем один. Не было сил ни приподняться, ни крикнуть — только смотреть.

Очень близко, лишь руку протяни, стояла Эмбер, переступая босыми ногами. Ее переодели в ночную рубашку, а волосы были влажными после ванны. Она терла воспаленные глаза и дрожала то ли от холода, то ли от возбуждения.

Ларан снова нацепил маску.

— Я не напугал тебя? Ты таким меня давно не видела...

— Нет... Разве ты можешь меня напугать! Ты все равно красивый!

Конор не отводил взгляда от худенькой спинки, от спутанных темных волос. Он хотел, чтобы Эмбер обернулась, чтобы посмотреть на нее хотя бы напоследок. В пылу сражения он не успел разглядеть ее лица. Но Эми не оглядывалась.

— Ларан, — хрипло произнес лорд Ростран. — Ларан, не убивай меня при дочери. отошли ее.

Эмбер дернулась при звуках его голоса, потянулась руками к голове, точно хотела закрыть уши.

— Она пока слишком мала и не понимает, в чем ты заставляешь ее участвовать. Но когда она подрастет, отцеубийство ляжет на ее плечи тяжким грузом ...

Мастер Широ долго молчал, потом кивнул и накрыл пятерней макушку девочки.

— Иди, Эми. Тебе пора спать.

— Я не...

— Иди!

В подсознании Вертраны вот уже некоторое время толкалась и билась догадка, связанная с Эмбер. Она не хочет смотреть на Конора, не может слышать его голос. Почему? Так сильно ненавидит?

«Да ведь она боится! — сообразила Вертрана. — Опасается, что посмотрит в глаза родному отцу и даст слабину! А что если?..»

Магический источник почти опустел. Когда уже Вертрана научится не опустошать его полностью! И все-таки в нем оставались капли силы. Должно хватить! Верта почти не верила в успех безумной идеи, но должна была попытаться.

Превозмогая слабость, потянулась к голенькой ножке Эми и обхватила щиколотку.

«Когда-то мы были с тобой единым целым. Пусть всего на несколько минут, но я была тобой, Эмбер. Твои воспоминания стали моими воспоминаниями. Я просто верну их тебе...»

Перед глазами завертелся цветной калейдоскоп. Вертрана и сама не знала, как много успела сохранить. Каждое световое пятно становилось объемным, наполнялось жизнью и красками.

Сначала вернулось последнее воспоминание.

— Он тебя не заслужил...

— Стойте! Стойте! Я буду кричать! Я позову хозяина!

Молодая женщина падает навзничь с разорванными легкими... Человек, которого Эмбер считала отцом, раскрывает ладонь, и пламя мгновенно добирается до всего, что так любила маленькая девочка — до славной и доброй Викки, до куклы в кровати, до мягкого пледа...

Воспоминания, обгоняя друг друга, отсчитывают время назад. Кто-то качает ее на руках, баюкает, пристроив на плече маленькую головку. Целует нежную щеку. Эми морщится в полудреме: у «сильных рук» колючки. Она любит эти колючки.

— Моя девочка! Моя красавица!

Какой у него громкий голос. Самый лучший и прекрасный голос на свете! Но в полутьме у кровати голос становится тихим и мягким, а иногда забавным, он издает какие-то плавные звуки, отчего Викки хихикает и говорит:

— Господин Ростран, не обижайтесь, колыбельные вы совсем не умеете петь!

— Я научусь! — бодро отвечает он.

Он. Папа. Папа. Папочка...

Назад. Назад. Все дальше в прошлое.

Эми почти ничего не видит. Только силуэты и тени. Сначала она чувствует холод, но потом сразу тепло.

— Какое горе! Какое горе! — заполошно причитает кто-то. — Как же теперь малютка без матери? Кто о ней позаботится?

— Дайте ее мне! — приказывает «громкий голос». — И уйдите все! Оставьте меня с женой и дочерью!

«Сильные руки» бережно принимают ее, наступает тишина, и тут в человеке, который держит ее в объятиях, что-то ломается. Он рыдает. Горячие капли падают на лоб Эмбер.

— Я с тобой, Эми... — повторяет он снова и снова. — Мы вместе. Мы есть друг у друга. Все будет хорошо.

— Иди, Эмбер! — повторяет Ларан.

Он не замечает, как обескуражена и потрясена Эми.

— Я... — шепчет она. — Я...

Вертрана не сразу успевает убраться онемевшую руку, Эмбер запинаясь о нее и падает. У самого пола Конор, каким-то образом исхитрившись сбросить оцепенение, подхватывает дочь. Он с нежностью смотрит на милое личико, на испуганные глаза, которые так похожи на его собственные, убирает со лба локон.

— Красавица моя, — говорит он. — А теперь иди. Иди, моя хорошая. И помни — ты ни в чем не виновата.

— Папа... — шепчет Эмбер и вдруг крепко-крепко обхватывает его шею. — Это ты! Это ты!

Последующие события не заняли и нескольких мгновений, но каждое впечаталось в память Вертраны навсегда.

Ларан сложил пальцы для смертельного заклятия Морта.

— Эмбер, отойди от него!

Эмбер тряслась, как в лихорадке, глаза блестели на осунувшемся лице.

— Нет! — упрямо сказала она, и в голосе проступили жесткие интонации лорда Ространа. — Я передумала, па...

И замолчала. Она больше не могла называть Ларана Ориша отцом. Тот понял и взвыл. «Ты и ее у меня отнял!» — слышалось в этом нечеловеческом вое.

— Аттарио! — испуганно выкрикнул кто-то заклинание мгновенного сна.

Вертране, которая находилась в полуобморочном состоянии, показалось, что все случившееся — длинное и странное видение. Что на самом деле она на занятии боевой магии в павильоне Института. Мастер Широ сейчас отругает Мей за то, что она так вопит. «Ни к чему рвать голосовые

связки! — всегда говорил он рыжуле. — Слова лишь опора, они не придадут тебе дополнительных сил! Произносить их можно даже мысленно». Мей кивает, соглашается, но все равно поступает по-своему. Она каждый раз надрыгается, кричит во всю мощь легких.

— Аттарио!

Совсем простенькое заклинание. И Мей никогда не была выдающейся магиссой. Кто бы мог подумать, что сработает!

Мастер Широ упал как подкошенный. Все-таки не зря он снова и снова объяснял бестолковой рыжуле, как следует складывать пальцы...

Вертрана приподнялась на локтях и ошалело огляделась вокруг. Нет, все происходит на самом деле.

Вот Конор прижимает к груди Эмбер.

Вот Ларан Ориш без движения распластался на полу.

Вот Мей трясет Тео, пытаясь привести в чувство.

— Если ты сейчас умрешь, негодяй! — кричит она. — Я тебя никогда не прощу!

Угроза подействовала. Лорд Ройм застонал и разлепил залитые кровью веки. Мей упала ему на грудь и расплакалась.

В дверной проем заглянула Клара и без слова попятилась. Хлопнула входная дверь.

«А вот теперь можно и отдохнуть!» — решила Вертрана и с облегчением лишилась чувств.

*** 64 ***

События суматошной ночи, когда потерянная дочь Конора вернулась к нему, утром никак не хотели укладываться в голове.

Вертрана проснулась одна в своей спальне: Конор остался у кровати Эмбер, чтобы ей не было страшно в новом доме.

— Мы ее нашли, — произнесла она вслух.

Вспомнилось, как возвращались в имение Ространов: Эми забилась в угол экипажа, натянула на ноги подол. Конор вынес ее из дома на руках, укутав в пальто, а в карете она тут же вывернулась из объятий, отсела подальше и настороженно поглядывала на этого, в сущности, незнакомого ей человека. Конор не настаивал, только попросил Эмбер укрыться, чтобы не простыть. Она вздохнула, но послушалась.

— Я больше никогда его не увижу? — грустно спросила она.

Тео с расквашенным носом и рассеченной бровью, опухшая от рыданий Мей, Вертрана, которая от усталости с трудом ворочала глазами, переглянулись, не зная, что сказать.

— Не в ближайшее время, — ответил за всех лорд Ростран. — Ему будет полезно побыть одному...

Да, Ларан остался жив. Скажи Вертране об этом кто-то пару часов назад, она только хмыкнула бы скептически. Но оказалось, что добить поверженного врага не так просто, особенно если рядом с ним сидит маленькая девочка. Растерянная девочка, чья душа раскололась на две части. Она смотрит почти безнадежно - совсем еще малышка, но уже многое понимает.

— Если ты убьешь его, папа, я, наверное, тоже умру от горя, — бесхитростно сказала она. — Я знаю, знаю. Он плохой. Но я все равно его люблю.

Мей, едва утешившись, снова начала плакать. Тео прижимал ее к себе и гладил по плечам. У Вертраны мороз побежал по коже от этих слов. Конор молчал, глядя на распластанное тело.

— Сделаем так...

Едва Конор начал говорить, глаза Эмбер зажглись, как звездочки. Она кивала в ответ на каждое слово.

— Не нравится мне это... — вздохнула Вертрана. — Как-то ненадежно...

Она понимала, что лорд Ростран не откажется от плана, потому что иначе потеряет дочь теперь уже навсегда.

— Очнись! — крикнула Мей, стукнув Ларана кулаком в плечо сильнее, чем это было необходимо.

Тот резко сел и тут же натолкнулся взглядом на сложенные в боевое заклятие пальцы Мей.

— Правильно держу? — съехидничала рыжуля. — Лучше не совершай резких движений!

Ларан снова нацепил на лицо маску, развевающуюся, пока он был в отключке, и посмотрел на Эмбер. Даже улыбнулся ей, будто собственная судьба его нисколько не интересовала.

— Теперь я попрошу об ответной услуге, — процедил он, не глядя на Конора. — Уведи девочку.

— Нет.

Ларан вскинул жгучий взгляд. Как бы он ни презирал он Конора, а все же надеялся, что и тот, в свою очередь, проявит благородство.

— Сделаем иначе... — устало объяснил лорд Ростран. — Принесем клятву, а Эмбер станет поручителем. Пока она жива — никто из нас не сможет причинить другому вреда. Она дорога нам обоим. Любое нарушение заставит ее страдать.

— Эми? — приподнял бровь Ларан Ориш.

— Да! Я согласна! Не хочу больше злости, не хочу ненависти! Хватит!

Последнее слово Эмбер выкрикнула — и сама же прикрыла уши. Бедняжка, она находилась в постоянном напряжении.

— Хорошо, — выдохнул мастер Широ.

Каково ему будет жить без цели? Без мести, которой он подчинил все существование? Без Эмбер?..

Эми уселась, скрестив ноги, между двумя мужчинами, протянула обоим руки, и те переплели пальцы с тоненькими пальчиками.

— Я произнесу заклятие, — буркнул Ларан. — У тебя силенок не хватит!

— Где уж мне! — хмыкнул Коносор.

Но если он и жалел о потерянной магии, теперь, обретя дочь, решил оставить сожаления в прошлом.

— Клянусь не причинять вреда, не замышлять плохого... — голос мастера Широ становился все громче, все сильнее, в нем сквозила магия.

Вертрана видела, как поток энергии течет по ладони мага, перетекает в Эмбер и поднимается по руке Конора к нему в грудь. Коносор повторял те же слова, и тогда поток возвращался к Ларану. Эмбер выглядела спокойной и умиротворенной. Дождалась последних слов: «Да будет так!» и отняла руки.

— Все! Если нарушите — я умру! — радостно сообщила она.

Мей ахнула и, не выдержав, прижала к себе девчущку, словно хотела спрятать ото всех бед. Эмбер, хотя именно рыжуля вырубил Ларана, не держала на нее зла. На Мей вообще невозможно было сердиться.

— Ничего, ничего, — заявила Эми покровительственно. — Я ведь им верю!

Хотелось бы и Вертране верить... Ей не нравился этот договор, ее злило, что Ларан вышел сухим из воды после всего, что совершил. Коноору решение тоже далось нелегко. Но какой у них оставался выход?

— Я признаю ее наследницей по закону, — сказал лорд Ростран. — Скажу, что Эмбер выкрали в младенчестве. Постараюсь тебя не вмешивать. Весы справедливости докажут, что я говорю правду...

Ларан подавленно молчал. Позже к нему придет осознание того, что он потерял в этот день. Но он жив и свободен, а это немало!

— Едем домой, Эми, — сказал Коносор.

Эмбер медленно поднялась, напоследок посмотрела на своего приемного отца и кивнула.

Первым делом леди Ростран раскритиковала детскую:

— Фу-у, что за малышневая комната. Я уже совсем взрослая!

— Нет такого слова — «малышневая», — мягко, но настойчиво поправил ее Конор. — Сегодня переночуешь в моей спальне, а завтра мы обсудим, какой ты видишь свою комнату.

Капризная и своенравная Эмбер, кое-как воспитанная безразличной Кларой и Лараном, который по-своему любил девочку, но большую часть времени был занят, поняла, что с родным отцом не забалует. Однако отступить не собиралась, уперла руки в бока.

— Я не люблю, когда мной командуют!

«Получи еще одну дерзкую девчонку, — усмехнулась Вертрана про себя. — Ох, держись, Корн!»

Эми пробовала отца на прочность, Верта даже посочувствовала лорду Ространу. Первые дни самые тяжелые, а у Конора совсем нет опыта в воспитании маленьких девочек. Как бы не напортачил. Если он сейчас загнет свое любимое: «Выпорю!», едва ли получится убедить Эмбер, что отец просто неудачно пошутил.

Конор присел на корточки, чтобы оказаться лицом к лицу с дочерью.

— А что ты любишь? Расскажешь мне?

Эми, ожидавшая выволочки, оторопела.

— Ладно...

— Ну пойдём!

— Пойдем...

Он протянул ей руку, Эмбер ухватилась за нее. Вертрана посмотрела им вслед и поплелась в свою спальню.

Вот и все, Верта. Ты ему больше не нужна...

«Завтра утром все изменится! — убеждала она себя, забираясь под одеяло. — Трудный день... Он только-только обрел дочь, конечно, ему не до меня... В любом случае я получу долгожданную свободу. Предел мечтаний...»

Только вовсе не о свободе она теперь грезила, а о том, чтобы уснуть в объятиях лорда Ространа...

*** 65 ***

На следующий день Конор собрал слуг в столовой и объявил им, не вдаваясь в подробности, что вернул потерянную дочь. Ничего объяснять не стал. Вертрана только головой покачала: какая благодатная почва для слухов. И часа не прошло, как она застучала перешептывающихся у камина горничных, которые вместо того, чтобы чистить ковер, строили предположения. Увидели мисти и разошлись с постными минами. Даже вышколенные лакеи обменивались догадками.

— Уж такие сплетники, — кляузничала Шейла, расчесывая на ночь длинные волосы Вертраны. — Даром что мужчины. Всем жутко любопытно, где же малютка Эмбер жила все эти годы!

Шейла делала вид, что ей-то, собственно, безразлично и она предана душой и телом господину Ространу и мисти Вертране, но слуги-то вон волнуются! Верта спрятала улыбку. За время учебы в Институте она отлично изучила женскую натуру: на половине слуг Шейлу поджидали со свежей порцией новостей. Человеческое любопытство не укротить, но надо как-то оградить от него малышку.

— Она воспитывалась у родственников, — балансируя на грани между правдой и ложью, сообщила Верта. — Они забрали девочку без ведома Конора, и он долгое время не знал, где ее скрывают.

Такая информация не навредит Эмбер.

— Уверена, никто не сомневается, что она его дочь? Эми так похожа на лорда Ространа.

— Да-да! — радостно подхватила Шейла, довольная, что теперь будет что рассказать. — Глазки-то папины!

Эмбер потихоньку обживалась в доме. Сначала ходила тише воды ниже травы, а потом развернулась во всю силу своего непоседливого, вспылчивого характера. Она была маленьким черноволосым вихрем, неуловимо перемещающимся по всем закоулкам огромного дома. Бывало, звучал гонг к обеду, Вертрана и Конор ожидали за накрытым столом, а Эмбер врывалась спустя несколько минут,

в пыли, с паутиной, запутавшейся в косах. Плюхалась на стул, подвернув под себя ногу, и со свистом втягивала суп, да еще пыталась разговаривать с набитым ртом. Конор разглядывал свое дитя со смешанным чувством умиления и ужаса, а Вертрана мысленно покатывалась от смеха.

Однажды Эми не явилась спустя полчаса после удара гонга, и лорд Ростран, не на шутку разволновавшись, отправился на поиски.

— Не переживай, она где-то в доме, я чувствую, — говорила Верта, пока они одну за другой обшаривали комнаты.

Всех слуг подняли на ноги. Брюзга-дворецкий громко ворчал, что в доме уже никогда не будет спокойно и тихо, как прежде. Конор кинул на него единственный острый взгляд, и старик замолчал, подавившись словами.

— И слава богам! — шепнула одна горничная другой. — Я боялась сюда наниматься. До появления этого прыткого кузнечика здесь было тихо, как в склепе.

Проказница обнаружилась на чердаке. Она откопала в одном из сундуков старый охотничий артефакт, опутавший ее сетью. Бедняжка потратила всю магию, но так и не смогла освободиться, билась в силках грозной маленькой птичкой. К моменту появления спасательной команды заклятие почти выветрилось, и Вертрана разрушила его без труда. Конор подхватил дочь на руки, на его лице читалось огромное облегчение.

— Придется найти ей гувернантку! — признал Конор тем же вечером. — Я не справляюсь. Люблю ее бесконечно, потакаю шалостям. Вырастет избалованная особа.

Он устало присел на кровать, задумчиво расстегивая манжеты.

— Арлиса бы не одобрила, — закончил он.

Вертрана выпутала из-под покрывала руку, дотронулась до запястья.

— Зачем гувернантка? Я дам Эмбер все, что нужно.

Она давно хотела предложить заниматься с девочкой. Эми ей нравилась, она напоминала Вертрание ее саму в детстве.

— Будет непросто, — вздохнул лорд Ростран.

— Ха! — ответила Вертрана. — Она еще не представляет, с кем связалась. Знал бы ты, как нас муштровали в Институте!

Поймала на себе встревоженный взгляд.

— Обещаю, никаких розог!

— И никакой магии! Магия для девочки...

Он осекся, приблизившись к опасной черте. Магию девочкам преподавали в Институте только для того, чтобы потом превратить их в бесправных рабынь.

Вертрана закусила губу и промолчала. Как молчала вот уже много-много дней. Она ждала разговора, хотя бы намек: какие чувства связывают их? Неужели Конор, как все лорды, принял искреннюю привязанность Вертраны за исполнение ее служебных обязанностей? Мисти душой и телом принадлежат хозяевам! И, если Вертрана больше не заикается о свободе и каждый вечер ложится с лордом Ространом в одну постель, значит, ее все устраивает.

Возможно, окажись на месте Вертраны Лора, она бы и не мечтала о большем. Богатый, заботливый и молодой хозяин — чего еще желать?

Вертрана же мучилась и не находила себе места. «Уйди, немедленно покинь его дом!» — вопила гордость. «Я нужна ему, я нужна Эми! — возражала любовь. — И Корн... мне тоже нужен!»

Любовь вдруг сделала ее боязливой и слабой. Что случилось с дерзкой и строптивой девчонкой? Теперь она боится произнести лишнее слово. Про лорда Геронима и то страшно спросить.

Но беспокойство за Эйлин все-таки оказалось сильнее: наступила весна, не за горами обряд отречения. Выпускниц соберут в Институте, чтобы навсегда лишить их возможности иметь детей. Вертрана дала себе слово, что разузнает все о господине Гернаусе. Надо выручать Элли! Она бы никогда их не оставила.

Однажды ночью, когда Конор и Вертрана отдыхали в объятиях друг друга, снова разделив одну

страсть на двоих, Верта решилась начать разговор:

— Когда я оказалась в твоём воспоминании...

Конор напрягся, пальцы, что нежно гладили спину мисти, замерли.

— Да?

— Я увидела лорда Геронима... Он был молод. А теперь выглядит как старик. Почему?

Вот она и спросила! На душе сразу сделалось легче.

— Он королевский законотворец, — ответил Конор так, словно это все объясняло.

— И? — не поняла Вертрана.

Он приподнялся на локте, глядя на нее удивленно, лишь потом вспомнил, что Вертрана росла в закрытом учебном заведении, куда информация из внешнего мира просачивалась скудно.

— Эта должность дарует невероятную власть: королевский законотворец почти равен правителю. Он имеет право самостоятельно принимать решения. Любые, какие сочтет полезными для королевства.

— Ого!

— Да. Но чтобы он тщательно взвешивал каждое, вместе с должностью он получает печать законотворца и заклятие. Всякий раз, прикладывая печать к документу, он расплачивается годами жизни.

— Ох...

— Он давно искал помощницу, которая смогла бы обернуть время вспять. Лорд Гернаус заигрался с собственным могуществом, тратя отпущенное ему время слишком необдуманно, и теперь расплачивается за это...

— Элли! — в ужасе воскликнула Вертрана. — Он выжмет ее досуха!

Она села, схватившись за голову. Конор тоже сел, обнял ее за плечи.

— Тихо, тихо! С Эйлин все в порядке! В дом лорда Геронима мне вход закрыт, но я отправил письмо твоей подруге через верных людей и получил ответ.

Верта недоуменно заморгала. Отправил письмо? Он старался помочь, когда Вертрана еще только собиралась с мыслями, чтобы попросить об этом?

— Подожди...

Конор поднялся с постели, накинул халат и вышел без лишних объяснений. Вернулся и протянул Верте надорванный конверт.

— Читай!

Вертрана дрожащими руками развернула лист. Почерк Элли был ей хорошо знаком, так же как и строгий, немного холодный тон, прорвавшийся в скупых строчках письма.

«Благодарю за беспокойство, дорогой лорд Ростран, но не думаю, что хочу что-то менять в своей жизни. Она не хуже и не лучше жизни любой женщины в этом обществе. Если вас это волнует, отвечу: я в безопасности и вполне довольна существующим положением вещей. Передайте от меня Вертране самые искренние пожелания счастья. Не теряю надежды, что однажды увижу ее и Мей».

Это несомненно писала Эйлин! Вертрана снова и снова перечитывала письмо, надеясь разглядеть между строк то, о чем Элли могла умолчать.

— Он ее запугал? — прошептала она. — Что он сделал с ней?

— Человек, который доставил письмо, уверил меня, что мисти Эйлин выглядит цветущей. Лорда Геронима тоже не узнать — помолодел и похорошел.

Верта тряхнула головой. Она готова была биться за жизнь Элли и совершенно растерялась оттого, что та вовсе не нуждается в спасении.

— Как же так... Все-таки я очень переживаю!

Конор сдвинул брови и задумался.

— Я постараюсь устроить вам встречу, но не обещаю, что это случится скоро...

— Спасибо!

Вертрана едва не задушила лорда Ространа в объятиях.

Занятия с Эмбер продвигались туго. Непоседа Эми не могла усидеть на месте и минуты. Этикет, чистописание, чтение давались ей с трудом. Зато, едва речь заходила о новых заклятиях и артефактах, глаза девочки загорались восторгом.

— Я хочу стать королевским артефактором! Или боевым магом!

— Но, Эми... Тебе нельзя...

— Я знаю, что па... Ларан учит магисс боевой магии! Почему мне нельзя в Институт?

Похоже, у Ларана Ориша не хватило моральных сил открыть малышке Эмбер всю правду об Институте. Та пребывала в счастливом неведении. Вертрана вздохнула. Пока и она была не готова выложить все начистоту. Сначала надо обсудить все с Конором.

— Эмбер, если не хочешь читать, давай займемся вышивкой.

— Я не хочу вышивать! — взвилась Эми. — Я хочу заниматься магией! Какая ты зануда, Верта! Ларан все время меня учил, а ты... Ты, наверное, просто слабачка!

Вертрана вскочила на ноги, закусив губу.

— Слабачка? Твой Ларан, между прочим, говорил, что я его лучшая ученица!

Эмбер демонстративно скрестила руки на груди: «Ну-ну, заливай!»

Верта сузила глаза, выглянула в коридор — пусто, и решилась:

— Ладно. Одному ма-аленькому заклятию я тебя, так и быть, научу! А потом ты продолжишь читать.

Эми захлопала в ладоши от радости:

— Да-да, договорились! А что за заклятие?

Вертрана выбрала заклятие мгновенного сна, то самое, которое свалило мастера Широ с ног. Эмбер это показалось забавным.

— Тоже вырублю папочку...

Сболтнула и зажала рот ладошкой. Вертрана молча привлекла ее к себе, без слов давая понять, что все понимает: Эми нелегко перестроиться, иногда «папочка» так и будет проскальзывать в речи, когда она станет говорить о Ларане. А увидит она его еще ой как нескоро. Если увидит когда-нибудь.

— Пальцы надо сложить вот так... — мягко направила магисса.

Конор застал их в самый разгар занятия, когда Вертрана и Эмбер бегали друг за другом по кабинету и выкрикивали «Аттарио» так громко, что дрожали оконные стекла. Он молчал, встав на пороге, пока раскрасневшаяся и счастливая Эми первая не заметила его.

— О, па! Привет!

— Здравствуй, — холодно произнес он.

Перевел на Вертрану сумрачный взгляд. Она и забыла, когда видела лорда Ространа таким отстраненным и далеким. Сразу даже не сообразила, что случилось.

— Я ведь ясно дал понять, что занятия магией не для девочек, — отчеканил он. — Моя дочь не уличная девка!..

Вертрана отпрянула. Конор мертвенно побледнел, мгновением позже сообразив, что он только что сказал.

— Вертрана!..

Он протянул к ней руки.

— Отойди! Не трогай меня!

Вертрана оттолкнула его, бросилась прочь по коридору. На глазах вскипали злые, отчаянные слезы. «Уличная девка... Я всегда буду для него уличной девкой... Какая же я идиотка! На что я только надеялась!»

В своей спальне она ненадолго оперлась о стену, переводя дыхание. Теснило грудь. Ей вдруг показалось, что стены сжимаются, вот-вот раздавят. Она — птица в клетке. Пусть золотой, но клетке...

«Прочь... — решила она. — Сегодня же. Сейчас же!»

*** 66 ***

Вертрана заметалась по спальне, не зная, за что схватиться. Распахнула створки шкафа, скинула платье на пол, сверху свалила груды белья и застыла над горой одежды. Нет времени на сборы! Деньги — вот что ей понадобится!

На столе в шкапулке хранилась небольшая сумма на повседневные расходы. Конор настоял на том, чтобы Вертрана располагала собственными деньгами. «Вдруг тебе захочется отправить кухарку за сладостями!» — объяснил он. Какая ирония — сейчас сбережения ей пригодятся. Вертрана не знала, сколько накопила, просто складывала монеты, теперь же вытрясла их на постель и пересчитала. Пять золотых, больше десятка серебряных, россыпь меди. Если снять недорогую комнатуху на окраине города, должно хватить на несколько месяцев.

Верта сгребла монеты в кожаный кошелек, повесила его на шею и спрятала в лиф платья. Теперь наряд, обувь, и она готова к бегству! Слезы высохли, Вертрана лихорадочно шнуровала ботинки, запрещая себе вспоминать. Слова били наотмашь, лишая сил. Как она только поверила? Обманулась вежливым обращением и внешним благородством манер. Лорды! Высокомерные снобы! Их ничто не исправит!

Дверь отворяла с колотящимся сердцем. Пусто! Отлично, теперь бы еще незамеченной выскользнуть на улицу. Вертрана прокралась по коридору, но едва завернула за угол, как услышала стук в дверь, а следом голос, который заставил ее покрыться мурашками с ног до головы.

— Вертрана, открой!

Он не приказывал — просил.

«Убегай немедленно!» — велела себе Верта. Но все же, совершенно не желая этого, сделала шаг не в сторону лестницы, а в сторону спальни. Осторожно выглянула из-за поворота. Конор стоял у двери, ожидая ответа. Вот он взъерошил волосы. Вот уперся головой в косяк, так и застыл.

— Вертрана, я не уйду, пока не поговорю с тобой.

Голос теперь звучал приглушенно, но Верта все равно услышала.

Если она сейчас не уйдет, то не уйдет уже никогда, даст себя уговорить. Позволит себе поверить, что мужчины не всегда эгоистичные и самовлюбленные. Снова разрешит себя обмануть.

«Уходи, переверни эту страницу. Ты навсегда останешься для него уличной девкой!»

«Уличная девка... Уличная девка...» — эхом прозвучало внутри головы.

Вертрана буквально за шкуру оторвав себя от стены, заставила повернуться в сторону лестницы. Каждая клеточка ее тела противилась этому, собственные ноги не слушались. Но когда Верта преодолела несколько ступеней, идти стало легче, хотя грудь точно стягивали железные обручи, не давая вздохнуть.

У крыльца топтался Барт в неизменной медвежьей шубе. Увидел Вертранию и удивленно пошевелил косматыми бровями.

— Экипаж, что ль, готовить?

— Нет, нет. Я просто вышла прогуляться. Я ненадолго...

У ворот остановилась и в последний раз оглянулась на дом: «Прости, Эми, придется тебе справляться без меня...»

Путь до окраины занял пару часов, но Вертрана радовалась возможности бездумно двигаться, заботясь только о том, чтобы одну за другой поднимать и опускать ноги, отворачивать лицо от влажного ветра и дышать.

В детстве с ватагой друзей она исходила вдоль и поперек городские улочки, заглядывала и в беднейшие кварталы. Себя-то она причисляла чуть ли не к зажиточным горожанам. Отец содержал лавку, у них всегда была еда, одежда и крыша над головой. Но после того как некогда сильного мужчину постепенно свела в могилу грудная болезнь, мама, Тим и Верта перебрались в один из облезлых домов, где за комнату в полуподвальном помещении можно было расплатиться парой медных монет, а еще за монету купить дров и овощей для похлебки. Вот только у семьи Анелли не было и этих денег.

«Я не уличная девка! Я не сделала ничего плохого! Я всего лишь хотела защитить свою семью...»

Перед Вертраной вырос облупившийся дом, с него слоями слезала голубая краска, из-под внешнего слоя, как кости, проступали белые камни. Во дворе между чахлах деревьев были натянуты веревки, где сушились детские вещи, а малыши под присмотром старших братьев и сестер копошились здесь же, в истоптанном снегу, строили из щепочек дома и дороги.

— Ребята, тут сдаются комнаты?

Дети, те, что постарше, испуганно уставились на Вертрану. Почему эта леди задает такие странные вопросы? Какая-то растрепанная девчонка на всякий случай ухватила за руку бледного малыша и оттащила подальше от незнакомки.

Вертрана вынула из кошелька мелкую монетку и протянула парнишке, который смотрел больше с любопытством, чем с испугом.

— Проводишь меня?

Он кивнул.

Хозяйка меблированных комнат — старуха, нацепившая на себя разом несколько платьев разной степени ветхости, — близоруко и растерянно моргала, разглядывая Вертрану.

— Леди...

На ее сморщенном лице читались все сомнения и несказанные слова: «Вы, верно, попали в неприятности, но вас все равно найдут, а мне не поздоровится!» Вертрана вздохнула и выложила золотой:

— За неделю вперед!

Старуха прикусила золото единственным зубом, сокрушенно покачала головой и, кряхтя, потянулась за ключом.

— Идем!

Комната, куда попала Вертрана, больше напоминала холодный чулан. Крошечный камин, продавленная кровать, тумбочка и занавеска на окне, похожая на кусок половой тряпки.

— Понимаю, вы привыкли к другим удобствам...

— Меня все устраивает! — вздернула подбородок Вертрана.

— Я могу послать за дровами...

— Позже!

Верта протянула руку за ключом и непреклонно закрыла дверь за хозяйкой, будто разделяя жизнь на две половины. Потом легла, скорчившись, на постель, стремясь подольше удержать тающее тепло. Когда она осталась наедине с собой, маска бесстрастности слетела с лица и магисса горько расплакалась над разбитой жизнью.

«Он обещал свободу. Вот и получи ее сполна, Вертрана...»

Верта и сама не понимала, почему ноги принесли ее сюда, в эти трущобы, где она с семьей переживала худшие времена. Может быть, она пыталась подспудно доказать себе, что лучшего она недостойна? Уличная девка...

Промелькнула и тут же растаяла мысль о Мей, Тео и их гостеприимном доме. Нет, Конор первым делом отправится к лорду Ройму, надеясь застать беглянку там. Если она твердо и окончательно решила разорвать отношения, ей нужно спрятаться, залечь на дно.

Она смутно помнила о том, что ее с Конором до сих пор связывает клятва крови, принесенная на Небесном Алтаре. Помнила и о давнем разговоре, состоявшемся сразу после того, как они

заклучили соглашение.

— Как же я могу стать свободной? Магисса никогда не может оставить хозяина. Ей становится так плохо, что она чуть ли не на коленях приползает, умоляя принять ее назад.

— Только если хозяин ее позовет. Я никогда бы не стал применять этот варварский способ.

Вертране оставалось лишь надеяться, что лорд Коноур не нарушит обещания. Не захочет причинять ей боль... Хотя куда уж больше! Да если даже прикажет явиться, Верта руками и зубами вцепится в дверной проем, но никуда не пойдет.

«Что же теперь?.. Нет, сегодня я не буду думать о будущем!»

Работа для девушки в городе всегда найдется. Найдется горничной, разносчицей, да хоть полomoйкой. Главное, она больше никому не будет обязана! Потом, когда немного пообвыкнется с новой жизнью, напишет письмо Мей, чтобы рыжюля не волновалась.

Вот только... Как быть с той маленькой тайной, о которой Вертрана так и не решилась сообщить Коноору? Все откладывала и откладывала, опасаясь, что вместо радости на его лице увидит негодование. А теперь...

— Вертрана, ты такая непроходимая тупица! — сказала она вслух, переворачиваясь на спину и разглядывая потолок в патине плесени и пыли. — Как можно было поверить? Надеяться на что-то! Вот и расплачивайся за это!

Верта больно-больно ущипнула себя за бедро. Останется синяк. И хорошо, заслужила. Это еще не больно. Гораздо больнее будет, когда придется совершить ужасный, но необходимый шаг...

Она никак не может обречь невинное создание жить в нищете. За них некому заступиться. Они умрут от холода и голода, едва ребенок появится на свет.

— Прости... — прошептала Вертрана. — Я тебя недостойна. Прости. Я не должна была быть такой беззаботной. Случай Мей ничему меня не научил. Хорошо, что у Мей есть Тео. А у нас никого нет...

«Уличная девка!»

Вертрана положила руку на живот. Убрала. Снова положила. Залилась слезами.

«Не сегодня, — подумала она. — Не могу...»

*** 67 ***

Она немного поспала, проснулась, дрожа от холода, но чуть посвежевшая. Первым делом попросила у хозяйки принести дров и воды. Из окна подозвала того самого парнишку, что показался смысленнее других, и отправила в лавку, пообещав медяшку за труды.

Потом села к огню с чашкой чая в одной руке, куском хлеба в другой и отважно признала несколько важных фактов.

— Я беременна и не смогу убить ребенка, — вслух произнесла Вертрана, морщась от звуков собственного голоса: ей было страшно. — До его рождения еще несколько месяцев, за это время может произойти что угодно. В конце концов, разве я не боец? Разве я когда-то сдавалась?

Она откусила кусок хлеба грубого помола, запила горячим напитком, по телу разлилось тепло, а вместе с теплом возвратилась надежда.

— Я в бегах, и, если Эмбер каким-то образом почувствует брата или сестру, она меня найдет, — проговорила она второй факт. — Значит, я не могу задерживаться на одном месте дольше, чем на один день.

Бродячая и бесприютная жизнь ее пока не пугала, наоборот, хуже увязнуть в местечке, подобном этому, как в болоте.

— Я... — она сглотнула, прежде чем смогла сообщить пустым стенам и очагу последний факт. — Я люблю этого гада... И не сразу сумею забыть.

Но однажды пройдет и эта боль. Просто надо двигаться вперед — день за днем, маленькими шажками. А каждый день будет складываться из мгновений, таких, как это — горячая чашка в руках, тепло камина. Или ветер и дождь. Черета комнат и лиц. И когда-нибудь боль притупится, отступит на второй план.

Денег пока достаточно, а потом... Потом она решит, что делать дальше.

— Я ухожу, — сообщила она утром старухе, которая сегодня поверх вороха платьев нацепила дырявое пальто.

— Я не верну деньги! — злобно прошипела та. — Ты заплатила за неделю.

— Оставьте себе, — устало согласилась Верта: не было сил ругаться.

Впредь нужно тщательнее планировать расходы. Для жизни ей не надо много — крыша над головой да ужин. А на завтрак вполне сойдет чашка чая. И придется, пожалуй, прикупить пару простых платьев, иначе люди станут коситься, а лишнее внимание ей ни к чему.

Отыскать бы маму и Тима. Где они сейчас? Каким вырос брат? Он уже совсем взрослый. Наверное, работу нашел. Помечтать о тихом маленьком доме в деревне было сладостно, да толку нет. Вертрана отныне сама по себе и станет рассчитывать лишь на собственные силы.

Больше недели Вертрانه удавалось следовать плану. Каждое утро, проснувшись, она покидала временное пристанище. Бродила по улицам, пыталась подработать. Иногда получалось наняться в трактир разносчицей, но чаще, увидев, что новенькая совсем не умеет обращаться с клиентами, ее отправляли на кухню мыть посуду. Вертрана сменила платье из дорогой, добротной ткани на простенький наряд, накидку обменяла в лавке на меховую телогрейку. Волосы закрывала платком и старалась поменьше разговаривать, потому что правильная речь никак не вязалась с образом простолюдинки. Вот только горбиться не получалось. Прямая осанка и вздернутый подбородок в глазах людей превращали ее в гордычку. За это ей не раз влетало от временных работодателей.

— Вниз, вниз гляди, дура! — возмущался хозяин трактира, куда Вертрана нанялась подавальщицей. — Думаешь, если морда смазливая, так можешь нос задирать! И не таких обламывали.

Знал бы этот плюгавый человечек, брызжущий слюной, что новая работница может отправить его на тот свет щелчком пальцев, удержался бы от оскорблений. Но Вертрана решила, что он того не стоит. К тому же ей, сильной магиссе, никак невозможно было проявить свой дар. Это выдаст ее быстрее, чем клеймо на лбу «Воспитанница Института».

Вечером, расположившись на новом месте, торопливо поглощая незамысловатый ужин, Верта нет-нет да думала о Коноре. Он уже забыл ее? Вычеркнул из памяти в тот же вечер, пожав плечами: «Что же, она получила то, что хотела»? Или пытался отыскать? Он мог позвать ее в любой момент, но запретил себе, чтобы не причинить боли? Но, скорее всего, он вздохнул с облегчением, избавившись от обузы. Он вернул дочь. Зачем ему теперь Вертрана...

Между тем зима отступала. Она долго не сдавала своих позиций, но, разразившись напоследок снежной бурей, выплеснула злость и покинула поле боя. Уже на следующий день ярко сияло солнце, снег потемнел, кое-где виднелись проплешины с торчащими из-под земли отважными, но такими хрупкими травинками. Борются ведь, не сдаются! Вертрана улыбнулась, на секунду поверив, что все будет хорошо.

А вечером того же дня услышала зов. Давно забытый, ненавистный голос госпожи Амафрей приказывал всем воспитанницам явиться на обряд отречения.

Вертрана так надеялась, что больше не связана узами крови с Институтом, только с лордом Ространом, но, видно, до самого выпускного она будет принадлежать и директрисе тоже.

*** 68 ***

Верта представила, как директриса стоит, склонившись над Небесным Алтарем, а черные глянцевые бока артефакта отражают ее искаженное лицо. Представила длинные пальцы, тянущиеся к розочкам, которых отдали лордам. Нелли, Мей, Эйлин и сама Вертрана... Теперь им приказывают вернуться. Не волноваться можно только за Меюшу, Тео не даст ее в обиду.

Зов, пока несильный, но настойчивый, зудел, как докучливая муха. Он не отвяжется, станет крепнуть, пока не сожмет душу в кулаке, лишая воли. Обсидиановый артефакт, хранящий в себе кровь Вертраны, неумолим. И все-таки пока голос был не слишком настойчив, Верта верила, что сумеет противостоять.

Вчера вечером она сняла клетушку под самой крышей, с покатыми стенами и влажным потолком. Железная кровать с прохудившимся тюфяком за ночь так намяла ей бока, что ребра болели до сих пор. Вертрана просунула руки сквозь прутья спинки и приковала себя заклятием замка.

«Вернитесь. Вернитесь. Мы ждем вас. Смирение. Послушание. Прилежание. Поступите как должно», — звучали одни и те же слова.

Даже Сухарь давно утомилась бы, значит, наложила заклинание повторения. Но это неважно, зов все равно силен.

— Я не пойду! — крикнула Вертрана в потолок. — Не дождетесь!

Через пару часов жуткой головной боли у нее хлынула носом кровь. Даже не вытереть — запястья-то скованы. Верта уперлась лбом в прохладную спинку и тяжело дышала, глядя, как капли пятнают застиранную простыню.

«Вернитесь... Вернитесь...»

Слова эхом бились внутри черепной коробки, причиняя боль. Еще через час судорогой свело живот. Верта со свистом втянула воздух сквозь сжатые зубы. А вот это уже плохо: если не подчинится, потеряет ребенка. И если подчинится — тоже...

— Чтобы вы все сдохли, сволочи! — завопила она. — Да сколько же можно над нами издеваться!

«Возвращайся, — подсказывал голос разума. — Директриса обязана вызвать Конора. Он тебя вытащит!»

Это было единственное правильное решение, но оно означало, что Вертрана сдается. Что никогда ни для одной воспитанницы не останется другого выхода, кроме как терпеть любые гадости и пинки. И быть благодарными, точно комнатные собачки, уже за то, что их иногда гладят и позволяют спать в одной постели с хозяевами.

— Я свободна... — прошептала Верта, теряя силы, мучаясь от боли. — Я свободна...

Она лишилась чувств, а очнулась на улице. Брела, пошатываясь, выставив вперед руки, точно сомнамбула. Прохожие шарахались от девицы жуткого вида — лохматой, простоволосой, в измятом платье. Верта вскрикнула и бросилась к ближайшей ограде, вцепилась трясущимися пальцами, изнемогая от усталости.

— Девочка, тебе помочь, милая? — осведомилась сердобольная пожилая женщина.

«Если бы мне можно было помочь!»

Вертрана покачала головой и разжала руки. Бесполезно. Надо идти и смело посмотреть в глаза своей судьбе. Ишь, размечталась, жалкая уличная крыса... О любви, о преданности, о семье, о детях... Это не для тебя!

Оказывается, в бесчувственном состоянии она преодолела большую часть пути. Уже виднелись распахнутые ворота — Институт встречал своих воспитанниц с распростертыми объятиями. Институт. Проклятый. Никуда от тебя не деться. Вьелся в кровь и плоть.

— Сегодня все закончится, — пообещала себе Вертрана и поковыляла вдоль улицы.

Едва перешагнула невидимую границу, и боль тут же отступила, растворилась. Прислужницы, что стояли наготове, заботливо подхватили под руки.

— Ох, детка, намаялась. Что же ты, надо было сразу спешить. Ничего, ничего... — приговаривали они на два голоса.

Они заволокли запинаящуюся Вертрану на крыльцо, помогли подняться по лестнице на третий этаж, привели в розовую спальню. Верта шагала, безразличная ко всему, мечтая лишь о том, чтобы все поскорее завершилось.

— Вертрана! — воскликнула Дженни, первой заметив Верту. — Ой, бедная, что с тобой!

Розочки окружили подругу, которую не видели с того самого дня, когда она вылезла через окно. Помогли сесть, набросили на плечи одеяло. Алана из своих рук напоила Вертрану теплой водой.

— Мей? — тихо прошептала Верта.

Сообразительная Дейзи догадалась быстрее товаров.

— Мы видели из окна: мастер Ройм привез ее в экипаже, они вышли совсем ненадолго, а потом снова сели и уехали. Она такая кругленькая стала, наша Мей. Счастливица!

— Элли?..

Дейзи покачала головой:

— Ее я не видела.

Вертрана застонала, согнувшись пополам: низ живота снова обожгло спазмом. Розочки

встревоженно переглянулись.

— А где же лорд Конор? — осторожно спросила Алана. — Он тебя одну отпустил?

— Отпустил, — губы Вертраны дернулись в саркастической усмешке.

— Ты сбежала, — констатировала Габи. — Поэтому ты в таком виде. А ведь он приезжал вчера утром. Я опаздывала на занятие, пробежала мимо кабинета Сухаря — думала, показалось... Он выглядел потерянным...

— Да пошел он! — рявкнула Вертрана и снова стиснула зубы, чтобы не застонать.

— Я так и знала, что все из-за тебя, — раздался тихий голос. — Сухарь в этом году раньше времени решила провести обряд отречения — из-за тебя! Ты всегда была несносной занозой в заднице, Верта!

— Лора, тебе нужно отдыхать, — оборвала ее Алана почти ласково.

Вертрана оглянулась в поисках Лоры. Блондинка лежала в постели и выглядела изможденной.

— Сухарь вчера собрала магов для обряда, — сказала Дженни на ухо Верте. — Лору первую забрали...

Как бы ни злилась Верта на заклятую подругу, тут она содрогнулась. Поднялась и на слабых ногах подошла к Лоре. Та посмотрела снизу вверх. «Что, торжествуешь?» — говорил ее потемневший взгляд.

— Мне жаль... — сказала Вертрана. — Они твари. А мы с тобой на одной стороне...

Ахнула и вынуждена была присесть на край постели: судороги никак не отступали.

— Ты беременна! — догадалась Лора. — А что же он? Отец-то? Такой же гад оказался, как все?

В ее голосе вместо злорадства слышалось сочувствие.

— Такой же... — признала Верта.

Грудь сдавили невидимые тиски — еле продышалась. Лора шмыгнула носом и, как в детстве, скрестила свой мизинец с мизинцем Вертраны.

— Мир? — дождалась кивка и отвернула одеяло. — Смотри что покажу.

Она подняла сорочку, и розочки увидели на животе Лоры черный треугольник с перекрещивающимися линиями. Он напомнил Верте перечеркнутый круг на плече Конора. Еще одна магическая печать. Так вот как они проводят обряд...

— Да ничего, — махнула рукой Лора. — Я даже рада. Теперь и беспокоиться не нужно... Тебе, правда, не так легко будет, Вертуха. Тебя сначала очистят.

Дженни ойкнула и затормошила Вертрану.

— Пошли за Конором! Дай ему знать, где ты! Что бы там между вами ни произошло!

— Не могу... — сказала Верта. — Я боролась, девочки, правда. Я так боролась. Они сильнее... Они всегда сильнее нас. Лучше умереть, чем жить в рабстве.

Богомолиха подкралась так тихо, что розочки узнали о ее приближении, лишь услышав дребезжащий голос.

— Вот и наша пропажа! О-о, надо бы тебе привести себя в порядок, голубушка. Но это подождет. Госпожа Амафрея желает тебя видеть!

Под внешним спокойствием госпожа Гран тщательно скрывала ликование: наконец-то негодной девчонке зададут урок! Верта решила во что бы то ни стало не показывать слабости. Поднялась и выпрямилась.

— Я готова.

И будто мало выпало Вертране испытаний на сегодняшний день, по дороге к кабинету Сухаря она нос к носу столкнулась с мастером Широ.

Самообладание ей изменило. Верта отшатнулась, ударилась спиной о лестничные перила. Ларан приостановился, но лишь на мгновение. Темная ткань все так же скрывала лицо: невозможно

узнать, о чем он подумал, увидев магиссу Конора. Да о чем подумал? Хохотнул про себя над наивностью очередной дурочки, которую лорд прожевал и выплюнул.

— Идем! — поторопила Богомолиха. — Что встала?

Вертрана переждала секундный приступ боли и, сжав зубы, поспешила следом за классной дамой.

Госпожа Амафрея стояла у стола, поджидая подопечную. У Вертраны возникло мгновенное дежавю: худая, как палка, директриса, затянутая в строгое платье. Пучок темных волос, только седых нитей стало больше. Черный шар на столе. Полки по-прежнему ломились от реальных до жути игрушек, заспиртованных тварей, книг, чучел и других невероятных вещей. Вот сейчас директриса скажет: «На одной из этих полок лежит булавка с головкой из горного хрусталя. Принеси мне ее...»

Вертрана невольно поискала взглядом Конора, но нет, Сухарь была в кабинете одна. Шевельнула пальцами, давая понять госпоже Гран, что та свободна.

— Здравствуй, непослушное дитя, — улыбнулась госпожа Амафрея.

Что-то хищное промелькнуло в ее улыбке, что-то недоброе. Вертра отступила и уперлась в закрытую дверь, облизнула пересохшие губы.

— Твой лорд разыскивает тебя, негодница. Что ты с ним сделала? Околдовала? Напоила любовным зельем? — директриса рассмеялась, но и смех колот острыми иголками. — Шучу, конечно. Лорда защищает клятва крови. Но какова наша маленькая Вертрана — скрутила хозяина в бараний рог так, что он и зов применять не хочет. «И вам тоже категорически запрещаю!» Вот как. Это его слова. Суровый господин Ростран. Да только выглядит плоховато. Недельная щетина и красные от недосыпа глаза никого не красят. Ворвался в наш славный тихий приют, как дикий зверь. Думал, мы тебя прячем! Так что ты с ним сделала?

— Я... Ничего... — пробормотала Вертрана. — Я не знаю...

— Ну хорошо, хорошо, детка.

Госпожа Амафрея приблизилась, цепко ухватила Верту за подбородок острыми и тонкими, будто птичьи когти, пальцами и заставила поднять лицо. Всмотрелась. Из глубины ее черных глаз, обведенных тенями, на Вертрану глядело холодное, расчетливое зло. Верту замутило. Происходило что-то плохое, что-то неправильное.

Не выпуская подбородка Вертраны, директриса положила вторую руку на живот воспитанницы.

— Ох, шалунишка. А я ведь говорила, что нужно быть осторожнее!

Вот только вид у госпожи Амафреи сделался донельзя довольный, она едва ли не облизывалась, как кот на сметану. Верта вспомнила, что такой же радостной та становилась, заполучив очередной артефакт.

— Маленький обсидиан, — промурлыкала директриса.

Творилось что-то неладное, но куски мозаики отказывались собираться в единое целое. И вдруг Вертрану будто кто под сердце толкнул.

«В ее венах течет моя кровь. Уверен, она унаследовала и мой дар. Я — обсидиан. Тот же камень, из которого выточен самый ценный артефакт Института — Небесный Алтарь...»

Конор — обсидиан. И Эмбер тоже. И не рожденный еще малыш наверняка получил эссенцию от отца.

Почему же это так взбудоражило госпожу Амафрею? Люди — не камни, они лишь получают от них название дара...

Вертрана едва дышала, стиснутая крепкой рукой, но все же нашла в себе силы оттолкнуть ладонь, накрывшую живот. Острая любовь к ребенку заполнила каждую частичку души. Нельзя жертвовать им ради глупой гордыни. Он ни в чем не виноват... Конор о нем даже не знает. Господин Ростран, конечно, высокомерный сноб, но отец он очень нежный. Вдруг... Вдруг этот малыш ему тоже нужен?

— Ладно... — сипло произнесла Вертрана. — Сообщите Конору о том, что я здесь.

Директриса рассмеялась, будто услышала нечто забавное.

— Сообщить Конору? О том, что ты здесь? Увы... Маленькая пташка Вертрана бесследно исчезла. Мало ли какое несчастье поджидало ее на улицах города. Ничего, лорд Ростран получит

компенсацию. Мы подарим ему Лору. Она так мечтала о богатом доме.

Верта перестала что-либо понимать вообще.

— Лора... расскажет...

— Глупости! Одно маленькое заклятие, и она забудет о вашей встрече. Они все забудут.

*** 69 ***

Каждый мускул в теле Вертраны напрягся, интуиция вопила об опасности: «Беги, спасайся!» Верта попыталась ударить заклинанием — не вышло. Она вспомнила, что кабинет госпожи Амафреи защищен от посторонних магических воздействий: колдовать здесь могла лишь хозяйка.

Вертрана дернулась, однако Сухарь, даром что худая да высохшая, оказалась жилистой и сильной.

— Не трепыхайся, девочка. Прими неизбежное. Так нам всем будет легче.

Но Верта никому не собиралась облегчать жизнь. Изловчившись, она укусила директрису за палец и отскочила в сторону — к окну, забранному решетками. Нет выхода, она мышка в мышеловке.

— Чего вы хотите от меня? — крикнула она, прижимая руку к животу, где пульсировала боль. — Чего вы хотите от него?

Госпожа Амафрея улыбнулась почти тепло. «Ах, зачем так нервничать!» — говорила, казалось, ее улыбка. Сама она не волновалась и не торопилась: пташке, угодившей в силки, некуда деться.

— Я расскажу, милая. И ты поймешь, что у меня, попечительницы старейшего заведения, просто нет иного выхода.

Директриса подошла к столу, положила обе ладони на обсидиановый шар и погладила его, как гладят живое создание.

— Небесный Алтарь. Долгие десятилетия Институт существует лишь благодаря силе главного артефакта. Не будь его — и разрушатся клятвы, рухнут устои. Все потеряет смысл.

«Так вот оно что... — мрачно подумала Вертрана. — Исчезни Небесный Алтарь, и каждая магисса в нашем мире получит свободу...»

Она представила, как мисти в одно мгновение ощутят легкость, почувствуют, как слетают оковы! И пусть попробуют их тогда удержать! Прекрасная и несбыточная мечта...

— Небесный Алтарь не зря носит такое название, — продолжала Сухарь, в ее голосе теперь появились назидательные нотки, будто она преподавала, а Вертрана снова превратилась в ученицу. — Догадаешься почему?

Верта покачала головой. Пока директриса на нее не смотрела, она потихоньку продвигалась по стеночке поближе к полкам. Некоторые странные игрушки выглядели увесистыми — пусть магия Вертраны сейчас бессильна, но кто сказал, что она сдастся без боя!

— Конечно, не догадываешься, глупышка. Алтарь всегда требует жертв. Раз в десятилетие приходится подпитывать его силой обсидиана. Такая редкая эссенция! Еще реже, чем аквамарин. Я все ждала, что в Институт придет дитя с этим даром, но увы... А срок поджидает...

Госпожа Амафрея скользнула рукой по шару, и Верта вдруг увидела, что поверхность не везде однородна. Это не сразу бросалось в глаза, но кое-где камень потускнел и покрылся тонкой, едва различимой сеточкой трещин.

— Алтарь помогал мне, подбирал подходящих магов. На его взгляд, подходящих. Часто показывал воспитанницу нашего преподавателя боевых заклятий. Я уже думала взяться за девчонку, и тут он с завидным постоянством стал являть мне знакомый образ — тебя, моя милая.

Вертрана не сводила глаз с директрисы, но боковым зрением присмотрела статуэтку собаки, вылепленную из глины: тяжелая, сразу видно.

«Она не знает, что Эмбер дочь Конора, — подумала она с облегчением. — Ничего не знает про Конора и Ларана».

Отчего-то эта мысль ее обрадовала.

— Я злилась. «Она аквамарин!» — пыталась втолковать я артефакту. К счастью, он не слушал моих объяснений. А потом я поняла!

Губы директрисы растянулись в восторженной улыбке. Вертрана поежилась: госпожа Амафрея выглядела совершенно сумасшедшей.

— Ты носишь в себе маленький обсидиан. Однако сила его уже очень велика! Алтарь примет эту жертву!

Вертрану сковал ужас, на миг она потеряла самообладание.

— Конор узнает и отомстит за нас! — крикнула она.

— Не узнает и не отомстит, — спокойно, даже нежно ответила жуткая женщина.

Да женщина ли? И сколько ей лет на самом деле? Сухопарая, без единой морщинки на лице, госпожа Амафрея почти не менялась со временем. Что если ее жизненная сила напрямую связана с магией Небесного Алтаря? Продлевая его существование, она добавляет и себе годы жизни.

Она неторопливо направилась в сторону Вертраны, та, охнув от натуги, подхватила на руки тяжелое глиняное изваяние.

— Не дамся, — угрюмо сказала Верта.

— О, милая, — сокрушенно покачала головой госпожа Амафрея. — Ты заблуждаешься, думая, что это лишь красивые безделушки...

Тон директрисы поколебал уверенность Вертраны. Она оглянулась и будто впервые увидела бесконечные ряды причудливых вещиц, чье назначение до сих пор было ей неясно.

— Так что же это?

— Это... О, это... — Сухарь двумя пальчиками тронула хрустальный домик, такой хрупкий на вид, что он мог, казалось, расколоться от одного взгляда. — Это стражи Алтаря. И его слуги. То, что заберет твои силы. И напоит Алтарь кровью обсидиана!

С этими словами она легонько подтолкнула игрушку, домик упал на пол и с треском раскололся. От осколков взвилось облачко пара, которое стало разрастаться — вот окутало ноги Вертраны до колен, вот поднялось по грудь. Белые струйки тянулись, словно щупальца, заползли в рот и в нос. Верта закашлялась. Выронила громоздкую статуэтку пса, расколовшуюся у ее ног. Она попыталась выбраться из тумана, который становился все плотнее, но тот уже укутал ее с головой. Последним, что она услышала, был смех госпожи Амафреи и, кажется, удар в дверь... Треск сорванного замка... А потом темнота.

И следом за ней пришел холод. Вертрана заморгала, осматриваясь. Она стояла в огромном зале, чьи своды терялись высоко над головой. Стены и пол были сложены из прозрачного чистого льда. Вертрана присела на корточки и дотронулась до пола, от тепла человеческого тела лед подтаял, выступила влага, но и пальцы мгновенно заковенели. Снаружи в зал проникала лишь темнота, правда, сами стены сияли тусклым матовым светом.

— Эй... — робко позвала Вертрана.

Низ живота снова болезненно сжался. Вертране бы в теплую постель с грелкой, с молоком и любимыми булочками на подносе. И чтобы Конор был рядом, держал за руку, гладил по голове и говорил, что все будет хорошо. Но Конора нет... Придется как-то справляться самой...

— Малыш, — прошептала она. — Ты уж держись, пожалуйста. Ты ведь у меня сильный? Ты боец, правда? Покажем им тут всем, где раки зимуют!

Вроде стало чуточку легче. Вертрана осторожно побрела по кругу, осматриваясь, каждую секунду готовясь к отпору. В стенах зала расположились три арки, они вели в широкие коридоры. Вот только Верте совсем не хотелось идти ни в один из них: в глубине перемещались неясные тени, слышались шепоты и стоны. Пока что эти твари, кем бы они ни были, не почувяли Вертрану. Но если почувствуют...

В одном из ответвлений послышались гулкие звуки, похожие на шаги. Кто-то или что-то быстро приближалось к Вертране. Верта сглотнула, набрала в грудь побольше воздуха и встала в боевую стойку. Она ощущала ток магии в своей крови. Значит, здесь она действовала.

Первым из арки показался мужской силуэт. Лицо закрывала черная ткань... Так и этот гад здесь! Получи!

С ладони Вертраны сорвалась молния, но Ларан разрушил ее мгновенным заклятием. И... почему-то не испепелил в ответ.

— Не трать силы! — рявкнул он, обернулся и крикнул: — Иди сам объясняйся со своей дикой кошкой.

Следом за Лараном из коридора вышел...

Вертрана ойкнула и пошатнулась.

— Конор...

Конор пытался перевязать лоскутом, оторванным от рубашки, голову — сквозь ткань проступала кровь. Увидев Вертрану, он кое-как закрепил ненадежную повязку и бросился вперед.

Настиг беглянку в пару прыжков и схватил за плечи. Лицо его побелело и исказилось.

— Ты! Бестолочь! Гордячка! Да как ты посмела! Да как ты!.. Я думал, ты погибла! Я чуть с ума не сошел! Как бы я жил без тебя, ненормальная!

— Хорошо бы жил... — Слова давались Вертрране с трудом. — Зачем тебе уличная девка?

Она совсем запуталась и не понимала, что чувствует. Злость? Радость? Все сразу? Хотелось и обнять, и ударить побольнее.

Конор моргнул, а потом неожиданно, без объяснений, прижал ее к груди, укутал в объятия, покачивая, как маленькую.

— Прости... Прости... Таких идиотов, как я, еще поискать... Стукни меня?

Он попросил об этом с такой надеждой, что Верта нервно хихикнула.

— Прямо в твой раскрытый лоб? Тебе, похоже, и так прилетело... Ай!..

Живот снова скрутил приступ боли. Она вцепилась в обшлага пальто Конора, чтобы не согнуться. Он обхватил ее, не давая упасть, испуганно заглянул в лицо.

— Что? Что, родная? Они успели наложить печать?

— Нет, ты точно идиот, Корн, — сообщил Ларан. Голос из-под маски звучал глухо, но одновременно язвительно, как всегда у мастера Широ. — Впрочем, я не сомневался. Какого ляда, по твоему мнению, она понадобилась директорисе?

Конор морщил лоб и молчал.

— Госпоже Амафрее нужен обсидиан, чтобы зарядить Небесный Алтарь, — медленно, как слабоумному, объяснил Ларан.

Но Конор, видно, получил слишком сильный удар по голове. Он только приподнял брови.

— Да очнись уже! Вертрана носит твоего ребенка. С даром обсидиана! И было бы просто невероятно прекрасно, если бы я не столкнулся с ней на лестнице и не понял, что она беременна. Совесть моя осталась бы чиста. Увы, клятву, связавшую нас, я продумал слишком хорошо. «Не может быть допущен вред Конору Ространу, а также его родным и близким. Любое невмешательство расценивается как вред...» Эмбер я рисковать не стану. Поэтому получите вашу Вертрану и вашего нерожденного сына. Наслаждайтесь обществом друг друга, пока стражи Алтаря нас всех не порешат.

Огромная темная тень прислонилась к ледяной стене с внешней стороны. Послышался скрежет когтей и лязг зубов.

— А это случится очень скоро, — буднично закончил Ларан.

*** 70 ***

На мрачное пророчество Конор не обратил внимания, превратившись в мраморную статую после слов «носит твоего ребенка». Вертрана тоже окаменела, опустила голову.

— Да, это в наши планы не входило, — сказала она, глядя в сторону и чувствуя, как возвращается обида. — Не думай, что я пыталась тебя привязать. Или думай. Мне все равно. Денег мне твоих не надо, сама заработаю и...

— Да помолчи же ты хоть минуту! — выдохнул лорд Ростран и закрыл ей рот поцелуем.

И, пока Вертрана пыталась отдышаться, быстро проговорил:

— Сын получит мое имя.

Одной короткой фразой он сумел сказать все, что нужно. Он готов дать имя древнего и знатного рода ребенку простолюдинки, бастарду — ведь жениться лорд Ростран не сможет, — сделать его наследником: шаг куда более ответственный и смелый, чем предложение разделить жизнь. Конор мог пообещать заботиться о незаконнорожденном отпрыске, дать ему хорошее образование, но имя! Невозможно. Вертрана и надеяться не смела. Растерянно и недоверчиво она посмотрела в глаза Конора, а тот ответил ей прямым взглядом.

— Какая идиллическая картина, — хмыкнул мастер Широ. — Жаль, юный Ростран едва ли доживет даже до своего рождения, если вы оба прямо сейчас не включите мозги! Оглянитесь и вспомните, где вы находитесь! Вертрана, подойди...

— Зачем?.. Ой!..

Конор теперь не на шутку встревожился, глядя, как она схватилась за живот. Положил свою ладонь поверх ее руки, как будто мог защитить ребенка.

— Именно за этим! — процедил Ларан. — Кроме боевой, я владею и целительской магией!

— О да! Помню, ты великолепно лечил меня от воспаления легких! — выплюнул Конор.

— Согласись, тонкая работа! — хмыкнул закадычный враг. — Жаль, эти времена остались в прошлом... Я не причину вреда ни ей, ни ребенку — ты помнишь? Сейчас у нас, возможно, секунды, а Вертрানে все хуже.

Конор переглянулся с Вертой, она кивнула. Зажмурилась, когда на ее живот опустилась тяжелая большая рука. Но сразу стало легче, а тело окутало приятное тепло. Пальцы, судорожно вцепившиеся в рукав пальто лорда Ространа, расслабились. Она блаженно улыбнулась.

— Так, соберись! — прикрикнул на нее мастер Широ. — Ты все еще не в безопасности!

— А где мы, кстати?

— Каждый артефакт-страж — это капсула иной реальности, — принялся объяснять Конор, а Вертрана подумала, что из него действительно вышел бы неплохой королевский артефактор, пусть он и не признавался себе, но знал и любил магические предметы. — Это ненастоящий мир, строго говоря. За пределами стен ничего не существует. Если мы вырвемся наружу, то покинем капсулу и снова очутимся в кабинете Амафреи.

— Но только нам не дадут выйти. Лишат магии и жизни. Алтарь получит жертву, — угрюмо дополнил Ларан.

— Ты знал! — вспомнила Вертрана. — Все знал про Небесный Алтарь! Даже Конор не в курсе, а уж кто, как не он, больше всех знает об артефактах.

Конор приосанился. Ларан тут же поспешил сбить с него спесь:

— О да. Бесплезные знания. Бесплезный бывший маг.

Они сцепились и, вероятно, подрались бы, если бы не Вертрана, которая кинулась их разнимать.

— Давайте не будем облегчать стражам их задачу!

Довод подействовал, бывшие друзья разошлись, тяжело дыша.

— Я выяснил правду о Небесном Алтаре недавно, — холодно сообщил Ларан. — Сведения пришлось собирать по крупицам, нигде нет полной информации. Эмбер пожаловалась, что с некоторых пор ей досаждают неприятное ощущение, будто за ней следят. Она поймала обрывок видения — худая и высокая женщина над черным каменным шаром. Легко догадаться, кто это. Я беспокоился за Эмбер, поэтому решил докопаться до истины.

— Тварь! — выдохнул Конор. — Выберусь — задушу!

Похоже, на этот раз недруги остались одинодушны.

— Почему на нас до сих пор не напали? — удивилась Вертрана, едва установилось хрупкое перемирие.

— Потому что до сих пор я закрывал нас пологом тишины... — сообщил Ларан. — Но долго удерживать его не смогу. К тому же я расходую магию, которая пригодится в бою. Открываю?

Вертрана побледнела и кивнула. Конор нашел ее руку:

— Держись позади! Не высывайся!

— Угу... — прошептала Верта, зная, что не послушается.

Она магисса с семеркой по шкале Фергюсона. С восьмеркой в перспективе! Она не станет прятаться ни за чьими спинами!

Воздух вздрогнул, на миг покрылся рябью, раздался тихий щелчок, будто лопнул огромный мыльный пузырь. Шорохи, вздохи и скрежет сразу сделались слышнее и ближе.

— К бою! — односложно бросил мастер Широ, приняв боевую стойку.

Он первым почувствовал приближение существ. Вертрана успела подумать, что происходящее напоминает испытание боевой магии, как тогда, в павильоне. С той лишь разницей, что сейчас их намереваются убить, и никто не остановит сражение.

Из арки, той, что справа, вперевалочку вышел снеговик. Его круглое тело, состоящее из снежных шаров, выглядело мягким, черные глаза-пуговицы смотрели приветливо... А потом в каждом шаре открылся провал рта, утыканный иглами-льдинками. Туловище разделилось, и шары, набирая скорость, покатались навстречу жертвам.

— Аттарио! — крикнула Верта — первое, что пришло на ум. А что, в прошлый раз отлично сработало...

— Неуд, Вертрана! — рявкнул Ларан, уворачиваясь от снежного кома, набравшего скорость, и забрасывая Верту себе за спину, прямо в руки Конора. — Чему я тебя учил! Заклятие сна... — Магический удар, от которого один из шаров разлетелся снежными брызгами, — действует, — еще один удар, — лишь на живых существ!

Третьим ударом промазал, но Конор, чьей магии хватило только на то, чтобы сотворить себе увесистую дубину, ринулся врукопашную и одним хлопком расплющил третий злобный комок.

Они не успели отдышаться, как из среднего прохода выдвинулись три ледяных истукана. Каждый из них был в полтора человеческого роста, на лицах, черты которых казались вытесанными топором, потусторонним светом горели фиолетовые глаза.

— Верта, заклятие Фейр, — коротко подсказал мастер Широ.

— И стой за мной! — велел Конор, поднимая дубину.

Фейр — горячий вихрь, сотворенный двумя магами одновременно, — сработал отменно. Фигуры, вырезанные изо льда, оплыли, слепо завертелись на месте. Конор с ходу размозжил голову одному, другому, третьего свалил Ларан.

— Хм! — сказал Конор. — А дела-то у нас идут неплохо!

— Попридержи язык! — рыкнул мастер Широ.

Вертрана молчала, чтобы не вносить сумятицы, но она отлично видела, как за полупрозрачной преградой носится гигантская темная тень, скребет лапами и шумно дышит. Впрочем, Верта не сомневалась, что мужчины тоже ее видят, однако ничего не говорят, чтобы не напугать ее.

Конор и Ларан, сами того не понимая, встали плечом к плечу, закрывая собой Вертрану, лицом к третьей арке.

— Сколько у тебя? — отрывисто спросил Корн.

— Семь. На три-четыре сильных заклятия. Ты не суйся. Ты сейчас не маг, а недоразумение.

— Да пошел ты! — Конор крепче перехватил импровизированное оружие.

Верта ожидала появления существ, сотворенных изо льда и снега, как предыдущие твари. Мысленно проговаривала заклятия, которые могут пригодиться. Но вместо созданий, имеющих тела, которые можно разрушить, из прохода вылетели клубы морозного пара. От заклятия Фейр они расплзлись, но потом снова собрались и неторопливо направились к цели.

Ларан грязно выругался и вышел вперед. Он принялся нанизывать заклятия одно на другое, его пальцы двигались в бешеном темпе. Вертрана смотрела со смесью восхищения и ужаса. Ларан действительно был силен. Настоящий боевой маг. Каким чудом они смогли его одолеть?

Как ни был быстр мастер Широ, клубы добрались до него. Верта видела, как белый пар, кажущийся совершенно безвредным, разъедает одежду, словно кислота. Ларан сдернул с головы чехол, его и без того изуродованное лицо сочилось кровью.

— Вриехам! Драймон! Криатр!

Пар судорожно сжался, конвульсивно дернулся, как живой, и осел на ледяной пол черным пеплом.

— Это... все? — робко спросила Вертрана.

— Не знаю, — качнул головой Конор.

Тишина длилась долгие несколько секунд. А потом из первого коридора с мягким шорохом выкатился снеговик...

— Проклятие! — рявкнул лорд Ростран. — Ларан! Уведи Верту, я задержу!

Он поднял дубину.

— Ты? Задержишь? Не смейся! — хмыкнул мастер Широ.

Он набрал в ладонь горсть снега, отер им кровоточащее лицо, отвел со лба волосы и встал в стойку.

— Уходите! — приказал он. — Вертрана, у тебя хватит сил, чтобы разрушить стену.

Верта его почти не слышала. Как замороженная, она смотрела на огромную тень, что металась вдоль одной из стен. Неведомое существо скакало, поднималось на задние лапы, припадало на передние, мусолило языком ледяную преграду.

— Конор? — слабо позвала Вертрана.

Тот нацеливался на очередной зубастый шар, но наклонил голову: «Слушаю».

— А на чьей стороне артефакты-стражи?

— Обычно заговорены на объект! — крикнул он, размахивая дубиной.

Снежный ком увернулся, снова кинулся в атаку и... рассыпался крошкой под заклятием Ларана.

— Но в редких случаях — на стороне того, что использовал артефакт.

— Использовал?

— Разбил!

У Вертраны расширились глаза. Она кинулась к стене, прямо к темной тени.

— Немедленно вернись! — взревели мужчины на два голоса.

— Я сейчас... сейчас... — бормотала Верта, не оборачиваясь.

Положила обе ладони на лед, толкнула магией: поползла, разрастаясь, трещина. По ту сторону раздался громогласный щенячий визг. В дыру просунулся сначала огромный розовый язык, потом исчез, и вместо него блеснул карий глаз, уставился на Вертрану.

— Ну, привет, — пробормотала она, надеясь, что не обманулась. — Заходи!

Артефакт-страж, разбуженный к жизни Вертраной, радостно взвизгнул и начал расширять носом отверстие. И вот уже перед перепуганной Вертой встал гигантский лохматый пес. Встряхнулся, лег на пузо. Забил хвостом.

— Взять, — тихо произнесла Верта, указывая на ледяные изваяния, которые появились, как только Ларан расправился с последним снежным шаром.

Пес зарычал и бросился на неприятеля.

— Бежим! — крикнула Вертрана.

И тут же была подхвачена на руки Конором. На этот раз ее послушались, не стали задерживаться. Осталось только пройти через пролом в стене.

Мир задрожал. Огромные куски льда обрушились сверху. Они развеивались в пыль, не достигая пола. Где-то в пылу сражения рычал и выл пес. Что-то кричал Конор — Верта не слышала.

Сгустилась темнота. А потом рассеялась.

Они оказались в кабинете госпожи Амафреи, на полу, усеянном осколками. Директриса стояла, вцепившись в воротник платья. Ошеломление и ужас ясно читались на ее вытянутом лице, но мало-помалу они уступили место обычному презрительному выражению.

— Рано радуетесь, — прошипела Сухарь.

*** 71 ***

С проворством, удивительным для немолодой женщины, она кинулась к полкам. Дотянется еще до одного стража — и конец всему: ни у Вертраны с Конором, ни у мастера Широ не хватит сил и удачи, чтобы выбраться из ловушки во второй раз.

Конор бросился наперерез госпоже Амафрее, а та дралась яростно, утратив всякое достоинство. Визжала и царапалась, острые когти прочертили алые борозды на руках и лице лорда Ространа, но он, загоротивший полки с артефактами, не сдвинулся ни на шаг.

— Октоксорра! — выкрикнул Ларан заклинание стазиса.

Сухарь успела обернуться, да так и замерла с поднятыми руками, согнувшись под нелепым углом. Она оставалась в сознании, могла говорить, но тело перестало ей подчиняться. Госпожа Амафрея бешено вращала глазами, отыскивая взглядом Вертрану.

— Ты! — прохрипела она. — Освободи!

Прилежание. Послушание. Смирение. Едва юные воспитанницы переступали порог Института, им изо дня в день вдалбливали в голову эти слова. После приказа директрисы Вертрана непроизвольно дернулась навстречу, но мастер Широ поднял руку, преграждая путь. Верта очнулась, заморгала.

— Никогда! — тихо, но твердо произнесла она.

Госпожа Амафрея, сипло дыша, скосила глаза на лорда Ространа.

— Вы не понимаете! Если Небесный Алтарь погибнет — разрушатся клятвы, удерживающие магисс! Грянет бунт! Прольется море крови! Институт падет... Мир никогда не будет прежним!

— Иногда миру это только на пользу, — усмехнулся Конор.

Сухарь скрипнула зубами.

— А вы, Мастер Широ! Вы, в конце концов, работаете на Институт! Как смели допустить...

— С тех пор как вы хотели принести в жертву мою дочь, я больше не работаю на Институт!

— Дочь? Она не ваша дочь!

Директриса скользнула взглядом по лорду Конору, и ее лицо озарило понимание.

— Она ваша дочь! Как связаны вы двое? Что происходит?..

Конор и Ларан переглянулись и одновременно качнули головами: ни один из них не собирался произносить имя Эмбер в этом отвратительном месте.

Мастер Широ неторопливо отправился к столу, разглядывая обсидиановый шар.

— Так значит, если Небесный Алтарь погибнет... — медленно начал он.

— Нет, не смейте! — взвизгнула госпожа Амафрея, но тут же натужно расхохоталась. — Вы не сможете его разрушить! Силенок маловато!

— У меня? — искренне изумился Ларан.

Положил ладонь на гладкую поверхность, но тут же с шипением отдернул руку: кожа почернела и потрескалась.

«Ничего не поделать, — обреченно подумала Вертрана. — Надо уходить. Нам не одолеть это зло. Может, когда-нибудь...»

А потом вспомнила о розочках и обо всех тех девочках, чье время придет позже. Даже малышки «чайнки», которые пока не осознают всего уготованного им ужаса, и те уже намертво связаны клятвой. Это никогда не закончится. Институт продолжит исправно поставлять новых рабынь для элиты знатных господ. И никому не под силу разорвать этот замкнутый круг...

Верта упустила момент, когда заклятие стазиса слетело с госпожи Амафреи — обычно оно держится дольше, но сейчас директрису защищали стены кабинета. Она кинулась к артефактам-стражам, а Конор в мгновение ока бросился к столу, обеими руками поднял Небесный Алтарь. Сухарь застыла, точно и она оказалась в тисках. Дергалась, но вырваться не могла.

— Швыряй на пол! Разбей его! — завопила Вертрана.

Чутье подсказывало ей, что госпожа Амафрея и Небесный Алтарь нерушимо связаны.

— Не-е-ет! — хрипела директриса.

— Я не могу его бросить... — ответил бледный, удивительно спокойный Конор.

Он прилагал массу усилий, чтобы не корчиться от боли. Кожа на его руках чернела и облезала лоскутами.

— Он тебя выпьет! — воспрянула Сухарь. — Сколько там в тебе сил, маг-пустышка. Заодно и подпитается!

Ларан молчал все это время и не двигался с места, но после слов госпожи Амафреи подошел к Конору и сказал буднично:

— Отдай.

— Нет...

— О, как мы любим играть в благородство!

— Я не играю!

— Я вижу... — тихо признал Ларан. — Вижу... Он тебя выпьет. Ты оставишь детей без отца. А твоя жертва пойдет только на пользу алтарю. Давай сюда.

И, не дожидаясь ответа, выдернул из рук Конора Небесный Алтарь. Втянул воздух сквозь сжатые зубы.

— Ну посмотрим, кто кого... — прошипел он.

Кисти его рук почернели за секунды, но и гладкая поверхность шара посерела, точно выцвела, по нему поползли трещины. Госпожа Амафрея хрипела. По ее лицу ползли глубокие морщины, превращая ее в древнюю старуху.

— Не-е-ет! — выла она на одной тоскливой, жуткой ноте. — Не-е-е-ет!

Ларан тоже не выдержал, застонал. И этот один-единственный, но такой мучительный стон напугал Вертрану сильнее, чем все вопли директрисы. Руки мага почернели почти до локтя. Верта, не осознавая, что делает, кинулась вперед, но по дороге ее перехватил Конор, крепко прижал к себе.

— Стой на месте! — рявкнул мастер Широ. — Я... В конце концов, даже смешно, чтобы эта дрянь меня одолела...

Он упал на колено, теряя сознание. Но еще держался. Держался из последних сил. И тут в одно мгновение все закончилось. Так быстро и тихо, что Верте понадобилась еще секунда, чтобы осознать увиденное: шар рассыпался горсткой пепла, просочился сквозь пальцы. И сразу стало тихо-тихо, так что заложило уши: вопль госпожи Амафреи оборвался на самой высокой ноте. Там, где только что стояла директриса, валялось платье, засыпанное прахом.

Мастер Широ откинулся навзничь, развел в стороны искалеченные руки. Верта, всхлипывая, присела на колени, стараясь не коснуться и не потревожить ран. Конор заторможенно опустился рядом.

— Ларан...

Тот ухмыльнулся.

— Все-таки... я... сильнее... — задыхаясь, проговорил он.

— Тихо, тихо, тихо, не тратьте силы, — зачастила Вертрана. — Я сейчас приведу профессора Алеба. Я мигом! Я...

— Уймись, Верта... Ни к чему. — Ларану наконец удалось выровнять дыхание, но магическое зрение Вертраны подсказывало ей, что он угасает. — Не думайте, что я сделал это ради вас. Я сделал это

ради Эмбер. Она должна жить в другом мире. Она так мечтала стать магиссой, что я не решился подрезать ей крылья, открыть правду... Но теперь...

Он не смог вздохнуть, и тогда Конор помог сесть, подперев плечом.

— Да... Так лучше... — Он скосил глаза на лорда Ространа. — Натворили мы с тобой дел... Ты был достойным врагом...

Конор грустно хмыкнул.

— А ты был отличным другом... Помнишь, на первом курсе? Как мы познакомились? Заклинание левитации дало сбой, я сорвался с крыши. А ты подхватил.

При этом воспоминании по губам Ларана скользнула тень улыбки.

— Уже тогда был слабаком...

Оба усмехнулись. И Вертрана вдруг увидела двух мальчишек. Вечных соперников и забияк. Двух друзей, какими они были когда-то.

— Скажите Эмбер...

Он недоговорил. Судорога исказила лицо. Ларан выдохнул последнее слово:

— Легко...

*** 72 ***

Вертрана всхлипнула и еще долго, не отрываясь, смотрела на лицо Ларана, которое теперь выглядело спокойным и умиротворенным.

— Он даже не успел сказать, что мы должны передать Эмбер...

— Думаю, он только собирался сказать, что любит ее. Я бы попросил о том же.

Вертрана разревелась. Больше всего ей хотелось остаться в объятиях Конора и выплакать все потрясения сегодняшнего дня. Но тревоги не закончились: они в кабинете госпожи Амафрей, директриса обратилась в горстку праха, Ларан мертв, а весь Институт скоро будет стоять на ушах. Воспитанницы получили свободу. Вертрана ощущала ее как внезапную пустоту и невесомость в душе, там, где прежде будто лежал тяжелый камень. Клятвы разрушились.

Вот только девушки могут воспринять эту новость по-разному. Они привыкли жить под гнетом страха и правил, а теперь, когда дамоклов меч над головой исчез, кто-то обрадуется, кто-то запаникует, а кто-то устроит бунт, да такой, что не оставит от Института камня на камне, — ведь больше незачем держать свои силы в узде.

За дверью уже слышались возбужденные голоса, топот ног: воспитанницы, почувствовав неладное, торопились спуститься в холл. Ведь должен появиться кто-то старший и умный и все объяснить!

— Идем, — тихо сказала Верта.

Придется им с Конором стать этими старшими и умными.

— Да, надо идти.

Он неуклюже попытался встать, стараясь не опираться на руки, и Вертрана вскрикнула, увидев, во что превратились его ладони: места живого нет!

— Ничего, ерунда, — отмахнулся он. — Это подождет...

— Надо перевязать! Подлечу позже, резерв почти весь потратила...

Вертрана огляделась, выискивая что-то, что можно использовать как перевязочный материал, уперлась взглядом в рубашку Конора, от которой и так уже был оторван лоскут.

— Ага!

Отхватила кусок ткани, только пуговицы полетели. Конор с растерянностью покосился на собственную грудь, выглядывающую в прореху.

— Не припомню, когда в последний раз появлялся в обществе в таком непотребном виде, — поморщился он.

Аристократ внутри него снова поднял голову. А там и до снобизма рукой подать. Вертрана внезапно разлилась, оторвала еще лоскут и сердито принялась перебинтовывать раны. Он молчал-молчал, глядя на нее сверху вниз, на склоненную макушку, на проворные пальцы, и вдруг подул ей на волосы, а когда Вертрана запрокинула лицо, коснулся поцелуями век, лба, щек и губ.

— Сейчас не время и не место, но... Я недавно понял, что если слишком долго ждать подходящего времени, чтобы рассказать о своих чувствах, можно навсегда потерять того, кто дорог...

Верта замерла, лорд Конор осторожно взял рукой, замотанной в обрывки ткани, ее ладонь.

— Когда я привел в дом юную дерзкую девочку, которая воспринимала в штыки каждое слово и на все имела собственное мнение... — продолжил он внезапно осипшим голосом. — я и подумать не мог, что на самом деле не магиссу приобрел...

— Ценное приобретение, не правда ли?

Верта дернулась, вырываясь, но поняла, что делает Конору больно, и топнула ногой:

— Ты невозможный!

— Да услышь меня, маленькая гордычка! Я не магиссу приобрел, я привел в дом свою судьбу! Ты не знаешь, во что я превратился за эти годы... Одиночество и смерть, что постоянно ходила рядом... Слуги шарахались в стороны при виде меня...

— О, поверь, не только слуги!

Вертрана вспомнила день, когда Богомолиха в первый раз представляла гостей. Вспомнила лорда с холодными, отчужденными глазами, острый блеск его улыбки, его высокомерие...

Подняла глаза на человека, который стоял рядом с ней. Неужели это один и тот же мужчина? Тот пугающий незнакомец и ее Корн?

Лорд Конор, словно в ответ на незаданный вопрос, тепло улыбнулся.

— Ты мне вернула себя самого, Вертрана. Никто другой бы не смог. О, как я злился сначала! Казалось, еще одно слово, еще один вызывающий взгляд — и взорвусь. А на самом деле это трещала по швам броня, сковавшее сердце. Потом я понял, что не просто существую, как прежде. Что рядом с тобой я живу. Ты вернула мне мою жизнь. Вернула мне мою дочь. Вернула мне способность любить.

Вертрана слушала, не поднимая головы.

— Я совершил ужасную ошибку... Я воспринял свалившееся на меня счастье как должное. Я думал, что так будет всегда... А когда едва не потерял тебя, Вертрана... Вертрана!

Он обнял ее очень нежно, так и застыл, будто боялся: раскроет объятия — а там никого, испарилась, пропала!

— Больше никогда так меня не пугай!

Верта не ответила, но и вырываться уже не пыталась.

— И все становится в нашей жизни еще более запутанным... — вздохнула она. — Что нас ждет дальше? Что ждет всех магисс? Нашего сына...

— Все будет хорошо, — уверенно сказал Конор. — Главное, мы вместе. И подожди секунду... Я зачем весь этот разговор затеял! Слушай, вот. Вертрана, я люблю тебя! И прошу провести со мной остаток жизни!

Лорд Ростран, покрытый ссадинами, порезами и кровоподтеками, попробовал опуститься, вернее, рухнуть, на колено, но Верта воспротивилась:

— Нет, стой! Я тебя потом не подниму! И остаток жизни окажется очень коротким! Я согласна...

Они потянулись друг к другу, но тут дверь, перекосившаяся от удара, — Ларан выбил ее вместе с замком, — приотворилась.

Порог перешагнула Эйлин. Прекрасная Эйлин. В белой короткой шубке, с идеальной прической, с капельками-бриллиантами на мочках ушей. Она скользнула взглядом по распластанному на полу телу Ларана, по скомканной черной тряпке, когда-то бывшей платьем госпожи Амафрей, по черной горке пепла, в которую обратился Небесный Алтарь. Ее красиво очерченные губы удивленно приоткрылись, но почти сразу она снова овладела собой.

«Элли! Как же я скучала!» — хотелось крикнуть Вертрание.

Броситься подруге на шею, расцеловать в обе щеки. Но эта Эйлин была какая-то другая, более серьезная и взрослая. Будто бы чужая...

«Какая чушь! — отчитала себя Верта. — Это же Элли! Элли всегда Элли!»

Следом зашел светловолосый мужчина. Надменное лицо, брезгливо поджатые губы. Посетитель был молод, но Верта немедленно узнала его. Тем более что она уже видела его молодым.

— Лорд Героним, — сдержанно поприветствовал его Конор.

Тот слегка наклонил голову в ответ.

— Что за побоище? Кто убил этих несчастных?

Вертрание пыталась поймать взгляд Эйлин, но ей это не удалось. Элли расстегнула шубку и скинула ее на руки господина Гернауса. Тот без слова принял ее, сунул под мышку. Вертрание распахнула глаза: Эйлин вела себя как хозяйка, на затравленную рабыню она вовсе не походила.

— Гер, принеси мне воды, — обратилась она к своему провожатому.

— Воды?..

Тот, видно, собирался возразить, но Элли выразительно изогнула бровь, и лорд Героним пошел на попятную.

— Да, конечно, воды!

Едва королевский законотворец вышел в коридор, Элли моргнула, губы тронула улыбка. Хотя выглядела она по-прежнему обеспокоенной, Верта мгновенно узнала Эйлин, с которой долгие годы делила все радости и горести.

— О, Элли... — выдохнула она с облегчением. — Я испугалась...

— Это я испугалась! — воскликнула та. — Зов чуть с ума не свел! Хотя Гер освободил меня от него, но я все равно чувствовала. Я верила, что мастер Ройм позаботится о Мей, лорд Конор о тебе, но остальные розочки... А потом, когда мы почти добрались до Института, я поняла, что зов исчез... И теперь...

Она обвела широким жестом кабинет.

— Говорите скорее, что произошло! Надо что-то решить, пока Гер не вернулся.

У Вертрание все в голове перемешалось, да и лорд Конор выглядел ошеломленным, хотя обычно самообладание его не подводило.

— Гер? — дрожащим голосом переспросила Верта. — Даже так...

Элли подбежала к подруге и порывисто ее обняла.

— Верта, пока Мей мечтала о любви, а ты о свободе, я всегда желала совсем другого!

— Богатства и власти? — предположила Верта, против воли отстраняясь от Элли.

— Нет же! Я никогда вслух не говорила, но я бы хотела изменить жизнь девочек к лучшему! Я не слишком-то надеялась на успех, но если бы судьба оказалась благосклонна и мне достался подходящий лорд...

Вертрание заметила, что Эйлин сказала: «мне достался», а не «я досталась подходящему лорду». Элли почувствовала ее замешательство и по-доброму рассмеялась.

— Да, я знала, на что иду. Ты помнишь, у меня всегда на первом месте был разум, а не чувства.

Вертра кивнула: да, действительно, Элли всегда была рациональна и выдержанна.

— То, что для Мей казалось участью хуже смерти, для меня стало шансом воплотить в жизнь свои мечты. Лорд Героним хотел вернуть молодость, я понимала, что у меня достаточно сил возвратить ему растраченные годы. Он ничего так не боится, как снова стать стариком. А я... даю ему понять, что сердить меня не стоит! И, знаете, он из тех мужчин, которые любят властных женщин.

— О, Элли... — лишь и смогла проговорить Вертрание. — А вы с ним?..

Эйлин приподняла уголки губ в мимолетной улыбке.

— Один раз, чтобы закрепить заклятие. Если уж лишаться невинности, так хотя бы с пользой для дела. Я сама решила, когда и как... Знаете, он не безнадежен! Может быть, однажды я сделаю из него настоящего мужчину. А теперь поскорее рассказывайте, что здесь произошло.

— Эйлин, я потрясен, — лорд Конор заговорил впервые с момента встречи. — Я всегда знал, что ты необыкновенная девушка, но не предполагал, что настолько...

Кратко, избегая эмоций, он пересказал события прошедшего часа. Элли кивала, старалась не перебивать, только вскрикнула радостно, когда выяснилось, что магиссы свободны от клятв.

В дверь бочком втиснулся лорд Героним, одной рукой он обнимал шубку, в другой держал стакан воды. Элли подобралась, посмотрела холодно, приняла подношение так, будто оказала великую милость. Отпила глоток.

— Дорогая... Хм... Мисти Эйлин, воспитанницы волнуются. Ждут разъяснений. Ты сможешь их успокоить?

— Я? Да, конечно! Сейчас сообщу им, что они свободны и могут идти куда глаза глядят!

— О, Эйлин! Это... чревато... Это пошатнет устои...

— Боюсь, слишком поздно: устои не то чтобы пошатнулись, они разрушены.

— Эйлин! — взмолился лорд Героним.

Конор и Вертрана переглянулись: что за сложную игру ведет Элли?

— Но, вероятно, вред удастся свести к минимуму и не допустить бунта, если как можно скорее разработать законы... Перевести Институт в разряд открытых учебных заведений, сделать его доступным для всех девочек. По окончании выдавать диплом. Разрешить работать на себя. Пусть каждая мисти, отданная лордам, сама решит, остаться или уйти. Лорды получают право жениться на...

— Эйлин! — взвыл лорд Героним. — Это революция!

— Бескровная, заметь, — сухо сообщила Элли. — А может стать кровавой. Ты подпишешь указ!

Лорд Героним несколько раз быстро моргнул и опустил плечи.

— Это десяток лет...

Эйлин благосклонно улыбнулась и погладила его по щеке.

— Которые немедленно вернуться к тебе, мой дорогой лорд! И у меня еще одно условие...

Все воспитанницы Института от мала до велика собрались в холле первого этажа. Малышки жались у стены, некоторые плакали. Девочки постарше громко обсуждали необычные ощущения, что появились в груди меньше часа назад. Кто-то нервно смеялся, кто-то пытался открыть дверь и выйти. Классные дамы покрикивали на подопечных, надеясь привести в чувство, но их никто не слушал.

Эйлин и Вертрана подошли к перилам площадки второго этажа. Давно ли они прятались здесь посреди ночи... Верта вспомнила бледное личико Андреа, ее обреченность... Жива ли она? Если жива, она сегодня получила свободу!

Лора, Дженни, Алана, Габи, Дейзи стояли внизу и, запрокинув головы, смотрели на подруг.

— Во-первых, я рада всех видеть! — хорошо поставленным голосом сообщила Эйлин. — Вы все меня помните и знаете! Во-вторых, с этого дня у Института новый директор — это я. В-третьих, теперь вас, девочки, ждет совсем другая жизнь!

— Справится ли она... — прошептала Вертрана. — Я так волнуюсь. Не станет ли это для нее непосильной ношей?

— Мы все поможем и будем рядом. Я, Тео, ты и Мей. Мы ее не бросим одну...

Лорд Героним хмурился. Его, конечно, не радовала новость, что мисти Эйлин останется в Институте. Она и раньше-то ему не принадлежала, а теперь придется едва ли не на коленях приползть, чтобы Элли его приняла.

«И тебе это только на пользу!» — мстительно подумала Вертрана.

Долгий день подходил к концу. Завтра Верта проснется в ином мире. В мире, где к магиссам не относятся как к вещам. Сначала не все лорды смиряются с таким положением дел, но пара-тройка заклятий откроет им глаза. А когда выйдет указ, подписанный королевским законотворцем, лишь самые отчаянные посмеют возразить.

Вертрана прислонилась к плечу Конора и сладко зевнула, он обнял ее за талию.

— Ты устала, родная. Завтра утром навестим Элли, но сейчас надо ехать. Эмбер очень скучала по тебе. Слышала бы ты, как она меня отчитала. И разгромила кабинет...

И вместо того, чтобы рассердиться, лорд Ростран счастливо улыбнулся:

— Сильная магисса вырастет! Отца родного заткнет за пояс.

— Она бы не стала такой сильной без Ларана.

— Да... Представляешь, я скучаю по нему! Ведь можно было бы... Хотя кого я обманываю, друзьями мы бы все равно не стали... Я отвезу его тело родным. Они должны знать правду о потерянном лорде Орише...

— Я хочу назвать в его честь нашего сына. Если бы не Ларан, мы все были бы мертвы...

— Ты правильно решила, — помолчав, согласился Конор. — Слышишь, Лар, теперь ты от нашей семьи никуда не денешься! Будешь икать каждый раз, когда мы станем произносить имя юного Ространа и вспоминать тебя. Отличную месть я придумал, а? Как считаешь?

Ларан Ориш, где бы он ни находился сейчас, ничего не ответил. Но Вертрane хотелось верить, что он их услышал...

Эпилог

Вертрана неторопливо шагала по улице. Она старательно обходила лужи: обещала Конору не промочить ног. Но залюбовалась на крошечные облачка, напомнившие ей клоки овечьей шерсти — такие же валялись у папы в мастерской, он делал из них подкладку для теплых сапожек, — и наступила носком туфельки в воду. Чулки мгновенно пропитались прохладной влагой, однако Верта не расстроилась. Во-первых, ей было приятно некоторое время идти и хлюпать мокрой туфелькой — совсем как в детстве! Ничего с ней не случится. Ни с ней, ни с Ларанчиком!

— Да? — вслух спросила она, приложив ладонь к круглому животу.

Малыш спал, убаюканный ее размеренной походкой. Это ненадолго, скоро снова начнет выделять кульбиты!

А во-вторых, Конор все равно ничего не узнает! Магисса она или кто. Вырвалась струйка пара, как из утюга, который Верта придумала для горничных, и обувь мгновенно высохла.

Ой нет, вечером все же придется ловить на себе обеспокоенные взгляды будущего папочки: краем глаза Вертрана заметила парнишку-лакея, переодетого в гражданское. Он короткими перебежками крался следом, нахлобучив шапку по самые брови. Горешпион.

«Ладно, дорогой лорд Ростран, видно, одной беседы тебе было мало!» — проворчала про себя Верта.

Не так давно у них с мужем состоялся серьезный разговор. Конор настаивал на том, чтобы Вертрану всюду сопровождал кто-то из слуг.

— Пойми, я волнуюсь за тебя! За вас!

Верта понимала. Но знала также, что, если дать Конору волю, он ее вообще из дома не выпустит. Пережитые несчастья наложили отпечаток. За себя он не боялся, но начинал сходить с ума, если дело касалось жены или дочери. Пришлось проявить характер.

— Так я все-таки рабыня?

На лице Конора напряглись желваки, но спорить с беременной женщиной он не стал.

— Ты не рабыня. Ты моя жена. Я ни в чем тебя не ограничиваю, просто пообещай, что будешь осторожна.

А сам, значит, соглядатаев высылает! Верта хотела рассердиться, но день был слишком хорош для того, чтобы тратить его на обиды. Она с ним поговорит, конечно, напомнит, что жена у него не

слабая девушка — любому неприятелю зарядит молнией в лоб! Эх, Корн! Мало того, он вдобавок притащил в дом двух магов-целителей. Платит им за то, что они живут на всем готовом да еще книги из библиотеки таскают!

— Корн! — пыталась урезонить его Вертрана. — Мне ничего не угрожает! Правда! И Лар родится только осенью. В конце концов, я и сама неплохая целительница.

— Да-да, — соглашался Конор, целовал жену в щеку, гладил животик, а лекари... оставались в доме.

Что поделать с этим нервным папочкой! И все-таки забота, которой он окружил Вертрану, была ей приятна.

Верта брела, жмурилась от теплого солнышка и вспоминала счастливые дни и ночи последних месяцев. Хотя не обошлось и без тревог.

Эмбер спокойно восприняла новость о том, что Вертрана станет женой отца. Девчушка действительно скучала по мисти, с которой успела подружиться. Маму она не знала, о Кларе почти не вспоминала: та и не занималась воспитанием девочки, поручив заботы о подрастающей Эми нянькам. Зато с Вертраной малышка сразу нашла общий язык. Только предупредила:

— Уж мамой я тебя называть не стану. Ты сама мелкая!

— Эмбер! — воскликнул Конор, но Верта толкнула его ногой под столом: «Молчи!»

Но как рассказать Эми о том, что она скоро станет старшей сестрой, они не знали. Вдруг девочка будет ревновать к брату? Закроется в себе? Вечерами, затаившись в спальне, обговаривали варианты:

— Давай подарим ей куклу. Скажем: вот тебе сынок, и у Вертраны тоже скоро появится сынок?

Вертрана с трудом удержалась от смеха. Конор выглядел растерянным и крайне забавным в этот момент. Мужчины!

— Эмбер? Куклу? Только если это кукла-артефакт!

— Кстати, об артефактах... — Лицо Конора сделалось совсем виноватым.

— Что?

— Ничего, ничего... Сейчас это не главное!

Пока они судили да рядили, как задобрить Эми, девочка сумела их удивить. Однажды вечером Вертрана зашла в детскую и увидела Эмбер со спицами в руках и клубком шерсти на коленях. Высунув язык от усердия, она набирала петли под чутким руководством Шейлы.

— О! Ты вяжешь? А что это? Шарфик для папы?

Эми явно собиралась вязать небольшую по размеру вещичку.

— Да нет же! — Эми отвлеклась и спустила петлю, потому и рассердилась. — Это кофточка для братика!

Вертрана так и села. Едва не мимо кресла.

— Что?..

— Внутри тебя. Братик, — с расстановкой, словно беседовала с неразумным младенцем, пояснила Эми. — Или ты не знаешь?

— Знаю... Его зовут Ларан...

Эмбер кинула вязание и побежала обниматься. Верта посадила ее на колени, благо живот пока позволял.

— Я скучаю по нему, — прошептала девчушка. — Спасибо тебе...

Однажды во время завтрака в столовую заглянул дворецкий и доложил, что лорда Ространа дожидается у крыльца какая-то женщина.

— Пусть зайдет!

— Она отказывается. Просит вас спуститься.

Конор поднялся, Верта следом.

— Ты куда не идешь, — сказал он довольно жестко.

Верта мысленно сделала себе пометку для нового серьезного разговора, но на этот раз послушалась. Вернулся лорд Ростран нескоро. К еде больше не притронулся, смотрел перед собой и комкал салфетку. Вертрана переглянулась с Эмбер.

— Кто это был?

— Клара...

— Клара? Здесь? Зачем она приходила? — взвилась Вертрана. — Надеюсь, ты ее прогнал?

— Нет. Клара рассказала, что прежде деньги на содержание выделял Ларан...

Не договорил, покосившись на Эми, но Верта и так все поняла: теперь Кларе стало не на что жить.

— Да! — ответил он на вопрос, который появился в глазах жены. — Я дал ей денег. И буду давать впредь. Это не оспаривается!

Конор встал, пресекая ссору, но Верта не собиралась ругаться. Странно, но в этот момент она любила мужа еще сильнее...

— Девушка, милая, садитесь, подвезу! — крикнул молодой бойкий голос над ухом Вертраны, выводя ее из задумчивости. — Для будущей матери — бесплатно. Устала, поди!

С Вертраной поравнялся возница, улыбочивый парнишка. Верта специально оделась просто, чтобы выглядеть как обычная горожанка. Одинокая аристократка притягивала бы ненужные взгляды.

— Нет, благодарю, мне совсем недалеко осталось идти, — отказалась она.

На самом деле недалеко — Институт за углом.

Сегодня они с Мей договорились увидеться с Эйлин. Маленький лорд Ройм вот-вот появится на свет, так что Тео сам привезет жену. Впрочем, он и так практически не покидает Института, с утра до ночи помогая Элли наладить учебный процесс. Зато получает неплохую зарплату. Достаточную, чтобы содержать большую семью.

Конор работал на добровольных началах. Разрабатывал проекты законов, спорил до хрипоты с лордом Геронимом. На первых порах они едва друг друга не убили, а потом ничего, сработались.

После того, как был уничтожен Небесный Алтарь, появилась масса проблем, которые надо было решать в срочном порядке: несколько убийств бывших хозяев, разные юридические тонкости. Вертрана все принимала слишком близко к сердцу, а потом слегла со спазмами. После этого в доме поселились лекари, а Конор, коварный человек, подговорил всех немедленно оставлять разговоры о делах, если в комнату входили Вертрана или Мей, которой волноваться тоже не следовало.

Эйлин сейчас приходилось нелегко. Она очень уставала, под глазами залегли тени, и все-таки юная начальница Института выглядела довольной, как человек, который делает трудное, но важное дело.

Мей и Вертрана старались почаще навещать Элли. Закрывшись в кабинете, подруги смеялись, болтали о пустяках, будто снова превращались в девочек-воспитанниц.

— Для Аланы я уже нашла работу, — делилась Эйлин. — Место неплохое, правда, в провинции. Им нужна магисса, чтобы защищать посевы от вредителей. А Лора меня беспокоит... Недавно я узнала, что она предлагала свои услуги лорду... Ужасно, что наложенную печать снять уже невозможно, мне кажется, это ее подкосило... Ничего, я с ней еще раз поговорю. Мир изменился, она должна это понять.

— Ты такая умница! — шептала кругленькая Мей.

— Ах вы мои пузырьки! — смеялась Эйлин. — Обещайте навещать меня даже тогда, когда мальчишки рождаются! Кстати, когда Эми собирается поступать в Институт?

— Не в следующем году точно. Она рвется, конечно, но еще слишком мала. Да и Конор не налюбуется на дочь. Не согласится отпустить так рано...

Иногда девушки очень осторожно говорили о том, что теперь можно отыскать свои прежние семьи.

— Если ты захочешь узнать, где сейчас твоя мама, Эмбер найдет ее в мгновение ока, — как-то напомнил Корн. — Все, что нужно, — капелька твоей крови.

Вертрана пока не решалась посмотреть в глаза матери, которая, если рассуждать здраво, выкупила ценой жизни дочери благополучие для себя и брата. Верта сама вызвалась, но она была ребенком... Впрочем, Тим тоже ни в чем не виноват.

— Когда-нибудь я обязательно с ней встречу, — ответила Вертрана мужу. — Но не сейчас...

Дни бежали за днями. Ясные и светлые дни. Только Конор иногда становился чересчур задумчив и смотрел на Верту так, словно хотел ей о чем-то рассказать, но не решался.

Утром, прежде чем выйти из дома, Вертрана прижала его в угол в прямом и переносном смысле слова, пообещав, что воспользуется своим правом свободы, если муж не перестанет темнить.

— Ладно! — сдался он. — Но знай, что без твоего согласия ничего не будет...

— Ты меня начинаешь пугать!

Конор бережно обнял жену.

— Давай-ка присядем, родная...

— Теперь уже по-настоящему боюсь! Говори немедленно!

— Отец уходит в отставку. Он написал впервые за много лет... Предлагает мне занять должность королевского артефактора. Здесь не столько важна сила магии, сколько знания, — быстро проговорил Конор. — Если я соглашусь... Если мы согласимся, это произойдет не раньше, чем Ларану исполнится год. Я... Да нет, глупость, конечно...

Он опустил голову. Вертрана взъерошила ему волосы на затылке.

— Хочешь честно? Ты создан для этой должности! Никто не любит и не знает артефакты так, как ты! Соглашайся!

Лицо Конора просветлело, он прижал к щеке ладонь Верты.

— Ты мой самый главный артефакт!

— Что, такая же древняя? — Верта посмотрела строго, пряча улыбку.

— Такое же сокровище!

...Вертрана вошла в открытые ворота Института, поднялась на крыльцо и только собралась постучать, как дверь распахнулась.

— Ага! Я знала, что это ты! — воскликнула Эйлин. — Почувствовала, что ты идешь!

За ее спиной посмеивалась рыжуля.

— Пирожные и чай нас уже давно ждут, девочки! — провозгласила новая директриса. — За мной! Только осторожно, малышки-чаинки сегодня носятся по лестнице, словно дикие белки!

Она пошла впереди, строго поглядывая на воспитанниц. Те при виде Эйлин переходили на шаг и приседали в поклоне. Но стоило подругам пройти, они снова принимались прыгать и задорно смеяться за их спиной.

— Все изменилось, — тихо, будто не веря себе, произнесла Вертрана. — Мир изменился...

— Мы его изменили, — улыбнулась Элли. — Мы. И не вздумайте говорить, что это не так.

Вертрана, Эйлин и Мей обнялись, соприкоснувшись головами.

— Подруги навсегда! — сказали они хором.

Конец